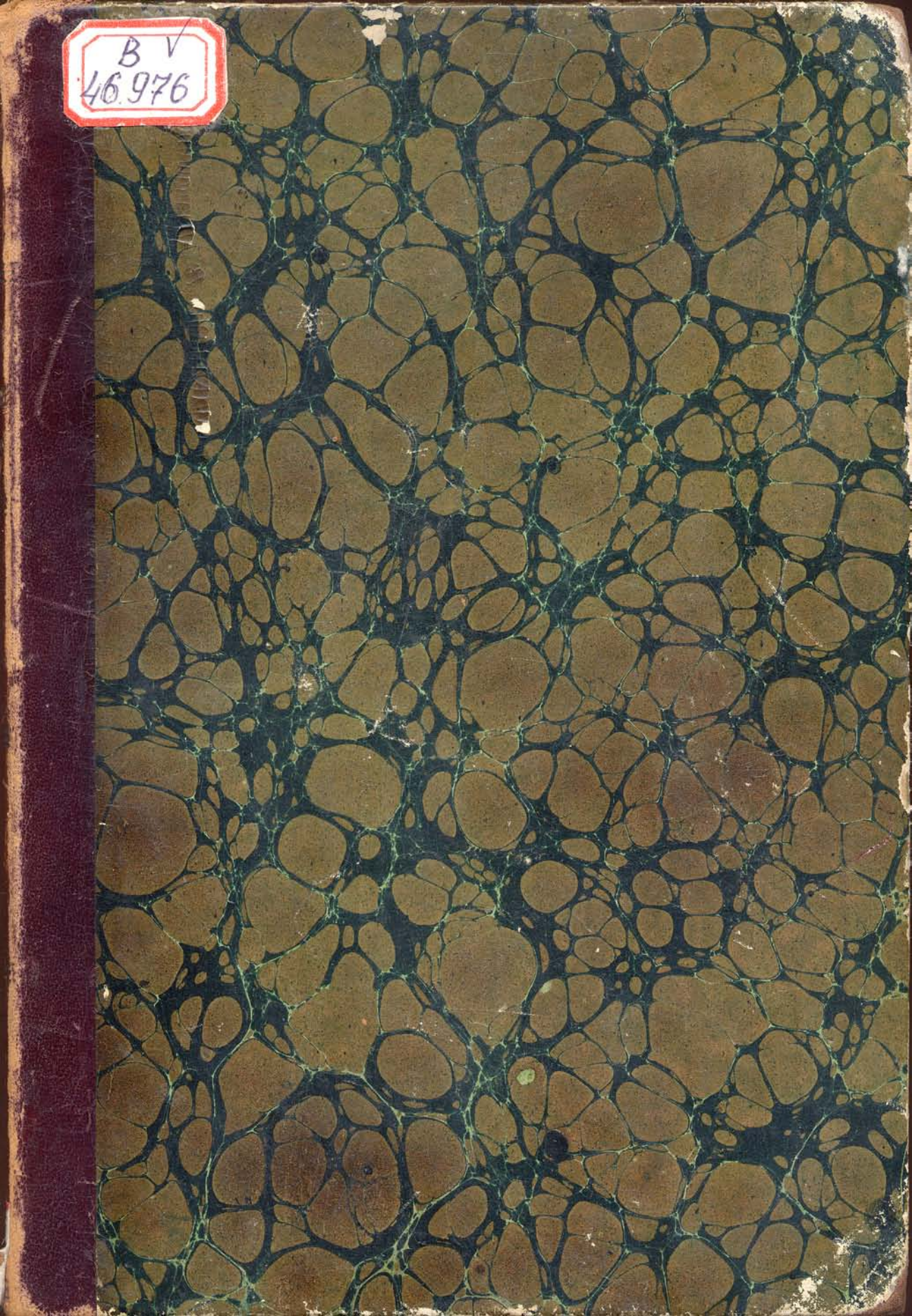

B V
46.976

3 $\frac{3}{5}$ 31.

~~9 35.495~~

СБОРНИКЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

СБОРНИКЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

КНИГА ТРЕТЬЯ

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

1908

В 46,976

35495

0

СБОРНИКЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ИЗДАНА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. В. Калагова.

3 — 3/5 3/1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1880.

35.496

46076

К. 1880

3343

СБОРНИКЪ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

БССР
Дзяржбібліятэка
імя В. І. Леніна
№ 18902

3343
3343

3 2/3 3

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (В. О., 8 л., д. № 45).

0221

Предлагаемая читателямъ третья и вслѣдъ за нею четвертая книга настоящаго изданія наполняются почти исключительно трудами почетныхъ членовъ и особенно слушателей Археологическаго Института, окончившихъ ко дню празднованія въ 1880 году торжественнаго годичнаго акта его учрежденія двухлѣтній курсъ проходившихся здѣсь наукъ по разнымъ частямъ археологiи. Одинъ перечень статей, помѣщенныхъ въ этихъ книгахъ, можетъ уже служить доказательствомъ, что не даромъ молодые люди, посвятившіе себя изученію древностей, рѣшились увеличить этимъ путемъ свои познанія по разнымъ предметамъ, входящимъ въ кругъ столь еще мало разработанной, но тѣмъ не менѣе въ высшей степени плодотворной науки. Но что всего болѣе цѣнится учредителемъ Института — это та установившаяся во имя археологiи тѣсная связь между этимъ учрежденіемъ и бывшими въ теченіе двухъ лѣтъ слушателями его курсовъ, которая въ послѣднее время послужила основаніемъ къ ходатайству передъ высшимъ правительствомъ объ оставленіи молодыхъ научныхъ дѣятелей и на будущее время неразрывно соединенными съ Институтомъ. Нынѣ, согласно 7 пункту дополненнаго въ январѣ сего года, съ Высочайшаго утвержденія, положенія объ Институтѣ, всѣ они — и *исключительно* они — суть *дѣйствительные члены* учрежденія, которое, безъ сомнѣнія, призвано къ жизни для глубоко-правственнаго дѣла — усилить любовь къ родной землѣ, изу-

II

чать минувшія дѣла предковъ и въ незаблемомъ сознаниі коренныхъ началъ, лежащихъ въ основѣ нашего государственнаго строя, служить твердымъ оплотомъ и его дальнѣйшаго развитія.

Эту задачу, эту силу настоящихъ и будущихъ дѣятелей Археологическаго Института — смѣемъ такъ выразиться, не опасаясь быть нескромными — уже признаютъ тѣ представители разныхъ отраслей правительственной дѣятельности, которымъ недостатокъ мѣста въ архивахъ и текуція занятія не позволяютъ хранить у себя и разрабатывать матеріалы имѣющіе лишь научное значеніе. Благодаря такому признанію и сочувствію къ задачѣ Института, ему представляется возможность не только устроить при своихъ библиотекъ и музеѣ ученый архивъ изъ тѣхъ документовъ, которые доставляютъ ему нѣкоторыя министерства, но и работать въ разныхъ правительственныхъ и общественныхъ архивахъ на пользу городского и земскаго дѣла.

Наконецъ и провинціальныя любители старины начинаютъ отзываться на призывъ Института общенія съ нимъ на пользу науки. Изъ нихъ одни доставляютъ уже въ наше изданіе свои статьи и въ наши коллекціи разные предметы древностей, примыкая такимъ образомъ къ составу Института въ качествѣ почетныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ; другіе же обращаются къ намъ съ просьбою пояснить имѣющіеся у нихъ рукописи, монеты и другіе остатки старины.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, редакціи «Сборника Археологическаго Института» предстоитъ лишь заботиться о возможной исправности этого изданія и о его расширеніи по мѣрѣ увеличенія все еще недостаточныхъ средствъ самаго учрежденія.

Н. Калачовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

	Стр.
I.—О находкахъ предметовъ каменнаго періода на лѣвомъ берегу р. Днѣпра въ 1879 году, <i>почетнаго члена Т. В. Кибальчича</i>	3—16
II.—О раскопкѣ кургановъ близъ с. Бологова, <i>почетнаго члена В. А. Прохорова</i>	17—19
III.—Раскопки слушателями Института кургановъ въ Гдовскомъ и Лугскомъ уѣздахъ С.-Петербургской губ. и въ Валдайскомъ уѣздѣ Новгородской губ., <i>слушателя И. Г. Данилова</i>	20—41
IV.—1. О работахъ слушателей Института въ архивахъ и осмотрѣ ими памятниковъ древностей въ 1879 г., <i>Н. В. Калачова</i>	42—53 ✓
2. Забѣтка о городкахъ Райкѣ и прочихъ, <i>члена-сотрудника А. И. Савельева</i>	53—54
§V.—Витебскій центральный архивъ, <i>почетнаго члена В. А. Лялина</i>	55—82 ✓
VI.—Дополнительныя данныя къ исторіи Уложения, <i>слушателя Д. М. Мейчика</i>	83—139
VII.—Темное мѣсто въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, <i>слушателя П. Е. Вадешюка</i>	140—144
VIII.—Очерки изъ школьнаго быта въ духовныхъ училищахъ Казанской губерніи въ первой половинѣ XIX столѣтія, <i>слушателя А. А. Благовещенскаго</i>	145—180

ОТДѢЛЕНІЕ II.

I.—Объяснительная записка къ картѣ Полоцкаго повѣта во 2-ой половинѣ XVI-го вѣка (первая половинна), <i>слушателя Н. Н. Оглоблина</i>	3—53
II.—Православныя церкви въ Западной Россіи въ XVI-мъ вѣкѣ, <i>В. В. Стасова</i>	54—64
III.—„Родословное древо“ по памятникамъ христіанской иконографіи, <i>слушателя А. Н. Виноградова</i>	65—72

IV

ОТДѢЛЕНІЕ III.

	Стр.
I.—Дополнительныя свѣдѣнія къ дѣлу Могилевскаго архіепископа Варлаама во время нашествія французовъ въ 1812 году, <i>слушателя А. В. Гаврилова</i>	3—10
II.—Баварскіе архивы (<i>окончаніе</i>). Записка доктора <i>фонъ-Лёгера</i> .	11—34
III.—Архивная выставка въ Марбургѣ, <i>перев. г. Ладыженскаго</i> .	35—41
IV.—Предпріятое изслѣдованіе по поводу „Хожденія чернеца Игнатія Смолянина въ Царьградъ и Іерусалимъ“, <i>слушателя С. В. Арсеньева</i>	42—44
V.—Вечернія чтенія и бесѣды въ Археологическомъ Институтѣ.	45—59
Приложенія: 1) Матеріалы для исторіи бывшей Московской Новомѣщанской слободы, <i>слушателя Д. М. Мейчика</i> ; 2) чтеніе <i>профессора О. Ѳ. Миллера</i> (о русскихъ былинахъ и Олонецкихъ сказителяхъ). 3) Ноты напѣвовъ сказителя <i>В. П. Щеголенка</i>	59—71

ВЪ ОСОБОМЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Опись предметамъ каменнаго и бронзоваго вѣка въ музеѣ Археологическаго Института. Составлена <i>слушательми Е. М. Тимаевымъ и П. С. Яковлевымъ</i>	1—17
--	------

Приложенные къ страницамъ 53 и 54-й 1-го отдѣленія и къ стр. 65—72-й 2-го отдѣленія снимки и рисунки исполнены почетнымъ членомъ Института В. А. Прохоровымъ; снимки церквей XVI вѣка (прилож. къ стр. 54—64-й 2-го отдѣленія) сдѣланы художникомъ Рудометовымъ, а напѣвы олонецкаго сказителя В. П. Щеголенка (3-е прилож. въ отдѣленіи 3-мъ) записаны и положены на ноты М. А. Балакиревымъ и Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, самыя-же ноты напечатаны гравюромъ Шмидтомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О находкахъ предметовъ каменнаго періода на лѣвомъ берегу р. Дибра въ 1879 году.

Пещерный Кіевъ, съ кладбищами, обнаружившими обрядъ сожженія, съ могилами, гдѣ человѣческой костякъ — въ сидячемъ положеніи, гдѣ сохранилось народное почитаніе языческихъ боговъ: Перуна, Ярила, Волоса и другихъ, представляетъ еще бѣльшій научный интересъ, если перейдемъ на противоположный берегъ Дибра, лѣвый, гдѣ на разстояніи 40—45 верстъ имѣемъ гряду могильныхъ кургановъ, нетронутыхъ рукою любопытнаго изслѣдователя, но тѣмъ не менѣе дававшихъ въ продолженіи долгаго времени богатый матеріалъ въ видѣ обдѣланнаго кремня разной величины для продажи на рынкахъ древнѣйшаго русскаго города, всегда бывшаго торговымъ, а въ позднѣйшую эпоху и административнымъ центромъ. Кремневые орудія, находимыя близъ Кіева, еще недавно употреблялись для добыванія огня и представляли кладъ для поселянъ лѣваго берега рѣки.

Два года назадъ, при обзорѣннн памятниковъ праваго берега р. Дибра, сдѣлавъ предположеніе о глубочайшей древности Кіевскихъ пещеръ, носящихъ слѣды обдѣлки орудія на подобіе кирки; при осмотрѣ древностей, найденныхъ близъ Андреевской церкви, въ усадьбѣ князя Трубецкаго, и языческаго кладбища, случайно открытаго между Прорѣзною и Фундуклеевскою улицами, въ усадьбѣ В. Тарновскаго и другихъ, — мы были заняты отысканіемъ данныхъ болѣе положительныхъ о народности, которая оставила такіе любопытные памятники быта, не чуждаго уже общественнаго устройства и эстетическихъ наклонностей. Счастливая случайность, усиленные наблюденія даютъ намъ возможность посылно обрисовать условія, при которыхъ жилъ здѣсь человѣкъ

въ каменный періодъ. Нѣсколько тысячъ могильныхъ насыпей, осмотрѣнныхъ нами близъ мѣстечка Воронькова, Переяславскаго уѣзда, близъ с.с. Вышенки, Гнѣдинъ, Бортничи, у Никольской и Воскресенской слободокъ и у с. Выгуровщины, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи, и слѣды древнѣйшихъ поселеній у м. Бровары, Остерскаго уѣзда, у с. Селища и с. Скопцы, Переяславскаго уѣзда, въ параллель осмотрѣнныхъ нами Кіевскихъ памятниковъ, даютъ полное основаніе сказать нѣсколько словъ о древнѣйшемъ заселеніи этой мѣстности народомъ первобытнаго характера и понятій, народомъ, который оставилъ намъ въ наслѣдіе обоготворенное міровоззрѣніе, поэтическую простоту взглядовъ и массу найденныхъ нами каменныхъ орудій, характеризующихъ его умственное развитіе.

Для точнаго опредѣленія нашихъ работъ, мы беремъ Кіевъ, какъ доисторическій городъ, съ пещерными памятниками, идущими вверхъ по Днѣпру до Вышгорода и внизъ до м. Триполья по правому берегу р. Днѣпра и отъ м. Воронькова, Переяславскаго уѣзда, до с. Троещины по лѣвому берегу; правый берегъ представляется возвышеннымъ, удобнымъ для жилья, лѣвый — низкимъ, но у с. Вышенокъ и Гнѣдина поднимающимся до Кіевскихъ высотъ. Днѣпръ въ глубокой древности становится въ берега, имѣющіе отъ 2-хъ до 4—5 верстъ, образуя прелестную бухту, защищенную отъ вліянія вѣтра съ 4-хъ сторонъ между селами Вышенки и Гнѣдина, имѣющими между собою только около одной версты; бухта представляетъ приблизительно равносторонній треугольникъ, имѣющій стороны по $1\frac{1}{2}$ — 2 версты; у с. Бортничи замѣчается широкій искусственный спускъ къ рѣкѣ, отъ С. къ Ю. Такая же отличная бухта и у с. Выгуровщины, вблизи впаденія р. Десны въ Днѣпръ, и при ней островъ, на которомъ поселяется человѣкъ уже въ позднѣйшую эпоху и оставляетъ по себѣ памятникъ въ видѣ городища, хорошо сохранившагося и до сихъ поръ.

Характерными памятниками первобытнаго человѣка въ этой мѣстности служатъ:

Во первыхъ, вся группа Кіевскихъ пещеръ, занимающая подземную стѣну улицъ и жилья и состоящая изъ пещеръ Кирилловскихъ, Варяжскихъ, святыхъ угольниковъ, Ивановой пещеры и другихъ, случайно открытыхъ и открываемыхъ. Онѣ представляютъ неправильные подземные ходы съ расширеніями, похожими на комнаты, имѣли лежанки — углубленія въ стѣ-

нахъ, иногда отверстія для выпуска дыма и еще во многихъ мѣстахъ не реставрированы. Кирилловскія пещеры болѣе другихъ замѣчательны по своей сохранности: онѣ, какъ и другія, находятся въ песчано-глинистомъ затвердѣломъ грунтѣ, имѣють до 2¹/₂ арш. вышины и до 1¹/₂ арш. ширины, постепенно спускаясь къ Кирилловской улицѣ (въ древности несомнѣнное логовище Дѣвпра); въ ямахъ, прилегающихъ къ пещерамъ, находили кости рыбъ и разныхъ домашнихъ животныхъ, перемѣшанные съ битой посудой грубой работы, черной глины, сдѣланной безъ гончарнаго станка (куски посуды содержали въ себѣ крупныя зерна кварца). При входѣ въ одну изъ пещеръ, при открытіи ея, близь уступовъ, спускающихся въ нее, были найдены правильно сложенные въ кучи камни булыжника, отчасти обожженные куски грубой битой посуды, смѣшанные съ прокаленною глиною, золою, углемъ и ракушками. Профессоръ Роговичъ, первый извѣстившій объ этомъ любопытномъ открытіи, говоритъ, что въ одной изъ пещеръ, имѣвшей до 25 саж. въ длину, по обѣимъ сторонамъ находились небольшія камеры, имѣвшія видъ конуръ; входъ въ нихъ круглый, чрезъ который можетъ пролезть только одинъ человѣкъ; въ нихъ найдены: обточенный въ видѣ конуса кусокъ краснаго песчаника, который, какъ думаютъ, употреблялся для раскалыванія и раздробленія костей животныхъ, при употребленіи ихъ въ пищу; шарикъ, сдѣланный изъ мелкаго бѣлаго извѣстковаго камня и конечный обломокъ каменнаго орудія, имѣвшаго видъ серпа. Пещера эта имѣла свой очагъ, такъ какъ въ верху въ ней еще существовало отверстіе для выпуска дыма, а на стѣнѣ остались слѣды копо́ти и тутъ же найдены полусожженные кости домашнихъ животныхъ, употребившихся въ пищу. Подлѣ пещеръ часто попадаются сложенные въ правильныя кучи рѣчныя ракушки, иногда съ кусками грубой битой посуды, украшенной прямолинейнымъ орнаментомъ. Вблизи, въ полураскопанной могилѣ, мною были открыты случайно: куски битой посуды грубой работы, рѣчныя ракушки, кости рыбъ, барана; здѣсь же въ нѣсколькихъ верхкахъ отъ дна горшка, на одной же плоскости, грубая глиняная статуэтка, изображающая женщину съ обнаженною грудью и кусокъ полубдѣланнаго кремня. Древность Варяжскихъ пещеръ засвидѣтельствована черноризцемъ Поликарпомъ въ житіи св. Феодора и Василія. Пещеры Институтской горы, на Глубочицѣ, однохарактерны

съ Кирилловскими; слѣды очаговъ видны также на Лысой горѣ и другихъ мѣстахъ нынѣшняго Кіева. Древнее кладбище, замѣченное между Прорѣзною и Фундуклеевскою улицами, уже носить ясные слѣды обрядности съ употребленіемъ конусообразныхъ урнъ (амфоръ); здѣсь сохранились печи, въ которыхъ сжигали покойника; онѣ имѣють до 2¹/₂ арш. въ длину и 1 арш. вышины, съ круглымъ сводомъ, посмертный прахъ покойника въ грубомъ горшкѣ, находящемся тутъ же; положеніе скелетовъ замѣчается отъ С. къ Ю., но изрѣдка и отъ В. къ З.

Племя, оставившее этотъ памятникъ, принадлежало къ короткоголовымъ, имѣвшимъ затылокъ и лобъ круглые, глаза на одной прямой линіи, зубы вертикальные, скулы маловыдающіяся, лицевой уголъ до 90°.

Въ могилахъ не было замѣчено слѣдовъ гроба, стекла, желѣза или орудій каменнаго вѣка, но часто попадались красныя, каменные бусы (шиферныя) и изрѣдка большіе черныя, круглые камни величиною съ кулакъ съ отверстіемъ посерединѣ, попадались также горшки, сдѣланные изъ красной глины съ помощью гончарнаго круга. На днѣ же нѣкоторыхъ могилъ ниже находившихся замѣчены были остатки очага, состоящаго изъ пережженной глины и камней, перемѣшанныхъ съ черноземомъ и костями осетра, судака, сома и другихъ рыбъ и млекопитающихъ животныхъ.

Вторымъ не менѣ цѣннымъ памятникомъ служить:

Цѣль могиленныхъ насыпей, идущихъ по лѣвому берегу р. Днѣпра (противъ пещерныхъ жилищъ первобытнаго человѣка). Для удобнаго обозрѣнія этого драгоценнаго въ научномъ отношеніи памятника, мы разобьемъ его на группы:

Названія группъ даемъ отъ селъ близъ-лежащихъ:

а) *Вороньковская группа*. Она состоитъ изъ множества песчаныхъ могилъ, раскинутыхъ на ЮЗ. и З. стороны отъ мѣстечка Воронькова, въ двухъ верстахъ отъ послѣдняго. Курганы имѣють отъ 20 до 100 — 250 шаговъ въ окружности и до 7 — 8 саж. вышины, представляютъ неправильные круги въ основаніи, большую частью удлиненной формы, и извѣстны подъ именемъ песчаныхъ горбовъ; поросли лозою, но еще недавно были подъ вѣковымъ лѣсомъ; между ними нѣсколько озеръ, отчасти заросшихъ ивремъ, изъ коихъ одно, носящее названіе „*Заклятаго*“

и имѣющее въ окружности до 60 шаговъ, по народнымъ вѣрованіямъ — безъ дна; жители близъ лежащаго села Жеребятина видятъ въ промежуткахъ насыпей нечистую силу, русалокъ и разныя привидѣнія. Могилы какъ бы прерываются у д. Сальки.

б) *Вышенская группа* надъ с. Вышенками, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ., на лѣвомъ возвышенномъ берегу р. Днѣпра, подымающаяся сажень на 50, по дорогѣ на м. Борисполь, въ концѣ села. Состоитъ изъ множества песчаныхъ могилъ, находящихся къ В. отъ нынѣшняго поселенія; могилы сохраннымъ своею замѣчаются отъ лѣса, находящагося на мысѣ Будищѣ и идутъ на С. къ Гнѣдинскимъ (*Озерьямъ*) цѣпью, имѣющею въ ширину отъ 1 и до 1¹/₂ версты. Великоною своею и внѣшнимъ видомъ эти могилы однохарактерны съ Вороньковскою группою (Вышенская группа находится въ 16 верстахъ отъ м. Борисполя и въ 20 отъ г. Кіева) и расположены по нѣскольку вмѣстѣ, имѣя между собою впадины, еще недавно вмѣщавшія озера, о которыхъ не забываютъ народныя повѣрья и до сихъ поръ. Мѣстное названіе могилъ — *Шоломы* (отъ слова шелемъ, шлемъ). Рѣчной, сыпучій песокъ, поддаваясь вліянію вѣтровъ, здѣсь непрерывно дующихъ со стороны рѣки, обнаруживаетъ основаніе могилъ, указываетъ на грунтъ земли, покрытый толстымъ слоемъ чернозема; наносный же песокъ образуетъ насыпь надъ могилами, на сколько возможно было судить чрезъ поверхностный осмотръ; человѣческіе костяки находятся положенными на обыкновенномъ уровнѣ материка безъ яснаго обряднаго положенія; здѣсь попадается масса угля, золы, рѣчныхъ ракушекъ, костей разныхъ животныхъ и человѣка, посуда въ кускахъ, съ самыми разнообразными прямолинейными орнаментами, грубой работы, сдѣланная безъ помощи гончарнаго круга; куски эти въ большинствѣ случаевъ заключаютъ въ себѣ крупныя зерна кварца. Здѣсь же попадаются большіе куски и множество мелкихъ кусковъ шифера. Наслоеніе могилъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ берега отъ $\frac{1}{4}$ арш. до 3—4 саж. Могилы заросли лозою.

Жители Вышенокъ, по разсказамъ очевидцевъ и самихъ находчиковъ, отыскиваютъ часто большіе кремневые наконечники копій (около 5—6 вершк. длины), большіе кремневые ножи такой же величины и множество шиферныхъ бусъ. Обращать вниманіе на археологическія наход-

ки начали только по неоднократномъ посѣщеніи моемъ этихъ мѣстностей. Близъ этихъ могилъ интересною мѣстностію является урочище „*Бауриново*“, на югъ отъ Вышенокъ: оно занимаетъ площадь около 50 десят.; между множествомъ раскинутыхъ здѣсь бугровъ изъ глины и чернозема находятъ битую посуду грубой работы, иногда украшенную прямолинейнымъ орнаментомъ.

Слѣды древнѣйшаго поселенія на лѣвомъ берегу р. Золочья (на планѣ межеваго вѣд. Узолочье, переходящее въ названія: Горбачиха, Узолочье, Уступъ, Выстрикъ) занимаютъ пространство около 10 дес.; здѣсь находятъ: множество битой посуды грубой работы и посуды изъ красной перезженной глины, сдѣланной на гончарномъ кругѣ; также множество необдѣланнаго камня — булыжника и кремней. Попадаются стекловидная жужелица, шиферныя и глинистыя бусы, изрѣдка украшенныя нарѣзными прямолинейными узорами. Пробная яма въ 3 арш. въ □ обнаружила на берегу населенія наносный грунтъ въ 2 арш. и 2¹/₂ верш.: наслоеніе состоитъ изъ золы, угля, битой посуды, костей рыбъ, домашнихъ животныхъ, шифера и разныхъ вещей случайно находимыхъ.

На урочищахъ „*Княжна*“ и „*Князьи штаны*“ дѣлаются находки изъ металлическихъ вещей. Не менѣе интересны по случайнымъ находкамъ каменныхъ орудій взвозы, идущіе на „*Шоломы*“ изъ Вышенокъ: *Провалье*, *Песчаный*, *Нызыкій* и *Царевъ-взвозъ*. Тутъ же урочище *Будище* на горѣ къ юз. отъ села Вышенокъ, состоящее изъ озеръ и лѣса, находящихся у подножія холма.

в) *Гньдинская группа*, сѣверная часть которой носитъ названіе „*Озеряне*“, служитъ продолженіемъ Вышенской; курганы ея такой же неправильной формы, имѣютъ отъ 2 до 12 арш. высоты и отъ 100—300 шаговъ въ окружности. „*Озеряне*“ при глубокомъ озерѣ, на мѣстѣ котораго, по преданію, стояло село и церковь, еще въ глубокой древности провалившіяся; мѣстность, прилегающая къ озеру, образуетъ весьма отлогій спускъ на 20—30 десят.; сыпучій песокъ съ одной стороны—южной—обнажаетъ грунтъ, на которомъ жилъ первобытный человѣкъ, оставившій по себѣ массу битой грубой посуды, сдѣланной безъ гончарнаго станка, украшенной главнымъ образомъ прямолинейнымъ орнаментомъ, угля, золы, мно-

жество кремневыхъ стрѣлъ отличной работы, кремневыхъ осколковъ, камней булыжника, шифера, костей человѣка съ положеніемъ отъ с. къ ю., костей животныхъ и рѣчныя ракушки. Здѣсь же находятъ: шиферныя бусы, также глиняныя, просверленныя бусы съ прямолинейными насѣчками, точильные камни, бронзовыя стрѣлы, бронзовыя шпильки, бронзовыя серьги, бронзовыя кольца и массу желѣзныхъ вещей, какъ видно случайно попавшихся.

18982
Берегъ Днѣпра (предположивъ его ширину въ 2—3¹/₂ версты) между Шоломами и Озерянами представляетъ полукружіе, вдавшееся въ материкъ и составляющее прелестную, защищенную бухту. Курганы при соединеніи этихъ группъ еще покрыты отличнымъ хвойнымъ лѣсомъ, а надъ с. Гнѣдиномъ находятся въ лѣсной заросли и частію покрыты лозю; между могилами во многихъ мѣстахъ замѣтны котловины, бывшія еще въ недалекой старинѣ озерами; могилы, мельчая, идутъ по берегу къ с. Бортничи: изъ нихъ одна, отличной сохранности, обращаетъ вниманіе по своей величинѣ; она имѣетъ до 200 шаговъ въ окружности и около 7 — 8 сажень вышины. У подножія этой могилы, отъ с. къ Ю., отходя постепенно отъ берега, замѣчается искусственный спускъ, гдѣ тоже находятъ каменные орудія, хорошей сохранности, осколки кремней, грубую, битую посуду, шиферныя и глиняныя бусы и глиняныя, грушевидные предметы неизвѣстнаго назначенія (грузила?). Здѣсь характерныя песчаныя могилы, составляющія нашъ интересъ, нѣсколько теряются подъ хвойнымъ густымъ лѣсомъ и только чрезъ 2—3 версты опять дѣлаются замѣтными и перерѣзывая полотно Курско-Кіевской желѣзной дороги, постепенно спускаясь, идутъ къ Никольской слободѣ, находящейся у кіевского Николаевского моста, *противъ Печерской части г. Кіева.*

г) *Никольская группа*, болѣе другихъ потерпѣвшая въ своемъ видѣ, идетъ отъ с. Осокорки къ с. Никольскому и сливается съ воскресенскою группою, находящеюся у с. Воскресенской слободки; эта послѣдняя, расположенная полукругомъ, соединяется съ Выгуровщицею, теряющеюся у с. Троещины, Остерскаго уѣзда — вся цѣпь имѣетъ около 12—15 верстъ. Могилы, какъ и у Воронькова, Вышенокъ и Гнѣдина, потеряли свой первоначальный видъ и получили

удлиненную форму, идущую по направленію дувшихъ вѣтровъ со стороны р. Днѣпра; онѣ имѣютъ отъ 60 шаговъ до 400 въ окружности и до 5 — 7 сажень вышины — замѣтные слѣды занесенныхъ пескомъ озеръ, имѣвшихъ до 1 десятины величины. На образовавшихся площадяхъ, величиною отъ 1 до 2 десят., съ которыхъ сдулъ песокъ, на нерушенномъ грунтѣ, находящемся къ С. отъ никольской слободки, замѣтны петропугия рукою любопытнаго изслѣдователя разбитыя въ куски погребальныя урны грубой работы, украшенныя первобытнымъ орнаментомъ, съ костями разныхъ животныхъ и человѣка. Куски посуды имѣли въ себѣ зерна кварца. Мѣста, на которыхъ находились эти памятники, состояли изъ истлѣвшаго угля и множества кремневыхъ осколковъ каменныхъ орудій и самыхъ орудій, отличной сохранности, изрѣдка костей рыбъ и домашнихъ животныхъ. Такихъ площадей осмотрѣно нами между Никольской и Воскресенской слободками 4; всѣ онѣ однохарактерны по своему внѣшнему виду и заключаютъ массу памятниковъ существованія здѣсь человѣка во всѣ эпохи его развитія. Памятники каменнаго вѣка составляютъ богатство этой мѣстности. Здѣсь найдено множество ножей, скребковъ, стрѣлъ звѣздчатыхъ, глиняныя бусы, точильные камни, орудіе, на которомъ обдѣлывалось каменное орудіе съ точильнымъ камнемъ на немъ, множество бронзовыхъ, желѣзныхъ и другихъ вещейъ позднѣйшихъ эпохъ.

На одной изъ такихъ площадей, въ $\frac{1}{4}$ верстномъ разстояніи, къ С., отъ Никольской слободки — у нынѣшняго кладбища замѣченъ обрядъ погребенія первобытнаго человѣка чрезъ сожженіе: на возвышенномъ лѣвомъ берегу весенняго Днѣпра, имѣющемъ здѣсь около 3 — $3\frac{1}{2}$ верстъ ширины, найдены 3 туго сбитыя земляныя точки, на которыхъ — масса дубоваго угля и сожженныхъ костей человѣка; въ серединѣ такого костра попадались разбитыя погребальныя горшки съ костями человѣка, животныхъ и птицъ, горшки изъ черной глины съ кусками кварца и круннаго песку у вѣшчиковъ, украшенныхъ дырочками и разнообразнымъ, довольно сложнымъ орнаментомъ; вокругъ такого точка множество кремневыхъ ножей, скребковъ и осколковъ каменныхъ орудій. Есть возможность предположить необходимымъ условіемъ при погребеніи — уничтоженіе каменныхъ орудій,

50081

которыя при этомъ разбивали; здѣсь же вблизи часто находились стрѣлки отличной работы и хорошо сохранившіяся. Въ этой группѣ попадаетъ множество бронзовыхъ, желѣзныхъ, стеклянныхъ вещей и монетъ XVII вѣка.

д) *Воскресенская группа*, находящаяся у с. Воскресенской слободки, представляетъ особенный интересъ по величинѣ кургановъ, которые кажутся еще больше, находясь на возвышенномъ мѣстѣ, выходящемъ здѣсь на р. Днѣпръ. Курганы такого же характера какъ и у Николаевской слободки, но немного шире въ основаніи; развѣянныя площади даютъ главнымъ образомъ хорошей сохранности кремневые ножи, скребки, шиферныя бусы и осколки кремневыхъ орудій, удлиненной формы. Здѣсь найдены были куски сѣры и смирны. По рассказамъ поселенъ еще недавно здѣсь находили въ большомъ количествѣ и большой величины кремневые наконечники копій, большіе ножи, клинья и молотки; ихъ уничтожали, не придавая имъ никакого значенія, разбивая на мелкія части, употребляя для добыванія огня. Отъ этой группы, выходящей подъ прямымъ угломъ въ старое русло Днѣпра, курганы поворачиваютъ на В. и постепенно, дѣлая полукругъ, обращаются къ С. и С.З. къ с. Троещинѣ, упираясь въ р. Десну и огибая такимъ образомъ с. Выгуровицину, находящееся на луговой плоскости Днѣпра.

е) *Выгуровская группа* болѣе другихъ пострадала по своему внѣшнему виду; она изрѣдка имѣетъ могилы, похожія на погребальныя и большія площади, засыпанныя наноснымъ пескомъ въ недавнее время. Курганы такой же величины какъ у Никольской и Воскресенской слободокъ; изрѣдка находятъ здѣсь кремневые стрѣлки, наконечники копій, кремневые ножи, скребки и вещи позднѣйшихъ эпохъ. Здѣсь также передаютъ о недавнихъ находкахъ характерныхъ и большихъ орудій каменнаго вѣка. Отъ Никольской группы до с. Троещины замѣчается каналъ, соединяющій р. Днѣпръ съ Десною; въ настоящее время онъ имѣетъ видъ ручейка, заросшаго аиромъ и осокою. У Воскресенской слободки съ западной стороны существуетъ глубокое, богатое рыбою озеро, съ которымъ связывается множество поэтическихъ народныхъ представленій древнѣйшаго происхожденія. Народъ видитъ здѣсь русалокъ, а на кур-

ганах нечистую силу характера грозного. Имѣются криницы съ водою, пользующеюся своею цѣлебною силою, и любимыя мѣста для празднованія языческихъ обрядовъ въ родѣ Шума, Купалы и др.

По тщательномъ осмотрѣ всѣхъ перечисленныхъ группъ, но въ особенности Вышенской—Шоломы, Гнѣдинской Озеряне, Никольской, отчасти Воскресенской и Выгуровицкой, въ нихъ найдены слѣдующія любопытныя вещи весьма цѣнныя, по своей сохранности, въ научномъ отношеніи:

1. Орудій для обдѣлыванья кремней (шлифовальныхъ)	2
2. Кремневыхъ клиньевъ хорошей сохранности	2
Кусокъ кремневой пилы.	1
3. Стрѣлъ кремневыхъ разноцвѣтныхъ, отличной сохранности, красивой работы.	182
4. Ножей кремневыхъ хорошей сохранности, стрѣлъ грубой работы, кремневыхъ наконечниковъ копій	830
5. Скребокъ разныхъ (кремневыхъ и другихъ камней)	544
6. Кусковъ ножей, стрѣлъ и скребокъ съ слѣдами обдѣлки и разныхъ кремневыхъ осколковъ	7563
7. Кремневыхъ орудій, употребившихся для раздробленія костей.	14
8. Кремневыхъ наконечниковъ копій	4
9. Метательныхъ камней изъ кремня	1
" " " булыжника	3
10. Точильныхъ камней	9
11. Кусокъ отлично шлифованнаго кремня отъ неизвѣстнаго орудія.	1
12. Кремней необдѣланныхъ (матерьялъ камен. орудій)	15
13. Кусковъ шифера необдѣланнаго.	14
14. Костей разныхъ животныхъ и челоуѣка	97
15. " горѣлыхъ съ слѣдами обдѣлки	1
16. " обдѣланныхъ, неизвѣстнаго значенія	2
17. Кусокъ кремневаго клина	1
18. Бусъ: шиферныхъ.	5
19. " костяныхъ	1
20. " глиняныхъ, грубой работы (нѣкоторыя украшены прямолинейнымъ рисункомъ).	15

21. Кусковъ посуды грубой работы съ прямолинейнымъ орнамен- тамъ и дырочками	272
22. Бронзовый наконечникъ копья	1
23. Бронзовыхъ разнovidныхъ стрѣлъ	17
24. Бронзовыхъ серегъ	2
25. Бронзовый миниатюрный топорикъ	1
26. Бронзовыхъ шпилекъ	1
27. Бронзовыхъ колечекъ (маленькой величины)	2
28. Бронзовыхъ привѣсокъ къ серьгамъ съ прямолинейными укра- шеніями	1
29. Разныхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ колець, проволокъ и дру- гихъ кусковъ (трудно опредѣляющихся)	43
30. Халцедоновая бусина	1
31. Слитковъ (Финикійскаго?) стекла	2
32. Мѣдный перстень	1
33. Шариковъ мѣдныхъ, неправильной формы, мѣдныхъ пласти- нокъ (кусковъ), мѣдной дроби, витой мѣдной проволоки	50
34. Пуговиць мѣдныхъ	6
35. Мѣдный крючекъ съ прорѣзнымъ украшеніемъ	1
36. Крестъ мѣдный съ серебряной насѣчкою (тѣльникъ) XV или XVI вѣка (хорошей сохранности)	1
37. Мѣдный образецъ XVII вѣка (хорошей сохранности)	1
38. Желѣзныхъ иглъ (большихъ, хорошей сохранности)	7
39. Желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ (хорошей сохранности)	8
40. Желѣзныхъ ножей (хорош. сохран.)	13
41. Желѣзной проволоки (проторга)	5
42. Желѣзныхъ колець отъ кольчуги	7
43. Кусокъ желѣзнаго наконечника копья	1
44. Разныхъ желѣзныхъ кусковъ отъ неопредѣленныхъ предметовъ	103
45. Желѣзныхъ пуль	3
46. Желѣзныхъ бусъ	1
47. Игральныхъ костей	1
48. Оловянныхъ бусъ	2
49. Оловянныхъ украшеній къ пряжкѣ (въ видѣ звѣздочки)	1

50. Оловянная привѣска къ серьгѣ въ видѣ креста	1
51. Привѣсокъ къ серьгамъ, метал. горѣлыхъ	5
52. Оловянная пуговка (шарообразн.)	1
53. Оловянныхъ слитковъ отъ неизвѣстныхъ предметовъ	3
54. Оловянная пластинка отъ неизвѣстнаго предмета	1
55. Бусъ изъ композиціи и стеклянныхъ	33
56. Стеклянныхъ шариковъ	4
57. Стекловидныхъ привѣсокъ къ серьгѣ	3
58. Стеклянная печать съ славянскою надписью	1
59. Кусковъ стеклянныхъ браслетовъ	3
60. Стекловидныхъ слитковъ и разныхъ стеколъ	6
61. Кусковъ жужелицы	12
62. Шариковъ камнеобразныхъ неизвѣстнаго значенія	9
63. Кусковъ сѣры	2
64. „ „ смирны	2
65. Монетъ XVII в. русскихъ серебр.	3
66. „ „ „ польскихъ „	4
67. Окаменелостей разныхъ	12
68. Шаръ изъ мастики (большой)	1
69. Пуль оловянныхъ круглыхъ	3

Всего экземпляровъ 9973

Изъ нихъ каменнаго вѣка 9549

бронзоваго и желѣзнаго 424

По числу экземпляровъ орудій каменнаго періода, настоящее открытіе, на сколько намъ извѣстно, первое въ мірѣ. Кіевъ съ настоящими памятниками представляетъ міровой интересъ и изслѣдованіе ихъ даетъ ученымъ матеріалъ на долгое время.

Меньшинство очень значительное памятниковъ бронзоваго и желѣзнаго періода объясняется случайностью попавшихъ сюда вещей; каменные же орудія являются несомнѣнными памятниками народа, жившаго въ пещерахъ нынѣшняго Кіева и оставившаго такую сплошную массу могильныхъ кургановъ (Какъ только замѣчался перушенный грунтъ съ погребальными слѣдами, первыми находками были кремне-

выя орудія и осколки ихъ). Припомнимъ святость и обоготвореніе душъ предковъ первобытнаго человѣка, существованіе ихъ отдѣльнымъ обществомъ духовъ, защищавшихъ живущихъ отъ всякихъ несчастій — согласишься съ могильнымъ значеніемъ разсмотрѣнныхъ нами кургановъ, заслуживающихъ особаго спеціальнаго изслѣдованія.

Осмотрѣнная нами цѣпь могильныхъ кургановъ съ памятниками каменнаго періода (отъ м. Воронькова, Переяславск. уѣзда Полтавск. губ., до с. Троещины, Остерскаго уѣзда Чернигов. губ.) составляетъ только часть большой цѣпи могилъ, идущихъ по лѣвому берегу рѣки Днѣпра и Десны, постепенный осмотръ и посильное изслѣдованіе которыхъ мы предполагаемъ сдѣлать въ будущемъ году.

Наравнѣ съ могильными памятниками лѣваго берега Днѣпра не менѣе интересны и слѣды древнѣйшихъ поселеній первобытнаго человѣка каменнаго періода у м. Бровары, Остерскаго уѣзда Чернигов. губ., у с. Скопцы и у с. Селища, Переяславскаго уѣзда Полтавской губерніи, осмотрѣнные нами въ параллель при-Днѣпровскихъ памятниковъ. Поселенія эти имѣютъ прямую связь съ Кіевскими поселеніями и раздѣляются отъ нихъ только озерами и рѣчками, нынѣ совершенно или отчасти исчезнувшими. *Поселеніе, находящееся у м. Бровары, лежитъ въ 9—10 верстахъ отъ кургановъ Никольской слободки, къ В. отъ послѣдней группы, и тянется по прямой линіи, при покрытыхъ лѣсомъ и зарослями озерахъ, еще хорошо сохранившихся; мѣстное народное названіе этой группы: „Могила подъ Свидловицкину“.* Поселеніе занимаетъ нѣсколько десятковъ десятинъ и состоитъ изъ громадныхъ могилъ и площадей, насыпанныхъ изъ рѣчнаго песку, который добывается здѣсь же; ясны громадныя рвы съ В. стороны поселенія, защищавшіе его отъ вторженій враждебныхъ племенъ. Наносный грунтъ земли опредѣляется наслоеніемъ золы, угля, битой посуды, кремневыми осколками кремневыхъ скребковъ и ножей. Курганы изъ бѣлаго рѣчнаго песку.

Поселеніе у с. Скопцы, Переяславскаго уѣзда, съ малочисленными памятниками каменныхъ орудій и съ значительными бронзоваго и желѣзнаго періодовъ. Находятся шиферныя бусы, глиняныя, стекляныя изъ композиціи, множество мѣдныхъ и желѣзныхъ обломковъ.

Древнѣйшее поселеніе у с. Селища, Переяславскаго уѣзда, на-

ходится на лѣвомъ берегу р. Трубежа (Трубайла): оно расположено на исчезнувшихъ заливахъ этой нынѣ заростающей аиромъ рѣчки, образуя полукружіе изъ кургановъ, насыпанныхъ изъ бѣлаго рѣчного песку. Характеръ наслоенія такой же какъ и въ приднѣпровскихъ памятникахъ, такія же наслоенія на поверхности отгрываемыхъ площадей, такой же величины и наружнаго характера могилы. Осмотръ кургановъ, окружающихъ это поселеніе, занимающихъ приблизительно около 60 десятинъ, далъ грубыя кремневыя стрѣлы, тонкіе кремневые ножи, мелкіе осколки и скребки, нѣсколько шиферныхъ и глиняныхъ бусъ, куски посуды, украшенной преимущественно прямолинейнымъ рисункомъ и бронзовыя стрѣлы, пользующіяся въ народѣ вѣрою въ ихъ особую врачующую силу.

Почетный членъ Турвонтъ Кибальчичъ.

С.-Петербургъ,
8 декабря 1879 г.

О раскопкѣ кургановъ близъ Бологова.

Осенью 1879 года мнѣ пришлось раскопать вмѣстѣ съ княземъ П. А. Путятинымъ подлѣ его имѣнія, находящагося при селѣ *Бологомъ* (что лежитъ на Николаевской желѣзной дорогѣ) нѣсколько кургановъ, довольно замѣчательныхъ по своей обстановкѣ, и въ верстахъ 2½ отъ Бологова въ д. *Любинцѣ* курганъ, необыкновенный по его складу и древности.

Первые, находящіеся на поляхъ, отстоящихъ отъ Бологова въ двухъ верстахъ, входятъ въ составъ цѣлаго кладбища древнихъ языческихъ могилъ. Чтобы убѣдиться какого рода эти могилы, мы раскопали нѣкоторыя изъ нихъ — болѣе замѣчательныя. Мы начали съ самаго большаго кургана. Послѣ извѣстныхъ всеобщихъ погребальныхъ признаковъ, т. е. насыпныхъ слоевъ песку и угля, въ этомъ курганѣ оказалось: 8-мь скелетовъ, которые лежали головами на востокъ. Двѣ пары скелетовъ — мужской и женскій — лежали рядомъ, одинъ подлѣ другаго, и четыре дѣтскіе скелета разныхъ возрастовъ лежали посреди кургана между означенными двумя парами (см. прилагаемый рисунокъ). Въ одной изъ этихъ парныхъ группъ, на женской головѣ, замѣтны, выше лба, три удара острымъ орудіемъ: видно, что смерть этой молодой женщины, съ бѣлымъ цѣльнымъ рядомъ зубовъ, была насильственная. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ курганъ о славянскихъ обрядахъ погребенія, какъ ихъ описываетъ арабскій писатель Ибнъ-Фодланъ, говоря о насильственной смерти жены, которая должна быть погребена вмѣстѣ съ своимъ мужемъ?

Въ прочихъ небольшихъ могилахъ того же кладбища найдено по одному только скелету; нѣкоторые изъ нихъ погребены въ толстыхъ деревянныхъ гробахъ, или выдолбленныхъ сосновыхъ колодахъ, которыя отъ времени превратились въ краснобурія гнилушки. Во всѣхъ этихъ могилахъ ничего не оказалось, кромѣ черепковъ разбитыхъ, грубой

ручной работы, горшковъ, которые при самомъ погребеніи на скоро выдѣлывались для поминальныхъ яствъ и послѣ совершенія обрядовъ разбивались и клались въ могилу покойника (1).

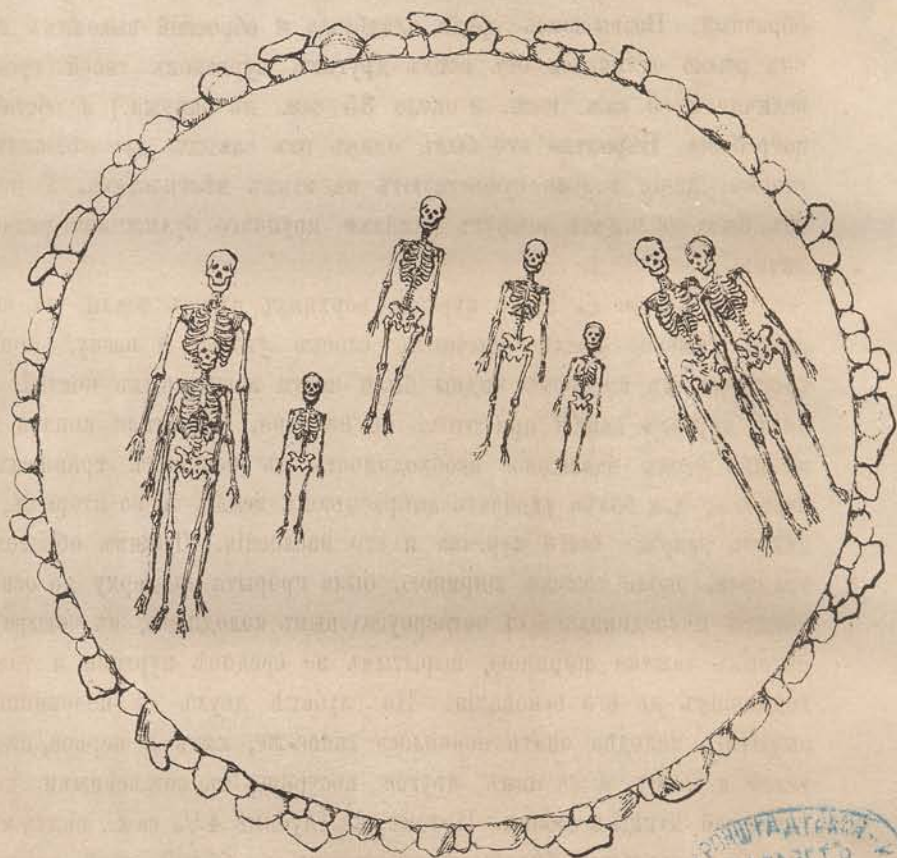
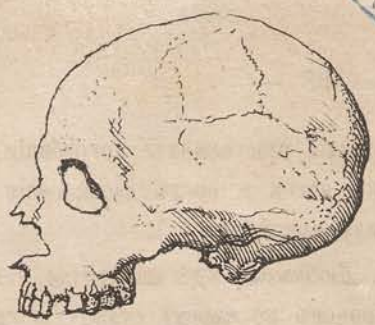
Курганъ, раскопанный въ *Любинцѣ*, гдѣ находится также цѣлое кладбище могилъ, которыя впрочемъ по своему складу и способу погребенія относятся къ разнымъ періодамъ (2)—по своей формѣ конусообразный. Возвышаясь среди кладбища и обросшій высокимъ лѣсомъ, онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ кургановъ своей громадной величиной (5 саж. выш. и около 35 саж. въ окружн.) и обстановкой погребенія. Вѣроятно это былъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ кургановъ, какіе только существуютъ въ этихъ мѣстностяхъ. У подошвы онъ былъ обложенъ вокругъ камнями крупнаго булыжника разной величины.

По снятіи съ этого кургана верхнихъ слоевъ земли, на глубинѣ около сажени, послѣ обычныхъ слоевъ угля и песку, появилось кострище, въ которомъ видны были части лошадиныхъ костей. Никакихъ другихъ вещей при этомъ не найдено. Мы стали копать далѣе, но при этомъ оказалась необходимость въ боковыхъ траншеяхъ, во первыхъ, для болѣе удобнаго выбрасыванія земли, а во вторыхъ, чтобы видѣть разрѣзъ всего кургана и его наслоенія. Такимъ образомъ эта траншея, около сажени шириною, была прорыта съ верху до основанія могилы и соединялась съ четверугольнымъ колодцемъ, въ четыре квадратныхъ сажени шириною, вырытымъ по срединѣ кургана и тоже доходившимъ до его основанія. На глубинѣ двухъ съ половиной саж. вырытаго колодца опять появилось такое-же, какъ и первое, наслоеніе углей и песку, а за нимъ другое кострище съ сожженными костями домашней птицы и собаки. Потомъ, на глубинѣ 4¹/₄ саж., опять толстое наслоеніе угля и бѣлаго песку, а затѣмъ бѣлый слой совершенно истлѣвшаго дерева и наконецъ кострище самого покойника. Дерево это

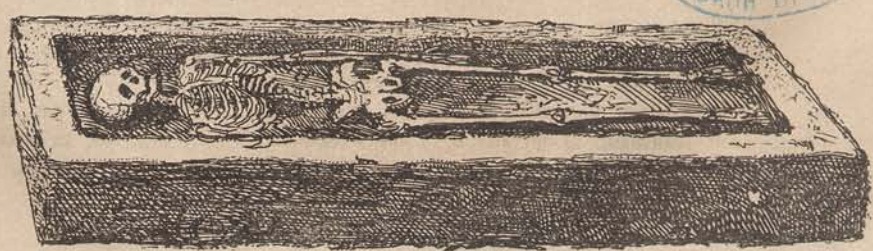
(1) Подобныя же новыя, еще не бывшія въ обращеніи, сосуды употреблялись у насъ во время бракосочетанія, когда давали жениху и невѣстѣ пить вино изъ сосуда, и потомъ тутъ же священникъ на блюдѣ разбивалъ этотъ сосудъ.

(2) Означенныя могилы представляютъ три формы: 1) курганы болѣе или менѣе значительной величины; 2) круглыя и 3) продолговатыя могилы. Всѣ они, за исключеніемъ небольшихъ кургановъ, обложены камнями. *Примѣч. князя П. А. Путьятина.*

ИРКУТСКАЯ
ДЛЯ ГАЗЕТЬ
И КНИГЪ.
ИРКУТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИРКУТСКАЯ
ДЛЯ ГАЗЕТЬ
И КНИГЪ.
ИРКУТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Къ старцу В. Прохорова.

Изъ раскопокъ кургановъ близъ Елового.

Лит. В. Прохорова.

— очевидный остатокъ бывшаго покрытія трупа толстыми досками или толстымъ слоемъ хвороста какъ встрѣчается во многихъ, самыхъ древнѣйшихъ скифскихъ (славянскихъ) могилахъ еще до времени Геродота, которыя также обкладывались вокругъ большими камнями.

Въ нижнемъ кострищѣ кургана, представлявшемъ грубую неопределенную массу, едва можно было отличить остатки сожженныхъ человѣческихъ костей. Въ этой же сожженной массѣ и частью около нея находилось много кремневыхъ ножичковъ и другихъ осколковъ, годныхъ къ оскабливанію отъ костей мяса и для другихъ употребленій. Вѣроятно послѣ погребальныхъ поминокъ эти предметы складывались въ кострищѣ покойника, какъ въ другихъ болѣе позднихъ небольшихъ могилахъ складывали послѣ поминокъ черенки битыхъ горшковъ. Не смотря на тщательный осмотръ всей обстановки кострища, никакихъ другихъ вещей не найдено. Точно также и ниже самаго кострища ничего не оказалось, хотя и прорыто до самаго основанія могилы, гдѣ грунтъ земли былъ уже крѣпкимъ и нетронутымъ.

Вотъ краткія свѣдѣнія объ этомъ весьма замѣчательномъ курганѣ.

Въ то же время князь П. А. Путятинъ разрылъ не вдалькѣ отъ описаннаго сейчасъ кургана еще одинъ небольшой, гдѣ однако ничего не оказалось кромѣ головы и въ безпорядкѣ лежавшихъ человѣческихъ костей. По самому впрочемъ погребальному наслоенію видно, что этотъ курганъ былъ нетронутъ. Затѣмъ въ другомъ, очень небольшомъ, курганѣ, тоже разрытомъ княземъ Путятинымъ, найденъ скелетъ, погребенный въ выдолбленной сосновой колодѣ, которая отъ времени превратилась въ темнобурую гнилушку. Никакихъ другихъ вещей здѣсь также не оказалось. Нельзя было однако не замѣтить, что оба эти кургана принадлежатъ къ болѣе позднему періоду, чѣмъ описанный выше большой курганъ.

Желаая еще болѣе ознакомиться съ могилами Любинецкаго кладбища, мы разрыли нѣсколько другихъ, но не нашли въ нихъ ничего, кромѣ скелетовъ бывшаго въ каждой покойника. Всѣ эти могилы одинаково обложены вокругъ булыжникомъ.

Почетный членъ В. Прохоровъ.

Инд. 1988 г. 26970

Раскопки слушателями Института кургановъ въ Гдовскомъ и Лужскомъ уѣздахъ С.-Петербургской губ. и въ Валдайскомъ уѣздѣ Новгородской губ.

(Изъ лѣтнихъ экскурсій слушателей въ 1878го академическомъ году).

Въ половинѣ мая нынѣшняго года директоръ Института Н. В. Калачовъ объявилъ слушателямъ, что въ теченіи наступающаго лѣта онъ намѣренъ предпринять съ ними поѣздку въ различныя мѣстности древней Новгородской области для производства раскопокъ.

Для этой цѣли избраны были: 1) Гдовскій и частію Лужскій уѣзды, С.-Петербургской губерніи (входившіе въ составъ Шелонской пятины Новгородской земли) и 2) Валдайскій уѣздъ, Новгородской губерніи (прежняя Деревская пятина).

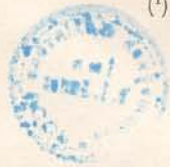
Въ *первой поѣздкѣ*, состоявшейся въ началѣ іюня, заявили готовность участвовать слушатели Института: Даниловъ, Тимасевъ, Оглоблинъ и Феноменовъ.

Предварительный осмотръ первой изъ означенныхъ мѣстностей порученъ былъ Н. В. Калачовымъ мнѣ, какъ приобрѣвшему уже нѣкоторую опытность въ дѣлѣ раскопокъ прежними работами ⁽¹⁾.

Прибывъ на мѣсто назначенія, я приступилъ къ собранію свѣдѣній о находящихся здѣсь древнихъ насыпяхъ и затѣмъ для опыта предпринялъ нѣсколько отдѣльныхъ раскопокъ.

По указанію владѣлицы дер. Козлово-Зеленска, Хмеро-Посолодинской волости, Лужскаго уѣзда, Г. И. Жариновой, приступлено было къ

(1) См. Сборникъ Археологич. Института 1879 г. кн. II, отд. I, стр. 106 — 112.

оригиналъ 1878 г. 1001 дм

изслѣдованію *сопки*, стоявшей одиноко въ лѣсной прогалинѣ, въ шести-саженномъ разстояніи отъ рѣчки Черной, въ одной верстѣ отъ названной выше деревни. Сопка эта была обложена большими камнями въ два ряда, отъ земли возвышалась на поларшина, а въ окружности имѣла двѣ сажени. По удаленіи толстаго слоя дерна, обнаружился желтый песокъ, въ которомъ, при дальнѣйшей раскопкѣ, сталъ попадаться уголь. По прорытіи (послойно) ямы въ полтора аршина глубиною, найдены человѣческій остовъ, лежащій на боку, и при немъ черепъ съ широкоразинутыми челюстями; косякъ лежалъ головою къ С. З., а ногами къ Ю. В. Вблизи остова найдены заржавленный *наконечникъ желѣзной стрѣлы*, имѣвшій, какъ можно полагать по оставшемуся желѣзному концу, рукоятку, сгнившую отъ времени.

Другой курганъ, бѣльшаго объема, открытъ былъ между дер. Черно-Зеленскомъ и Быковымъ, на полуверстномъ разстояніи отъ послѣдней, въ открытомъ полѣ, на склонѣ гористаго берега, въ пяти саженихъ отъ той же рѣчки Черной. Курганъ былъ въ одну сажень вышиною и въ 5 саж. въ окружности; одна сторона его обросла довольно высокими деревьями, но, къ сожалѣнію, середина кургана оказалась раскопанною неумѣлою рукою, такъ что произведенною мною раскопкою обнаружено лишь присутствіе въ курганѣ углей и болѣе ничего.

По справкамъ, наведеннымъ въ Яблонецкомъ волостномъ правленіи, того же Лугскаго уѣзда, оказалось, что въ этой волости курганы, или по мѣстному выраженію *сопки*, а также древнія *могилы* ⁽¹⁾ находятся при деревняхъ: Перехожѣ (двѣ сопки близъ Мельничнаго ручья), Горушкѣ (въ двухъ мѣстахъ, обнесенныхъ валомъ), Яблонцѣ (круглая сопка, обложенная камнями, въ 50 саж. въ окружности), Рычковѣ (три круглыя сопки рядомъ, вышиною по 3 саж.), Заозерѣ (древнія могилы пространствомъ около одной десятины), Кириковѣ (двѣ древнія могилы, поросшія мелкимъ лѣсомъ и обложенныя камнями), Выборовѣ (три сопки вышиною до 2-хъ саж. каждая), Березицѣ (древнее кладбище близъ горы и шесть сопокъ), Яблонцѣ (древнее кладбище), Котязѣ (древнія могилы круглыя, длиною и шириною по 20 саж.), Селицѣ (три сопки и древнія могилы длиною и шириною по 30 саж.), Посадницѣ (въ 1-й и

(1) Таково мѣстное произношеніе слова могилы.

2-хъ верстахъ отъ селенія три древнія могилы, поросшія мелкимъ лѣсомъ и заваленныя камнями), Запольѣ (древнія могилы, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ деревни, поросшія лѣсомъ, кругообразныя), Стехновѣ (древнія могилы на 10 саж., въ двухъ верстахъ рѣчка Угорья), Квашонкиной горѣ (близъ селенія — древнія могилы, длиною и шириною въ 5 саж.), Рошелевѣ (древнія могилы, круглыя, поросшія лѣсомъ, длиною и шириною въ 20 саж.) и Вобовицахъ (также могилы).

Той же волости, въ разстояніи полуторы версты отъ деревень Яблонца и Рогозина, по направленію къ погосту Щиру, сохранилось любопытное *городище* (городокъ). Въ длину оно имѣетъ 120 саж., въ ширину 80; форма городища кругообразная. Оно помѣщается на возвышенномъ мѣстѣ, на берегу рѣчки Бѣлой, обнесено высокимъ и широкимъ валомъ, покрытымъ въ настоящее время дерномъ и имѣетъ широкій входъ съ сѣвера, разрушившійся отъ времени и распахъ. Преданій въ народѣ объ этомъ интересномъ памятникѣ древности не сохранилось. Городище это было осмотрѣно только снаружи и осталось не разслѣдованнымъ ближайшимъ образомъ, за недостаткомъ времени.

При дальнѣйшихъ поискахъ уже въ сосѣднемъ, Гдовскомъ уѣздѣ, я нашелъ при обширномъ озерѣ *Битинь* множество разсыянныхъ по лѣсу древнихъ могилъ, числомъ до 24-хъ, образующихъ какъ бы цѣлое кладбище, безъ всякихъ признаковъ христіанскаго происхожденія. Онѣ расположены на возвышенномъ мѣстѣ, имѣютъ форму большею частью четырехугольную и обрамлены неровными обломками большихъ камней. Эти могилы, въ видѣ полумѣсяца, окружаютъ четыре большіе кургана, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли отъ 12 до 30 саж. въ окружности. Для ближайшаго ознакомленія была произведена раскопка одной могилы, причемъ найденъ костякъ, лежащій головою къ В., съ поднятою лѣвою рукою къ черепу, а другая сложена на груди.

Изъ осмотрѣнныхъ затѣмъ мѣстностей особенное вниманіе обратилъ на себя такъ называемый Хотовскій (или Хотаковскій) боръ, находящійся въ одной верстѣ отъ бѣдной деревушки Полицы, Узминской волости, близъ почтовой дороги къ дер. Зовкамъ. Мѣстность, извѣстная подъ именемъ Хотовскаго бора, въ настоящее время представляетъ собою плоскую ровную возвышенность, безлѣсную, пустынную; произраставшій здѣсь нѣ-

когда лѣсъ, по разсказамъ старожиловъ, истребленъ пожарами; окружають эту мѣстность густые нетронутые лѣса.

Всѣ насыпи Хотовскаго бора, не смотря на ихъ разнообразіе, по величинѣ и виѣшнему виду, сводятся къ тремъ группамъ: 1) насыпи правильной круглой формы, широкія въ основаніи и довольно возвышенныя, — носятъ мѣстное названіе *сопокъ*; 2) далѣе, насыпи различныхъ формъ, но преимущественно также круглыя, меньшія по размѣру противъ предъидущихъ, едва поднимающіяся надъ землею и обрамленныя большими камнями (*мдмлы*) и 3) курганы, стоящіе особо съ краю этого кладбища, весьма высокіе, конусообразной формы (крестьяне называли ихъ также сопками).

По представленію моему, директоръ Института, прибывъ на мѣсто съ остальными слушателями, рѣшилъ сосредоточить работы именно въ означенномъ Хотовскомъ бору.

При ближайшемъ совокупномъ изслѣдованіи Хотовскаго бора оказалось, что песчаная почва его покрыта травой и мхомъ; иногда попадаются обгорѣвшіе пни, которые отъ слабаго удара ногою выворачиваются изъ рыхлой поверхности, а лежація на землѣ довольно толстыя деревья разламываются при легкомъ прикосновеніи ноги. Возвышенность эта простирается въ длину, отъ С. З. къ Ю. В., около версты, въ ширину — на $1\frac{1}{2}$ версты; съ З. она опоясывается рѣкою *Дряжною*, а съ В. — ручьемъ *Забѣлинымъ*, впадающимъ въ ручей *Зуевикъ*. Долина Зуевика, втекающаго въ р. Дряжну, ограничиваетъ возвышенность съ С. В. стороны. Самое кладбище лежитъ почти въ центрѣ Хотовскаго бора. Оно расположено влѣво отъ почтовой дороги (ѣдучи изъ д. Полицы), между этою послѣднею и проселочною дорогою, ведущею въ д. *Межницы*. Ближайшія къ кладбищу поселенія: на С. З. — д. Полицы, въ одной верстѣ, и на Ю. З. — д. *Зовки*, въ шести верстахъ. Отъ кладбища до р. Дряжны и до ручья *Забѣли*на — 1 верста, до ручья *Зуевика* — $\frac{3}{4}$ версты. Длина кладбища около полуверсты, ширина неодинакова, отъ 60 до 130 и болѣе сажень. Кладбище Хотовскаго бора еще не было посѣщаемо изслѣдователями. Крестьяне говорятъ, что и кладопскатели здѣсь не копались, что подтверждаетъ и наружный видъ сопокъ и могилъ: не встрѣчается ни одной,

которая носила бы на себѣ слѣды роскоши. А между тѣмъ въ народѣ ходитъ преданіе, что въ могилахъ Хотовскаго бора схоронено такое количество золота, что на него можно купить весь Гдовскій уѣздъ.

Изъ упомянутыхъ выше трехъ родовъ насыпей, конусообразные *курнаны*, по значительной высотѣ ихъ и объему, не были раскопаны за недостаткомъ времени и людей, тѣмъ болѣе, что изслѣдователи не были убѣждены въ томъ, что это курганы или городища, а не насыпи, оставшіяся, какъ выражаются мѣстные жители — отъ *литейнаго* разворенья, т. е. нашествій въ наши предѣлы, въ смутный періодъ русской исторіи, поляковъ и литвы.

Могилы, какъ сказано выше, представляютъ небольшія плоскія возвышенія, окаймленныя по бокамъ *камями*. Онѣ большею частію круглыя; однѣ представляютъ совершенно правильные круги, — въ другихъ круглая форма потеряла свою правильность вслѣдствіе того, что, отъ напора земли, камни развѣхались. Затѣмъ встрѣчаются овальные могилы, другія приближаются къ типу четырехугольныхъ, — но вполнѣ правильныхъ четырехугольниковъ (какъ напримѣръ на Битинскомъ кладбищѣ) здѣсь нѣтъ. Размѣры могилъ не велики: діаметръ верхней площадки, представляющей горизонтальную поверхность, обыкновенно ровняется 4 — 5 аршинамъ. Окружность основанія могилъ — отъ 15 до 24 аршинъ, высота — отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ аршина. Но встрѣчаются могилы и значительно меньшихъ размѣровъ: въ 5 — 8 арш. въ окружности, при 1 — $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметръ („дѣтскія“). Могилы обложены камнями большею частію безъ всякаго порядка, но нѣкоторыя довольно правильно, въ два, три ряда, или такъ, что одинъ рядъ камней помѣщается надъ другимъ, или же одинъ подлѣ другаго, т. е. въ первомъ случаѣ камни представляютъ снаружи болѣе или менѣе отвѣсную стѣнку, а во второмъ они расположены по скату боковъ насыпи, притомъ такъ, что верхніе ряды лежатъ уже на самой площадке. Въ обоихъ случаяхъ, на вторые и третьи ряды (считая снизу) шли камни меньшихъ размѣровъ. Камни, преимущественно круглой формы, слѣдовъ отдѣлки не имѣютъ. Могилы расположены большею частію неправильными кучами, иногда такъ тѣсно другъ подлѣ друга, что почти сливаются между собою. Но иногда онѣ представляютъ болѣе или менѣе правильные круги, имѣя въ срединѣ та-

кую же могилу съ камнями (обыкновенно — большихъ размѣровъ), или сопку, или же пустое мѣсто. Иногда, наконецъ, могилы расположены правильными рядами.

Что касается насыпей, называемыхъ *сопками*, то онѣ отличаются отъ могилъ своимъ бѣльшимъ объемомъ, правильною круглою формою и отсутствіемъ камней въ основаніи. Число ихъ на Хотовскомъ бору значительно меньше числа мѣгилъ. Сопки служатъ какъ бы центрами, около которыхъ группируются мѣгилы. По внутреннему содержанию своему онѣ отличаются преимущественно тѣмъ, что въ каждой изъ нихъ находилось не болѣе одного человѣческаго остова, въ ногахъ котораго неизмѣнно попадался небольшой глиняный горшокъ.

Въ частности означенныя раскопки дали слѣдующіе результаты:

А. Насыпи, называемыя крестьянами мѣгилами.

Всѣхъ мѣгилъ было изслѣдовано 12. Первая могила (1) больше всѣхъ соедѣнныхъ мѣгилъ, но меньше сопки. Форма ея — почти правильный кругъ, обложенный камнями, въ два и три неровныхъ, переплетающихся между собою ряда. Внизу положены большіе камни, надъ ними поменьше. Эта каменная кладка имѣетъ видъ отвѣсной стѣнки, внутри которой насыпана земля по самую вершину камней. Вершина могилы, покрытая травою и мхомъ, представляетъ горизонтальную площадку, діаметръ коей равняется почти 5 аршинамъ. Высота каменной стѣнки, а слѣдовательно и отвѣсная высота могилы, $\frac{3}{4}$ аршина. Окружность основанія могилы — 21 аршинъ. Раскопка этой могилы производилась послойною съемкою земли на всемъ пространствѣ могилы внутри камней. Почва насыпи — сѣрожелтоватый песокъ, встрѣчающійся на всемъ пространствѣ Хотовскаго бора. Песокъ мѣгильныхъ насыпей отличается отъ материковаго только меньшею плотностію. Угольнаго слоя въ мѣгилѣ не было. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина, въ южной части могилы, от-

(1) Раскопки первыхъ трехъ мѣгилъ произведены слушателемъ Оглоблинымъ, а прочіихъ мѣгилъ и сопокъ слушателями: Благовѣщенскимъ, Даниловымъ, Тимаевымъ, Туганъ-Барановскимъ, Феноменовымъ и Шишкинымъ, и изъ ихъ журналовъ заимствованъ помѣщаемый здѣсь отчетъ объ этихъ раскопкахъ.

крылась кучка человеческих костей. Прежде всего найдена нижняя челюсть, хорошо сохранившаяся. Около нея возвышалась перпендикулярно къ основанію могилы бедренная кость. Тутъ же лежало нѣсколько реберъ и часть таза. Между костями найденъ *плоскій глиняный кружокъ*, представляющій съ одной стороны довольно ровную закругленную поверхность, а съ другой — шероховатую. На поверхности обѣихъ сторонъ встрѣчаются черныя крапинки. На глубинѣ 2-хъ аршинъ показался *косякъ*, лежавшій не въ центрѣ могилы, а ближе къ сѣверной сторонѣ ея. Костякъ лежалъ головою къ З., а ногами къ В. Лице его было обращено прямо на В. Голова плохо сохранилась: у лѣваго виска оказался *большой проломъ* трехгранной формы. Ударъ былъ на столько силенъ, что во всѣ стороны отъ пролома пошли трещины, — вслѣдствіе чего въ настоящее время этотъ, доставленный въ музей института, черепъ едва держится. Нижней челюсти при немъ не было. Очевидно, что найденная прежде нижняя челюсть принадлежала этому черепу. Непосредственно за головою лежала часть таза (другая найдена раньше), а за нею — ноги. Такимъ образомъ, у косяка не оказалось ни грудной клѣтки, ни рукъ. Ноги сохранились не вполне: ступней нѣтъ, кромѣ того, у правой ноги не было бедренной кости; она найдена раньше, въ упомянутой кучкѣ костей, вмѣстѣ съ остатками грудной клѣтки. Ноги были протянуты. Такой неполный составъ косяка ясно показываетъ, что *покойникъ былъ изрубленъ предъ положеніемъ въ могилу*. Сначала, на глубинѣ 2-хъ аршинъ, были положены болѣе уцѣлѣвшія кости и положены такъ, какъ клались цѣльные покойники. Затѣмъ, на $\frac{1}{2}$ арш., была насыпана земля, и на этой глубинѣ брошены остальные кости, въ безпорядочной кучкѣ. Эту кучку нельзя считать за остатки другаго косяка, потому что она состояла именно изъ тѣхъ костей, которыхъ недостаетъ въ первомъ косякѣ. Нельзя, съ другой стороны, допустить, что грудная клѣтка послѣдняго истлѣла: въ такомъ случаѣ между головою и ногами косяка находилось бы пустое пространство. Земля надъ косякомъ была осторожно срѣзана ручною лопаткою и перебрана руками, но никакихъ вещей не найдено. Такъ какъ косякъ лежалъ на нетронutomъ песчаномъ материкѣ, то дальнѣйшая раскопка была прекращена.

Слѣдующая могила представляла совершенно правильный кругъ, имѣющій 5 аршинъ въ діаметрѣ. Она была обложена камнями въ два правильныхъ ряда: наружный рядъ состоялъ изъ большихъ камней, положенныхъ вплотную другъ къ другу, такъ что они представляли сплошную стѣнку, не вездѣ ровную, влѣдствіе круглой формы нѣкоторыхъ камней. Кромѣ того, камни нѣсколько развѣхались отъ напора земли. Внутри этой круглой стѣнки была насыпана земля по самую вершину камней, такъ, что поверхность могилы представляла горизонтальную площадку. По краямъ ея положенъ второй, внутренній, рядъ камней, примыкающій къ наружному. Внутренній рядъ состоялъ изъ небольшихъ, круглыхъ камней, разной величины, въ одинъ, два и три камня. Камни этого ряда совершенно вѣхали въ песокъ площадки, такъ, что видны однѣ ихъ верхушки. Площадка покрыта травой и верескомъ. Почти въ центрѣ ея лежалъ камень, подходящій своими размѣрами къ камнямъ наружнаго ряда. Величина окружности основанія могилы 22 аршина, отвѣсная высота $\frac{3}{4}$ аршина. Раскопка могилы произведена послойною съемкою земли. Камни, за исключеніемъ самыхъ крупныхъ, были сняты, равно какъ и камень, лежавшій около центра площадки. Въ верхней насыпи ничего не обнаружилось; когда сняли ее и пошли дальше (ниже $\frac{3}{4}$ аршина), то въ центрѣ стали попадаться небольшіе кусочки угля, мѣстами же встрѣчался песокъ болѣе темнаго цвѣта. Угольный слой вполне обнаружился на глубинѣ $1\frac{1}{4}$ аршина (т. е. въ двухъ четвертяхъ ниже насыпи). Когда поверхность его была очищена отъ земли, то оказалось, что онъ занималъ средину могилы, въ направленіи отъ З. къ В., и имѣлъ форму овала, который своими концами не упирался въ края могилы. Въ угольномъ слоѣ было два отѣнка: западная часть его была свѣтлѣе восточной. Первая представляла пепельную массу, съ разбросанными по ней кусочками угля. Вторая половина слоя состояла изъ сплошной угольной массы. Обѣ половины отдѣлялись одна отъ другой очень рѣзко, почти по прямой линіи. Длина угольнаго слоя отъ З. къ В. три аршина (на каждую половину приходилось почти поровну: около $1\frac{1}{2}$ аршина), ширина — около 1 аршина, толщина неодинаковая: съ западной части (пепельной) — отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 вершковъ, съ восточной (угольной) — отъ 2 до $2\frac{1}{2}$

вершковъ. Къ Ю. отъ угольнаго слоя на одну четверть ниже, т. е. на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина отъ поверхности могилы, найдены были въ двухъ мѣстахъ кучки небольшихъ костей. На одну четверть ниже этихъ костей, т. е. на глубинѣ $1\frac{3}{4}$ аршина, въ той же южной части могилы, обнаружился *косякъ*. Почти въ тоже время, съ сѣверной части могилы, сталъ открываться *другой косякъ*. Въ центрѣ, т. е. подъ угольнымъ слоемъ, раскопка была поведена ниже того уровня, на которомъ найдены косяки, но тамъ ничего не встрѣтили. Косыки лежали ближе къ бокамъ могилы, чѣмъ къ центру, такъ, что правая сторона одного косяка и лѣвая другого лежали подъ слоемъ земли, надъ которымъ расположены камни наружнаго ряда. У лѣвой ступни перваго косяка, выше еѣ на $1\frac{1}{2}$ вершка, найдена была *серебряная бляха* (брактеатъ?). Косыки, лежавшіе почти на одномъ уровнѣ (второй лежалъ ниже перваго только на одну четверть ариш.) имѣли совершенно одинаковое положеніе: они лежали на спинѣ, головами къ З., ногами къ В. Лица ихъ обращены къ В., но съ небольшимъ наклономъ къ Ю., т. е. черепа лежали не прямо на затылкѣ, а нѣсколько на правой щекѣ. Такое положеніе ихъ нельзя объяснить случайностію, напримѣръ: паденіемъ головы на правый бокъ при засыпкѣ тѣла землею, или вообще давленіемъ земли. Въ этомъ случаѣ не было бы такого полнаго сходства въ положеніи обоихъ череповъ: одинъ могъ уклониться въ одну сторону, другой въ другую, или одинъ имѣлъ бы большій наклонъ къ Ю., другой — меньшій. Здѣсь же видно намѣренное расположеніе обѣихъ головъ въ одномъ и томъ же направленіи. Черепа косяковъ рознятся между собою; черепъ втораго меньше и круглѣе черепа перваго. У черепа втораго косяка было *два большихъ пролома*: одинъ на темени, ближе къ лѣвой передней части головы, другой—у лѣваго уха. Удары были такъ сильны, что почти весь черепъ оказался въ трещинахъ (Во время перевозки его въ музей института онъ еще болѣе пострадалъ и теперь состоитъ лишь изъ кусковъ, среди которыхъ нѣсколько лучше сохранилась темянная часть съ первымъ проломомъ). Другой проломъ оказался по вынутіи черепа изъ могилы. Сохранилась нижняя челюсть, которая плотно прилегала къ верхней, какъ и въ черепѣ у перваго косяка. Послѣдній хорошо сохранился, за исключеніемъ лицевой части. Надъ лѣвымъ ухомъ его не-

большой проломъ, какъ бы отъ удара трехграннѣмъ острымъ орудіемъ. Руки обоихъ костяковъ протянуты вдоль тѣла. У перваго костяка сохранились обѣ руки съ остатками кистей. У костяка втораго — одна лѣвая рука, безъ кисти. У обоихъ костяковъ сохранились только лѣвыя плечевыя кости. За правую плечевую кость перваго костяка можно признать одну изъ найденныхъ прежде въ вышеупомянутыхъ кучкахъ костей. Кости грудной клѣтки сохранились полнѣе у перваго костяка, у втораго же сохранилась одна лѣвая половина груди. Тазовыя кости полнѣе сохранились у втораго. Тазъ его значительно шире таза перваго костяка. Ноги у обоихъ костяковъ протянуты. У перваго сохранились обѣ ступни (не вполнѣ), у втораго ихъ нѣтъ. Длина перваго костяка $2\frac{3}{4}$ аршина, втораго два аршина и $1\frac{1}{2}$ четверти. Расстояніе между костяками: а) между плечами $1\frac{1}{4}$ арш. и б) между тазами $1\frac{1}{2}$ арш. Судя по круглой и небольшой (сравнительно съ первымъ) головѣ, по широкому тазу и по меньшей величинѣ всего остова, костякъ второй можетъ быть признанъ за *женскій*.

Нахожденіе въ одной и той же могилѣ двухъ костяковъ, мужскаго и женскаго, съ перваго раза наводящее на мысль объ одновременной смерти мужа и жены, при повтореніи этого явленія въ дальнѣйшихъ раскопкахъ, побудило ближе обследовать и въ другихъ могилахъ находимыя черена и прочія части костяковъ. При этомъ обнаружилось, что черепъ на женскомъ скелетѣ обыкновенно пробитъ какимъ-то орудіемъ, какъ и при настоящей раскопкѣ. Это дало поводъ къ предположенію существованія любопытнаго варварскаго обычая, на который указываетъ и арабскій писатель Ибнъ-Фодланъ — убіенія жены при погребеніи мужа.

Вынутая изъ описываемой могилы бляха представляетъ не совсѣмъ правильный кругъ, діаметръ коего равняется почти 1 вершку. Къ одному краю ея принята привѣска, изломанная въ наружномъ концѣ. При вынутіи изъ земли бляха была ярко-зеленаго цвѣта, который потомъ значительно потускнѣлъ. Рисунокъ ея (представляющій съ лицевой стороны выпуклости, а съ исподней — впадины) очень правильный: по краямъ идетъ кругъ изъ шариковъ, за нимъ также вокругъ всей бляхи — ободокъ. Въ центрѣ расположенъ кружокъ, а вокругъ

его, между кружкомъ и ободкомъ, выбиты закругленные треугольники въ перемежку съ рядами шариковъ. Тѣхъ и другихъ по семи. Въ каждомъ ряду по три шарика, величина которыхъ постепенно уменьшается къ центральному кружку.

Третья могила лежитъ въ 25—30 шагахъ къ С-В. отъ предъидущей могилы. Она стоитъ отдѣльно отъ сосѣднихъ могилъ и сопокъ. Ближайшія могилы лежатъ въ 7—10 шагахъ къ С. З., З. и къ Ю-З., а ближайшая сопка въ 10 шагахъ къ В. Такое положеніе могилы, а также и форма ея, невольно обратили на себя вниманіе. Она имѣетъ форму овала, обложеннаго камнями. Кладка камней здѣсь другого рода, чѣмъ въ предъидущихъ могилахъ: тамъ камни представляютъ отвѣсную стѣнку, здѣсь же они были положены по скату насыпи и, притомъ, не рядами, а безъ всякаго порядка. Очевидно отсюда, что, въ противоположность предъидущимъ могиламъ, — въ настоящей сначала была сдѣлана насыпь и, потомъ уже она обложена камнями. Камни здѣсь меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ описанныхъ выше могилахъ. Высота боковъ насыпи, обложенныхъ камнями—1 аршинъ. Окружность основанія—24 аршина, отвѣсная высота $\frac{3}{4}$ аршина. Вершина представляетъ горизонтальную плоскость, которая была на одномъ уровнѣ съ верхними камнями. Длинный діаметръ (отъ Ю. къ С.) этой овальной площадки равнялся $5\frac{1}{2}$ аршин., короткій 4 аршин. Бока насыпи между раздѣхавшимися камнями и площадка были покрыты травой и мхомъ. Почти въ центрѣ площадки росла маленькая сосна. Впадинъ и слѣдовъ раскопки (какъ и въ предъидущихъ могилахъ) не было. Такъ какъ эта могила своими размѣрами подходила къ вышеприведенной могилѣ, то въ ней можно было ожидать находки двухъ костяковъ. На глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина стали попадаться мѣстами куски угля и комки угольной массы. Они встрѣчались на всемъ пространствѣ могилы и всего больше въ Ю. З. углу ея. Раскопка была поведена осторожнѣе, чтобы открыть слой. Но онъ оказался такой незначительной толщины, что вполнѣ обнаружился только тогда, когда прошли ниже его: тогда онъ ясно открылся въ стѣнкахъ могилы. Онъ шелъ вокругъ всего овала, слѣд. покрывалъ всю поверхность могилы на глубинѣ $\frac{3}{4}$ арш. Толщина его была не болѣе 1— $1\frac{1}{2}$ вершка. Слой состоялъ изъ пенельной массы,

слабо выдѣлявшейся на массѣ окружающаго песку. При дальнѣйшей раскопкѣ, въ томъ же Ю.-З. углу, на глубинѣ 1 аршина, встрѣтили кучку очень рыхлой угольной массы, перемѣшанной съ сгнившими волокнами какой-то растительности и съ кусочками угля. Эти волокна нельзя принять за корни росшей на могилѣ сосны: они не имѣли никакого сходства съ корнями, притомъ же сосна росла не въ ю.-з. углу, а около центра могилы. Около угольной кучки, на одномъ уровнѣ съ нею, лежала кучка бѣлаго песку. На той же глубинѣ 1 арш., въ противоположномъ ю.-в. углу могилы, нашли: а) четырехугольный продолговатый *кусочекъ вохры* и въблизи его б) обдѣланный *камышекъ*, своею формою напоминающій стрѣлу. На глубинѣ двухъ аршинъ показался въ южной сторонѣ могилы *косякъ*. Нѣсколько позже обнаружился и *другой косякъ*, въ сѣверной сторонѣ могилы, ниже перваго на одну четверть (т. е. точно также, какъ и косяки въ могилѣ № 2). Правая сторона одного косяка, и лѣвая другого (какъ и въ могилѣ № 2) оказались подъ нетронутою землею, т. е. подъ камнями. При очисткѣ косяковъ отъ земли, найдена была только *половинка серебряной бляхи*, такой же формы и рисунка, какъ и бляха предъидущей могилы, но нѣсколько большаго размѣра. Она лежала въ томъ же самомъ мѣстѣ, т. е. на 1½ вершка выше лѣвой ступни перваго косяка. Косяки оказались въ слѣдующемъ положеніи. Косякъ первый лежалъ на спинѣ, головою къ З., ногами къ В., но голова была обращена лицомъ не на В., а прямо на Ю., т. е. при положеніи тѣла на спинѣ, голова его была совершенно повернута на правую щеку, такъ, что сверху былъ видѣнъ только весь лѣвый профиль лица. Черепъ хорошо сохранился, — проломовъ нѣтъ. Обѣ челюсти были сжаты, отъ нижней челюсти сохранилась только половина; грудная клѣтка хорошо сохранилась. Лѣвая рука протянута вдоль тѣла, а правая положена на груди. У обѣихъ рукъ сохранились кисти. Тазовыя кости и ноги со ступнями сохранились вполнѣ. Ноги протянуты. Косякъ *второй* найденъ въ необыкновенномъ положеніи: прежде всего открылся черепъ, лежавшій теменемъ вверхъ; поверхъ темени лежала приподнятая вверхъ ручная кость, выходившая изъ за стороны черепа, обращенной къ В. У обращенной къ З. стороны черепа была открыта

другая ручная кость, также приподнятая вверх, но возвышавшаяся не надъ черепомъ, а сбоку его. Тутъ-же около черепа, ниже ручныхъ костей, найдены двѣ плечевыя кости. Остальныя кости: часть позвоночнаго столба (безъ грудной кѣтки), тазъ и ноги найдены были на разстояніи $1\frac{1}{2}$ арш. отъ того мѣста, гдѣ лежала голова, въ прямомъ направленіи отъ нея на В. Они были положены также какъ и у перваго костяка, т. е. въ направленіи отъ З. къ В. Ноги съ одною лѣвою ступнею протянуты. Такимъ образомъ, голова съ плечами и руками была отдѣлена отъ остальнаго туловища. Нѣтъ сомнѣнія, что это отдѣленіе совершено передъ погребеніемъ, т. е., что у втораго костяка была *отрублена голова съ верхнею частию туловища*. Эта часть тѣла была положена своею отрубленною стороною на дно могилы, такимъ образомъ, что лицо было обращено къ первому костяку, т. е. подобно послѣднему смотрѣло на Ю. Слѣдоват. затылокъ черепа втораго костяка обращенъ на С., правый бокъ на З., лѣвый на В. Лѣвая рука покойника была поднята вверхъ и положена черезъ темя. Правая рука также была приподнята вверхъ, но не черезъ голову, а сбоку ея, возвышалась надъ правымъ ухомъ. Положеніе остатковъ плечевыхъ костей соответствують указанному положенію рукъ. Черепъ втораго костяка немного меньше черепа перваго. Проломовъ и другихъ поврежденій нѣтъ. Нижняя челюсть не сохранилась. Основывалась на томъ, что тазъ втораго костяка значительно шире таза перваго, а также на томъ обстоятельстве, что второй костякъ лежалъ въ той же сѣверной сторонѣ могилы № 3, въ которой найденъ и костякъ (предполагаемый женскій) въ могилѣ № 2, можно придти къ заключенію, что второй костякъ также *женскій*. Оба костяка могилы лежали на нетронutomъ песчаномъ материкѣ. Величина костяковъ и разстояніе между ними остались неизмѣренными: замѣчно только, что послѣднее было значительное, чѣмъ въ другихъ могилахъ. Изъ костей взяты въ музей института *оба черепа*.

При раскопкѣ слѣдующей могилы, производившейся также послыно, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина найдены два костяка, головами на З., ногами къ В. Изъ этихъ костяковъ одинъ былъ меньше другаго, съ широкимъ тазомъ, что послужило и здѣсь поводомъ къ предположенію, что онъ принадлежитъ лицу женскаго пола. На этомъ послѣднемъ скелетѣ найдены

слѣдующіе предметы: *два* бронзовые, витые на подобіе веревки, *браслета*, изъ которыхъ одинъ найденъ на ручной кости, а другой—около, пониже; двѣ бронзовыхъ *серги*; одна изъ нихъ въ осколкахъ, частію потерянныхъ, и наконецъ, отлично сохранившійся мѣдный *амулетъ*, изображающій звѣря въ видѣ конька; въ амулетѣ имѣется дырочка. Черепъ на женскомъ костякѣ оказался *пробитымъ* тупымъ орудіемъ, нижняя часть этого скелета найдена не вполне. Мужской же скелетъ хорошо сохранился; ноги его лежали вытянутыми правильно, а черепъ повернуть въ сторону къ женскому костяку.

За тѣмъ обращено было вниманіе на могилу, по объему очень малую, именно въ 1 аршинъ длины и такой же ширины, но также тщательно обложенную вокругъ небольшими камнями; она находилась рядомъ съ большой могилой. Очевидно, что здѣсь былъ зарытъ младенецъ; а если такъ, то обстоятельство это казалось интереснымъ въ томъ отношеніи, что народъ, нѣкогда здѣсь обитавшій, придавалъ значеніе погребенію не только взрослыхъ, но и дѣтей. При раскопкѣ, на глубинѣ одного аршина, найдено нѣсколько маленькихъ костей и часть небольшого черепа, почти совсѣмъ сгнившаго; угольного же слоя вовсе не обнаружено. Слѣдующая могила имѣла въ окружности 5 саж. и 1 арш., форма круглая, нѣсколько овальная; поверхность ея возвышалась отъ земли на $\frac{1}{2}$ арш.; могила обложена была въ основаніи большими неровными камнями, въ три ряда; изъ этихъ камней одинъ былъ особенно большой и находился на З.; впоследствии, при раскопкѣ, здѣсь найденъ былъ черепъ. Угольный слой, т. е. пенельнаго цвѣта земля, перемежающаяся съ углями, показала на глубинѣ одного аршина; за тѣмъ, поларшина ниже, открытъ и самый *костякъ*, лежавшій съ вытянутыми руками и ногами. Въ ногахъ найденъ небольшой глиняный *горшокъ*, съ ободочками, выцарапанными по глинѣ; присутствіе тонкихъ волокнистыхъ ростковъ на днѣ горшка указывало на существованіе въ немъ когда то зеренъ, составлявшихъ, вѣроятно, матеріалъ для пищи. Находка горшка *въ могилахъ* была первая и единственная, тогда какъ при разрытіи сопокъ (о чемъ будетъ сказано ниже) присутствіе горшка въ каждой насыпи было явленіемъ неизмѣнно повторявшимся. Никакихъ другихъ предметовъ, не смотря на всю тщательность, съ которою производилась раскопка, не найдено.

При дальнѣйшихъ раскопкахъ могилъ, изъ коихъ въ трехъ оказалось по одному костяку, а въ двухъ по два (по признакамъ мужской и женскій) никакихъ особенностей не обнаружено. Изъ предметовъ въ нихъ найдено *три серги, 4 бронзовыхъ кольца, желтая стеклянная буса и бронзовая пуговица*, имѣющая на поверхности трехъугольную форму, на которой выдолбленъ рисунокъ. При пуговицѣ, подъ основаніемъ ея, сохранилась, благодаря вѣроятно дѣйствию металла, часть ветхой шерстяной матеріи во всю ширину ободка пуговицы.

Наконецъ, послѣдняя могила имѣла своеобразную продолговатую форму, съ небольшимъ отрогомъ въ одной сторонѣ; въ окружности она имѣла до 15-ти сажень; ширина ея равнялась съ небольшимъ двумъ аршинамъ, а длина 6-ти саженьямъ; эта могила обрамлена была, подобно прочимъ могиламъ, камнями. Крестьяне, въ виду ея оригинальной формы, называли ее мѣгилой богатыря. При раскопкѣ, начатой одновременно съ двухъ концовъ, въ ней найдены, на $\frac{3}{4}$ аршинной глубинѣ, множество человѣческихъ костей, въ безпорядкѣ перемѣшанныхъ съ лошадиными; не смотря на это нельзя было однако не замѣтить, что костяки, числомъ до 15-ти, лежали поперегъ могилы. При этомъ найдена *часть удила, желѣзныхъ, весьма заржавленныхъ.*

В. Насыпи безъ камней (сопки).

Изъ насыпей безъ камней (сопокъ), по величинѣ своей требовавшихъ болѣе времени для изслѣдованія, раскопано было 10.

Первая изъ раскопанныхъ сопокъ стояла какъ бы особо, въ двухъ сажняхъ отъ проселочной дороги. Окружность ея у подошвы равнялась 11 саженьямъ $2\frac{1}{2}$ арш., высота $1\frac{1}{2}$ арш., длина чрезъ поверхность отъ С. къ Ю. и отъ В. къ З. почти одинакова, около 5 сажень. Для раскопки насыпь была раздѣлена на четыре равныя части, изъ которыхъ приступлено было къ раскопкѣ сѣверовосточнаго сегмента. При послойномъ снятіи земли, на глубинѣ около четырехъ вершковъ показался слой желто-сѣраго песку, изъ котораго состоитъ вся почва Хотовскаго бора; за тѣмъ, на глубинѣ 1 аршина, угольный слой толщиной не болѣе двухъ вершковъ, послѣ котораго вновь—слой песку. Въ этомъ послѣднемъ слой,

на глубинѣ двухъ аршинъ отъ вершины, найденъ костякъ, лежащій навзничъ, лицомъ на В. Отдѣленная нижняя челюсть лежала на черепѣ; ноги вытянуты естественнымъ образомъ, а изъ ручныхъ костей, кисть лѣвой руки, снабженная металлическими украшеніями, оказалась прилипшею къ лѣвой сторонѣ таза; причеиъ, благодаря присутствію металла, сохранились не только составы пальцевъ, но частію и самая кожа (*). Съ правой стороны черепа найдены были: *копье*, *воздикъ*, *пряжка* и двѣ разломанныя *бляхи*, прикрѣпленныя къ куску сгнившаго дерева, на лѣвой рукѣ—*браслетъ*, два витыхъ *кольца*, и близъ руки серебряная *арабская монета*. У ногъ костяка найденъ *горшокъ* съ остатками на днѣ тонкихъ волоконъ.

Вторая сопка имѣла 12 сажень въ окружности, $3\frac{1}{2}$ сажени между діаметрально-противуположными точками, чрезъ вершину, и 1 аршинъ высоты. При раскопкѣ, въ $\frac{1}{2}$ аршина глубины, показались слѣды угля, въ отдѣльныхъ кусочкахъ и въ влажной угольной массѣ. Угольные остатки шли полосою въ $1\frac{1}{2}$ аршина ширины кругомъ сопки. Къ краямъ насыпи угля было больше, къ внутренней сторонѣ—меньше, въ срединѣ же круга полосы былъ чистый песокъ. На аршинъ глубины отъ поверхности сопки, ниже угольнаго слоя, найденъ былъ въ сторонѣ глиняный *горшокъ* безъ украшеній ($3\frac{1}{4}$ вершк. высоты и $3\frac{1}{4}$ вершк. ширины въ выпуклой его части) и маленькая косточка.

Размѣры третьей сопки были: 19 сажень въ окружности, 7 саж. между діаметральными точками чрезъ вершину и 2 арш. высоты. Найденный въ этой сопкѣ костякъ лежалъ, на поларшина ниже угольнаго слоя, головою къ З., ногами же къ В. Костякъ имѣлъ $2\frac{1}{4}$ арш. длины. Черепъ небольшихъ размѣровъ, безъ нижней челюсти, лежалъ бокомъ, лицомъ къ С. У самаго черепа, какъ-бы на шеѣ, лежали ручныя кости. Реберъ и спиннаго хребта вовсе не оказалось. Тазовая часть была очень широкая, ноги лежали немного раздвинутыми, а ступни ногъ были сравнительно очень малаго размѣра. У бедръ найденъ *железный остроконечный ножъ*, безъ черенка.

(*) Подобнаго рода послѣдствія близости металла я имѣлъ случай наблюдать при прежнихъ раскопкахъ у деревни Ново-Сиверской. См. Сборн. Археолог. Инст. книга 2-я, отд. I, стран. 109.

Въ ногахъ стоялъ глиняный *горшокъ*, наполненный пескомъ. На горшкѣ имѣются украшенія: подъ невысокимъ горлышкомъ идутъ вкось полосы изъ точекъ, ниже, на выпуклой части горшка, идутъ продольныя линіи, еще ниже зигзаги изъ нѣсколькихъ чертъ.

Слѣдующая сопка была разрыта на Ю. В. отъ двухъ предыдущихъ. Она была одинаковаго съ ними устройства, только больше размерами, а именно: 24 саж. въ окружности и $2\frac{1}{4}$ арш. высоты; поверхность поросла небольшими соснами. На двухаршинной глубинѣ найдены черепки разбитаго глинянаго горшка, безъ украшеній, и обломки желѣза, изъ которыхъ одинъ *въ родѣ рукоятки кинжала*; другой обломокъ (продолговатый кусокъ желѣза) составлялъ продолженіе перваго, вѣроятно *лезвіе*. Обѣ части выѣтъ были длиною въ 4 вершка. Кромѣ того, найденъ желѣзный *окончничій копь* ($1\frac{3}{4}$ вершка длины и $\frac{5}{8}$ вершка ширины въ нижней части). Всѣ эти желѣзные обломки были хрупки и сильно разѣдены ржавчиной. Костяка не обнаружено въ сопкѣ, и судя по состоянію желѣза, найденнаго въ ней, можно предположить, что костякъ весь сгнилъ.

Въ слѣдующихъ *сопкахъ* устройство какъ вышнее, такъ и внутреннее, воишь согласовалось съ устройствомъ вышеописанныхъ сопокъ; въ каждой изъ нихъ найдено по костяку, въ ногахъ котораго находился *горшокъ* съ слѣдами лежавшихъ въ немъ когда то зеренъ. Въ одной изъ нихъ, по измѣренію, оказалось 34 арш. въ окружности, 12 арш. черезъ поверхность. Костякъ лежалъ на глубинѣ двухъ аршинъ отъ поверхности сонки, череномъ навзничъ, руки вытянуты по бедрамъ; предметовъ никакихъ не найдено, равно какъ и въ двухъ слѣдующихъ сопкахъ (кромѣ горшковъ). Наконецъ, въ послѣдней сопкѣ костякъ также оказался лежащимъ головою навзничъ къ Ю. В.; при чемъ около черепа найдены *два бусы*, костяная и стеклянная, *два серги* различныхъ рисунковъ (одна бронзовая въ формѣ треугольника, съ привѣсками трехъ небольшихъ треугольниковъ, а другая серебряная въ видѣ полумѣсяца) и желѣзный гвоздь, вбитый въ обломокъ дерева, почти совершенно сгнившій нынѣ отъ времени.

Кромѣ Хотовскаго бора, въ означенной мѣстности находится группа сопокъ, лежащая къ Ю. З. отъ описаннаго выше кладбища,

въ разстояніи полуверсты отъ него, на крестьянской землѣ дер. *Межницы*. Эта группа сопокъ расположена между тѣми же дорогами: проселочною въ дер. Межницы и почтовою въ д. Зовки. Всѣхъ сопокъ десять: семь круглыхъ и три овальныхъ. Онѣ расположены довольно правильно — въ три ряда, которые тянутся въ направленіи отъ С. В. къ Ю. З.; въ первомъ ряду (у проселочной дороги) четыре сопки, во второмъ (среднемъ) ряду — три сопки и въ третьемъ ряду (у почтовой дороги) еще три сопки. Всѣ онѣ значительныхъ размѣровъ: высота ихъ отъ 1 до 2-хъ сажень, окружность основанія отъ 50 до 80 аршинъ; нѣкоторыя окружены рвами; камней нѣтъ. Вершины тупыя, на нѣкоторыхъ есть углубленія.

Къ С. З. отъ этой „Межницкой группы“ и къ З. отъ кладбища Хотовскаго бора, въ разстояніи полуверсты отъ того и другаго пунктовъ, лежитъ на крестьянской землѣ дер. Полицы — *группа сопокъ съ валомъ*, расположенныхъ, подобно Межницкимъ, въ три ряда, въ направленіи отъ С. З. и З. къ Ю. В. и В. Всѣхъ сопокъ семь (восьмая — едва замѣтна): въ первомъ ряду (съ лѣвой стороны — идя отъ Межницкой группы) — три сопки, во второмъ (среднемъ) сначала идетъ валъ, а за нимъ 3 сопки, въ третьемъ ряду (справа) — одна небольшая сопка, за которою видны остатки другой. Эти сопки меньше Межницкихъ: высота ихъ отъ одного до двухъ аршинъ, окружность основанія — отъ 40 до 60 аршинъ. Только первыя двѣ сопки перваго ряда подходятъ къ Межницкимъ: онѣ имѣютъ болѣе сажени высоты. Почти всѣ сопки окружены по подошвѣ рвами. На вершинѣ нѣкоторыхъ сопокъ находятся углубленія, также деревья и кусты; камней нѣтъ.

Было приступлено къ изслѣдованію двухъ сопокъ, одна изъ которыхъ, находившаяся съ лѣвой стороны отъ конца вала, имѣла 24 саж. въ окружности, 12 саж. между діаметрально противоположными точками чрезъ вершину и $1\frac{1}{4}$ арш. высоты; другая же сопка имѣла 15 саж. 1 арш. въ окружности, 5 сажень въ діаметрѣ чрезъ вершину и $1\frac{1}{4}$ арш. высоты. Первую сопку разрывали прежде колодецемъ въ срединѣ, потомъ рвомъ съ Ю.-З. стороны къ центру въ глубину до $1\frac{1}{2}$ арш. Вторую сопку раскапывали угломъ, т. е. кольями

обозначили С.-В. уголь, который и разрыли до материка на $1\frac{1}{2}$ арш. глубины. На вырытых стѣнкахъ, немного выше уровня поверхности земли окружающей сопку, обнаружилась темная полоса, начинавшаяся на аршинъ отъ края сопки и утолщавшаяся къ ея серединѣ. Въ полосѣ этой попадались мѣстами кусочки угля, мѣстами части жженныхъ костей. Никакихъ предметовъ въ этихъ сопкахъ не найдено.

Во *второй поѣздкѣ*, въ Валдайскій уѣздъ Новгородской губерніи, происходившей въ сентябрѣ 1879 г., приняли участіе слушатели института: Даниловъ, Шишкинъ, Благовѣщенскій, Туганъ-Барановскій и Тимаевъ. Поѣздка эта предпринята была по письменному приглашенію мѣстнаго помѣщика, извѣстнаго любителя и собирателя памятниковъ древности, князя П. А. Путятина, и на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ вернувшимся изъ той мѣстности В. А. Прохоровымъ.

Раскопки въ Валдайскомъ уѣздѣ произведены были въ двухъ мѣстахъ: 1) въ Ладыгинскомъ бору, Хотиловской волости, въ междурѣчьи двухъ рѣкъ, Ладыгинки и Жерновки, на землѣ крестьянъ села Куженкина, и 2) въ Осиновомъ рогу, Ильятинской волости, близъ озера Кузина, въ имѣніи помѣщика Н. Н. Рыкачева.

Проѣзжая отъ Бологова до междурѣчья въ Ладыгинскомъ бору, изслѣдователи нашли *древнее кладбище*, расположенное на берегу озера Славинскаго, въ полуверстѣ отъ деревни Гридина, на двухъ вспаханныхъ холмикахъ, отстоящихъ другъ отъ друга въ 20 саженьяхъ, и притомъ такъ, что нижняя часть кладбища приходится на самомъ краю берега. Могилы этого кладбища, большею частію продолговатыя, обложены камнями, изъ которыхъ нѣкоторые въ формѣ плитъ, старательно обтесанныхъ, врыты въ землю ребромъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ камней выбиты очень грубо кресты. Могилы расположены безъ всякой симметріи.

Курганы въ *Ладыгинскомъ бору* оказались нетронутыми; они большею частію обросли деревьями; форма ихъ круглая, безъ камней въ основаніи. Наслоеніе насыпи одинаково однообразно: послѣ наносной земли, составляющей поверхность сопокъ, слѣдуетъ красноватый песокъ, затѣмъ сѣрый, смѣшанный съ углемъ и угольнымъ цепломъ, и наконецъ бѣлый, рѣчной.

Костяковъ ни въ одномъ курганѣ не найдено, но попадались груды жженныхъ костей, преимущественно въ центрѣ сопокъ, вмѣстѣ съ остатками кострищъ. Изъ этого обстоятельства можно было вывести заключеніе, что въ этой мѣстности существовалъ обычай сожженія мертвыхъ. Въ нѣкоторыхъ, такое сожженіе происходило на верху сопокъ, такъ какъ уголь и жженныя кости встрѣчаются на $\frac{1}{4}$ арш. отъ поверхности, въ другихъ признаки костра находятся въ разныхъ направленіяхъ, выше и ниже отъ поверхности къ матеріку. Попадались такія сопки, въ которыхъ костей совсѣмъ не было, а только слабые признаки костра, т. е. угля и пепла. Мѣра насыпей не одинакова: отъ 7 до 24 саж. въ окружности и отъ 1 до 4 арш. высоты.

Первая изъ этихъ сопокъ стояла въ ряду другихъ пяти сопокъ, на краю большой лѣсной прогалины. Въ окружности она имѣла 13 саж. и $\frac{1}{2}$ арш., отъ В. къ З. черезъ поверхность 4 саж. и 1 арш., и отъ С. къ Ю. 4 саж., т. е. была почти круглая. Недалеко отъ центра сопки, къ южной сторонѣ ея, на глубинѣ 4 арш., найдена темносѣрая масса обуглившихся костей и черепокъ отъ горшка. На сѣверо западной сторонѣ насыпи, на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш., открытъ высокій, самой грубой ручной работы, *горшокъ*, накрытый, другимъ такимъ же, горшкомъ, который, отъ давленія земли, сломался и обрушился. Въ найденномъ горшкѣ лежало множество мелкихъ костей и желѣзный заржавленный *ножичекъ*. Горшокъ окруженъ былъ пепельнымъ слоемъ.

Слѣдующая сопка имѣла 17 саж. $2\frac{1}{2}$ арш. въ окружности, отъ С. къ Ю. чрезъ вершину 17 саж. 2 арш. и отъ В. къ З. 15 саж. $2\frac{1}{2}$ арш., т. е. также была почти круглая. На вершинѣ этой сопки найдена груда жженныхъ костей.—Равнымъ образомъ и въ третьей сопкѣ, имѣвшей въ окружности 13 саж. и чрезъ вершину отъ С. къ Ю. и отъ В. къ З. по 4 саж., ничего кромѣ жженныхъ костей, на глубинѣ $\frac{1}{4}$ арш. отъ поверхности, не обнаружено.

Изъ сопокъ, находившихся въ самомъ лѣсу, одна имѣла $10\frac{1}{2}$ саж. въ окружности, черезъ вершину 3 саж., и высоты $1\frac{1}{4}$ арш. На глубинѣ четверти аршина отъ поверхности съ боку, найдены *горшокъ*, грубой ручной работы, покрытый другимъ вверхъ дномъ и наполненный костями, по видимому, какого-то мелкаго животнаго. По сторонамъ гор-

шка лежали груды костей, а между ними найдены *обломки бронзовых стремянь*. Глубже на 1½ арш. отъ поверхности лежали кости, очевидно животныхъ, между которыми хорошо уцѣлѣли позвѣныя кости и позвонки лошади. При ближайшемъ разсмотрѣніи горшка (½ аршина вышины), въ немъ найдены волокнистые ростки, указывавшіе на нахождение въ немъ когда-то зеренъ, желѣзный *ножикъ*, сходный съ найденнымъ въ предыдущихъ сопкахъ, и однозубчатая *вилка*.

Разрытая за тѣмъ сопка имѣла также 10½ саж. въ окружности и 4½ чрезъ вершину. Кромѣ костей животныхъ, въ кострищѣ найдены четыре расплавленныхъ стеклянныхъ шарика.

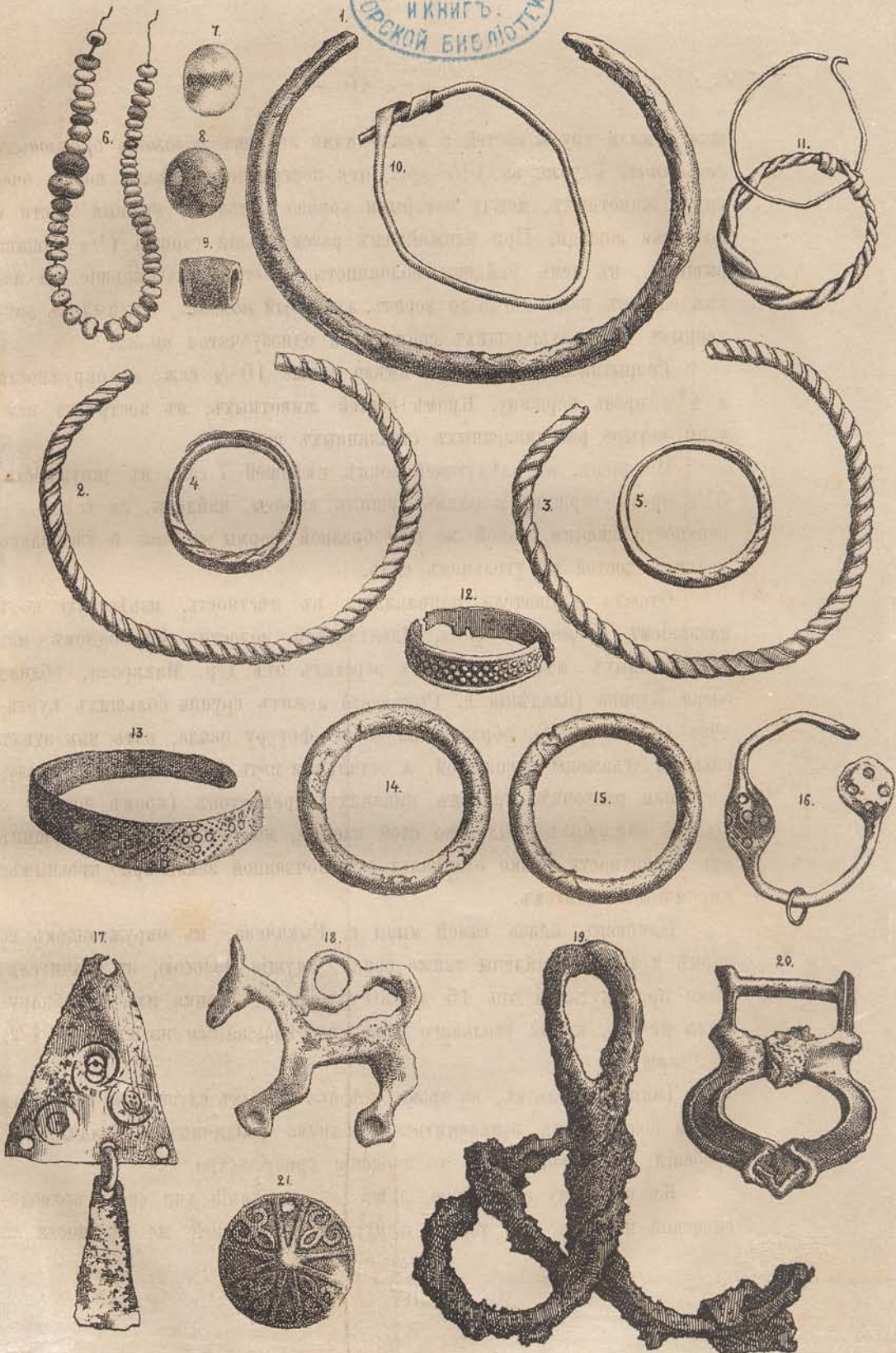
Наконецъ, въ слѣдующей сопкѣ, имѣвшей 7 саж. въ окружности, 3½ чрезъ вершину и одинъ аршинъ высоты, найдены, на самой поверхности насыпи, такой же своеобразной формы *ножикъ* и нѣсколько мелкихъ костей въ угольномъ слоѣ.

Отсюда слушатели направились въ мѣстность, извѣстную подъ названіемъ *Осиновый рогъ*, Ильитинской волости. На одномъ изъ возвышенныхъ мѣсть, въ трехъ верстахъ отъ дер. Макарова, вблизи озера Кузина (владѣнія г. Рыкачева) лежитъ группа большихъ кургановъ (числомъ 10), образующая собою фигуру овала; пять изъ этихъ насыпей сглажены распахкой, а остальные пять были подвергнуты слушателями раскопкѣ; причемъ никакихъ предметовъ (кромѣ ножика и костей) найдено не было, но слой насыпи, на глубинѣ 1—2 аршинъ отъ поверхности, рѣзко отличался отъ почвенной земли ярко краснымъ, кирпичнымъ цвѣтомъ.

Наконецъ, близъ самой мызы г. Рыкачева, въ окружающемъ ее паркѣ и поляхъ, найдены также сопки, идущія полосею, съ значительными промежутками отъ 15 до 30 сажень. Раскопка ихъ не обнаружила ничего, кромѣ угольнаго слоя, встрѣчавшагося на глубинѣ 1½—2 арш.

Такимъ образомъ, во время поѣздокъ своихъ слушатели института имѣли возможность ознакомиться съ двумя различными обрядами погребеній, существовавшихъ до введенія христіанства.

Къ крайнему сожалѣнію, лишь въ послѣдніе дни своей археологической поѣздки, они узнали о курганахъ здѣшней же мѣстности съ

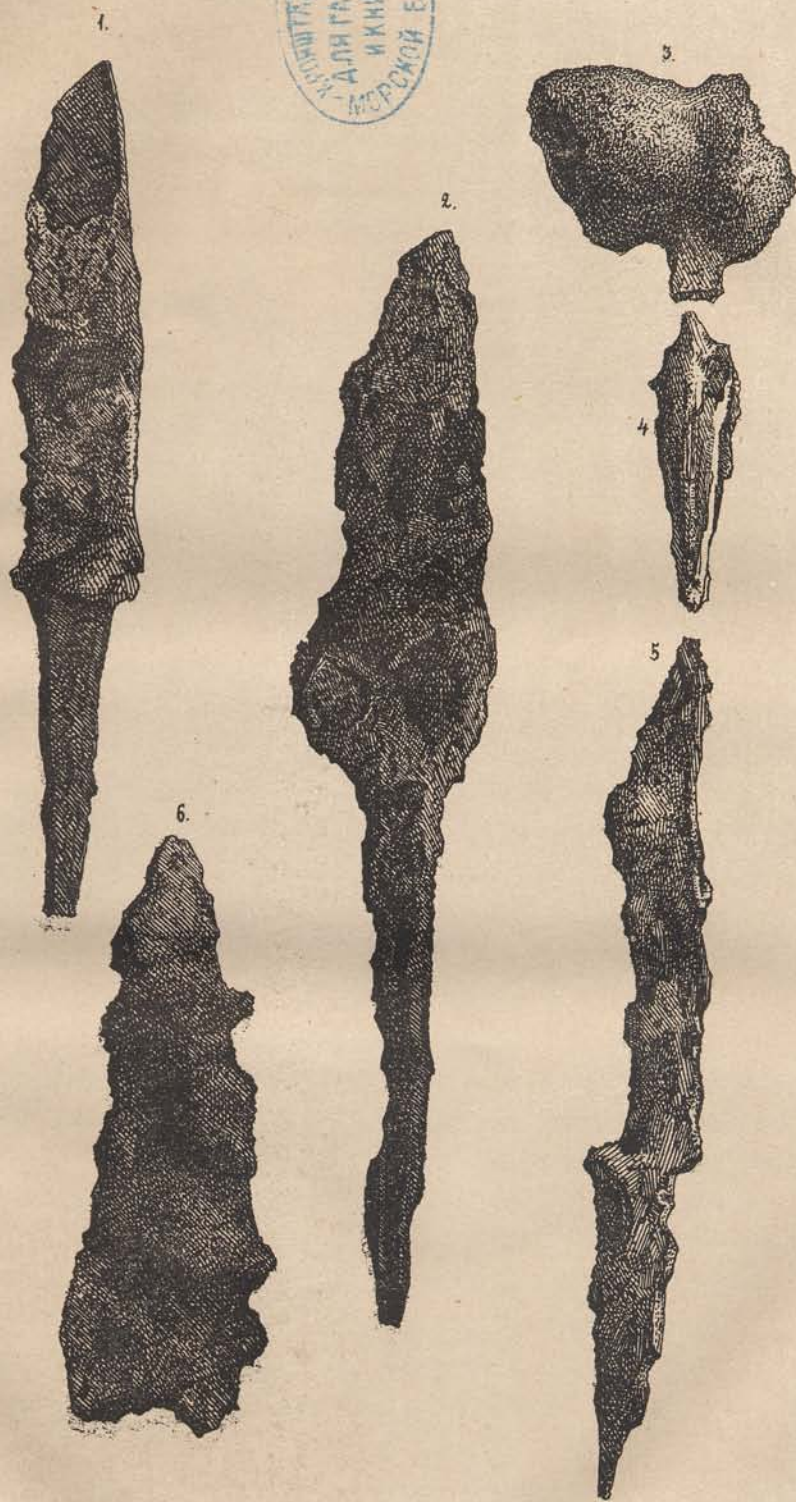
Из статей И. Данилова.

1—браслетъ (см. стр. 35); 2 и 3—витые браслеты (см. стр. 33); 4, 5 и 12—кольца (см. стр. 34); 6—мелкія бусы; 7 и 9—бусы (см. стр. 36); 8—буса (см. стр. 34); 10 и 11—серьги (см. тамъ же); 14 и 15—кольца (см. стр. 35); 16—серебряная серьга (см. стр. 36); 17—бронзовая серьга (см. тамъ же); 18—мѣдный амулетъ (см. стр. 33); 19—часть удили (см. стр. 34); 20—пращка (см. стр. 35); 21—пуговица (см. стр. 34). 13—маленікій браслетъ.

Къ статьѣ И. Данилова

1, 3, 4, 5 — желѣзные ножи (см. стр. 39 и 40); 2 — желѣзная однозубчатая била (см. стр. 40); 6 — обломок бронзовыхъ стремянъ (см. стр. 40); 7 — брактеата (см. стр. 28—30).

Къ статѣ И. Данилова.

1—ножъ (см. стр. 35); 2—наконечникъ стрѣлы (см. стр. 21); 3—6—остатки желѣзныхъ орудій (см. стр. 36).

третьимъ способомъ погребенія умершихъ, именно преданіемъ ихъ землѣ въ сидячемъ положеніи; вслѣдствіе чего раскопки этихъ интересныхъ могилъ, относящихся, какъ извѣстно, по такимъ же находкамъ въ западныхъ государствахъ, также къ весьма древнему времени, оставлены до будущаго года.

Предметы, найденные при раскопкахъ, помѣщены въ музеѣ археологическаго института.

Въ заключеніе, нельзя не упомянуть съ глубокою признательностью о томъ искреннемъ радушномъ приѣмѣ, который встрѣчали, во время обѣихъ поѣздокъ, директоръ института и слушатели какъ между мѣстными землевладѣльцами (А. Н. Стефановичъ, Г. И. Жаринова, князь П. А. Путятинъ, Н. Н. Рыкачевъ), такъ и въ средѣ крестьянскаго населенія. Нѣкоторые изъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ предложили имъ не только помѣщеніе въ своихъ домахъ, но также окружили ихъ всеми возможными удобствами, такъ что имъ почти не приходилось испытывать лишеній, обыкновенно неизбѣжныхъ въ отдаленныхъ поѣздкахъ по глухимъ мѣстамъ. Такое радушіе объясняется, думаемъ мы, не только однимъ, свойственнымъ русскимъ людямъ, гостепріимствомъ, но и сознательнымъ сочувствіемъ къ цѣли поѣздки, предпринятой въ интересахъ науки.

И. Даниловъ,
слушатель Института.

29 ноября 1879 г.

О работахъ слушателей Института въ архивахъ и осмотрѣ памятниковъ древностей въ 1879 году.

Имѣя въ виду представить въ настоящей статьѣ нѣкоторыя данныя о работахъ, производившихся почетными членами и слушателями археологическаго института въ разныхъ архивахъ, и объ осмотрѣ ими памятниковъ древностей въ разныхъ мѣстахъ въ теченіи лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ текущаго года, я не буду повторять того, что уже извѣстно о произведенныхъ нѣкоторыми изъ нихъ раскопкахъ въ нынѣшнее же лѣто *). Считаю однако не лишнимъ заявить здѣсь объ одной весьма, по мнѣнію моему, полезной работѣ по части нанесенія на карты кургановъ, находящихся въ разныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества, — именно о предпринятомъ однимъ изъ помѣщиковъ Валдайскаго уѣзда, въ имѣніи котораго мы производили раскопки, *Н. Н. Рыкачевымъ*, вмѣстѣ съ слушателемъ института *А. Н. Шишкинымъ*, составленіи карты на нѣскольکو верстъ длины и широты его мѣстности, съ нанесеніемъ на ней всѣхъ кургановъ или *сопокъ*, какъ они здѣсь называются, которыхъ очень много въ этомъ и сосѣднихъ съ нимъ имѣніяхъ. Такая карта, будучи составлена на основаніи надлежащихъ правилъ о съемкахъ, можетъ служить для всѣхъ интересующихся раскопками указаніемъ, что онѣ могутъ быть производимы въ обнимаемой ею мѣстности, а присоединенныя къ ней примѣчанія представлять необходимыя данныя для опредѣленія того значенія, какое раскопка ихъ можетъ имѣть для науки. Если бы такая карта могла

(*) Первое свѣдѣніе объ этихъ раскопкахъ было помѣщено въ № 282 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, болѣе же подробный объ нихъ отчетъ представляетъ статья *И. Г. Данилова*, напечатанная выше (см. стр. 20—41).

вмѣстѣ съ тѣмъ послужить поводомъ и примѣромъ для составленія подобныхъ ей въ другихъ мѣстностяхъ, то очевидно, какое чрезъ нихъ пособіе мы приобрѣли бы въ непродолжительное время для изученія кургановъ въ разныхъ частяхъ Россіи.

Что же касается собственно до работы въ архивахъ, то здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ одна задуманная и предпринятая еще въ прошедшемъ году — это работа надъ новымъ изданіемъ Уложенія царя Алексея Михайловича, съ объясненіемъ его содержанія тѣми документами, которые предшествовали его составленію, но хранятся еще большею частію необнародованными въ нашихъ архивахъ. Предпріятіе это было въ свое время встрѣчено съ живымъ сочувствіемъ не только нѣкоторыми изъ профессоровъ-юристовъ, но и другими знатоками нашей старины. Въ теченіи нынѣшняго лѣта слушатели *Д. М. Мейчикъ* и *К. А. Шапошниковъ* занимались по этому предмету въ московскихъ архивахъ министерствъ юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, въ московскомъ же архивѣ при синодальной типографіи и въ тамошней публичной библіотекѣ. Не здѣсь конечно мѣсто исчислять въ подробности тѣ акты, которые извлечены изъ этихъ драгоценныхъ хранилищъ рукописей, благодаря двухмѣсячнымъ трудамъ въ нихъ г. Мейчика. Нелишнимъ считаю однако замѣтить, что для разъясненія судныхъ главъ Уложенія сдѣланныя имъ выписки, относящіяся къ годамъ 1616 по 1646-й, имѣютъ существенное значеніе. Такъ указъ 23 марта 1625 года, объ отдачѣ на оброкъ Павлу Лошакову озера Стержа, утверждаетъ право на владѣніе этимъ озеромъ за тѣмъ, кто сдѣлалъ его извѣстнымъ правительству. Такъ, грамота 13 октября того же года, Тотемскому воеводѣ, выясняетъ, что холопы записныя книги, которыя велись въ замосковныхъ городахъ, ежегодно доставлялись воеводами въ Москву. Такъ, указъ и боярскій приговоръ 9 октября 1636 года, послужившій источникомъ для статей 35, 36 и 66-й XX главы Уложенія, любопытенъ и въ томъ отношеніи, что знакомитъ насъ съ законодательными пріемами московскаго государства. Эти же розысканія сообщаютъ намъ, на основаніи подлинныхъ документовъ, значеніе въ Россіи XVII вѣка клада, какъ собственности землевладѣльца; тогдашній взглядъ на имущественныя права сыновей, при жизни ихъ отцовъ, и точный смыслъ

выраженій: подписная челобитная, дача пристава, приводъ отвѣтчика, явочная челобитная, береженная грамота, очная ставка, ссылка въ послушество, ссылка въ слухъ и въ вѣдомо, и т. под. — Что касается до занятій г. Шапошникова, то, имѣя въ виду разъясненіе XVI главы Уложения, онъ занимался главнымъ образомъ розысканіемъ актовъ, показывающихъ развитіе помѣстныхъ началъ въ примѣненіи къ разнымъ служилымъ людямъ.

Другая работа, привлекавшая меня и другихъ моихъ сотрудниковъ по институту къ занятіямъ въ архивахъ въ теченіи нынѣшняго года, — заключается въ собраніи матеріаловъ о *засѣкахъ* или *чертахъ* въ древней Россіи. Масса документовъ, выписанныхъ мною съ этою цѣлью изъ *строельныхъ* и другихъ книгъ, требовала настоятельно составленія картъ для нанесенія на нихъ тѣхъ остроговъ и селеній, которыя строились на границахъ нашихъ владѣній. Значительное пособіе въ этомъ дѣлѣ взялся оказать мнѣ князь *І. А. Мещерскій*, служащій въ межевой канцеляріи въ Москвѣ. Имѣя подъ рукою въ картахъ конца XVIII столѣтія нанесенныя на нихъ засѣчныя земли, которыя правительство продавало въ то время изъ казны въ частное владѣніе, трудолюбивый изслѣдователь занимается сведеніемъ всѣхъ этихъ мѣстностей нашихъ пограничныхъ сторожевыхъ линій XVII и XVIII вѣка въ одну непрерывную черту для того, чтобы изобразить ее на одной общей картѣ. Понятно, что эта кропотливая задача требуетъ много труда и времени для ея выполненія. Тѣмъ не менѣе, я уже получилъ карту засѣкъ, проходившихъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Орловской, Тульской и Калужской, такъ что надѣюсь издать ее въ свѣтъ съ поясняющими документами въ печатаемой уже 4-й книгѣ „Сборника Археологическаго Института“.

Вблизи съ этою работою связываются три задачи, которыхъ выполненію посвятили себя слушатели института: *Н. Н. Оглоблинъ*, *Е. М. Тимаевъ* и *М. Е. Ческій*. Первый изъ нихъ, на основаніи хранящихся въ состоящей при 1-мъ отдѣленіи 3-го департамента правительствующаго сената литовской метричь писцовыхъ книгъ Полоцкаго повѣта 1563 года, составилъ карту этого повѣта, причемъ, для болѣе правильнаго нанесенія мѣстностей на рѣкахъ и озерахъ, перенесен-

ныхъ на пѣмую карту съ лучшихъ и полнѣйшихъ картъ главнаго штаба, пользовался, кромѣ этихъ картъ, и писцовыми книгами XVII столѣтія. Той же системѣ слѣдовали и при составленіи картъ: г. Тимаевъ Ямскаго уѣзда (Вотской пятины земли Новгородской) въ XV столѣтіи на основаніи писцовой книги, хранящейся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и г. Чевскій— карты уѣздовъ Тульского, Веневского, Дѣдиловскаго и Епифанскаго въ XVI столѣтіи на основаніи писцовыхъ книгъ этихъ уѣздовъ, находящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и картъ генеральнаго межеванія, хранящихся въ Москвѣ же при межевой канцеляріи.

Переходя къ занятіямъ въ архивахъ другихъ слушателей института, мнѣ пріятно заявить, что двое изъ нихъ — *Р. И. Доброхотовъ* и *П. С. Яковлевъ*, состоящіе на службѣ при архивахъ, первый государственнаго совѣта, а второй министерства путей сообщенія, тѣмъ же менѣе находятъ время посѣщать и наше учрежденіе. Этого мало: усвоивъ себѣ, какъ они сами мнѣ заявляли не одинъ разъ, основныя начала, указываемыя имъ въ нашихъ лекціяхъ, касательно храненія и описанія архивныхъ документовъ, оба архивиста уже принесли въ даръ изслѣдователямъ результаты своихъ трудовъ. Г. Доброхотовъ, въ числѣ составляемыхъ имъ описей журналамъ и другимъ бумагамъ, хранящимся въ архивѣ государственнаго совѣта, остановился въ особенности на приведеніи въ порядокъ и описаніи дѣлъ общаго собранія совѣта (съ 1810 г. по 1843-й), не бывшихъ на предварительномъ разсмотрѣніи въ департаментахъ этого учрежденія, и бумагъ комитета председателей государственнаго совѣта, существовавшего въ годахъ 1810 и 1811. Послѣднія были совершенно разбиты, и приурочить ихъ къ извѣстнымъ годамъ и дѣламъ стоило, конечно, большихъ трудовъ. Но эти труды вознаградились съ избыткомъ, когда въ портфеляхъ, приведенныхъ въ порядокъ, оказались не только работы государственнаго совѣта по окончательному образованію министерствъ и самого совѣта, но и бывшія доселѣ почти неизвѣстными бумаги по предполагавшемуся преобразованію правительствующаго сената. Здѣсь нашлись не только проекты сената судебнаго и сената правительственнаго,

но также драгоценныя статьи, касающіяся преобразованія сената, въ концѣ XVIII вѣка, частію начертанныя, частію исправленныя рукою императрицы Екатерины II, и замѣчанія, высказанныя даровитѣйшими изъ членовъ государственнаго совѣта на первые изъ означенныхъ проектовъ, принадлежавшихъ, какъ оказывается по оставшимся бумагамъ, графу Сперанскому, дававшему свои опроверженія на сдѣланныя въ этихъ проектахъ поправки. 7 августа 1811 оба проекта Сперанскаго были утверждены общимъ собраніемъ государственнаго совѣта, но затѣмъ дальнѣйшаго движенія не получили. Съ своей стороны г. Яковлевъ составилъ статью, напечатанную подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія объ архивахъ министерства путей сообщенія“ въ журналѣ этого министерства. Изъ приемовъ, какими руководствовался авторъ при составленіи этой статьи, можно заключить, что онъ съ пользою примѣнилъ къ дѣлу то, что требуется отъ работъ такого рода не только для приведенія документовъ въ извѣстность, но и для присканія ихъ тѣми, кому встрѣчается въ нихъ надобность для ученыхъ или практическихъ занятій.

Одинъ изъ слушателей института, *Д. П. Лебедевъ*, былъ командированъ въ Рязань для разсмотрѣнія предполагаемыхъ къ уничтоженію дѣлъ въ тамошнемъ архивѣ управленія государственныхъ имуществъ. Предварительно этого уничтоженія, г. министръ государственныхъ имуществъ сообщилъ состоящей при министерствѣ народнаго просвѣщенія комисіи объ устройствѣ архивовъ, что она можетъ воспользоваться тѣми изъ документовъ, которые предположено уничтожить въ архивахъ его вѣдомства: Рязанскомъ, Кіевскомъ и Архангельскомъ. Какъ председатель означенной комисіи, я воспользовался этимъ предложеніемъ съ цѣлью составить при археологическомъ институтѣ ученый архивъ, и потому отправилъ, для разсмотрѣнія означенныхъ документовъ, г. Лебедева въ Рязань, имѣя въ виду сдѣлать вскорѣ такіе же поиски въ уничтожаемыхъ дѣлахъ архивовъ Кіевского и Архангельскаго.

Къ исчисленнымъ занятіямъ въ архивахъ присоединяются еще работы того же г. Лебедева въ архивѣ департамента министерства народнаго просвѣщенія для извлеченія изъ его дѣлъ документовъ по народному образованію въ царствованіе Александра I; составляемая почетнымъ членомъ института барономъ *П. Г. Черкасовымъ* извлеченія

изъ частныхъ архивовъ г-жи Вындомской и князя П. А. Путятина; розысканія почетнаго члена института *В. А. Лямина* въ архивахъ минскихъ и витебскихъ, а почетнаго члена *А. А. Орлова* въ архивахъ московскихъ; дѣлаемые слушателемъ института ротмистромъ *А. А. Туранъ-Барановскимъ* въ архивѣ главнаго штаба въ С.-Петербургѣ, а также въ московскомъ его отдѣленіи и въ архивѣ военно-ученаго комитета выписки для составляемаго имъ „историческаго очерка развитія вооруженныхъ силъ Россіи“, и наконецъ приготовляемые къ изданію слушателями института *А. В. Гавриловымъ* и *А. А. Благовещенскимъ* матеріалы, первымъ допетровскаго времени, а вторымъ XIX столѣтія. Г. Гавриловъ, занимаясь преимущественно въ архивѣ св. синода, есть вмѣстѣ съ тѣмъ редакторъ извлеченныхъ имъ изъ этого архива, по званію члена высочайше учрежденной при синодѣ коммисіи для приведенія въ ясность его документовъ и дѣлъ, матеріаловъ, относящихся къ 1724 году, которые должны составить IV томъ издаваемаго означенною коммисіею „Описанія“ упомянутыхъ документовъ и дѣлъ. Имѣя однако въ виду, что этотъ томъ еще не вполне напечатанъ, я позволяю себѣ указать здѣсь на болѣе любопытные документы, которые будутъ въ немъ помѣщены. Таковы: учрежденіе въ Москвѣ публичной всенародной бібліотеки; упраздненіе с.-петербургской типографіи; просвѣщеніе православною вѣрою калмыковъ; мисіонерская дѣятельность тобольскаго митрополита Филоея Лецинскаго; учрежденіе въ иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ школы для изученія монгольскаго языка; учрежденіе въ Москвѣ, въ Андреевскомъ монастырѣ, школы для „зазорныхъ дѣтей“. Минувшимъ же лѣтомъ г. Гавриловъ посѣтилъ съ научною цѣлью нѣкоторые монастыри Ярославской, Орловской и Кіевской епархій. Въ двухъ изъ нихъ, именно въ Площанской пустынѣ (Орловской епархій) и въ ростовскомъ Бѣлогостицкомъ монастырѣ онъ нашелъ, между прочимъ, предметы, которые должны особенно интересоваться археолога, именно въ первомъ собраніе монетъ, въ числѣ которыхъ находится нѣсколько восточныхъ, римскихъ (двухъ первыхъ столѣтій), новгородскихъ, одна тверская XII вѣка, всего же такихъ рѣдкихъ монетъ числомъ 90; а во второмъ одну приходорасходную книгу половины XVII вѣка; опись съ дозорныхъ

книгъ 1621 г.; переписную книгу монастыря 1659 г.; описи монастырскаго имущества разныхъ годовъ; межевыя книги Ростовскаго уѣзда Сотемскаго стана 1771 г. и проч. Здѣсь же г. Гавриловъ встрѣтилъ указаніе на грамоту, данную въ 1555 г. царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ Ростовскому архіепископу Никандру, въ которой упоминается Бѣлогостицкій монастырь, но самой грамоты въ монастырѣ не было; ея не оказалось и въ изданныхъ донныя грамотахъ. Но, розыскивая ее, г. Гавриловъ началъ въ архивѣ св. синода на присланныя сюда изъ разныхъ монастырей, вслѣдствіе требованія синода въ 1764 г., коші съ грамотъ, образовавшія вмѣстѣ 19 книгъ in f^o. Въ числѣ ихъ онъ нашелъ грамоту царя Михаила Ѳеодоровича Ростовскому митрополиту Варлааму, въ которой буквально приводится грамота Грознаго Никандру. Такимъ образомъ оказывается, что Бѣлогостицкій монастырь, вопреки увѣренію писавшихъ о немъ, что онъ существуетъ лишь съ половины XVII вѣка, былъ уже извѣстенъ въ половинѣ XVI. Находка эта подала поводъ г. Гаврилову приступить къ изданію, изъ числа находящихся въ этомъ собраніи грамотъ, тѣхъ, которыя не были доселѣ напечатаны. — Занятія же А. А. Благовѣщенскаго были посвящены разработкѣ собранныхъ имъ въ архивахъ разныхъ духовныхъ учрежденій Казанской губерніи свѣдѣній по части духовнаго просвѣщенія въ Казанскомъ краѣ XVII—XIX столѣтій. Цѣлый трудъ составилъ пространное сочиненіе, которое авторъ подраздѣляетъ на слѣдующія главы: 1) состояніе просвѣщенія на Руси въ періодъ покоренія Казани; 2) покореніе Казани и утвержденіе въ ней христіанства; 3) зилантовская и другія школы святителя Гурія; 4) состояніе духовнаго просвѣщенія въ теченіи XVII вѣка; 5) общія правительственныя мѣры къ распространенію образованія въ духовенствѣ въ первой четверти XVIII столѣтія и учрежденіе въ Казани цифирной школы; 6) Казанская архіерейская славяно-латинская школа (1722—1733 г.); 7) духовная семинарія (1733—1797 г.); 8) Казанская академія (1797—1818 г.); 9) семинарія со времени преобразованія изъ бывшей академіи по новому плану объ усовершеніи духовныхъ училищъ при Императорѣ Александрѣ I до настоящаго времени (1818—1880 г.); 10) Духовныя училища въ губерніяхъ Казанской, Симбирской и Са-

марской (1797—1880 г.). По такой обширности этого труда и специальности разрабатываемых въ немъ отдѣловъ, такъ какъ въ планъ его изложенія входятъ части: учебная, религіозно-правственная, административная и экономическая, онъ не можетъ быть скоро напечатанъ ⁽¹⁾ и потому мы сочли полезнымъ познакомить читателей съ его содержаниемъ.

Отъ двухъ слушателей института — *П. Е. Ваденюка* и *А. Н. Виноградова*, мы имѣемъ свѣдѣніе, что первый изъ нихъ занимается описаніемъ грамотъ XIV и XV столѣтій, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и въ литовской метрицѣ, причемъ имъ представлены мнѣ и сдѣланные съ нѣкоторыхъ изъ такихъ грамотъ снимки; а вторымъ осмотрѣны старинныя церкви и другіе памятники древностей, преимущественно въ Новгородской губерніи; но для большаго уясненія ихъ работъ, отъ нихъ ожидается болѣе подробнаго отчета.

Слушатель *Я. И. Зарницкій* работаетъ надъ рукописями въ библиотекѣ с.-петербургской духовной академіи и въ настоящее время занимается сличеніемъ по рукописнымъ требникамъ софійской и кирилловской бѣлозерской библиотекъ въ означенномъ хранилищѣ такъ называемыхъ *брачныхъ чиновъ* какъ между собою, съ объясненіемъ тѣхъ особенностей, которыми отличаются эти *чины*, такъ и съ брачными обрядами по нашимъ нынѣшнимъ требникамъ.

Наконецъ, одинъ изъ слушателей института, *С. В. Арсеньевъ*, воспользовался поѣздкой нынѣшнимъ лѣтомъ въ свое имѣніе, находящееся въ Уфимской губерніи, чтобы собрать разныя свѣдѣнія о древностяхъ этой восточной окраины московскаго государства, причемъ обратилъ вниманіе и на матеріалы, относящіяся къ устроенной здѣсь засѣчной чертѣ съ половины XVII столѣтія. Благодаря сочувствію къ дѣлу института уфимскаго губернскаго предводителя дворянства *В. А. Новикова*, онъ получилъ отъ него для нашей библиотеки четыре весьма интересныхъ документа, которыми уясняется дѣятельность здѣшняго правительства въ означенное время. Одинъ — отписка, присланная

(1) Изданіе его приняла на себя Казанская духовная академія въ издаваемомъ ею журналѣ «Православный Собесѣдникъ».

изъ Казани на Уфу ⁽¹⁾ воеводѣ Алябеву о посылкѣ сюда для защиты отъ калмыковъ, подѣ начальствомъ головы Львова, казанцевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и смоленской шляхты съ поименнымъ ихъ спискомъ; другой — наказная память 1668 г. 10 февраля уфимцу Лопатину о недопускѣ черемисы Казанскаго уѣзда селиться въ Уфимскомъ уѣздѣ; третій — наказъ, данный, вѣлѣдствіе царской грамоты отъ 27 ноября 1681 г., уфимскимъ воеводою Коркодиновымъ уфимцу Ивану Никитину (фамилія его въ подлинникѣ оторвана) о посылкѣ его въ Уфимскій уѣздъ на одну изъ заставъ для наблюденія за проѣзжими и прохожими изъ верховыхъ и низовыхъ городовъ русскими, мурзами, татарами и ясачными людьми и непускѣ ихъ въ Уфу и Уфимскій уѣздъ за исключеніемъ торговцевъ; наконецъ четвертый — грамота 1689 г. 13 ноября уфимскому воеводѣ Толстому о подлежащемъ сборѣ ясака съ мѣстныхъ инородцевъ. Сверхъ того г. Новиковъ препроводилъ въ нашу бібліотеку чрезъ г. Арсеньева изданный имъ сборникъ матеріаловъ для исторіи уфимскаго дворянства (С.-Петербургъ, 1878 г.). Передавая эти приношенія, г. Арсеньевъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ отчетъ о музеѣ и бесплатной читальнѣ, учрежденныхъ въ Уфѣ при статистическомъ комитетѣ тѣмъ же г. Новиковымъ и секретаремъ комитета Гурвичемъ и собранныя имъ свѣдѣнія о пребываніи въ здѣшнемъ краѣ Пугачева. Музей съ читальнею помещается въ двухъ-этажномъ каменномъ домѣ, принадлежащемъ комитету; въ составъ его входятъ коллекціи по естественной исторіи и этнографіи края, небольшое собраніе древностей (въ коемъ обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько экземпляровъ древнерусскаго оружія) и коллекція пумизматическая. Въ послѣдней до 1,000 монетъ и медалей, въ томъ числѣ древнерусскихъ монетъ до XVIII вѣка 52 и одна древнеболгарская. Главная зала музея украшена портретомъ генерала Михельсона, съ подписью: „Спаситель Уфы отъ Пугачевцевъ.“ Вообще — по словамъ г. Арсеньева — память о пугачевщинѣ въ Уфимскомъ краѣ такъ свѣжа въ народѣ, какъ будто совершившіяся при немъ событія

(1) Отписка эта есть копія съ подлинника, писанная несправно, съ пропусками и съ неяснымъ означеніемъ года; тоже должно сказать и о приложенномъ къ ней «спискѣ».

происходили не за сто слишкомъ лѣтъ, а года два-три тому назадъ. Такъ многіе уфимскіе жители рассказывали ему, съ какихъ сторонъ полчища Пугачева, подъ начальствомъ Чики-Зарубина, атаковали городъ, какъ велико было число защитниковъ и на какой сторонѣ городскаго вала отбила атаку дворянская рота Пекарскаго (предка академика Пекарскаго). Въ десяти верстахъ отъ уѣзднаго города Белебея, въ имѣніи г. Арсеньева — селѣ Крыкнаратъ, по мѣстному преданію, находился станъ Пугачева. Онъ былъ расположенъ въ лѣсу на урочищѣ, называемомъ „Моховымъ болотомъ“. Съ стратегической точки это мѣсто было выбрано довольно удачно: съ трехъ сторонъ станъ былъ окруженъ нынѣ почти уже высохшимъ болотомъ, и только съ четвертой стороны былъ къ нему свободный доступъ, такъ что въ случаѣ нападенія всѣ силы пугачевцевъ могли быть сосредоточены съ этой открытой стороны безъ опасенія быть атакованными съ другихъ сторонъ. Отчетъ свой г. Арсеньевъ оканчиваетъ указаніемъ на находящееся въ 4 верстахъ отъ Уфы урочище, называемое *Чертовымъ городищемъ*. Оно представляетъ площадку на вершинѣ горы, круто возвышающейся надъ рѣкою Уфою и примыкающей съ одной стороны узкимъ перешейкомъ къ плоскогорію, которое простирается отъ берега р. Уфы до берега Бѣлой. Этотъ перешеекъ перекопанъ высокимъ валомъ со рвомъ, нынѣ уже поросшимъ лѣсомъ. По преданію, здѣсь была ставка какого то нагайскаго хана, пѣвогда властвовавшего въ этомъ краѣ до прихода русскихъ, а впоследствии русскимъ сторожевымъ укрѣпленіемъ. Преданіе также гласитъ, что въ этомъ мѣстѣ зарыты клады, но дѣлавшіяся до сихъ поръ попытки добыть эти клады, о чемъ свидѣлствуютъ слѣды ямъ на Чертовомъ городищѣ, были безуспѣшны. За то, верстахъ въ трехъ выше, по теченію р. Уфы, на землѣ, принадлежащей г. Новикову, въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, при ломкѣ камня, были найдены золотая цѣпь, серебряный кубокъ и мечъ. Г. Арсеньевъ говоритъ, что изъ этихъ предметовъ онъ видѣлъ лишь золотую цѣпь, чрезвычайно массивную и, по его мнѣнію, восточной работы. Наконецъ онъ же слышалъ отъ одного балкира преданіе, что въ находящейся въ горѣ на берегу р. Бѣлой близъ города Стерлитамака пещерѣ, входъ въ которую заваленъ камнями, зарыты бога-

тня сокровища. Они принадлежали, по словамъ разсказчика, кочевавшему въ этихъ краяхъ пагайскому хану, который былъ разбитъ русскими войсками и откочевалъ съ своимъ народомъ на востокъ, не успѣвъ взять эти сокровища съ собою.

Въ заключеніе сказаннаго о нашихъ археологическихъ работахъ, я сообщу о поѣздкѣ моей съ однимъ изъ ревностѣйшихъ сотрудниковъ института—княземъ П. А. Путятинымъ и слушателемъ института А. А. Туганъ-Мирзою-Барановскимъ, на одинъ изъ такъ называемыхъ *городковъ*. Верстахъ въ 15-ти отъ извѣстнаго села Бологова, что на Николаевской желѣзной дорогѣ, на землѣ бывшей Деревской пятины, близъ границы древняго Тверскаго княжества, на берегу озера *Глубокаго*, возвышается на крутой горѣ насыпь, называемая городокъ *Райки*. Осмотрѣвъ предварительно устроенный княземъ Путятинымъ близъ его дома, который стоитъ живописно на самомъ берегу Бологова озера, музей, заключающій въ себѣ разные памятники искусства и письменности, съ учрежденною имъ, при этомъ же музеѣ, школою для черченія и рисованія, мы отправились въ надежной лодкѣ, съ двумя гребцами, черезъ всю длину означеннаго озера по направленію съ сѣвера на югъ. День былъ ясный, погода тихая, и мы проѣхали не менѣе десяти верстъ, встрѣчая на обѣихъ сторонахъ озера уютные домики съ садами мѣстныхъ владѣльцевъ. Почти уже въ самомъ концѣ озера мы сошли на берегъ у водяной мельницы и, перейдя черезъ ея плотину, сѣли опять въ лодку, на которой переѣхали также вдоль и въ прежнемъ направленіи, сдѣлавъ около шести верстъ, другое озеро—*Глубокое*. На правой отъ насъ рукѣ, въ самой южной его части, у впаденія въ озеро какой-то безыменной рѣчки, и стоитъ городокъ, носящій то же названіе, какъ и пустошь, на которой онъ находится—*Райки* (1). Холмъ, служащій ему основою, поднимается довольно полого надъ уровнемъ озера. Перейдя черезъ него, мы встрѣтили ровъ шириною и глубиною въ 3 аршина; за ровомъ, сливаясь съ

(1) Слѣдующее за снимъ описаніе городковъ и приложенный къ настоящей статьѣ снимокъ городка Райки принадлежатъ слушателю института А. А. Туганъ-Мирзѣ-Барановскому.

внутреннимъ его краемъ, идетъ валъ, вышиною также около 3 аршинъ. За нимъ опять ровъ, шириною и глубиною въ 4 арш., съ внутренней наружности котораго поднимается громадная крутая насыпь (35—40°) вышиною около 6 сажень. Верхній кругъ насыпи имѣеть въ окружности 90 саж., причеъ внутренность площадки углублена и окружена валикомъ, имѣющимъ около 2 арш. высоты и такой же толщины. Внутри площадки находятся еще два круга діаметромъ около 4 арш., обнесенные валомъ одинаковыхъ размѣровъ съ окружающимъ площадку. Съ вершины городка видъ открывается прекрасный — вся окружающая его мѣстность видна вереть на 12 — 15. Холмъ всаханъ, самъ-же городокъ поросъ лѣсомъ, еще сравнительно молодымъ. На другой сторонѣ Глубокаго озера, какъ-разъ противъ Райка, лежатъ еще два городка, неизмѣющіе впрочемъ особыхъ названій и менѣе высокихъ. Кромѣ того на западномъ берегу Вологова озера, въ саду помѣщика *Смирновскаго*, въ усадьбѣ *Красотка*, есть еще городокъ или курганъ. Какое назначеніе имѣли все эти городки — не беремъ рѣшить.

Н. Калачовъ.

Замѣтка о городкахъ Райкѣ и прочихъ (1).

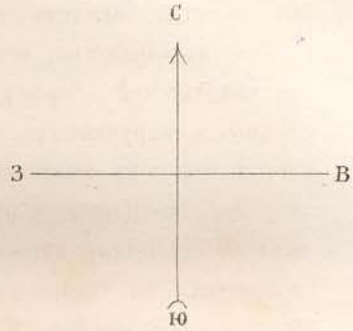
Описанные здѣсь городки представляютъ весьма интересный матеріалъ для изслѣдованій историковъ и археологовъ, въ особенности потому, что находятся не гдѣ нибудь на границахъ древней Россіи, не на крайнихъ мѣстахъ, подвергавшихся частымъ набѣгамъ многочисленныхъ нашихъ враговъ, а лежатъ внутри Россіи, на землѣ одной изъ Новгородскихъ пятинъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что означенные земляные окопы находились не вблизи старинныхъ городовъ,

(1) Извлечено изъ письма А. И. Савельева къ А. А. Туганъ-Мирзѣ-Барановскому.

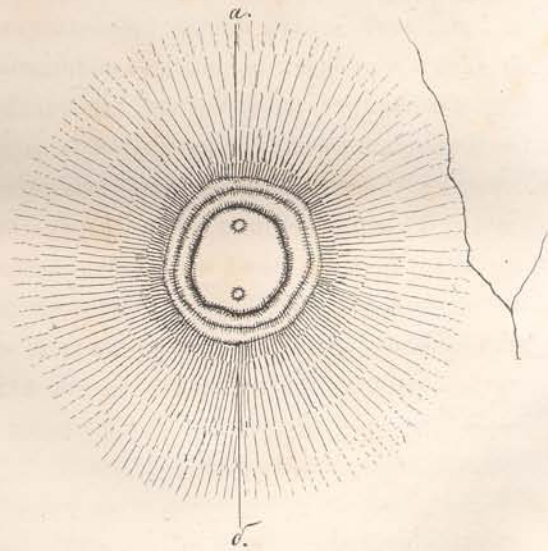
ни на торговыхъ путяхъ, ни на волокахъ, ни въ узлѣ „пошлыхъ путей,“ и проч., то становится яснымъ, что эти окопы (городки) составляли такъ называемые сторожевые посты, въ которыхъ можно было обзрѣвать мѣстность на дальное разстояніе, и, въ случаѣ приближенія непріятеля, своевременно давать знать объ угрожающей опасности. На предположеніе, что они были не что иное какъ сторожевые военные пункты, наводитъ еще то, что они имѣютъ стѣнное внутреннее пространство, невыгодное для постоянного поселенія и неудобное для надлежащей обороны, — стало быть городки эти могли служить для помѣщенія караульныхъ, и только для временнаго ихъ помѣщенія. Известно, что и въ мѣстности, гдѣ находятся эти городки, во времена очень давнія, двигались русскія дружины за своими князьями, враждовавшими между собою, наприм. когда Суздальскіе князья (Юрій и Андрей), первенствуя на сѣверо-востокѣ Россіи, силою хотѣли покорить себѣ Новгородцевъ, и проч. — Описанныя выше земляныя постройки принадлежатъ къ тѣмъ стариннымъ землянымъ окопамъ, которые слѣдуетъ относить къ разряду сложныхъ оборонительныхъ оградъ, состоящихъ не изъ одной ограды, а изъ нѣсколькихъ: это доказываютъ уцѣлѣвшіе до сихъ поръ валы и рвы и исчезнувшіе давно „заборолы“ и тынъ. Что же касается до того, что эти окопы должны были принадлежать ко временамъ очень давнимъ, этому свидѣтельствомъ служить ихъ начертаніе: у всѣхъ первобытныхъ народовъ (не исключая и западныхъ славянъ) окопы представляютъ форму (въ планѣ) круглую, овальную или изъ прямыхъ линій съ одними исходящими углами, при полномъ отсутствіи фланковой обороны; тоже самое предположеніе — что эти окопы принадлежатъ старинѣ — подтверждаетъ и профиль этихъ земляныхъ окоповъ (наприм. значительная высота вала и проч.).

А. Савельевъ.

Окрестности городка Райки.

Планъ городка Райки.

Профиль городка Райки по линіи а б.

Составлено съ участіемъ Института
Рот-Гвардіи А. Муганъ-Мурза-Барановскіи

Витебскій Центральный Архивъ.

Двадцать семь лѣтъ тому назадъ, а именно 2-го апрѣля 1852 г., состоялось Высочайше утвержденное положеніе о центральныхъ архивахъ въ западныхъ губерніяхъ и тогда же учреждены три такихъ архива въ главнѣйшихъ пунктахъ этого края: въ Вильнѣ для актовыхъ книгъ губерній Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской, въ Кіевѣ для губерній Кіевской, Подольской и Волынской и въ Витебскѣ для двухъ Бѣлорусскихъ губерній — Витебской и Могилевской. Два первыхъ архива отнесены къ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, Витебскій — Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Нѣсколько позднее и при томъ неодновременно послѣдовало и открытіе ихъ. Послѣднимъ въ этомъ отношеніи оказался Витебскій архивъ: приисканіе удобнаго помѣщенія, присылка и пріемъ, по описи, громаднаго количества актовыхъ книгъ замедлили дѣло, такъ что только съ 1863 г. архивъ могъ начать свою дѣятельность. Учрежденіе этихъ трехъ архивовъ было вызвано крайней, можно сказать, насущной необходимостью, имѣло основаніемъ не одни административныя, но даже и политическія цѣли правительства. Научное и при томъ весьма важное ихъ значеніе оказалось впоследствии. Въ Польшѣ и Литвѣ, съ самаго перваго появленія писанныхъ законовъ, было всегда обращено зоркое вниманіе правительства на тщательное храненіе юридическихъ и другихъ актовъ, на заботливый уходъ за ними. Литовскій Статутъ, *Volumina legum*, сеймовыя постановленія предписывали самыя точныя правила храненія актовъ, строго карали преступныя нарушенія ихъ неприкосновенности. Въ каждомъ судебномъ мѣстѣ, вышемъ или низшемъ — а такихъ были сотни въ одномъ Русско-Литовскомъ кня-

жествъ — отводилось обязательно особое помѣщеніе для храненія актовыхъ книгъ; гдѣ такового не оказывалось, предписывалось на общественныя или даже государственныя средства строить особое зданіе, безопасное отъ воды и огня. Входъ въ архивъ постороннимъ лицамъ строго возбранялся; судебныя мѣста обязаны были по окончаніи года все свои акты переплетать въ особыя книги; каждый актъ, — какъ бы ни былъ онъ незначителенъ — подлежалъ скрѣпѣ и подписи, въ удостовѣреніе его подлинности, писаря или регента. За поддѣлку актовъ полагалось тяжкое наказаніе, въ случаяхъ особо-важныхъ даже смертная казнь. Все эти заботы правительства о неприкосновенности актовъ невольно указываютъ, что существовалъ какой-то опасный врагъ, противъ котораго нужно было принимать такія строгія мѣры. И дѣйствительно, нигдѣ, кромѣ Рѣчи Посполитой, не существовало, быть можетъ, такого обилія всевозможныхъ поддѣлокъ правительственныхъ актовъ: не даромъ же и заботились такъ усильно объ ихъ неприкосновенности.

Изъ самаго бѣглаго обзора актовыхъ книгъ, хранящихся нынѣ въ центральныхъ нашихъ архивахъ, можно видѣть, какъ мало исполнялись должностными лицами строгія и точныя правила, предписываемыя правительствомъ: многія, очень многія актовыя книги оказываются не переплетенными, а въ связкахъ (что облегчало подлогъ и вставку актовъ), отдѣльные акты никѣмъ не скрѣпленными, одні книги подмочены, другія на половину обожжены, такъ что невозможно ими пользоваться: такъ тщательно охраняли ихъ „отъ воды и огня“!

Еще бѣльшая опасность стала угрожать древнимъ актамъ съ того времени, когда Западный край вновь воссоединился съ Россіей, отъ которой онъ былъ такъ злополучно оторванъ. Грустная исторія всяческихъ подлоговъ и поддѣлокъ со всеми некрасивыми ея подробностями и печальными послѣдствіями, о которой говорили мы при описаніи Виленскаго центрального архива (1), повторилась и въ Бѣлорусскомъ краѣ. Преступныя покушенія имѣли и здѣсь двѣ цѣли: политическую и частную, личную. Во-первыхъ, умышленно истреблялись изъ актовыхъ книгъ тѣ документы, которые неотразимо доказывали, что этотъ край былъ и остался русскимъ

(1) См. Сборникъ Археолог. Инстит., т. I, отд. I.

и православнымъ. Во-вторыхъ, и здѣсь, какъ въ Литвѣ, появилась цѣлая масса претендентовъ на дворянство, отыскивавшихъ и, конечно, находившихъ въ актовыхъ книгахъ нетрудныя и, сравнительно, недорогія доказательства своего шляхетскаго происхожденія. Правительство не могло, наконецъ, не обратить вниманія на эти преступныя дѣйствія и нарядило, одну за другою, двѣ „особыя коммисіи для разсмотрѣнія метрическихъ и актовыхъ книгъ въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ“. Дѣйствія этихъ коммисій имѣли такое важное значеніе для судьбы актовыхъ книгъ, хранящихся нынѣ въ нашихъ центральныхъ архивахъ, что мы считаемъ необходимымъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ. Какой цѣлью задалось правительству при учрежденіи этихъ коммисій, ясно видно изъ именнаго Высочайшаго указа, объявленнаго сенату министромъ юстиціи 19-го декабря 1833 г.: „По дошедшему свѣдѣнію“, говорится въ указѣ „о существующихъ въ Вильнѣ и по самогитскимъ уѣздамъ злоупотребленіяхъ въ поддѣлкѣ фальшивыхъ документовъ для доказательствъ дворянскаго достоинства, произведены были о семъ по Высочайшему повелѣнію розысканія, въ которыхъ означены какъ виновные и соучастники ихъ, такъ и самыя преступленія сихъ лицъ. Сверхъ того открыто, что въ частныхъ рукахъ по тамошнему краю имѣются въ значительномъ количествѣ бланки съ настоящими подписями бывшихъ королей польскихъ, которые могутъ быть легко обрабатываемы злоупотребителями въ поддѣльные документы“... Первая коммисія начала и кончила свои дѣйствія въ 1835 году; она подраздѣлилась на три отдѣльныхъ коммисій для трехъ различныхъ мѣстностей Западнаго края: для губ. Виленской, Гродненской и Бѣлостокской области; для Кіевской, Волынской и Подольской губерній, и наконецъ, для Бѣлорусскаго края, т. е. для губерній: Витебской и Могилевской и для губ. Минской. Каждая изъ этихъ трехъ коммисій состояла изъ чиновниковъ министерства юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, корпуса жандармовъ и мѣстнаго губернскаго стражача. Мы прослѣдимъ дѣйствія только послѣдней изъ названныхъ трехъ коммисій, имѣвшей дѣло съ актовыми книгами въ двухъ губ. Бѣлорусскихъ — Витебской и Могилевской и въ губ. Минской. Инструкція, ей данная, весьма простая и несложная, весьма удобная для исполненія, была тѣмъ не менѣе выолнена крайне небрежно, такъ что вся работа, продолжавшаяся цѣлый годъ, принесла болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Многіе листы въ пересмотрѣнныхъ актовыхъ книгахъ остались перенумерованными, но нѣсколько листовъ сряду очутились подъ однимъ и тѣмъ же номеромъ, чистыя страницы остались неперечеркнутыми (обширное поле для вставокъ и поддѣлокъ); поля и пробѣлы во многихъ мѣстахъ были перечеркнуты такъ небрежно, что въ нѣкоторыхъ книгахъ на такихъ мѣстахъ не замедлили появиться мелкимъ почеркомъ вписанные явно-поддѣльные документы; книги прошнурованы какъ бы нарочно не пеньковымъ или шелковымъ, а непрочнымъ шерстянымъ шнуромъ, прослужившимъ очень недолго (новое облегченіе для поддѣлокъ); цѣлыя сотни книгъ были совершенно просмотрѣны и пропущены и, такимъ образомъ, остались безъ всякой провѣрки. Всѣми этими промахами и упущеніями комисіи ловко воспользовались, для своихъ нечистыхъ цѣлей, здѣшніе подложныхъ дѣлъ мастера и, дѣйствительно, наибольшее число возведенныхъ въ дворянство приходится на періодъ времени между окончаніемъ дѣйствій этой комисіи и началомъ дѣятельности новой, т. е. отъ 1835 до 1842 г.г. Этой второй комисіи, Высочайше учрежденной въ 1842 г., дана была такая строго-выработанная, точно опредѣленная инструкция, что, казалось, дѣло будетъ поставлено и направлено, какъ слѣдуетъ. Не однимъ только счетомъ числа листовъ, не однимъ только прошнурованіемъ актовыхъ книгъ, но — что всего важнѣе — провѣркой подлинности документовъ и актовъ должна была заняться эта комисіи. Но, къ несчастію, самый составъ ея уже заранѣе предрѣкалъ ея несостоятельность, бесплодность ея многотрудныхъ занятій. Комисію составляли для каждаго уѣзда уѣздный предводитель дворянства, стряпчій и мѣстный военный начальникъ; къ нимъ прикомандировывался, по каждой губерніи, губернской стряпчій, *неучаствовавшій* въ дѣйствіяхъ прежней комисіи — оговорка весьма знаменательная. Вполнѣ пригодныя для механической работы счета листовъ, ихъ перенумерованія, прошнуровки и т. д. лица эти оказались некомпетентными въ трудномъ дѣлѣ провѣрки подлинности документовъ, писанныхъ на мало понятномъ имъ языкѣ, старинными почерками XVIII, XVII и даже XVI-го вв. Если въ работѣ чисто-механической оказались тѣ же промахи и упущенія, какіе мы видѣли въ прежней комисіи, то другая, важнѣйшая половина задачи осталась почти невыполненной. Правда, что всѣ актовыя книги, хранящіяся нынѣ въ Витебскомъ центральномъ

архивъ, оказываются строго раздѣленными на двѣ категоріи: большую — признанныя несомнѣнными, достовѣрными, и другую меньшую — книги съ документами сомнительными, есть еще и 3-й — смѣшанный разрядъ книгъ: одни заключающіеся въ нихъ документы объявлены достовѣрными, подлинными, другіе не удостоились такого признанія и оглашены сомнительными. Всѣ эти категорическіе приговоры комиссія, правда, снабдила печатами и подписями, но забыла подкрѣпить какими-либо основаніями правдивость своихъ рѣшительныхъ резолюцій. Дѣло, видимо, рѣшалось голословно, какъ Богъ на сердце положить, а между тѣмъ оно рѣшалось безъ-апелляціонно, разъ-на-всегда! Оттого и не осталось теперь ни малѣйшей возможности, при всемъ искренномъ желаніи, добиться правды, т. е. какой-нибудь актъ или документъ, признанные неразборчивой комиссіей за достовѣрные, огласить подложными, т. е. такими, какими они являются на самомъ дѣлѣ. Приведемъ одинъ только характеристическій примѣръ, указанный почтеннымъ архиваріусомъ Витебскаго центральнаго архива въ его предисловіи къ 1-му выпуску его изданія: первые 140 листовъ Полоцкой земской книги 1560 — 1652 г.г., написанные на простой сѣрой бумагѣ самими обыкновенными канцелярскими почерками, безъ всякой претензіи поддѣлаться подъ старинные, очевидно подложны, а комиссія проходитъ ихъ молчаніемъ, не дѣлаетъ никакихъ оговорокъ. Великаго труда, большихъ усилій и даже неприятностей стѣдло и стѣдитъ добросовѣтному и знающему дѣло старику-архиваріусу опровергать слишкомъ опрометчивыя и черезъ-чуръ скорыя рѣшенія этой комиссіи, которая, нельзя не признаться — потрудилась много, но сдѣлала мало и можетъ развѣ, въ утѣшеніе себя, повторить извѣстное изрѣченіе: „oleum et operam perdidit“!

Такимъ образомъ обѣ грозы, собиравшіяся обрушиться на разнаго рода фальсификаторовъ, не только прошли мимо, а что еще хуже, послужили въ ихъ пользу: изъ актовыхъ книгъ, такимъ образомъ провѣренныхъ, стало гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ прежде, черпать полной рукой всѣ нужные акты и доказательства и *ad libitum* вставлять въ нихъ самые фантастическіе документы. Здѣшніе поддѣльщики и археологическіе фабриканты такъ изошрились въ своей работѣ, что самый опытный глазъ не сразу узнаетъ поддѣлку. Мнѣ показывали въ Витебскѣ одинъ документъ (находящійся въ частныхъ рукахъ) начала XVIII в. по всѣмъ при-

знакамъ несомнѣнный и подлинный и только на поляхъ втораго листа сдѣлано было, новѣйшими чернилами, нѣсколько попытокъ — „пробъ пера“ — поддѣлаться подъ почеркъ одной подписи, видимо, долго неудававшейся и потому самый документъ оставленъ былъ безъ употребленія. А удайся опытъ — и наши суды обогатились бы лишнимъ экземпляромъ несомнѣннаго документа XVIII вѣка.

Мы уже сказали, что Витебскій центральный архивъ началъ свою дѣятельность только черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ его учрежденія. Главнѣйшей причиной такого промедленія была трудность найти удобное помѣщеніе и нельзя сказать, чтобы такая просрочка искупилась удобствами помѣщенія, наконецъ таки найденнаго. Въ одной изъ самыхъ старинныхъ частей г. Витебска, окруженной съ трехъ сторонъ рѣками Двиной, Витьбой и безыменнымъ ручьемъ, нынѣ почти высохшимъ, существовали нѣкогда два замка — „верхній и нижній“ (1), не оставившіе въ настоящее время почти никакихъ слѣдовъ своего существованія. При нижнемъ замкѣ существовала католическая приходская церковь — „фара“, по мѣстному нарѣчію. Въ этой-то „фарѣ“ и помѣщенъ нынѣ центральный архивъ вмѣстѣ съ архивами губернскаго правленія и бывшей генераль-губернаторской канцеляріи. Костельное зданіе, высокое и обширное, передѣлено на два этажа; меньшая, алтарная его часть, отведена для центрального архива; остальная, бѣльшая, занята двумя другими архивами. Нижній этажъ той части зданія, которая досталась центральному архиву, оказалась столь сырой, что не было никакой возможности помѣстить тамъ актовыя книги и въ ней устроили „комнату для занятій“, въ которой, благодаря ея сырости, даже и въ іюльскіе дни трудно просидѣть нѣсколько часовъ сряду: такъ удобна она „для занятій“. Въ верхнемъ этажѣ, въ двухъ довольно обширныхъ комнатахъ, помѣщенъ самый архивъ; полъ въ одной изъ нихъ каменный, въ другой деревянный; окна съ рѣшетками и внутренними желѣзными ставнями. Надъ этими комнатами высится, вмѣсто потолка, ку-

(1) Въ Вильнѣ и другихъ западно-русскихъ городахъ такія мѣстности, защищенныя и укрѣпленныя природой, обыкновенно избирались для возведенія искусственныхъ укрѣпленій — «замковъ». Мѣстности эти, въ память прошлаго, сохранили и теперь, какъ напр. въ Вильнѣ и Витебскѣ, названія: «Замковая улица», «Замковая гора» и т. д.

поло-образный сводъ съ изображенными по немъ ангелами и съ надписью вокругъ: *Coela spargant gloriam Dei et opera manuum Ejus anunciat firmamentum*; внизу стоятъ изображенія св. верховныхъ апостоловъ Петра и Павла. При зданіи находится обширный дворъ; за то съ другой его стороны, въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи — въ иныхъ мѣстахъ не далѣе 4 сажень — скучены ветхія, деревянныя еврейскія постройки, — соседство крайне опасное въ случаѣ пожара. Впрочемъ съ этимъ обстоятельствомъ по неволѣ приходится мириться въ губернскомъ городѣ Витебскѣ, когда въ самой Москвѣ первопрестольной, между двумя такими сокровищницами, какъ главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и Румянцевскій музей прежде помѣщался дровяной складъ, а нынѣ московская дума проектируетъ построить бани. Въ обѣихъ комнатахъ, почти равныхъ по объему, на 49-ти полуторасаженныхъ полкахъ, размѣщены 1823 актовыя книги—956 Витебскихъ, 867 Могилевскихъ. Книги эти распределены не по содержанію ихъ (книги „гродскія“, „земскія“, „магдебургскія“ и т. д.), а по мѣстностямъ, откуда онѣ доставлены (Витебскія, Оршанскія, Рѣчицкія и т. д.); порядокъ, чистота и уходъ за книгами — образцовые. Не должно забывать, что весь служебный персоналъ архива состоитъ изъ старика архивариуса и сторожа. Вишній видъ актовыхъ книгъ весьма различенъ, начиная съ самаго объема ихъ: одні книги не болѣе какъ тетради въ 10 — 12 листовъ, другія громадныя фоліанты въ 1500, даже въ 2000 листовъ каждая. Большая часть книгъ переплетены, но многія представляютъ простыя связки. Самые переплеты весьма различны: попадаются, и въ значительномъ количествѣ, современные самимъ книгамъ, но большинство позднѣйшаго издѣлія. Старинные переплеты болѣею частію одинаковы: кожаный, прочный корешокъ и массивныя деревянныя дубовыя, обтянутыя кожей, обложки; на нѣкоторыхъ уцѣлѣли мѣдныя, прочныя застежки. На многихъ обложкахъ вытѣснены на кожѣ различныя орнаменты и изображенія: распятія, орлы, „погонь - литовская“ — (всадникъ — гербъ Литвы), гербы городскіе и частныхъ лицъ; нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы очень искусно, даже изящно; на нѣкоторыхъ обложкахъ красиво вытиснуть сверху славянскими буквами годъ, въ которомъ книга закончена (болѣею частію одинъ изъ тысяча семисотыхъ; попадаются и XVII в.). Большинство книгъ въ холщевыхъ пере-

плетахъ съ кожаными корешками; множество — въ простыхъ бумажныхъ обложкахъ съ холщевыми корешками. Замѣчательно, что на цѣлыхъ сотняхъ такихъ книгъ холстъ и бумага (цвѣтъ и рисунокъ ихъ) поразительно схожи между собой. Ясно, что всѣ эти книги разныхъ годовъ и даже столѣтій переплетены въ позднѣйшее время и при томъ всѣ за разъ, по одному заказу, чуть-ли не однимъ и тѣмъ же мастеромъ. Случилось это очень просто: ожидалась гроза грядущей комисіи 1833 г. и лица начальствующія поспѣшили на свой ладъ и образецъ привести въ порядокъ ввѣренныя ихъ храненію акты, т. е. брали изъ массы документовъ, что подъ руку попадалось, соединяли въ одну вязку и отдавали мѣстному жиду-переплетчику; приче́мъ конечно изъ усердія къ службѣ исправляли, какъ умѣли, попорченное безопадной рукой времени, т. е. полу-истлѣвшіе листы заклеивали съ другой ихъ стороны бѣлой бумагой, а совсѣмъ „негодные“ просто вырывали цѣлыми десятками. Такимъ только образомъ можно объяснить, почему, напри́мѣръ, въ акты Рѣчицкаго городскаго суда попали акты судовъ земскаго и каптуроваго, а въ одной Динабургской книгѣ встрѣчаются акты, относящіеся и къ началу и къ концу XVIII в. Цѣлыя массы книгъ носятъ слѣды огня и воды: подмокшія и полуобгорѣлыя и съ корешка и съ обрѣза, многія безъ начала и конца; судя по описямъ, недостаетъ книгъ за многіе годы; акты Витебской магдебургіи всѣ до одного пропали. Вину всѣхъ этихъ безвозвратныхъ утратъ нельзя искать въ однихъ естественныхъ, такъ сказать, законныхъ причинахъ. Правда, пропали книги „отъ воды и огня“, „отъ нашествія иноплемennыхъ“ (въ 1812 г. всѣ Витебскіе архивы были поспѣшно и безпорядочно перевезены въ Великія Луки), но многое пропало отъ крайняго невѣжества, даже отъ недобросовѣстности тѣхъ лицъ, въ чьи руки попадали драгоцѣнные историческіе памятники. Такъ, еще не очень давно, въ здѣшнемъ Марковомъ монастырѣ видѣли мѣстные старожилы огромный полуторо-саженный сундукъ съ „какими-то древними бумагами“, а теперь и слѣда его не отыщешь. Въ Полоцкомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ хранились, какъ говорилъ мнѣ одинъ мѣстный старожиль, дѣла библейскаго общества за періодъ времени отъ 1816—22 г.г., а гдѣ онѣ теперь? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ просвѣщенное и сочувствующее археологіи епархіальное начальство разослало по всѣмъ церквамъ и монастырямъ предложенія вы-

слать къ нему всё имѣющіеся въ нихъ древніе письменные памятники; изъ многихъ мѣстностей спѣшили, конечно, выслать требуемое, но въ одномъ какомъ-то захолустномъ монастырѣ распорядились слѣдующимъ образомъ: въ теченіи двухъ недѣль топились игуменская келья какими-то „старыми бумагами“ и тогда уже съ покойной и облегченной совѣстью донесъ старикъ-настоятель, что никакихъ древнихъ актовъ въ вѣренномъ ему монастырѣ не имѣется. Даже на акты уже кое-какъ собранные и сохраненные не совсемъ дружелюбно смотрѣли и такія лица, которымъ бы слѣдовало подавать примѣръ другимъ: одно начальствующее лицо, при посѣщеніи центрального архива, публично выразило свое недоумѣніе, изъ-за чего такъ заботятся объ этомъ „хламѣ“. Къ счастью и теперешній главный начальникъ архива, витебскій губернаторъ Павелъ Яковлевичъ Ростовцовъ и его непосредственный хранитель—архиваріусъ Александръ Михайловичъ Созоновъ относятся къ дѣлу съ такимъ его знаніемъ и съ такою любовью къ нему, что обѣ, столь важныя задачи, возложенныя на Витебскій центральный архивъ — административныя и научныя, выполняются въ теченіи многихъ лѣтъ съ полнымъ успѣхомъ и съ великой пользой для государства и для науки.

Дѣятельность здѣшняго центрального архива, какъ и обоихъ другихъ, Кіевскаго и Виленскаго, распадается на 2 отдѣла: административно-юридическій и научный. Къ первому относятся: провѣрка юридическихъ документовъ о правахъ собственности, метрическихъ и проч. и выдача выписей изъ нихъ лицамъ, въ нихъ нуждающимся. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ дѣло о доказательствахъ дворянскаго происхожденія. Нами указано было выше, какая трудная задача выпала въ этомъ отношеніи на долю здѣшняго архиваріуса, столь добросовѣстно относящагося къ своему нелегкому дѣлу, какъ зорко и опасно долженъ онъ смотрѣть на каждый представляемый документъ среди огульныхъ здѣсь фальши и путаницы. Почтенный Александръ Михайловичъ Созоновъ уже 17-й годъ, т. е. со дня открытія архива, занимающій въ немъ должность архиваріуса, говорилъ мнѣ, что изъ ста представленныхъ ему документовъ разнаго рода, среднимъ числомъ 90 оказываются сомнительными, т. е., просто говоря, подложными. Даже изъ тѣхъ актовъ, которымъ удалось пройти благополучно черезъ всё

уѣздныя и губернскія мытарства и добраться до вышей инстанціи— департамента герольдіи, чуть-ли не большинство оказываются сомнительными: изъ 700 слишкомъ документовъ, возвращенныхъ во все это время Сенатомъ въ здѣшній архивъ для новой, окончательной провѣрки, болѣе половины, т. е. около 400 признаны неправильными. Такимъ образомъ Витебскому архиву привелось сослужить въ этомъ отношеніи добрую службу государству: отказать почти 400-мъ претендентамъ въ чести попасть въ число дворянъ Россійской имперіи. Но не смотря на самую строгую и добросовѣстную провѣрку документовъ, все-таки не рѣдко приходилось выдавать дворянскія грамоты лицамъ, не имѣющимъ на нихъ никакихъ правъ: такъ тонка и художественна была фальсификація здѣшнихъ артистовъ. Оттого встрѣчаются и теперь такіе случаи, что изъ двухъ родныхъ братьевъ, одинъ гордо числится потомственнымъ русскимъ дворяниномъ, а другой смиренно проживаетъ здѣсь въ званіи Витебскаго мѣщанина. Какъ смотрѣли сами просители на полученіе справокъ и выписей изъ актовыхъ книгъ, видно между прочимъ изъ одного дѣйствительнаго случая, сообщеннаго мнѣ г. Созоновымъ изъ его многолѣтней практики. Приходить къ нему въ архивъ какой-то „дробный“ (мелкопомѣстный) шляхтичъ за полученіемъ выписей и удовлетворенный въ своей справедливой просьбѣ (выписи были для него вполне благопріятны) сѣбѣшить вручить приличный гонораръ. „Благодарность“ эта, разумѣется, отклонена и проситель, видимо огорченный, понуривъ голову собирается уходить изъ архива и, на прощаньи, съ укоромъ, чуть не со слезами обращается къ архивариусу съ словами: „видно, данныя мнѣ вами выписи никуда не годятся, потому что за нихъ вы даже и денегъ не хотите взять: должно быть напрасно я взялъ ихъ“. Значительно уменьлись неправильныя домогательства попасть въ дворяне съ того времени, когда отмѣненъ былъ законъ о экспертизѣ сомнительныхъ подписей консиліумомъ секретарей изъ различныхъ присутственныхъ мѣсть. Строгий и зоркій контроль завѣдующаго центральнымъ архивомъ должно быть окончательно отбилъ охоту у желающихъ домогаться мнимыхъ правъ, такъ что за послѣдніе три года не было уже ни одного случая отыскиванія „утраченнаго дворянства“.

Также серьезно и добросовѣтно относится центральный архивъ къ провѣркѣ другихъ юридическихъ доказательствъ (преимущественно о правахъ собственности) и къ выдачѣ выписей и справокъ изъ книгъ, хотя-бы и признанныхъ комиссіей 1847 г. авторитетными и несомнѣнными. Такимъ образомъ административная дѣятельность Витебскаго центрального архива за 17 лѣтъ его существованія вполне оправдала цѣль его учрежденія, доказала несомнѣнную его полезность: сторицей окупилась тѣ незначительныя затраты, которыя дѣлало и дѣлаетъ на него государство.

Но еще бѣльшую услугу государству и обществу оказала центральный архивъ своей научной дѣятельностью, изданіемъ актовъ, которую, какъ кажется, и не имѣло въ виду распоряженіе 2 апрѣля 1852 г. Правда, что въ этомъ отношеніи Витебскій центральный архивъ довольно далеко отсталъ отъ своихъ собратьевъ — Виленскаго и тѣмъ болѣе Кіевскаго. Издательскую свою дѣятельность онъ началъ только въ 1871 г., т. е. 8 лѣтъ спустя послѣ его открытія. Но не должно забывать, что въ этомъ отношеніи Витебскій архивъ поставленъ въ отношенія далеко не одинаковыя съ остальными двумя архивами, — отношенія крайне для него неблагопріятныя. Мы не говоримъ уже о Кіевѣ, городѣ университетскомъ, гдѣ подъ рукой находится много ученыхъ силъ, всегда готовыхъ на служеніе дѣлу науки, гдѣ, кромѣ того, существуетъ особая комиссія спеціально-издательская. Даже въ Вильнѣ, гдѣ не существуетъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, обстоятельства сложились такъ благопріятно, что тамошній центральный архивъ могъ доставлять и доставляетъ достаточно большое обиліе матеріаловъ и что тамъ оказалось больше силъ и средствъ для ихъ изданія (1). Въ Кіевѣ и Вильнѣ существуютъ особыя комиссіи, съ хорошиими штатами и все усилія ихъ направлены къ изданію историческихъ матеріаловъ, которые черпаютъ онѣ не только изъ мѣстныхъ центральныхъ архивовъ, но и изъ другихъ источниковъ. Въ Витебскѣ,

(1) Объ этихъ благопріятныхъ для Вильны обстоятельствахъ подробно указано нами въ статьѣ «Виленскій центральный архивъ». См. Сборникъ Археол. Института выпускъ I, отд. I.

какъ мы уже сказали, вся работа, юридическая и издательская, возложена на одно лицо, которое дѣлало и дѣлаетъ все, что возможно. Начавъ съ 1871 г. свою издательскую дѣятельность, г. Созоновъ въ теченіи 9 лѣтъ выпустилъ 10 объемистыхъ томовъ своего изданія: „Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губ. Витебской и Могилевской“ и готовится къ выпуску 11-й, который, по всему вѣроятію, выйдетъ въ половинѣ сего года. О восьми первыхъ томахъ напечатаны обстоятельныя и строго-безпристрастныя рецензіи профессора Кіевскаго университета г. Владимірскаго-Буданова (1) („Кіев. Университ. извѣстія“ 1877 г. № 3 и 1878 г. № 4). Указывая на отсутствіе строго-выработаннаго плана изданія (недостатокъ, присущій также изданіямъ Виленскому и Кіевскому) и кое-какія неточности въ переводѣ съ польскаго языка на русскій, г. профессоръ воздастъ должную и — скажемъ — вполне-заслуженную похвалу „издателямъ“. Еще болѣе лестнаго отзыва заслужило бы, въ глазахъ г. Буданова, это изданіе, если бы онъ зналъ, что *весь* трудъ по изданію (даже трудъ черновой — переводъ и переписка на бѣло) лежитъ всецѣло на одномъ лицѣ, уже болѣе 40 лѣтъ прослужившемъ государству. Не забудемъ, что значительная доля служебныхъ обязанностей здѣшняго архиваріуса посвящена на его административно-юридическую дѣятельность. Непрigотовленный специально къ настоящей своей дѣятельности, почтенный Александръ Михайловичъ Созоновъ настойчивымъ трудомъ и любовью къ дѣлу дополнилъ недостающее ему и смѣло можетъ сказать про себя: „feci, quid potui, faciant meliora potentes“.

Изъ цѣлой массы актовыхъ книгъ, хранящихся въ Витебскомъ центральномъ архивѣ, весьма немногія относятся къ XVI вѣку и при томъ только къ концу его, и рѣдко-рѣдко ко второй его половинѣ (такъ, напримѣръ, акты воеводствъ Витебскаго и Полоцкаго и Могилевскаго магистрата); всѣ остальные относятся къ XVII и XVIII вв. Присутственныя мѣста, въ которыхъ составлялись эти акты, были, за

(1) Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы отъ почтеннаго ученаго такого-же отчета и о двухъ послѣднихъ выпускахъ, IX и X.

немногими исключеніями, судебныя, и при томъ только низшія. Все акты высшей инстанціи—трибуналовъ—находятся исключительно въ Виленскомъ центральномъ архивѣ. Но не должно упускать изъ виду, что въ польскомъ королевствѣ и въ княжествѣ Русско-литовскомъ вѣдомство судебныхъ мѣстъ было гораздо шире теперешняго: въ кругъ его дѣятельности входили многіе предметы государственнаго права, администраціи и т. д. Поэтому упрекъ, дѣлаемый нѣкоторыми изслѣдователями въ однообразіи и даже малоцѣнности содержанія нашихъ центральныхъ архивовъ (за исключеніемъ Виленскаго), далеко неоснователенъ. Архивы даютъ (что видно уже изъ того, что ими издано, и еще болѣе изъ того, что не появлялось еще на свѣтъ Божій) много драгоценныхъ матеріаловъ какъ для исторіи русскаго права, такъ и еще быть можетъ болѣе для „бытовой“ исторіи края. Ограничиваясь однимъ центральнымъ архивомъ Витебскимъ, мы видимъ уже теперь, когда его сокровища только початы (1), что онъ доставилъ много ценныхъ матеріаловъ для ознакомленія съ внутренней, бытовой исторіей этого края. Яркими красками рисуется передъ нашими глазами картина городской жизни XVII и XVIII вв., экономическое положеніе нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ нашихъ чисто русскихъ городовъ (напримѣръ Могилева), устройство городскихъ цеховъ, взаимныя отношенія сословій, столкновенія властей, свѣтской и духовной; ясныя слѣды дѣйствія обычнаго права, борьба православія съ католицизмомъ и унией, неуклонныя стремленія Рѣчи посполитой ополячить и, по возможности, олатинить этотъ исконно-русскій край, столько же неуклонное и упорное сопротивленіе со стороны населенія, ни на минуту не перестававшаго считать себя русскимъ и православнымъ.— Не съ цѣлью доказать важное значеніе для науки нашихъ центральныхъ архивовъ — оно неоспоримо — но изъ желанія хотя отчасти ознакомить интересующихся дѣломъ съ такими драгоценными матеріалами, которые уже извлечены изъ здѣшняго архива и обнародованы и еще болѣе съ тѣми, которые, рано или поздно,

(1) Изъ 1823 актовыхъ книгъ, хранящихся въ Виленскомъ центральномъ архивѣ, изчерпана въ теченіе 9 лѣтъ въ 10 изданныхъ выпускахъ пока еще 281 книга, т. е. менѣе чѣмъ одна шестая часть всего матеріала.

сдѣлаются извѣстными, мы намѣренно остановимся на нѣкоторыхъ выводахъ и данныхъ, которые доставляютъ намъ эти памятники прошлаго. Мы только отчасти коснемся того матеріала, который, бывъ напечатанъ въ 10 вышедшихъ выпускахъ, сталъ достояніемъ общества и обратимъ вниманіе на тѣ, которые еще будутъ, конечно, напечатаны въ 11-мъ и послѣдующихъ выпускахъ: г. Созоновъ любезно и обязательно сообщилъ намъ содержаніе этого 11-го выпуска, который обѣщаетъ быть весьма интереснымъ.

Начнемъ съ прихода-расходныхъ книгъ города Могилева, которыя не въ извлеченіи, а цѣликомъ напечатаны въ вышедшихъ 10-ти томахъ Витебскаго изданія и представляютъ драгоценный матеріалъ для ознакомленія какъ съ административнымъ устройствомъ нашихъ городовъ, ихъ самоуправленіемъ, такъ и съ экономическимъ ихъ положеніемъ въ XVII вѣкѣ. О первомъ сказано и довольно подробно въ разборѣ Витебскаго изданія г. Будановымъ и мы отсылаемъ читателя къ его основательно-ученой рецензій. О второмъ позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ, при чемъ считаемъ нужнымъ оговориться, что печатаніе этихъ документовъ во всѣхъ вышедшихъ 10-ти томахъ цѣликомъ, безъ малѣйшихъ пропусковъ, можно бы замѣнить напечатаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ полностью, а остальныхъ въ извлеченіи, выбирая то, что не вошло въ прежде напечатанное и представляетъ особый интересъ.

Скудные городскіе доходы собирались, какъ видно, не безъ труда и не безъ жалобъ плательщиковъ; бывали частые случаи недоимокъ, при чемъ не церемонились съ неисправными плательщиками: у нихъ отбирали движимость: носильное платье, оружіе (жураны, сермяги, мундеты) и проч., „грабили“, какъ наивно и рельефно выражаются акты. Впрочемъ, при уплатѣ недоимокъ, „грабленное“ возвращаютъ владѣльцу его. Бывали случаи болѣе снисходительнаго отношенія къ недоимщикамъ: ихъ оставляли на время въ покоѣ, отерочивали взносы и лаконически отмѣчали только въ приходной книгѣ противъ ихъ фамилій: „мешкаетъ, не далъ“. Главнѣйшей статьей городскихъ доходовъ былъ и въ то доброе старое время питейный сборъ („кабацкая квота“); въ нѣкоторые годы онъ исчислялся въ двадцать и болѣе тысячъ злотыхъ. Не забудемъ, что значительная часть его не попадалась въ го-

родскіе доходы, а шла „въ королевскую шкатулку“. Магистраты и ратуши понимали тягость поборовъ, но не могли ничего сдѣлать: имъ оставалось только жаловаться, указывать на скудость плательщиковъ, что они и исполняли съ большой охотой. Особенно ополчались городскія власти противъ суроваго обращенія съ недоимщиками, противъ „грабежа“ ихъ имущества, что случалось, какъ видно, и не рѣдко и не всегда справедливо: такъ, по жалобѣ одного шинкаря на то, что у него арестовали, за недоимки, 5 куфвъ водки, ратуша пишетъ: „зачѣмъ-же это сдѣлали? вѣдь онъ заплатилъ, что слѣдуетъ; вотъ и у другихъ забираютъ водку и оказывается, что въ городѣ, въ кабакахъ недостаетъ водки“. Въ случаяхъ крайнихъ, экстренныхъ поборовъ (что случалось нерѣдко) городскія власти отваживаются посылать свои жалобы и сѣтованія къ самымъ высшимъ мѣстамъ и лицамъ: такъ, въ началѣ XVIII в., въ эпоху сѣверной войны, когда поборы деньгами и натурой дошли до необычайныхъ размѣровъ, ратуша шлетъ пословъ къ князю Меншикову съ жалобами и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его, въ виду огражденія городскихъ интересовъ, запретить какому-то поручику безпошлинно торговать водкой въ ущербъ городскимъ кабатчикамъ. Такъ какъ подобная жалоба относится къ эпохѣ нѣсколько позднѣйшей (Могилевскія приходо-расходныя книги нейдутъ далѣе XVII в.), то значитъ, что тягость поборовъ нисколько не уменьшалась. Но и ранѣе того времени, съ котораго начинаются печатаемыя въ „актахъ“ приходо-расходныя книги, слышатся неумолкаемыя жалобы на невыносимость разнаго рода налоговъ: въ IX-мъ томѣ напечатанъ „листъ короля Владислава IV отъ 1641 г.“, строго воспреещающій взимать *измѣннiя* пошлины съ могилевскихъ кушцовъ. Случалось, что города доходили до такого бѣдственнаго положенія, что прибѣгали къ тяжелымъ займамъ подъ залогъ не только городского имущества, но и церковныхъ вещей. Такъ, въ 1713 г. понадобилось могилевскому магистрату отправить экстренное посольство въ Варшаву, денегъ не было и городскіе представители единогласно постановили „серебро изъ вещей Божіихъ церквей“, пропорціонально, „отобрать и заложить“. Замѣчательно, что такое отобраніе, хотя и „пропорціональное“, т. е. согласно съ средствами той или другой церкви, относилось къ „храмамъ Бо-

жимъ“ православнымъ, а о католическихъ костелахъ ничего не упоминалось. Не забудемъ, что это происходило векорѣ послѣ полтавской побѣды— въ ту эпоху, когда Петръ, опираясь на мощь Россіи, горячо отстаивалъ передъ правительствомъ Рѣчи посполитой своихъ единоувѣрцевъ и поставилъ вѣковой спорный вопросъ такъ „грозно и честно“, что, по его выраженію, полякамъ „и вихнуть было некуда“, а между тѣмъ въ древне-русскомъ Могилевѣ происходили втихомолку такіа оскорбительныя для православія явленія. Если городскіе доходы собирались не безъ труда и не всегда покрывали расходовъ, то самыя эти расходы производились съ возможной бережливостію (кромѣ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаевъ, о которыхъ скажемъ ниже) и съ чистохозяйственной акуратностію. Подробно и тщательно записывались самыя мелочныя грошевыя статьи расхода; отмѣчалось даже качество предметовъ, на покупку которыхъ шли трудно-добытые общественныя „золотыя и осмаки“ (1). Отправляется, наприимѣръ, посольство въ Варшаву или Гродну и его снабжаютъ на дорогу провизіей, которая тщательно до послѣднихъ мелочей записывается въ расходную книгу: „куплено на дорогу“ вяленой осетрины, свѣжихъ щукъ и окуней „спорныхъ“ (т. е. крупныхъ) по 10 штукъ, лещъ — также „спорный“ — одинъ, колбасъ 11 колець, олею — 2 шклянки (высчитана даже и стоимость самой посуды подъ олей); имбирю, гвоздики, розынекъ (изюмъ) съ обозначеніемъ крупныхъ или мелкихъ, абаранокъ и пироговъ; — записывались даже купленные на нѣсколько осмаковъ „цыбуля и петрушка“. Горѣлка и пиво составляли неизбѣжную часть дорожной провизіи. Записывались и случайныя дорожныя расходы. „Въ дорогѣ, въ корчмѣ Данилевскаго, казалъ панъ „райца“ дать челяди кварту водки; заплачено 6 осмаковъ“ (3 коп.). И по всѣмъ другимъ статьямъ замѣчается такая же точность въ занесеніи въ расходную вѣдомость самомагйшей затраты: такъ въ одномъ мѣстѣ записано: „6 осмаковъ (3 коп.) на „май“, т. е. зелень, доставленную городомъ въ одну церковь въ день сошествія Св. Духа“.

(1) «Золотой», нынѣшній «злотъ» западныхъ губерній, равнялся, какъ и теперь, 15-ти коп. сер. на наши деньги; «осмакъ» составлялъ $\frac{1}{30}$ ч. золотаго, т. е. стоилъ по теперешнему $\frac{1}{2}$ коп., или «грешъ».

Расчетливые до мелочности въ такихъ расходахъ, городскія власти оказывались щедрыми не по средствамъ — и щедрыми по неволѣ — въ другихъ расходныхъ статьяхъ: въ подкупѣ, поклонахъ и „гонораріумѣ“ — извѣстенъ былъ, видно, этотъ терминъ и въ XVII в. — которые шли въ объемистые карманы польскихъ крупныхъ сановниковъ. Тутъ уже тратятся не „золотые и осмаки“, а летятъ крупными цифрами червонцы и „битые талеры“. Дарились натурой: на шубу соболи, горностаи и другія „московскія футры“ (мѣха) и на покрывку шелковыя цѣнные матеріи. „Подносилось“ и деньгами: его милости, пану Даниловичу, коронному подскарбію, депутованному отъ короля на составленіе вѣчнаго контракта съ кабатчиками — 1000 золотыхъ и по тому же дѣлу писарю скарбовому битыхъ талеровъ 250 (цѣнностью въ 1500 золот.) „Цифра“ поднесеній соразмѣрялась, конечно, съ важностью и вліятельностью особы, которую одаривали. Для мелкаго чиновнаго люда „гонораріумъ“ понижался до микроскопическихъ размѣровъ — нѣсколькихъ десятковъ золотыхъ; не забывали и „челяди“, состоящей при чиновникахъ, при чемъ соблюдалась также постепенность: слугамъ и кухмистерамъ давалось по 2 и 3 золотыхъ на брата, а мелкую челядь „хлопцевъ“ жаловали гуртомъ: „два золотыхъ (30 к.) на всѣхъ“, какъ въ одномъ мѣстѣ записано. Крупные подарки чиновникамъ оправдывались и тогда тѣмъ же самымъ вѣчно-повторяющимся мотивомъ, „чтобы дѣло скорѣе кончить“, какъ чистосердечно показано въ расходной книгѣ. Независимо отъ того, что значительная часть городскихъ доходовъ шла, по закону, „въ королевскую шкатулу“, городъ обязанъ былъ посылать ежегодно королю извѣстную сумму, по видимому, опредѣленную: „наяснѣйшему пану кролеви, наль щасливе пануючему, гонораріуму за сей рокъ 5000 золотыхъ“. Кромѣ „гонораріума“ посылались ему же, королевѣ, ихъ дѣтямъ и родственникамъ „подарки“ червонцами, соболями, тканями и т. д. Могилевскія приходорасходныя книги представляютъ еще любопытныя данныя относительно цѣнъ на разные предметы потребленій въ концѣ XVII в. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ, съ переводомъ цѣнъ на наши деньги: бревно стоило 2 копейки, длинный брусь 15 и 17½ коп., жердь 1½ коп., внутренній замокъ 7 коп., возъ хворосту 5 коп., мастеровымъ, каменщикамъ,

плотникамъ въ день 17 коп., черноработному 7 коп., мѣра овса 5 коп., гарнецъ (4 бутылки) винограднаго вина 60 коп., гарнецъ пива 1½ коп., четверть мяса воловьего 52 к., фунтъ осетрины 5 к., 10 лещей и 10 окуней свѣжихъ и „спорыхъ“ 25 к. и т. д. Актковыя книги даютъ хотя и немногія, но цѣнныя данныя для уясненія взаимныхъ отношеній двухъ вѣроисповѣданій, православнаго и католическаго, а со введеніемъ и распространеніемъ уніи отношеній къ православію этой отдѣлившейся отъ него вѣтви. Особенно интересны эти послѣднія, такъ какъ съ неоспоримой очевидностью опровергаютъ до сихъ поръ ходячее между польскими историками мнѣніе, что унія введена была добровольно и сразу привилась къ этой средѣ, въ которую, какъ оказывается, введена она была крутыми и насильственными мѣрами. Велико было озлобленіе народа, когда оно разрѣшилось умерщвленіемъ самаго фанатическаго ревнителя уніи архіепископа Иосафата Кунцевича (да и одного ли его?). Еще ранѣе этой катастрофы, будущаго лже-святата встрѣчаютъ въ Могилевѣ пушками и пищалями и городъ выносить за это процессъ подробно описанный въ „Актахъ“. Процессъ этотъ поставленъ былъ сначала на почву чисто-юридическую: городъ обвинялся въ недозволеніи мѣстному духовенству подчиниться архіепископской власти, и потомъ уже получилъ тотъ отбѣнокъ, который былъ выгоденъ для публичнаго обвинителя: поступокъ городекихъ мѣщанъ подвели подъ статью „о преступленіи противъ величества“ (настоящій характеръ дѣла—религіозный—былъ умышленно затѣненъ). Тогда исходъ процесса, или, точнѣе, суда былъ заранѣе предрѣшенъ: руководители мятежа были приговорены къ смертной казни, на весь городъ наложенъ штрафъ, церкви и монастыри (въ городѣ чисто-православномъ) переданы со всеѣмъ ихъ имуществомъ тому же Кунцевичу, лично присутствовавшему на судѣ. Послѣдняя статья приговора была всего дороже для уніатскаго архіепископа, столь ненавистнаго для его паствы, что тѣ же могилевскіе мѣщане просятъ письменно своего старосту предупредить Кунцевича, „чтобы онъ не появлялся въ ихъ городъ во избѣжаніе того, что было въ Луцкѣ съ покойнымъ митрополитомъ Рагозой, въ Вильнѣ и въ Львовѣ съ преосвященнымъ Поцѣмъ, въ Кіевѣ съ о. Антоніемъ Грековичемъ, котораго утопили въ рѣкѣ

Днѣпрѣ“. Какъ принижено было даже высшее правительственное духовенство (не говоримъ уже о низшемъ и о народѣ — „быдлѣ“ — въ глазахъ поляковъ) видно изъ одного факта, помѣщеннаго въ Витебскомъ изданіи: понадобилось одному городу съ православнымъ населеніемъ, но лежащему въ предѣлахъ уніатской епархіи, пригласить къ себѣ своего православнаго епископа. „Какъ же прійдетъ онъ къ намъ, — да еще по дѣлу“, скорбно возражали нѣкоторые, „заѣхалъ онъ въ прошломъ году въ Полоцкъ, безъ всякой требы, а по дорогѣ, да и то взыскали съ него за это въ пользу уніатскаго епископа штрафъ въ 20,000 золотыхъ“. За то католическое духовенство, особенно отцы іезуиты пользовались такими огромными правами, такими необычайными привилегіями, которымъ трудно было бы даже повѣрить, если бы онѣ не подтверждались несомнѣнными фактами. Въ одной Могилевской актовъ книгѣ за 1708 годъ записано слѣдующее странное событіе (актъ этотъ будетъ напечатанъ въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Витебскаго изданія): судился въ этомъ году за убійство могилевскій мѣщанинъ Янъ Фомичъ. „Когда его вывели на площадь, окруженнаго стражей, для отсѣченія головы, высокопреподобные* (przewielebni) ксендзы Societatis Iesu, коллегіи Могилевской, а вмѣстѣ съ ними каноникъ Шасикевичъ, плебанъ Могилевскій и другіе ксендзы, по прочтеніи приговора, осужденнаго съ площади взяли и увели съ собой въ монастырь; какъ это дѣло велось, такъ оно и записано въ городскія могилевскія книги“. Разсказъ и заключеніе дышатъ такой неподдѣльной наивностью, какъ будто произошло нѣчто самое обыкновенное — и въ то же время такъ характеристичны, что и намъ ничего не остается прибавить къ нимъ. Если даже государственныя власти оказывались бессильными передъ могущественнымъ католическимъ духовенствомъ, то чтò оставалось дѣлать народу, не находившему нигдѣ опоры и поддержки въ неровной борьбѣ его съ сильнымъ врагомъ? Сверху явно и тайно помогали сторонѣ противной, стремились, во что бы то ни стало, вводить унію, на которую смотрѣли какъ на переходящую только ступень къ католицизму; ближайшій союзникъ, единственная опора народа, его духовенство было принижено и безгласно; городское, православное населеніе напрасно напирало послѣднія усилія, чтобы отстоять свою

вѣру и народность. Въ рукахъ правительства Рѣчи посолитой было могущественное средство выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ своимъ противникомъ, сильнымъ только количественно — это присвоенное королямъ *jus patronatûs*, въ силу котораго „королевская власть держала „въ оборонѣ, онекѣ и подаваніи“ все церкви, монастыри, дома Божіи, чернцовъ, поповъ и прочихъ слугъ церковныхъ, находившихся въ имѣніяхъ и городахъ его „королевскихъ“, а такими „королевскими“ городами считались *все* литовско-русскіе города. Что мудренаго, если при такихъ условіяхъ, благоприятныхъ для одной стороны и тяжкихъ для другой, православныя церкви, мало по малу преобразуются въ униатскія въ ожиданіи того счастливаго для польскаго правительства времени, когда онѣ сдѣлаются католическими костелами. Могилевскіе мѣщане съ радостію привѣтствовали не легко добытый ими королевскій декретъ, чтобы по крайней мѣрѣ двѣ городскія церкви, Воскресенская и Покровская, оставлены были за ними, для православнаго богослуженія, и это случилось въ 1627 г., т. е. только черезъ 31 годъ послѣ введенія униі. Но и эта радость православныхъ была непродолжительна: черезъ годъ, происками униатскаго архіепископа Антонія Селявы, милостивый декретъ былъ отобранъ и *все* Могилевскія церкви подчинены епархіальной униатской власти. Не должно забывать, что и представители борющихся сторонъ, духовенства католическое и православное, были сами по себѣ далеко не равны по силамъ, что шансы побѣды видимо склонены были на сторону католицизма. Его духовенство богатое, вліятельное и сравнительно болѣе образованное, явно первенствовало надъ нашимъ, приниженымъ, угнетеннымъ, все болѣе и болѣе впадавшемъ въ скудость и неразлучное съ ней невѣжество. Богатые католическіе костелы гордо высились въ городахъ и селеніяхъ надъ рядомъ стоящими съ ними православными церквами — жалкими, гонтомъ или соломою крытыми деревянными лачужками. Та была вѣра „нанская“, эта — „хлонская“ — эпитеты оставшіеся и до днесь въ западной нашей Россіи! Что наше духовенство, обездоленное и невѣжественное, матеріально и нравственно опускавшееся все ниже и ниже — было само отчасти виной переходовъ его паствы въ унию, показываетъ рядъ грустныхъ фактовъ неудовольствія самихъ прихожанъ на образъ жизни

и небрежность своимъ пастырей. Въ двухъ договорахъ, напечатанныхъ въ „Актахъ“, клировъ Ильинской и Крестовоздвиженской церкви съ прихожанами поставлены, между прочими, слѣдующія обязательныя для священниковъ условія: „служить непременно въ субботніе, воскресные и праздничные дни; не выносить изъ церкви, не закладывать и не продавать церковныхъ вещей; за требы не торговаться, а брать то, что кому Богъ на сердце положить, и, наконецъ, „жить пристойно, по корчмамъ не ходить, картами, костками и никакими легкими забавами не забавляться, потому что отъ такой-то жизни пастырей многіе православные, особенно шляхтичи“ (среда, какъ видно, самая податливая) „соблазнившись, уходятъ до невѣрныхъ сектъ“. Инстинктивно сознавалъ „сѣрый“ нашъ людъ, откуда грозитъ опасность. Бывали случаи, что какой-нибудь фундаторъ (основатель) православной церкви, зорко оберегавшій ее при своей жизни и мало надѣявшійся на то, чтобы дорогой для него храмъ Божій не обращенъ былъ въ униатскій, передавалъ его по завѣщанію въ опеку и охраненіе городского магистрата, и тотъ бралъ на себя обязательство принять церковь „на всегда въ свою мощъ и оборону.“ Не долговѣчно было это уповаемое „на всегда“!

Въ числѣ немногихъ документовъ, касающихся общественной и домашней жизни того времени, находится весьма интересное завѣщаніе начала XVIII в.; оно еще не напечатано, но непременно появится въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ. Мы, возможно-подробно, остановимся на этомъ документѣ, рисуящемъ крупными чертами картину домашнего быта, обетановки нравовъ и понятій той среды, которой болѣею частью мало касаются, почти и не затрагиваютъ наши историческія изслѣдованія, среды городского населенія, не игравшей видной роли въ историческихъ судьбахъ государства. А между тѣмъ западно-русскіе города, особенно въ эпоху польскаго владычества, служили единственными центрами, въ которыхъ сосредоточивались послѣдніе не совсѣмъ еще подавленные силы православія и русской народности. Завѣщаніе помѣчено 1702 годомъ, писано все „властной рукой“ самого завѣщателя, могилевскаго бургомистра Гуторовича, сначала по русски, а потомъ по польски. Послѣ обычныхъ размышленій о тѣнноти земной жизни, завѣщатель, съ самой мелочной по-

дробностью распоряжается своимъ, можно сказать, колоссальнымъ для того времени, имуществомъ, которое, говоритъ онъ, „я не отъ отца получилъ, а самъ съ Божіей помощью нажилъ; послѣ отца я остался въ бѣдности, натерпѣлся много напастей, да и много долговъ за него заплатилъ; такъ пусть мои родные и пріатели не думаютъ, что у меня имѣніе родовое и дѣтей моихъ пусть не беспокоятъ“. Изъ нажитаго „съ Божіей помощью“, онъ снѣшитъ значительную часть отдать на дѣла Богу-угодныя: на братства, церкви, монастыри, богадѣльни, бѣдныхъ и т. д. На первомъ, конечно, планѣ стоитъ родной городъ Могилевъ: на могилевское братство завѣщано 10,000 золотыхъ, да на „звонъ“, т. е. колоколь, особо 6,000; въ церковь св. Іоанна Богослова 5,000, а „звонъ“ туда заказанъ и задатокъ данъ, то прошу розыскать“, да на свѣчи черныя предъ чудотворнымъ образомъ св. Іоанна Богослова и передъ отцовскимъ образомъ 2,000 золот., на „снѣвакъ“ (снѣвчихъ) 1,000 зол. и монахамъ „на иждивеніе“ 2,000, чтобы въ каждую среду читали акафистъ и чтобы за меня „*тихо Бога просили*“; на богадѣльню 1,500 золот. и капиталъ отдать въ надежныя руки, чтобы „квота“ съ него, т. е. проценты, шли на кожухи и рубашки для бѣдныхъ; на „труны“ (гробы) для убогихъ 2,000 золот., да на раздачу нищимъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, послѣ поздней обѣдни, и во время большихъ процессій 4,000 золотыхъ; отцамъ монахамъ 400 золот. на поминанье въ теченіи цѣлаго года, „оттого такъ много и отказываю“; на остальные 9 городскихъ церквей завѣщано 40,000 зол. съ точнымъ указаніемъ, по сколько на каждую, и на богадѣльни при нихъ отдѣльно 5,000 зол. Завѣщанъ особый капиталъ на „реставрацію“ (починку) церквей съ предусмотрѣнной оговоркой, „чтобы деньги выдавались въ случаѣ крайней необходимости, а гдѣ дѣло ведется не хозяйственно, вовсе не давать, а отчитавъ, спрятать, чтобы всегда были готовы“. За Могилевомъ идутъ другіе города — Минскъ, Кіевъ, Вильна, Борисовъ, Слуцкъ, Шкловъ и т. д., куда, на братства, монастыри, церкви и богадѣльни, отказано болѣе 40,000 золотыхъ съ точнымъ распредѣленіемъ между ними этой суммы. Всѣхъ церквей и монастырей, въ которыя назначены выдачи, было (кромѣ Могилева) двадцать шесть, но на многія изъ нихъ, какъ видно изъ завѣщанія, были пожертвованы значительныя капиталы и дѣлались еже-

годныя выдачи еще при жизни набожнаго завѣщателя: такъ, въ Слуцкую соборную церковь было пожертвовано прежде 8,000 золотыхъ. Любимыми (послѣ роднаго города Могилева) были для завѣщателя церкви Слуцкія. Мотивомъ пожертвованій служили, кромѣ общаго религіознаго настроенія бургомистра, иногда и чисто личныя его соображенія: такъ завѣщаетъ онъ небольшой капиталъ на клиръ одной церкви въ Копысѣ, „гдѣ священникомъ—протопопъ Матыско“, очевидно добрый знакомый завѣщателя, и еще бѣльшую сумму въ другую церковь на Волыни въ м. Жолкіевѣ, „гдѣ родился король Іоаннъ Собіесскій, гдѣ покоятся мощи св. Іоанна Сочавскаго, „бо того часу родился сынъ мой Ясѣ (Іоаннъ), — а св. Іоаннъ — патронъ его и мой“. За то для этой церкви сдѣлано исключеніе: всѣ церкви, куда пошли деньги завѣщателя, были православныя, а относительно этой, особенно дорогой для него, не соблюдено это неизбѣжное условіе, такъ какъ завѣщатель, видимо, не зналъ, какая судьба постигла эту церковь и онъ добавляетъ „чи униатская, чи яка, все равно“. Кромѣ немногихъ суммъ, предназначенныхъ къ личной выдачѣ, всѣ остальные завѣщано передать въ вѣрныя и надежныя руки на проценты, которые и должны были расходоваться согласно волѣ и указаніямъ завѣщателя. Интересно знать, куда дѣвались эти громадныя для того времени капиталы, такъ какъ въ тѣхъ церквахъ, гдѣ нами дѣлались справки, никакихъ капиталовъ покойнаго Гуторовича не оказывается? Покопчивъ съ дѣлами богоугодными, завѣщатель переходитъ къ своимъ домашнимъ, и дѣлитъ свое имущество между родными: „Есть у меня“, говоритъ онъ, „въ Гданской (Данцигской) ратушѣ сумма въ 40,300 талеровъ „добрѣй монетой“ (1): „ее хранить тамъ до совершеннолѣтія моихъ сыновей и даже процентовъ не выдавать“. Дочкамъ моимъ младшимъ отъ втораго брака изъ наличнаго моего капитала отсчитать 20,000 талеровъ и отправить въ Гданскъ же, ибо теперь время не спокойное; все остальное пускать въ обороты или давать подъ проценты. Это даю вамъ (т. е.

(1) «Добрѣй монетой» считалась полновѣсная, въ отличіе отъ обрѣзанной и потертой, которая называлась «сиггенс» (бывшая въ употребленіи, ходячая). Во многихъ купчихъ крѣпостяхъ и договорахъ дѣлается это различіе, очевидно вызванное обращеніемъ въ народѣ стертой, мало-цѣнной монеты.

душеприкащикамъ) на вашъ разсудокъ, какъ васъ Богъ научить, чтобы дѣти мои малыя не обратились въ ничтожество“. Двумъ старшимъ дочерямъ, отъ перваго брака, отецъ отдаетъ по дому каменному на каждую; причеиъ обращается къ душеприкащикамъ съ предсмертною просьбой: „выдать ихъ какъ можно скорѣе замужъ, обѣихъ въ одинъ годъ, хотя бы и прибавить немного приданого, не держать, не смотрѣть на богатство, лишь бы добрый былъ человекъ, а за шляхтича (дворянина) не отдавать, „избави Боже: то наша пагуба!“ Насмотрѣлся, должно быть, на долгомъ вѣку своемъ, торговый русскій человекъ на этихъ „шляхтичей“. Отказавъ женѣ (второй) и родительницѣ 125,972 деньгами и на 23,275 золот. движимостью, Могилевскій *pater familias* ичисляеть подробно эту движимость, состоящую преимущественно изъ „клейнотовъ“, т. е. драгоценностей, тщательно записанныхъ имъ въ особыхъ реестрахъ, изъ которыхъ одинъ экземпляръ съ точнымъ описаніемъ его примѣтъ (на пергаментѣ, въ красивой обложкѣ) хранился въ домѣ, а другой былъ всегда при немъ. Въ этихъ реестрахъ заботливый хозяинъ подробно перечисляеть все свои не наслѣдственные, а имъ самимъ нажитые „клейноты“, показывающіе не только его достаточность, но и ту довольно высокую ступень развитія, на которой находились зажиточные горожане того времени. Столовое серебро, употреблявшееся въ домѣ Могилевского бургомистра, простое и золоченое, было лучшей Гданской и Аугсбургской работы, съ вырѣзаннымъ на немъ именемъ владѣльца, и оцѣнено имъ въ 11,000 золот.; ожерелья, серьги, браслеты съ алмазами и рубинами, нитки жемчуга (высчитано число зеренъ), перстни, цѣпочки, богатая конская сбруя (сѣдло, чепраки и уздечки) стѣдили болѣе 17,000 зол. Недвижимое имѣніе, кромѣ двухъ домовъ, отказанныхъ старшимъ дочерямъ, состояло изъ лавокъ, садовъ, огородовъ и сѣнокосныхъ луговъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Капиталь въ наличности, долгахъ и товарахъ (кромѣ суммъ, хранившихся въ Данцигѣ) опредѣленъ завѣщателемъ въ 315,070 зол. Подведеиъ итоги всего нажитаго русскимъ торговымъ человекомъ второй половины XVII в. и невольно придемъ къ заключенію, что торговля дѣла той отдаленной эпохи или бойко въ нашихъ западно-русскихъ городахъ, которые, въ настоящее время, не могутъ похвалиться обширностью своихъ

коммерческихъ оборотовъ: между русскими коммерсантами нынѣшняго Могилева врядъ ли найдется много такихъ, которые съ „Божіей помощью“ нажили себѣ такое состояніе, какъ его старшій бургомистръ XVII столѣтія.

Витебскіе акты не обходятъ молчаніемъ и другаго (кромя поляковъ) пришлаго этнографическаго элемента, водворившагося въ Западной Руси: мы говоримъ о евреяхъ, уже и въ то время начавшихъ пускать корни не только въ городской, но и въ сельской средѣ. Возникали перѣдкія пререканія между ними и христіанами, въ торговыхъ и особенно въ цеховыхъ дѣлахъ, пререканія, кончавшіяся процессами, на которые и тогда такъ надко было еврейское населеніе. Есть въ X т. „Актовъ“ одинъ документъ, касающійся весьма важнаго вопроса и теперь еще не переставшаго волновать общественное мнѣніе и породившаго цѣлую ученую полемику—это вопросъ о умерщвленіи евреями христіанскихъ младенцевъ для добыванія ихъ крови, идущей будто бы на приготовленіе еврейскихъ пасхальныхъ опрѣенокъ (маці). Документъ этотъ есть жалоба (на польскомъ языкѣ), поданная въ Могилевскій судъ на мѣстныхъ евреевъ. Мы приводимъ ее въ извлеченіи, строго придерживаясь въ нашемъ переводѣ самаго подлинника. „Въ 1692 году 26-го мая, передъ судомъ его королевскаго величества города Могилева, занесена отъ имени Николая Паца, старосты Ковенскаго и Виленскаго, жалоба на евреевъ города Могилева (раввина, кагалныхъ начальниковъ и другихъ) за то, что они „о гибели христіанъ старающіеся, издавна враги св. Креста, во время торжественнаго своего праздника „нейсахъ“ (пасхи), надъ малыми дѣтьми христіанскими издѣваясь, убивать и кровь ихъ проливать привыкли, о чемъ во всѣхъ народахъ и городахъ публично и документально (documentaliter) тяжбами и документами подтверждается“. За этимъ вступленіемъ идетъ разсказъ о самомъ происшествіи: малолѣтняя дочь крестьянина Лапы отдана была, по бѣдности родителей, въ услуженіе одному еврею, а тотъ, по совѣту раввина и другихъ „старшихъ“ евреевъ, безъ малѣйшей будто-бы причины, „хитростью и способомъ еврейскимъ“ дѣвочку избилъ и истязалъ, „колѣнами и руками налегши на грудь сильно душилъ и жалъ, такъ что у нея кровь носомъ и гортанью шла; окровавленное ея бѣлье спряталъ и, давъ ей другое,

изъ дому выгнать“. Дѣвочка умерла на третій день, рассказавъ о своихъ мученіяхъ родителямъ и духовнику на исповѣди. На ея похоронахъ видѣли многіе на ея дѣтскомъ тѣлѣ знаки насилія и истязаній, да и гродскому суду она была „представлена“ (praesentowana). Но евреи ухитрились, какъ видно изъ жалобы, не только дѣло замять, но устроили такъ, что отецъ потерявшей самъ попалъ какимъ-то образомъ въ тюрьму, гдѣ его „въ пренебреженіе вѣры христіанской, весь свѣтлый праздникъ продержали, холодомъ и голодомъ морили, и на поруки даже не пускали“. Вслѣдствіе „такой несправедливости и обиды“, и принесена въ королевскій Могилевскій судъ жалоба отъ имени лица вліятельнаго, но чѣмъ дѣло кончилось — нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ актовъ книгѣ. Мы привели этотъ любопытный документъ вовсе не какъ доказательство существованія между евреями такого позорнаго обычая, о которомъ говорится въ жалобѣ, но какъ фактъ, указывающій на взаимныя отношенія между христіанами и евреями въ Западной Россіи, отношенія не улучшившіяся и до сихъ поръ. Весьма вѣроятно, что темная масса христіанскаго населенія, озлобленнаго противъ своихъ тогдашнихъ и теперешнихъ эксплуататоровъ, слѣпо вѣрила тогда, какъ вѣритъ и теперь, въ существованіе этого отвратительнаго обычая, не допускаемаго, сколько намъ извѣстно, никакими еврейскими законами уже по самому духу еврейскаго вѣроученія. Случай 1692 г. и цѣлый рядъ подобныхъ же фактовъ, повторяющихся въ теченіи двухъ почти столѣтій, нисколько не выясняютъ той цѣли, ради которой совершались и продолжаютъ совершаться загадочныя похищенія и убійства евреями христіанскихъ дѣтей. Самое большее, что можно отсюда вывести — это возможность проявленія болѣзненныхъ припадковъ слѣпаго и изступленнаго фанатизма у какихъ нибудь единичныхъ, болѣзненныхъ личностей. Преступленія, совершенныя такими отдѣльными личностями, несправедливо приписываются цѣлому народу, въ нихъ неповинному.

Закончимъ нашъ очеркъ Витебскаго центральнаго архива нѣсколькими замѣчаніями о языкѣ, на которомъ писаны хранящіяся въ немъ актовыя книги. Общее явленіе, замѣчаемое въ историческихъ судьбахъ Западной Россіи, повторяется и здѣсь, въ Вѣлорусскомъ краѣ. Коренное русское населеніе, поддавшееся подъ чужеземную власть, совершало все

акты своей дѣятельности на родномъ языкѣ до тѣхъ поръ, пока чуждое ему правительство насильственно не ввело въ официальное употребленіе свой языкъ, мало понятный для большинства. Отсюда, какъ неизбежное послѣдствіе, произошли два явленія: во-первыхъ, всѣ акты древнѣйшаго происхожденія приблизительно до конца XVII в. писались по русски и только съ этого времени начинаютъ писаться то по русски, то по польски; а со второй половины XVII в. до времени возсоединенія этого края съ Россіей, преобладаетъ языкъ польскій. Во-вторыхъ, этотъ самый, навязанный польскій языкъ, особенно въ началѣ его искусственнаго введенія, носитъ на себѣ видимые слѣды искусственности и фальши; онъ такъ плохъ, такъ мало похожъ и по конетрукціи рѣчи и по самому составу словъ на настоящій польскій языкъ, что скорѣе приближается къ мѣстному, такъ называемому здѣсь и теперь „простому“ Бѣлорусскому нарѣчію. Придѣлывались польскія окончанія къ русскому корню, примѣшивались латинскія слова и, къ великому удовольствію нововводителей, языкъ актовъ, вышедшихъ изъ среды народа, переставалъ походитъ на народный — что нужды, если онъ и не совѣмъ походилъ на языкъ навязанный. Ненормальное положеніе, искусственно занятое польскимъ языкомъ въ странѣ чисто русской, было такъ замѣтно, что даже въ акты, написанные по польски, неизмѣнно вносились обычныя, sacramentalныя ихъ слова по русски, т. е. на такомъ языкѣ, на какомъ издавна привыкъ ихъ слышать здѣшній русскій человѣкъ: такъ, напримѣръ, въ актовыхъ книгахъ Кричевской магдебургіи, писанныхъ епошъ по польски, каждый актъ начинается слѣдующей обычной формулой, на русскомъ языкѣ: „На урядъ его королевской милости права майдебургскаго, кричевскаго, передо мной, Владиславомъ Суринымъ, пулковникомъ его королевской милости, явились...“ слѣдуютъ имена просителей и истцевъ и польскій текстъ акта (1).

Мы сказали выше, что въ теченіи 9 лѣтъ, съ 1871 по 1879 г., неутомимыми трудами здѣшняго архивариуса, издано 10 объемистыхъ томовъ актовъ, въ которыхъ напечатаны матеріалы, извлеченные изъ

(1) О языкѣ судебныхъ и другихъ актовъ подробнѣе изложено въ статьѣ «Виленскій центральный архивъ». См. Сборникъ Археол. Института. Т. I, отд. I.

281 актовъ книги (1). Остается непечатой еще громадная масса матеріаловъ (не тронуты—1542 книги), столь же цѣнныхъ для науки, какъ и тѣ, которые уже стали ей достояніемъ и принесли ей несомнѣнную пользу. Цѣлые десятки лѣтъ придется ждать пока сдѣлаются извѣстными все сокровища Витебскаго центрального архива. Не по силамъ одного человѣка—какъ бы ни былъ онъ преданъ своему дѣлу—такая работа, которая возложена на здѣшняго архивариуса, тѣмъ болѣе, что труды по изданію составляютъ только второстепенную, придаточную часть его прямыхъ служебныхъ обязанностей.

Было бы желательнo, чтобы дѣятельность нашихъ молодыхъ ученыхъ архивистовъ, воспитанниковъ Археологическаго Института, была примѣнена къ высокополезному дѣлу разработки и изданія тѣхъ драгоценныхъ памятниковъ старины, которые хранятся въ трехъ центральныхъ нашихъ архивахъ: передъ этими молодыми силами—обширное поле дѣятельности, трудъ серьезный и плодотворный.

Почетный членъ В. Лялинъ.

(1) Эти 281 книгу составляютъ: 1) 37 актовыхъ книгъ витебскаго воеводства съ 1592 по 1779 г.; 2) 24 книги Полоцкаго воеводства съ 1560—1769 г.; 3) 84 книги Полоцкаго магистрата съ 1633—1782 г.; и 4) 136 книгъ Могилевской магдебургии съ 1577—1699.

Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 г.

Когда нѣсколько товарищей моихъ по Институту согласились трудиться сообща надъ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, то я изъявилъ желаніе заняться судною частью (гл. X—XV). Главною цѣлью нашихъ изысканій было разъясненіе виѣшней исторіи памятника, такъ мало подвинувшейся впередъ сравнительно съ изученіемъ лежащихъ въ его основѣ внутреннихъ началъ права. Въ начертанной нами программѣ первымъ стоялъ, какъ и естественно, вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ потребность въ Уложеніи, и о порядкѣ его изданія (см. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, отчетъ о поѣздкѣ въ Москву). Рѣшеніе этого вопроса принялъ было на себя одинъ изъ моихъ товарищей; но за выходомъ его изъ Института, остальные сотрудники положили: не приступая къ полному и всестороннему разсмотрѣнію вопроса, предоставить каждому заняться имъ предварительно, насколько того потребуетъ избранная имъ часть.

Принимаясь за исполненіе своей задачи, я особенно задумался надъ тѣмъ мѣстомъ вступительнаго къ Уложенію указа, въ которомъ выражено желаніе царя, *„чтобы Московскаго Государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа во всякихъ дѣлахъ была весьма равна“*. Откуда такая широта взгляда, несогласная съ духомъ того времени? Если не ошибаюсь, никто, кромѣ Строева, не останавливался на этомъ вопросѣ, заслуживающемъ полного вниманія. Строевъ же, по видимому, догадывался о дѣйствительной причинѣ непонятнаго явленія; но тогдашнее ли положеніе печати, состояніе ли исторической науки въ его время, или что другое заста-

вило его облечь свою мысль въ покровъ рѣзкаго противорѣчія, которое прямо бьетъ въ глаза. Съ одной стороны, онъ низводитъ понятіе равносудія до простой правдивости и нелицепріятности, а съ другой объявляетъ его чѣмъ-то недоступнымъ для массы, какимъ-то незаконнымъ порожденіемъ временъ самозванщины, зародышемъ „гражданскаго равенства“, до котораго французы додумались только въ концѣ прошлаго столѣтія (Историко-юридическое изслѣдованіе объ Уложеніи стр. 35—40). Безспорно, первое ограничительное толкованіе Строева единственное, которое можетъ быть согласовано съ духомъ уложеннаго суда; но за то оно не соотвѣтствуетъ прямому смыслу словъ, выражающему Господню заповѣдь о полномъ и дѣйствительномъ равенствѣ суда для всѣхъ безъ исключенія. Такое несогласіе между цѣлью законодателя и изданными имъ законами побудило меня вникнуть въ обстоятельства, при которыхъ вышелъ указъ 16 іюля 1648 года.

Начавъ съ послѣдняго и самаго рѣшительнаго толчка, давшаго движеніе дѣлу составленія Уложенія, я потомъ постепенно восходилъ къ болѣе общимъ и отдаленнымъ причинамъ явленія. При этомъ я выдвинулъ на первый планъ тѣ именно причины, которыя ясно сознавались современниками, хотя бы онѣ въ дѣйствительности были менѣе важны, чѣмъ тѣ, которыхъ они не знали или по крайней мѣрѣ, не ясно ихъ понимали. Мнѣ казалось, что голосъ современниковъ, какъ бы онъ подчасъ ошибоченъ ни былъ, долженъ быть выслушанъ прежде разсужденій и домысловъ потомства.

Уже въ прошломъ году, когда я ознакомился только съ подлиннымъ Уложеннымъ столпомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что составленіе Уложенія, считая и его слушаніе на соборѣ, заняло 6¹/₂ мѣсяцевъ, а не 2¹/₂, какъ прежде принималось. Тѣмъ не менѣе я тогда же выставилъ одно недоумѣніе, которое меня смущало (см. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, стр. 11, примѣч. 6). Это побудило меня внимательно пересмотрѣть наличныя свѣдѣнія касательно обеужденія и утвержденія различныхъ частей Уложенія. Въ результатъ получилось, насколько я въ состояніи судить, не только подтвержденіе прежняго вывода и устраненіе возникшаго недоумѣнія, но сверхъ того выяснился еще порядокъ вступленія памятника въ силу закона.

Чѣ же данныя, съ присовокупленіемъ списка рукоприкладствъ, навели меня на нѣсколько мыслей касательно значенія земскаго собора—вопроса, вообще еще мало выясненнаго. Я далеко не исчерпалъ его даже въ томъ объемѣ, къ которому даютъ поводъ обнародованные матеріалы потому собственно, что впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія актовъ, нуждается въ обстоятельной повѣрѣѣ, которая завлекла бы меня далеко.

Занятія въ Московскихъ архивахъ, доставивъ мнѣ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, характеризующія состояніе права въ первой половинѣ XVII в., дополнили также прежнія мои сообщенія о печатаніи Уложения и распространеніи его въ обществѣ.

Таково происхожденіе настоящей статьи. Она не болѣе, какъ частный отвѣтъ на общій вопросъ, и въ нѣкоторомъ родѣ можетъ служить введеніемъ къ суднымъ главамъ Уложения.

Исторія Уложения въ томъ видѣ, какъ она излагалась до сихъ поръ, сильно смахивала на сказку. Многотрудное дѣло общаго пересмотра и *улучшенія* законодательства, — дѣло, которое не далось въ руки ни могучему Петру, ни мудрой Екатеринѣ, ни челоуѣколюбивому Александру I, — затѣвается двадцатилѣтнимъ юношей, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и совершается, точно по щучьему велѣнію, въ какіе-нибудь два съ половиною мѣсяца! Какъ блестящій метеоръ проносится надъ русскою землею это невиданное явленіе, исчезаетъ и лишь около двухъ столѣтій спустя снова показывается на родномъ небосклонѣ. Ни беспочвенный домыселъ о заранѣ подготовленныхъ матеріалахъ, ни положительное преувеличеніе консервативнаго духа Уложения не способны смягчить той несообразности, что слушаніе новаго памятника заняло въ 2¹/₅ раза болѣе времени, чѣмъ его начертаніе (1).

Чтобы хотя нѣсколько развеять туманъ, окружающій появленіе на свѣтъ Уложения, надо вникнуть въ обстоятельства, которыми оно было вызвано.

(1) Слушаніе Уложения, какъ увидимъ, началось 3-го октября 1648-го и кончилось 28-го января 1649-го года; указъ же о составленіи Уложения вышелъ 16-го іюля 1648-го г.

И такъ, что послужило поводомъ къ изданію Уложенія? Достопамятный указъ 16-го іюля 1648 года обходить этотъ деликатный вопросъ неясными намеками, брошенными векользъ, при случаѣ; начнется же онъ прямо съ того, какъ государь разсуждалъ съ патриархомъ, освященнымъ соборомъ и съ боярами объ исправленіи и дополненіи судебниковъ. Выходитъ, какъ будто „*великое государево и земское дѣло*“ задумано царемъ въ обычномъ порядкѣ теченія дѣлъ. Но вотъ другое, также правительственное, извѣстіе рядомъ съ царскимъ совѣтомъ ставить *челобитые* разныхъ чиновъ людей: мы разумѣемъ здѣсь память губному старостѣ Обонежской пятины Нагорной половины отъ 28 іюля 1648 г. съ требованіемъ о присылкѣ депутата на земскій соборъ къ 1-му сентября (Акты Арх. Эксп. IV, № 27). Обстоятельство очень важное, ибо оно свидѣтельствуетъ, что починъ шелъ снизу. Но почему же умалчиваетъ о немъ вышеупомянутый указъ? Или челобитые всякихъ чиновъ людей было новостью въ общественной и государственной жизни Московскаго государства? Первое, что приходитъ на умъ, это — то, что либо челобитья вовсе не было, либо за нимъ скрывается нѣчто такое, о чемъ правительству несприятно говорить. Чтобы провѣрить правильность этого вывода, стоитъ только прислушаться къ голосу современниковъ и особенно тѣхъ, которые принимали въ Уложеніи большее или меньшее участіе. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія Уложенія, патриархъ Никонъ, скрѣпившій его своею подписью въ званіи архимандрита, писалъ: „*и то всѣмъ вѣдомо, что зборъ былъ не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради*“. Слова эти писаны были московскимъ іерархомъ въ такія минуты его жизни, которыя отнюдь не располагали къ спокойному и безпристрастному повѣствованію, и потому свидѣтельство его съ перваго раза не внушаетъ къ себѣ полного довѣрія. Къ счастью, до насъ дошли и другія свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Мы воспользуемся ими, чтобы представить краткій очеркъ событій, происходившихъ въ Москвѣ и другихъ городахъ предъ самымъ изданіемъ Уложенія.

Въ началѣ 1648 года царь женился на Маріи Ильичнѣ Мило-

славской. Тесть царскій и его родственники захватили въ свои руки доходныя должности; но особенною алчностью отличались начальникъ Пушкарскаго Приказа Петръ Траханіотовъ и Леонтій Плещеевъ — *большой судья* Земскаго. Плещеевъ окружилъ себя такими лицами, которыя избрали своимъ ремесломъ составленіе ложныхъ доносовъ на честныхъ и зажиточныхъ людей. Несчастныхъ бросали въ тюрьму, мучили и терзали, а потомъ слуги Плещеева вступали съ ними въ переговоры о выкупѣ. Оскорбленные и униженные взывали къ правосудію, но бояре, разсматривавшіе жалобы, всегда представляли царю дѣла въ такомъ свѣтѣ, какъ будто жалобы не заслуживаютъ никакого вниманія. Число жертвъ все увеличивалось, а съ нимъ возрастало и негодованіе противъ безбожныхъ гонителей. Потерявъ всякую надежду на боярское правосудіе, обиженные рѣшились искать случая, чтобы словесно жаловаться царю. Такой случай представился, по свидѣтельству туземныхъ источниковъ (Дворцовые Разряды т. III, столб. 93), двадцать пятого мая, по словамъ же Олеарія (О состояніи Россіи въ XVII в., стр. 8—10 въ „Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“ 1859 г., кн. 5, Сиб. 1860 г.) 6 іюля ⁽¹⁾. Былъ царскій выходъ въ Срѣтенскій монастырь. Пока царь оставался въ монастырѣ, масса народа толпилась на улицахъ и на площадяхъ. На возвратномъ пути въ Кремль, на большомъ рынкѣ толпа окружила государя и умоляла его отставить Плещеева. Царь обѣщалъ разобрать дѣло и благополучно поѣхалъ впередъ. Между тѣмъ приверженцы Плещеева начали бранить народъ, пустили въ ходъ нагайки и многихъ сбили съ ногъ лошадьми. Толпа пришла въ ярость: камни посыпались на обидчиковъ. Съ трудомъ добрались они до дворца, гдѣ и укрылись отъ преслѣдователей. Но народъ не расходился, шумѣлъ и требовалъ выдачи Плещеева. Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ показался на крыльцѣ и именемъ царя просилъ народъ успокоиться; но вмѣсто отвѣта раздались крики, что съ нимъ расправятся такъ же, какъ и съ Плещеевымъ. Онъ удалился во внут-

(1) Впрочемъ, различныя отечественныя извѣстія также не сходятся въ показаніи времени событія. Слич. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. IV, стр. 340, съ Доп. къ Акт. Ист. III, № 66, стр. 242 и 243.

ренніе покои дворца, толпа же бросилась къ его дому, разграбила всё драгоцѣнности, но жены его не трогали, какъ царской свояченицы. Покончивъ съ домою Морозова, мятежники приступили къ домамъ другихъ знатныхъ и богатыхъ людей. Въ числѣ этихъ потерцѣвшихъ былъ и бояринъ кн. Никита Ивановичъ Одоевскій⁽¹⁾, будущій главный редакторъ Уложения. На слѣдующій день волненіе возобновилось. Бунтовщики настаивали, чтобы имъ выданы были Морозовъ, Траханиотовъ и Плещеевъ. Царь выслалъ народнаго любимца, боярина Никиту Ивановича Романова. Съ непокрытою головою вышелъ онъ къ народу и объявилъ, что царь учинитъ свой милостивый указъ. Толпа била челомъ на царской милости, но настаивала на своемъ. Никита Ивановичъ обѣщалъ доложить обо всемъ царю, но въ то же время заявилъ, что Морозовъ и Траханиотовъ неизвѣстно куда скрылись, и засимъ возвратился во дворецъ. Царь соизволилъ на казнь Плещеева. Вскорѣ палачъ повелъ осужденнаго на казнь, но бунтовщики не дали палачу исполнить своей печальной обязанности и сами умертвили Плещеева, прочитавъ ему предварительно приговоръ. Толпа дала полную волю чувству мести, надругалась надъ трупомъ и приговаривала: „такъ слѣдуетъ угощать такихъ воровъ и мошенниковъ! Боже продли вѣку Батюшкѣ Царю!“ Траханиотова поймали близъ Троицкой Лавры, привезли въ Москву и казнили; Морозовъ же ночью тайкомъ былъ препровожденъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ онъ прожилъ до начала сентября, когда волненіе уже улеглось (Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній 1859 г. кн. 5, Спб. 1860, „О состояніи Россіи въ XVII в.“, стр. 11—15. Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, изд. Бартевымъ, стр. 246; см. также Исторію Россіи С. М. Соловьева, т. X, стр. 153—156). Въ самый день казни Траханиотова, послѣ полудня, вспыхнулъ пожаръ, истребившій значительную часть города и всё посады. Все лѣто 1648 г. прошло въ смутахъ, возникавшихъ въ разныхъ концахъ Россіи. Видя такую шатость въ народѣ, правитель-

⁽¹⁾ По свидѣтельству лѣтописи (П. С. Л. IV, 340), домъ его находился въ Китаѣ-городѣ, точнѣйшее же указаніе на мѣсто его нахождения заключается въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича. См. собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, изданное Бартевымъ, въ концѣ 2-го письма къ Одоевскому.

ство, по старому обычаю, обратилось къ испытанному средству — духовному оружію. По всѣмъ городамъ разосланы были отъ патріарха богомольныя грамоты, въ которыхъ предписывалось служить молебны о прекращеніи междоусобицы и розни и о ниспосланіи царю побѣды надъ супостатами. Вотъ что писалось въ этихъ грамотахъ: „въ нынѣшнемъ во 156 (г.) іюня во 2 день учинилась на Москвѣ и по городамъ межуусобная брань и *доньятъ* (т. е. до первыхъ чиселъ августа) по городамъ *мятежъ и хлѣбной недородъ и скотинной надежъ*“ (Акты Археограф. Эксп. IV, № 30).

Вотъ та печальная обстановка, при которой вышелъ указъ 16-го іюля 1648 года. Она одна можетъ объяснить намъ многое изъ того, что безъ нея остается непостижимымъ. Кто изъ насъ не приходилъ въ удивленіе отъ провозглашеннаго въ указѣ начала, „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, *отъ большаго и до меньшаго чину*, судъ и расправа была во *всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна*“? Между тѣмъ, всякій долженъ признаться, что это начало не имѣетъ корней въ міровоззрѣніи людей XVII в.: съ мыслью о равенствѣ всѣхъ предъ лицомъ суда не могли помириться и такіе люди, какъ Никонъ, который прямо и открыто вооружается противъ этой самой фразы и противъ уравненія духовнаго и мірскаго чина (Записки отдѣленія Славянской и Русской Археологіи т. II, 1861 г., стр. 446). Уложеніе не осуществило этого равенства. Высокое христіанское начало явилось въ устахъ юноши-царя какъ откликъ на вопли народа и бѣдствія, обрушившіяся на Русскую землю. Разказываютъ, что вскорѣ послѣ бунта, когда страсти немного улеглись, царь, воспользовавшись крестнымъ ходомъ, обратился къ народу съ такою рѣчью: „Очень я жалѣлъ, узнавши о безчинствахъ Плещеева и Траханіотова, сдѣланныхъ моимъ именемъ, но противъ моей воли; на ихъ мѣста теперь опредѣлены люди честные и пріятные народу, которые будутъ чинить расправу безъ посуловъ и всѣмъ *одинаково*“ (Исторія Соловьева т. X, стр. 155). Къ мысли о судебномъ равенствѣ благочестивый государь возвращается въ письмѣ къ казанскому воеводѣ, боярину Никитѣ Ивановичу Одоевскому, отъ 3 сентября 1652 г. Оно написано подъ живымъ впечатлѣніемъ чудесъ, сотворенныхъ мощами св. Филиппа, привезенными изъ Соловецкаго монастыря тогдашнимъ Новго-

родскимъ митрополитомъ Никономъ. Описавъ все, чему онъ былъ очевидцемъ и что передавали ему другіе; царь продолжаетъ: „А мы великій государь ежедневно просимъ у Создателя и всецѣдраго Бога нашего, и у пречистой Его Богоматери, и у всѣхъ Святыхъ, чтобы Господь Богъ, прошенія ради Матери своея пресвятыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ ради молитвъ, даровалъ намъ великому государю и вамъ боярамъ съ нами единодушно люди его свѣтвы *разсудити въ правду всемъ равно*“ (А. А. Э. IV, № 329 стр. 492, столб. 2).

Вообще надо замѣтить, что указъ 16-го іюля составленъ съ рѣдкимъ по тому времени политическимъ тактомъ. Онъ вовсе не похожъ на откровенныя рѣчи, какія мы привыкли встрѣчать въ уставныхъ грамотахъ временъ Грознаго и его преемниковъ; онъ обилуетъ разными недомолвками и двусмысленными выраженіями. Въмѣсто того, чтобы сказать, что земскій соборъ созывается для прекращенія междоусобной брани и розни, онъ говоритъ, „чтобы великое государево и земское дѣло *утвердити и на мѣрѣ поставити*, чтобы все тѣ великія дѣла... впредь были *нерушимы*“. Достоинъ замѣчанія, что пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда въ учрежденной Петромъ *Палатѣ о Уложеніи* заготовленъ былъ проектъ манифеста для обнародованія „*Своднаго Уложенія*“, самыя выдающіяся мѣста указа 16-го іюля включены были въ него цѣликомъ (см. Матеріалы для исторіи русскаго Законодательства, выпускъ I, 1865 г., составл. Полѣновымъ).

Событія, совершившіяся въ Москвѣ предъ изданіемъ Уложенія, невольно вызываютъ на память такія же печальныя обстоятельства, при которыхъ Иванъ Васильевичъ Грозный, по его собственному выраженію, „*благословился исправить Судебникъ по старинѣ*“. Низкіе стѣжательныя инстинкты, не сдерживаемые разсудкомъ, взрывъ народнаго негодованія, гибельный пожаръ, умерщвленіе притѣснителей, земскій соборъ и въ заключеніе новые Судебники — вотъ наружныя признаки сходства между событіями, вызвавшими на свѣтъ два важнѣйшихъ памятника Московскаго законодательства. Внутреннее сходство ихъ не менѣе замѣчательно. Весь государственный строй Московской Руси слагался независимо отъ жизни и судьбы не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ общинъ до тѣхъ поръ, пока злоупотребленія высшихъ сословій и

служилыхъ людей не обращали вниманія высшаго правительства на потребности народа. Такъ было въ половинѣ XVI в.; то же повторилось во время междоусобія; то же случилось и въ срединѣ XVII вѣка. Междоусобица и рознь—вотъ главная тема разговоровъ, происходившихъ на соборѣ 1648—1649 г. Исцѣлѣніе этого недуга составляло завѣтную цѣль народныхъ представителей, призванныхъ къ утверженію государственнаго и общественнаго покоя (1). Теперь для насъ понятно и свидѣтельство Никона *о междоусобіи отъ черныхъ людей* и противоположное свидѣтельство правительственныхъ источниковъ о народныхъ *челобитьяхъ*. Оба эти явленія шли рядомъ, рука-объ-руку. Въ самомъ разгарѣ волненій люди различныхъ московскихъ черныхъ сотенъ ходатайствовали предъ правительствомъ объ освобожденіи ихъ отъ дачи людей для гостинной сотни (Доп. къ Акт. Ист. III, № 47; А. А. Э. IV, № 28); вѣроятно, къ тому же времени относится и челобитье московскихъ и иныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска крестьянъ (см. ниже примѣч. 1).

Смуты и волненія свидѣлствуютъ объ остромъ и опасномъ характерѣ болѣзни, но они же предвѣщаютъ близкій конецъ ея въ благопріятномъ или неблагопріятномъ смыслѣ. Въ какихъ же формахъ проявлялась она до того, какъ достигла остраго періода? Для нашей цѣли достаточно будетъ общаго бѣлаго взгляда. Начнемъ съ самыхъ видныхъ и яркихъ признаковъ.

Какъ предъ изданіемъ Судобника, такъ и предъ изданіемъ Уложенія отовсюду слышались жалобы на обиды и продажи областныхъ

(1) Выборные отъ московскихъ и городовыхъ дворянъ въ челобитной 30 окт. 1648 г. заявляютъ, что при прежнихъ государяхъ, при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ и сынѣ его Федорѣ Ивановичѣ, «на Москвѣ и по городамъ, на посадѣхъ, закладчиковъ... и ничьихъ крестьянъ не бывало и *мятежу такова и межеусобія не бывало жъ*» (А. А. Э. IV, № 32, стр. 44 и 45). То же подтвердили выборные отъ торговыхъ и посадскихъ людей. Они говорили, «что отъ заступныхъ людей въ торгѣхъ и въ промыслѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ *чинится смятеніе и межеусобіе и ссоры большіе*». Въ концѣ челобитной они пишутъ: «а велѣлъ бы великій государь на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ и во всѣхъ городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ по слободамъ, всякимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ быть за собою великимъ государемъ въ тягѣ и въ слободахъ съ ними вмѣстѣ равно, чтобъ де никто въ избыли не былъ и чтобъ де... *мятежь и ссоры и межеусобія отъ тое розни ни въ чемъ не было*» (Тамъ же, стр. 46).

правителей и подчиненных имъ органовъ. Притѣненія достигали такихъ размѣровъ, что современники ставили ихъ на одну доску съ дневнымъ разбоемъ и татарскимъ нашествіемъ (Записки Отдѣленія Славянской и Русской Археологін, т. II, стр. 426). Дѣяки на государевыхъ службахъ туго набивали свои карманы, превращали неправдами нажитое богатство въ вотчины и хоромы „неудобъсказаемыя“, какихъ, по словамъ выборныхъ людей, прежде у велико-родныхъ людей не бывало. Какъ въ Судебникѣ, такъ и въ X главѣ Уложенія первое карательное слово обращено къ кривосудцамъ, лихоимцамъ, подставщикамъ. Время нарождало новыя злоупотребленія и вызывало потребность въ новыхъ предупредительныхъ и карательныхъ мѣрахъ. Изъ шести новыхъ статей, отмѣченныхъ на поляхъ подлиннаго Уложенія, четыре прямо направлены къ обузданію приказной распущенности, своеволія и взяточничества (ст. 137, 146, 147 и 149).

Помимо приказныхъ, слабые вообще терпѣли отъ сильныхъ. Представителями силы являлись, съ одной стороны, высшіе разряды служилого сословія, съ другой — духовныя власти и монастыри. Тѣ и другіе владѣли большими земельными богатствами да сверхъ того надѣлены были разными судебными льготами, на основаніи жалованныхъ грамотъ. По свидѣтельству Коллинса, на церковныхъ земляхъ сидѣло до двухъ третей всего крестьянскаго населенія; остальное приходится на долю дворцоваго вѣдомства, вотчинниковъ и помѣщиковъ, и немногихъ черныхъ волостей ⁽¹⁾. Владѣнія расширялись частью законными способами, частью захватами и противозаконными сдѣлками. Все это ложилось тяжкимъ бременемъ на городское и сельское населеніе. Крестьянство, прикрѣпленное къ землѣ, само стало какъ бы недвижимостью, а городское населеніе, сохранивъ личную свободу, терпѣло подрывъ въ своихъ угодьяхъ и промыслахъ отъ вторженія бѣломѣтцевъ. За одно съ тяглыми людьми доставалось и мелкому дворянству. Высшіе чины, владѣльцы обширныхъ вотчинъ и помѣстій, переманивали, а то и силою

(1) Профессоръ отецъ Горчаковъ считаетъ это отношеніе близкимъ къ дѣйствительности (см. Монастырскій Приказъ, стр. 21); напротивъ, проф. Иконниковъ — преувеличеннымъ (см. Опытъ наслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, стр. 136, прим. 3-е).

вывозили крестьянъ изъ-за дворянъ и дѣтей боярскихъ. Чтобы отбыть отъ урочныхъ лѣтъ, вывозные крестьяне препровождались въ дальнія имѣнія, гдѣ они и выживали указные сроки, а потомъ возвращались на прежнія мѣста и своимъ примѣромъ или подговоромъ привлекали новыхъ выходцевъ. Крестьяне охотно селились на земляхъ сильныхъ людей: житѣ здѣсь было вольготнѣе или, по крайней мѣрѣ, безопаснѣе отъ стороннихъ обидчиковъ. Въ буйныхъ сердцахъ не остыло еще дикое чувство мести: прогнѣвается бояринъ на бѣднаго сосѣда своего, и онъ открыто грозитъ ему убійствомъ или инымъ какимъ лихомъ, а потомъ гляди — онъ и исполнилъ его самъ или подослалъ своихъ крестьянъ и людей. Это — *принздѣ*. Наѣдетъ сильный человекъ на чужой дворъ или деревню, раззоритъ ихъ до тла, хозяина и семью обезчеститъ, перебьетъ и изувѣчитъ крестьянъ его и дворовыхъ. Судъ ему не страшень. Пошлетъ за нимъ воевода или губной староста пристава, онъ того на дворъ не пуститъ. Пока отпишутъ въ Москву, пока придетъ оттуда грамота, не мало утечетъ времени; а когда грамота придетъ и велѣно будетъ послать по ослушника пристава съ воинскою силою, его не скоро изловишь: то онъ укрывается въ другомъ своемъ имѣнии, то силою отбивается отъ отряда, — на то у него много крестьянъ и дворовыхъ, — и онъ опять гуляетъ на свободѣ. О мелкихъ обидахъ и убыткахъ, причиненныхъ бояриномъ и его людьми, и говорить нечего. Въ Москвѣ существовалъ особый *приказъ, что на сильныхъ людей бьютъ челомъ*; но и онъ, вѣроятно, дѣйствовалъ не лучше другихъ. Не легко было тягаться и съ владыкою или съ монастыремъ: въ то время, какъ жалованныя грамоты высшимъ мірскимъ чинамъ составляли уже большую рѣдкость, духовныя особы и учреждения пользовались ими еще въ огромныхъ размѣрахъ. Сами они подсудны были обыкновенно приказу Большаго Дворца, при которомъ состояло особое отдѣленіе по дѣламъ монастырскимъ (см. Монастырскій Приказъ священника М. Горчакова, стр. 40—48 и 58—61). На пашенныхъ же ихъ крестьянахъ дозволялось искать только въ опредѣленные исключительные сроки. Иногда такой срокъ назначался одинъ на весь годъ. Впрочемъ, и мелкое дворянство пользовалось нѣкоторыми льготами въ отношеніи судебныхъ взысканій: служилаго человека не выдадутъ головою за долги;

не поставятъ его и на правезь: за него будутъ расплачиваться несчастные крестьяне, живущіе въ его вотчинѣ или помѣстьѣ.

Тяжко жилось народу при такихъ порядкахъ, но незавидна была и участь совѣтливаго и честнаго служителя правосудія. Жалованье царское, по свидѣтельству Крижанича, не соответствовало жизненнымъ потребностямъ приказнаго люда, да и то выдавалось не всеѣмъ: губнымъ старостамъ оно не полагалось; не получали его и многіе подъячіе въ приказахъ. А между тѣмъ, каждому чину присвоена была своя одежда, свой мундиръ, болѣе или менѣе дорогой, смотря по должности: въ торжественныхъ случаяхъ подъячему надобно быть въ *цвѣтномъ* платьѣ, дяку—въ *золотномъ*, а думному—въ *бѣлой* шубѣ. Именинные пироги да поминки, подносимые то членамъ царскаго семейства, то начальнымъ людямъ, требовали также издержекъ. Далѣе, каждый чиновникъ, вступающій на службу, цѣловалъ крестъ на томъ, что ему во всемъ искать прибыли государевой казнѣ. Иной добросовѣтный воевода, видя тягость налоговъ и скудость тяглецовъ, донесеть, что не въ могоу имъ тянуть во всѣ розрубы и розметы, а ему отвѣчаютъ изъ Москвы: „и то знатно, что ты то дѣлаешь норова посадскимъ людямъ, ради своей бездѣльной корысти, и тебѣ-бы доправить все сполна всякими мѣрами неоплошно“. Чтобы заслужить предъ высшимъ правительствомъ, нужно было всякій годъ доставлять въ казну лишекъ противъ доходовъ прежнихъ лѣтъ. Воеводѣ предписывалось посадскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ людей оберегать отъ всякихъ насильствъ, продажъ и убытковъ, но какъ ему было ихъ оберегать, когда дворяне и дѣти боярскіе, по словамъ одного воеводы, пріѣзжаютъ изъ Москвы и привозятъ изъ разныхъ приказовъ государевы грамоты на посадскихъ людей и волочатъ ихъ къ Москвѣ, и отвѣтчики вынуждены откупаться отъ такой напрасной волокиты чѣмъ возможно (см. ниже примѣч. 6). Не подъ силу ему и оборона слабыхъ людей отъ прямыхъ нападений со стороны болѣе сильныхъ, частью по неопредѣленности наказовъ касательно подсудности помѣтнаго сословія, частью по недостаточности понудительныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи воеводы. Для насъ теперь едва постижимо своеволие и сопротивление, какое помѣщики оказывали мѣстному начальству. Вообще судейское званіе въ то время отнюдь не пользовалось тѣмъ почетомъ и уваженіемъ,

какимъ оно окружено въ наши дни. Неуваженіе къ суду и къ личности судьи выражалось подчасъ въ самой грубой формѣ, образчикомъ чего можетъ служить поведеніе Даниила Шенгурскаго (см. ниже примѣчаніе 2-е). Брань и ругань между тяжущимися составляли перѣдкое явленіе не только въ низшихъ судахъ, но и въ Боярской Думѣ (Дворцовые Разряды I, столб. 384, г. 1618). При такомъ безсиліи судебной власти, нужно ли удивляться тому безправію, которое царило въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ (см. примѣч. 3)?

Кромѣ политико-экономическихъ и нравственныхъ условій времени, правосудіе въ Московскомъ государствѣ не могло процвѣтать и въ силу дѣйствовавшихъ порядковъ судопроизводства. Однимъ изъ существенныхъ его недостатковъ была памятная всѣмъ Московская волокита. Вредъ, происходящій отъ медленнаго теченія дѣлъ, ощущался, безъ сомнѣнія, какъ обществомъ, такъ и правительствомъ; между тѣмъ правительство, по разнымъ соображеніямъ, само вводило такіе порядки, при которыхъ скорое возстановленіе нарушеннаго права становилось невысказаннымъ. Всѣ сколько нибудь цѣбныя дѣла (часто не выше десятирублевыхъ) тянули къ Москвѣ, къ приказамъ. При нашей весенней и осенней распутицѣ поѣздка въ Москву изъ отдаленной мѣстности сопряжена была съ большою тратою времени и денегъ. Служилому человѣку, которому часто доводилось бывать въ Москвѣ, столичный судъ былъ еще доступенъ; но мелкому торговому посадскому люду отлучка изъ-дому грозила разстройствомъ хозяйства, если не полнымъ раззореніемъ. Изъ Москвы нужно еще послать человѣка съ зазывною грамотою въ мѣсто жительства отвѣтчика. Хорошо, если тамошнія власти скоро дадутъ его на „*статную*“ поруку и пришлютъ къ Москвѣ поручныя записи. Но вотъ наступилъ срокъ, а отвѣтчикъ не сталъ на судъ: что съ нимъ дѣлать? Въ XVI в. законъ довольно вѣрно поступалъ съ такими ослушниками: судъ, не входя въ разборъ дѣла по существу, обвинялъ отвѣтчика неяскою (Судебн. ст. 42 и 75); но со второй четверти XVII в. правительство измѣнило свою политику: оно поняло всю односторонность и искусственность принятаго имъ начала; многіе лишились своихъ законныхъ правъ и имуществъ, благодаря одной своей безпечности, и такимъ образомъ правительство какъ бы играло въ руку взятымъ безсовѣстнымъ сутяжникамъ. Отсюда установленіе трехкратныхъ

вызововъ по дѣламъ крѣпостнымъ и вотчиннымъ (Христоматія Владимірскаго-Буданова, вып. III, стр. 179). Иски съ воинскихъ чиновъ тянулись безконечно, влѣдствіе тогдашнихъ частыхъ походовъ и соединенныхъ съ ними указныхъ отерочекъ по всеѣмъ дѣламъ, исключая самыхъ тяжкихъ уголовныхъ. Прежняя простота и краткость суда исчезала, по мѣрѣ того, какъ усиливалось письмоводство съ цѣлью удобнѣйшаго наблюденія и повѣрки дѣятельности судебныхъ мѣстъ и лицъ. Недовѣріе къ крестному цѣлованію и послушеству расширило примѣненіе сыска въ дѣлахъ гражданскихъ. Повальные обыски, *большіе*, производились на значительномъ пространствѣ; въ нихъ участвовали отъ 50 до 150 и болѣе человекъ. Показанія обыскныхъ людей отбирались людьми вовсе не принадлежавшими къ составу судебного присутствія, и давались на письмѣ. Сказки обыскныхъ людей, естественно, принимали большіе размѣры, и чтобы разобраться въ нихъ, нужно было потомъ въ судѣ *выписывать ихъ на перечень*, т. е. составлять изъ нихъ краткіе своды, соединяя тождественныя или сходныя показанія. Все это отнимало много дорогаго времени и въ добавокъ мертвая буква заступала на судѣ мѣсто живаго слова. Правительство заботилось только объ устраненіи *лишней* волокиты, вызываемой злымъ умысломъ или небрежностью какъ судебныхъ чиновъ, такъ и тяжущихся.

Состояніе законодательства предъ изданіемъ Уложенія также оставяло желать улучшеній. Въ продолженіе столѣтія Судебникъ считался основнымъ краеугольнымъ камнемъ дѣйствующаго права; на дѣлѣ же онъ къ концу періода потерялъ почти всякую жизненную силу. Нѣкоторыя части его окончателью перешли въ вѣчность; другія подверглись разновременнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, третьи развились въ самостоятельные сборники законовъ для отдѣльныхъ отраслей суда и управленія (напр. по дѣламъ разбойнымъ и татиннымъ, помѣстнымъ и вотчиннымъ). Такое состояніе законодательства, помимо внѣшнихъ затрудненій, почти всегда отзывалось невыгодно на устойчивости и прочности правовыхъ отношеній. Только тамъ, гдѣ судъ и управленіе находятся въ рукахъ опытныхъ и безукоризненныхъ людей, — только тамъ несовершенства законодательства смягчаются разумнымъ толкованіемъ и примѣненіемъ его. Такъ-ли было у насъ въ описываемое время?

Не говоря уже о низкомъ уровнѣ общаго образованія и отсутствіи школь-
правовѣдѣнія, не видимъ даже самыхъ простыхъ и незатѣйливыхъ судеб-
ныхъ руководствъ, которыя облегчали бы изученіе и усвоеніе дѣй-
ствующаго права. Незамѣтно также никакого стремленія къ собиранію
народныхъ правовыхъ обычаевъ для восполненія ощутительныхъ пробѣловъ
въ писанныхъ законахъ. Что законодательство XVI и первой половины
XVII в. не препятствовало свободному развитію обычаевъ, въ этомъ труд-
но сомнѣваться: судя по воеводскимъ наказамъ, высшее желаніе верхов-
ной власти заключалось въ томъ, чтобы судъ творился *въ правду, безъ
посуловъ, смотря по дѣлу и по человѣку*. Намъ всегда чуждо было рим-
ское ученіе: *fiat justitia, pereat mundus*; правительство никогда не на-
силовало совѣсти судьи и не требовало отъ него безошаднаго примѣне-
нія закона, въ ущербъ высшей правдѣ, справедливости. Не должно, одна-
ко, забывать, что между теоріею и практикою всегда существуетъ большее
или меньшее разстояніе, и на обязанности изслѣдователей русскаго права
лежитъ рѣшеніе вопроса о томъ, дѣйствительно-ли обычное народное пра-
во служило нашимъ приказнымъ судьямъ живымъ, дѣйствующимъ вспомо-
гательнымъ источникомъ. Но пока мы дождемся желаннаго изслѣдованія,
невольнo бросается въ глаза одно соображеніе, не предрасполагающее къ
оптимизму. Если бы обычныя воззрѣнія народа пользовались въ Москов-
скихъ приказахъ полнымъ правомъ гражданства; если бы основанныя на
нихъ рѣшенія записывались и тщательно хранились на память: то со-
ставителямъ Уложенія врядъ ли понадобилось бы содѣйствіе Литовскаго Ста-
тута даже въ скромномъ значеніи программы. Далѣе, господство въ прика-
захъ обычнаго права, если бы подтвердилось на дѣлѣ, все же не обезпечивало
еще правильнаго примѣненія положительныхъ законовъ, требующаго извѣст-
ной сноровки и соответственныхъ пособій. Въ наше время, когда издает-
ся какой нибудь новый законъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно указывает-
ся, какіе изъ прежнихъ законовъ имъ измѣняются, дополняются или вовсе
отмѣняются. Сверхъ того, каждое продолженіе къ своду законовъ снабже-
но указателемъ, по которому легко справиться въ случаѣ сомнѣнія. За
всѣмъ тѣмъ, и у насъ случается, что вопросъ о томъ, такое-то положеніе
остается ли въ силѣ или отмѣнено, вызываетъ споры и недомнѣнія. Ка-
ково же было рѣшать подобныя вопросы дьяку или подьячему XVII в.,

не располагавшему ни такими правительственными указателями, ни частными пособиями нашего времени? Новые законы приписывались къ старымъ Судебникамъ точно такъ же, какъ это дѣлалось во времена Русской Правды и Псковской Судной Грамоты, т. е. въ порядкѣ временной послѣдовательности. Позднѣе, когда составлялись *сводныя* Уложения, новопказныя статьи располагались бокъ-о-бокъ съ соотвѣтственными частями Уложения. Такое размѣщеніе законодательнаго матерьяла, если только удовлетворяло условію полноты и правильности, чрезвычайно облегчало пользование источниками. Достаточно было открыть подлежащую главу Уложения, и историческое развитіе законодательства по нужному предмету представлялось судѣ въ всей его послѣдовательности; но *сводныя* судебники подобнаго рода до насъ не дошли; трудно даже сказать, существовали-ли въ Судныхъ приказахъ такія указныя книги, какъ въ Разбойномъ, гдѣ замѣтно стремленіе къ упорядоченію и объединенію разрозненнаго матерьяла. Незадолго предъ изданіемъ Уложения правительство задумало собрать все законы, относящіеся къ сыску крестьянъ. По этому случаю изъ Московскаго Суднаго приказа присланъ былъ *изъ Разрядъ Судебникъ*, изъ котораго и сдѣлана была надлежащая выписка (Акты Археогр. Экспед. т. IV, № 14). Обстоятельство это даетъ право заключить, что вплоть до изданія Уложения судебные законы находились въ безпорядочномъ состояніи. Сколько же требовалось усилій, чтобы одолѣть такое законодательство? Любопытно, что въ судныхъ дѣлахъ первой половины XVII в. выписки изъ указовъ встрѣчаются почти исключительно въ докладахъ, вносимыхъ въ Боярскую Думу; чаще попадаются онѣ въ дѣлахъ Помѣстнаго приказа, напр. по просьбамъ о пожалованіи помѣстьемъ (см. ниже примѣч. 4).

Хотя свѣдѣнія наши о знаніи законовъ въ XVII в. очень скудны, все же существуютъ признаки, указывающіе на плохое положеніе дѣла. Давно замѣчено, что высшее правительство часто само не знало, выдавало-ли оно когда такому-то лицу или учрежденію жалованную грамоту и на какихъ условіяхъ. Но случалось, что верховная власть сомнѣвалась и въ существованіи какого-либо общаго закона. Такъ, напр., по жалобѣ одного лица на дьяка Устюжской четверти въ недачѣ завывной, послѣдовала резолюція: „государь пожаловалъ, будетъ такія

грамоты инымъ дають, вельязъ и ему дать грамоту“. Изъ дальнѣйшихъ помѣтъ на той же челобитной видно, что истцу дали грамоту къ губному старостѣ, „а воеводу сказалъ себѣ недругомъ“ (Московск. Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла св. 74, № 72). Мы едва-ли ошибемся, сказавъ, что не было такого приказа, который былъ бы увѣренъ, что у него находятся все указы по его части. Указы, состоявшіеся по частнымъ дѣламъ, сообщались обыкновенно лишь въ тотъ приказъ, откуда эти дѣла поступали. Если же правительство желало, чтобы указъ былъ вѣдомъ всемъ присутственнымъ мѣстамъ, то дѣлалась особая оговорка о разсылкѣ закона по приказамъ въ видѣ *памятей*, а по городамъ — въ видѣ государевыхъ грамотъ. Потому, когда приказъ встрѣчался съ такимъ случаемъ, на который онъ у себя не находилъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, то обращался съ запросомъ къ другому, нѣтъ-ли у того подходящаго повелѣнія. Такъ мы видимъ, что Земскій приказъ, которому подсудны были татинныя и разбойныя дѣла въ городѣ Москвѣ, шлетъ память въ Разбойный и проситъ сообщить ему государевъ указъ о *приводныхъ* лошадяхъ, отдаются-ли онѣ тѣмъ, кто ихъ приводитъ для явки, или продаются на государя. Подобныя же случаи происходили и между другими приказами, въ вѣдомствѣ которыхъ состояли однородныя дѣла (А. И. IV, № 16). Иногда приходилось по одному и тому же дѣлу наводить справки въ разныхъ приказахъ; напр. въ 1627 г. Устюжская четверть спрашивала Разбойный приказъ, нѣтъ ли у него указа объ убійствахъ, совершаемыхъ въ бою или въ пьянствѣ, и получивъ отвѣтъ, якобы такого указа нѣтъ у него, повторила запросъ Земскому двору. Такимъ же образомъ поступилъ и Посольскій приказъ, когда ему представился вопросъ о порядкѣ выкуна закладныхъ вотчинъ: сперва снесся онъ съ Володимірскимъ Суднымъ приказомъ, когда же оттуда присланъ былъ отрицательный отвѣтъ, то сдѣланъ былъ запросъ Судному Московскому. Впрочемъ, случалось, что приказъ спрашивалъ у другаго свѣдѣнія о такомъ указѣ, который двукратно записанъ былъ у него же въ книгѣ (см. Христоматию Владимірскаго-Буданова вып. 3-й, стр. 175 и примѣч. 5-е къ настоящей статьѣ).

Въ городахъ и уѣздахъ положеніе дѣлъ должноствовало быть еще

хуже. Хотя и тамъ возможны были сношенія между избами различныхъ наименованій, какъ то: съѣзжими, приказными, земскими, губными; однако количество свѣдѣній въ этихъ судебно-правительственныхъ учрежденіяхъ естественно было ограниченнѣе, чѣмъ въ Московскихъ приказахъ, отъ которыхъ мѣстные власти — ждали указаній и наставленій. А потребность въ совѣтѣ и руководствѣ несомнѣнно существовала, что красно-рѣчиво засвидѣтельствовано отпискою видимо добросовѣтнаго Устюжно-Желѣзопольскаго воеводы Тимофея Краноткина. Два раза писалъ онъ въ Устюжскую четъ, что въ данномъ ему наказѣ предѣлы его судебной власти неясно очерчены; не знаетъ онъ и того, какимъ порядкомъ слѣдуетъ производить дѣла по кражамъ безъ поличнаго и слѣдуетъ ли взыскивать съ нихъ судебныя пошлины. Неполнота законовъ, по его свидѣтельству, порождаетъ смуту между посадскими людьми; но дождался-ли онъ отвѣта, мы не можемъ поручиться: на сохранившейся второй его отпискѣ нѣтъ никакихъ помѣтъ, которыя указывали бы на дальнѣйшее движеніе и рѣшеніе возбужденныхъ имъ вопросовъ (см. ниже примѣч. 6). Съ другой стороны мы имѣемъ примѣръ, что Разбойный приказъ, получивъ отъ Костромскаго воеводы запросъ по предмету, прямо предусмотрѣнному въ его уставной книгѣ, тѣмъ не менѣе внесъ его на докладъ въ Думу ¹⁾. О неудобствахъ докладнаго порядка производства едва ли пужно распространяться. Хотя законное условіе доклада, невозможность вершенія дѣла, по своей неопредѣленности, открывало широкій просторъ для его примѣненія, но на дѣлѣ частое употребленіе такого исключительнаго способа едва ли мыслимо. По крайней мѣрѣ, вопросы,

¹⁾ См. Христоматію Владимірскаго-Буданова, выпускъ 3, стр. 77. Замѣчательно также поводъ къ докладу, послѣдствіемъ котораго явился указъ и боярскій приговоръ 25 іюля 1646 г., воспреещающій взиманіе роста. Въ Земскомъ приказѣ, послѣ Московскаго разоренья (но *съ которомъ именно году* — не сказано, а это любопытно было бы знать, чтобы опредѣлить, сколько времени прошло отъ открытія указа до внесенія доклада), найденъ былъ Судебникъ, содержавшій въ себѣ указъ 1588 г., коимъ установлена 15-тилѣтняя давность по кабаламъ, передача же ихъ въ третью руку вмѣсто платежа воспрещена. Впослѣдствіи передача кабалъ вмѣстѣ платежа была разрѣшена, и пятнадцатилѣтняя давность по кабалнымъ искамъ подтверждена съ тою лишь отмѣною, что ростъ взыскивался въ количествѣ, не превышающемъ капитальной суммы. Въ виду этого обстоятельства земскій приказъ и возбудилъ вопросъ: слѣдуетъ-ли впрямь взыскивать ростъ по кабаламъ и въ какомъ размѣрѣ? (см. Христоматію Владимірскаго-Буданова, вып. 3, стр. 187 и 188).

возникавшіе даже въ приказахъ, столь близкихъ къ верховной власти, долго оставались безъ законодательныхъ рѣшеній, о чемъ можно заключить какъ изъ сопоставленія нѣкоторыхъ вопросовъ, записанныхъ въ уставной книгѣ Разбойнаго приказа, съ соответственными статьями Уложения (см. Христоматию Владимірскаго-Буданова, вып. 3, стр. 68—70), такъ и изъ другихъ случаевъ (см. примѣч. 5).

Въ то время, какъ судопроизводство составляло предметъ постоянныхъ правительственныхъ заботъ, законы о правахъ земскихъ развивались очень слабо. Исключеніе составляли только тѣ отдѣлы права, отъ которыхъ зависѣло исправное отбываніе службы и податей. Одностороннее развитіе общаго земскаго права еще донинѣ отражается въ дѣйствующемъ сводѣ гражданскихъ законовъ. Благодаря Помѣстному приказу, право помѣстное и вотчинное утвердилось на довольно прочныхъ основахъ, владѣніе же тяглыми дворами и землями охранялось уже гораздо слабѣе, и только земскіе соборы первой половины XVII в. стремились къ большому его упроченію, но цѣль ихъ не была достигнута; свободная же область договоровъ и обязательствъ не имѣла почти никакихъ законныхъ опредѣленій. Въ Судебникѣ и дополнительныхъ къ нему указахъ можно еще отыскать двѣ-три статьи по части займовъ и роста, обезпеченныхъ залогомъ недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ, или личною свободою: здѣсь опять замѣшаны выгоды казны, которая всегда заботилась, чтобы земля и люди изъ службы не выходили. Промышленность и торговля развивались; область договоровъ расширялась, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось усиленіе разнаго рода обмановъ и мошенничествъ: обмѣръ, обвѣсъ, подмѣнь вещей и т. п. Ябедники изъ торговцевъ предъявляли иски во 100 и въ 200 руб., а мирились потомъ на одномъ, на двухъ (см. примѣч. 7). Но что всего поразительнѣе въ земледѣльческомъ государствѣ, каково было Московское, — это ощутительный пробѣлъ въ законахъ чисто земледѣльческихъ, т. е. такихъ, которые охраняли бы право сосѣдства, право на вѣздъ въ чужой лѣсъ для звѣроловства и бортнаго промысла, право на чужія воды, на устройство мельницъ и рыболовство. Для пополненія этого важнаго пробѣла практика прибѣгала, по видимому, то къ обрывкамъ Юстиніанова законодательства (примѣръ чему представляетъ Башиловъ

скій списокъ Судебника), то въ извлеченіяхъ изъ Литовскаго Статута, которыя приписывались къ Судебнику наравнѣ съ дополнительными указами (какъ напр. въ Эрмитажномъ спискѣ). Этотъ, сколько можно догадываться, самостоятельный починъ практиковъ встрѣтилъ одобреніе въ законодательной комиссіи, учрежденной для составленія Уложенія. Такимъ образомъ Литовскій Статутъ, какъ бы силою вещей, сдѣлался обильнѣйшимъ источникомъ для Уложенія, помимо или, по меньшей мѣрѣ, безъ прямого указа царя.

Вотъ тѣ поводы и причины, которые побудили или, по нашимъ соображеніямъ, могли побудить царя къ пересмотру и улучшенію законодательства. Конечно, точное измѣреніе силы и вліянія каждой причины въ отдѣльности въ наше время невозможно; но приблизительное опредѣленіе не представляетъ особенныхъ затрудненій. Смута и волненіе въ средѣ городского населенія должны быть признаны существеннымъ поводомъ къ созыву земскаго собора; дни же объясняютъ намъ поспѣшность въ ходѣ работъ по Уложенію. Челобитья дворянъ и разныхъ чиновъ торговыхъ людей обратили вниманіе правительства на желаемыя перемены и улучшения для обезпеченія ихъ хозяйственнаго и правнаго положенія. Плачевное состояніе источниковъ права и сопряженныя съ нимъ затрудненія въ порядкѣ государственнаго управленія, безъ сомнѣнія, давали себя чувствовать и помимо временныхъ осложненій и еще прежде указывали на необходимость очистить и привести въ ясность законы, которыми страна доселѣ управлялась и впредь должна управляться. Для правительства приведеніе законодательства въ лучшій внѣшній видъ было важнѣе, чѣмъ для народа. У народа было свое извѣчное излюбленное право, которымъ онъ жилъ какъ до, такъ и послѣ Уложенія. Онъ хорошо зналъ, что источникъ его страданій скрывается не въ отсталости его правовыхъ воззрѣній, а въ томъ, что его личность и имущество не были ограждены отъ посягательствъ чиновниковъ, сильныхъ и лихихъ людей. Не то — правительство. Ему нужно было выработать себѣ точную программу дѣйствія. Безъ такой программы, безъ *крѣпости* и *письма* правительству нельзя было сдѣлать ни шага впередъ; оно лишено было возможности разобраться въ круговоротѣ государственнаго и земскаго дѣла и повѣрять дѣятельность поставляемыхъ отъ него чиновниковъ.

Посмотримъ теперь, какъ Уложеніе составлялось, и прежде всего займемъ вопросомъ: когда приступлено было къ законодательной работѣ? Вопросъ, казалось бы, праздный, когда намъ извѣстенъ день выхода указа о составленіи Уложенія. То было 16 іюля 1648 г., „въ *третье* лѣто Богомъ хранимыя державы“ царя Алексѣя Михайловича. Это не совсемъ понятно. Михаилъ Феодоровичъ скончался 12 іюля 1645 г. (Дворцовые Разряды т. III, стр. 1); стало быть, 16 іюля 1648-го года приходится уже на четвертый годъ царствованія его преемника. Но эту хронологическую неточность легко себѣ объяснить тѣмъ, что составитель указа велъ счетъ не со дня вступленія государя на престоль, а со дня вѣнчанія его на царство, что происходило 28 сентября того же года (Дворцовые Разряды, т. III, стр. 14 и 15) ¹⁾; но вотъ чего ужъ никакъ нельзя понять: какимъ образомъ и „*совершеніе*“ Уложенія отнесено послѣсловіемъ также къ *третьему* году Алексѣева царствованія? Съ другой стороны Олеарій, имѣвшій въ своихъ рукахъ Уложеніе, утверждаетъ, будто соборъ для обсужденія Уложенія созванъ въ 1647 году (О состояніи Россіи въ XVII в., стр. 33 въ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній“ 1859 г., кн. 5-я. Спб. 1860). Въ смыслѣ фактическомъ это несомнѣнная ошибка, но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что мысль о пересмотрѣ дѣйствующаго законодательства созрѣла въ умѣ юнаго царя ранѣе печальныхъ событій, пережитыхъ имъ лѣтомъ 1648-го года. Достойно однако вниманія, что въ подобную же ошибку впалъ и русскій лѣтописецъ, который относитъ составленіе Уложенія къ 158-му (т. е. концу 1649-го и началу 1650-го годовъ).

Во всякомъ случаѣ, при наличности подлиннаго Уложенія, мы смѣло можемъ утверждать, что князь Одоевскій съ товарищами принялись за дѣло вскорѣ послѣ объявленнаго указа 16-го іюля. Ближайшая задача ихъ состояла въ томъ, чтобы: 1) выписать изъ правилъ Св. Апостоль и Отець статьи, *пристойныя* къ государеву и земскому дѣлу; 2) *справить* указы прежнихъ царей и боярскіе приговоры со *старыми* Судебниками;

¹⁾ Не эта ли странность побудила редакцію Полнаго Собранія Законовъ замѣнить 16-е іюля 16-мъ іюня?

3) написать вновь статьи на случаи, не предусмотрѣнные прежними законами; 4) на основаніи собранныхъ матерьяловъ составить доклады и приносить ихъ къ царю. Какъ велись эти подготовительныя работы, въ какомъ порядкѣ и послѣдовательности, не извѣстно. Безспорно одно, что въ данномъ случаѣ Московскіе приказные дѣльцы обнаружили рѣдкое усердіе и скоро исполнили возложенное на нихъ порученіе. Этотъ горячій порывъ мы склонны приписать тѣмъ потрясающимъ зрѣлищамъ возмущившейся Москвы, которыхъ они были очевидцами. Не забудемъ, что князь Одоевскій лишился дома — по винѣ или безвинно, утверждать не беремъ. Скорѣе должно думать, что онъ былъ не причастенъ тѣмъ безобразіямъ, которыя чинились компаніей Морозова: иначе царь не возложилъ бы на него такого порученія, какъ исправленіе законовъ. Указъ не опредѣлялъ срока для окончанія труда, но выборные изъ городовъ созывались на 1-е сентября 1648-го, т. е. на новолѣтіе 7157 г. Трудно допустить, что правительство разсчитывало на окончаніе къ этому дню хотя бы проекта всего Уложенія. Вѣроятно, оно желало своевременно воспользоваться „общимъ совѣтомъ“, чтобы внести нужныя улучшенія государственнаго и общественнаго быта въ первую же редакцію новаго „собранія“. Дѣйствительно, къ 1-му сентября готово было не болѣе 10-ти начальныхъ главъ; ибо 24 ст. XI гл. воспрещаетъ объ утаенныхъ дворахъ бить челомъ „впредь сентября съ 1 числа нынѣшняго 157-го году.“ Если же наше заключеніе правильно, то ко дню дѣйствительнаго открытія собора, т. е. 3 октября, остальные 15 главъ не могли еще быть окончены. И вотъ почему: по приблизительному разсчету, объемъ первыхъ 10-ти главъ относится къ объему послѣднихъ 15-ти, какъ 1 къ 2^{1/2}. Употребивъ на первыя около 1^{1/2} мѣсяцъ, редакторы должны были употребить на окончаніе всего труда еще около 4-хъ мѣсяцевъ. Такъ оно и было. Уложеніе, какъ сказано въ его послѣсловіи, „совершенно“ 29 января 1649 г. Такимъ образомъ, оказывается, что то время какъ одиѣ части Уложенія уже слушались, другія еще только составлялись. Выводъ этотъ не можетъ остаться безъ вліянія и на самое изложеніе хода работъ какъ по начертанію, такъ и по утвержденію Уложенной книги. Онъ ставитъ насъ въ необходимость совмѣстнаго разсмотрѣнія такихъ предметовъ, которые въ повѣйшее время обыкновенно раздѣляются. При томъ свѣдѣнія наши по во-

просу, о которомъ мы ведемъ рѣчь, такъ еще скудны, что отъ раздѣленія ихъ скорѣе предвидится вредъ, чѣмъ польза.

Слушаніе Уложенія происходило не въ томъ порядкѣ, въ какомъ главы его расположены въ подлинномъ спискѣ и печатныхъ изданіяхъ. Вотъ доказательства: челобитная народныхъ представителей (30 окт.) о вывозѣ закладчиковъ изъ - за привилегированныхъ особъ и учрежденій, доложена царю *13 октября*, а вторичная ихъ челобитная о томъ, чтобы сыскъ тягловцовъ производился *безлѣтно*, т. е. независимо отъ давности, — *25-го того же мѣсяца* (А. А. Э. IV, № 32); впрочемъ, нельзя утверждать, чтобы въ этотъ день 19-я глава утверждена была окончательно въ томъ видѣ, какъ она теперь читается въ Уложенномъ столбцѣ и печатныхъ книгахъ: до насъ дошли докладныя выписки, касающіяся только принципиальныхъ вопросовъ, — и одна изъ нихъ, послужившая источникомъ для 9 ст. XIX гл., слушана *18 декабря 1648-го года* (А. А. Э. IV, 3, 2, II). XI гл. слушалась въ *началѣ января 1649-го года*; ибо законъ объ отиѣнѣ урочныхъ лѣтъ для крестьянскаго сыска долженъ былъ войти въ силу со *2-го января того же года*, какъ о томъ свидѣтельствуетъ грамота въ Звенигородъ отъ *24 января 1649 года* (А. И. IV, № 30). Самую послѣднюю утверждена глава о вотчинахъ. Это видно изъ заключительной ея статьи, которою запрещается возобновленіе дѣлъ, рѣшенныхъ до *28 января 1649 г.* (XVII, 55). Между тѣмъ, челобитые выборныхъ о поворотѣ имѣній, приобретенныхъ духовенствомъ и монастырями мимо прежняго соборнаго Уложенія, подана была еще въ *началѣ ноября 1648 г.* (А. А. Э. IV, № 33). Видно благочестивый государь долго задумывался надъ вопросомъ о церковныхъ имѣніяхъ и не торопился его рѣшеніемъ.

Представивъ краткій очеркъ совмѣстной дѣятельности правительственной комиссіи и выборныхъ отъ земли, займемся теперь нѣкоторыми вопросами, относящимися исключительно къ народному представительству въ Московскомъ государствѣ. Прежде всего мы остановимся на *многомъ составѣ собора*. Засѣданія собора происходили въ двухъ отдѣльныхъ палатахъ: одна, подъ предѣлательствомъ царя, соединяла въ себѣ освященный соборъ и думныхъ людей, т. е. бояръ, окольниковыхъ, думныхъ дворянъ и дьяковъ. Члены этой палаты назначались лично государемъ. Дру-

вая (*ответная*) палата состояла изъ *выборныхъ отъ разныхъ чиновъ*. Предсѣдателемъ ея былъ начальникъ приказа Ссыскныхъ дѣлъ, бояринъ кн. Юрій Долгорукий (Дворцовые разряды III, стр. 108, подъ 25 нояб. 1648 г.; по лѣтописи (П. С. Л. IV, 340), Долгорукий произведенъ въ бояре 22 ноября).

Выборы въ *земскую палату должны были* производиться на слѣдующемъ основаніи: изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ и жильцовъ — изъ чина по два человѣка, изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ — по два и по одному, смотря по величинѣ города; изъ Новгородскихъ же — по человѣку съ пятины; изъ гостей — трехъ, изъ гостинной и суконной сотенъ — по два; изъ посадовъ, тяглыхъ сотенъ и слободъ — по одному. Отсюда видно, что основною избирательною единицею признавался чинъ; тѣ же чины, которые отличаются многочисленностью и приписаны къ опредѣленнымъ общественно-правительственнымъ пунктамъ, образовали соответственное число избирательныхъ округовъ. Любопытно было бы опредѣлить, сколько человѣкъ должно было явиться въ Москву для полного представительства земли, согласно указу 16-го іюля; но вычисленіе затрудняется особенно тѣмъ, что намъ неизвѣстно, какіе города причислялись къ разряду меньшихъ. Мало того: не смотря на то, что до насъ дошелъ подлинный списокъ Уложения, скрѣпленный руками соборныхъ людей, до сихъ поръ не удалось еще въ точности установить взаимнаго количественнаго отношенія между представителями различныхъ чиновъ. Причинъ тому нѣсколько: первая — это неисправность Миллеровскаго списка, которымъ ученые доселѣ пользовались, безъ повѣрки съ подлинникомъ ¹⁾. Помимо искаженія именъ, прибавка или убавка какого нибудь *и* тотчасъ увеличивала или уменьшала истинное количество выборныхъ на единицу. Во вторыхъ, означая каждую подпись числомъ по порядку, изслѣдователи упускали изъ виду, что нѣкоторые члены собора подписались сами или за нихъ подписались другіе — по два раза (ср. ММ 122 и 174; 132 и 164; 261 и 266; 85 и 198; также 72 и 165). Въ третьихъ, въ

¹⁾ Списокъ этотъ напечатанъ въ первой книгѣ «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» 1850 г. въ видѣ приложенія къ статьѣ И. Е. Забѣлина: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича». Всѣ приводимыя ниже указанія относятся именно къ этому списку.

весьма многихъ подписяхъ не указывается ни чина подписавшагося, ни званія его, какъ выборнаго. На первый взглядъ представлялось вѣроятнымъ, что чины слѣдуютъ одинъ за другимъ въ установленномъ лѣтвициномъ порядкѣ; но ближайшее знакомство съ рукоприкладствами разубѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ промежуткахъ между лицами несомнѣнно дворянскаго происхожденія мелькаютъ имена, которыя сами свидѣлствуютъ о своемъ тягломъ состояннн. Уменьшительныя имена также не могутъ служить надежнымъ признакомъ, потому что весьма много посадскихъ подписались полными именами. Чтобы устранить все сомнѣнн, остается одно средство— обратиться къ подлиннымъ спискамъ служилыхъ людей и тягловъ, хранящимся въ разныхъ архивахъ, а также къ именованнымъ указателямъ, составленнымъ для Актовъ Историческихъ и ихъ Дополненн, Актовъ Юридическихъ и т. п. Это трудъ кропотливый, но неизбѣжный. Мы сдѣлали пока небольшой опытъ съ помощью указателей къ Актамъ Историческимъ и ихъ Дополненнмъ, а также списка воеводъ и разныхъ служилыхъ людей, встрѣчающихся въ Дворцовыхъ Разрядахъ. Этимъ способомъ намъ удалось опредѣлить въ точности чинъ нѣсколькихъ рукоприкладчиковъ. Потому можно надѣяться, что просмотръ архивныхъ документовъ угнѣчаетъ попытку если не полнымъ, то большимъ успѣхомъ. Тогда мы получимъ ясное представленн о дѣйствительномъ взаимномъ отношенн различныхъ общественныхъ классовъ, участвовавшихъ въ соборѣ 1648 — 1649 годовъ. Въ настоящее же время приходится ограничиваться слѣдующими положительными данными. Общнй итогъ лицъ, засѣдавшихъ какъ въ высшей, такъ и въ низшей палатахъ, образуетъ цифру 309. Число членовъ первой равняется 43; остатокъ 266 представляетъ собою число лицъ, засѣдавшихъ въ отвѣтной палатѣ по выбору разныхъ чиновъ. Между ними на долю Московскаго дворянства приходится пять человекъ, т. е. на три менѣ того, что требовалось по указу (изъ четырехъ чиновъ: стольниковъ, стряпчихъ, собственно дворянъ Московскихъ и жильцовъ слѣдовало выбрать всего 8 человекъ). Въ числѣ избранныхъ трое встрѣчается въ рядахъ стольниковъ (№№ 44—48; см. Дворцовые Разряды т. III, столб. 71, 83, 230, 248), а двое собственно дворяне. Гости волиѣ воспользовались своимъ правомъ, приславъ трехъ членовъ. Гостинная сотня не имѣла вовсе представителей; суконная выбрала двухъ, какъ и слѣдовало. Отъ восьми

тяглыхъ сотенъ и слободъ (№№ 291, 205, 290, 207 — 209, 224, 206, 223 и 220) выбрано 10 челов. Пятнадцать стрѣлецкихъ приказовъ тоже прислали каждый по одному выборному, хотя объ нихъ въ указъ нѣтъ ни слова. Остается еще главная масса выборныхъ — городское дворянство и посадское населеніе; но, какъ уже замѣчено, точное опредѣленіе числа представителей обоихъ этихъ чиновъ — дѣло будущихъ болѣе подробныхъ изысканій (см. ниже примѣчаніе 9). Не можемъ только обойти молчаніемъ одного обстоятельства, которое имѣло бы большое значеніе для изученія выборныхъ порядковъ древней Россіи, если бы смыслъ его не возбуждалъ никакихъ сомнѣній: одно изъ рукоприкладствъ гласитъ: „*по выбору Лучанъ и Пусторжевцовъ* Микита Сумароковъ руку приложилъ“. При буквальной пониманіи этой подписи легко подумать, что Сумароковъ былъ уполномоченъ на представительство двухъ городовъ — Лукъ и Ржевы Пустой. Между тѣмъ, изъ другихъ подписей видимъ, что оба города — Ржева Пустая, равно какъ и Луки, имѣли своихъ особыхъ представителей (см. №№ 126, 129, 131, 228).

Общее значеніе Земскаго Собора 1648—1649 гг. опредѣляется въ наукѣ различнымъ образомъ: одни низводятъ его до простой формальности; другіе, напротивъ, придаютъ ему большую или меньшую важность. Причина такого разногласія лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ свойствахъ главнаго источника, откуда обыкновенно черпаются свѣдѣнія о ходѣ работъ по Уложенію. Мы имѣемъ здѣсь въ виду предисловіе или вступительный указъ, стоящій въ началѣ памятника. Указъ этотъ самъ подаетъ поводъ къ мысли, что правительственныя распоряженія и особенно ихъ исполненіе не соответствовали благой цѣли, которою они были вызваны. Дѣйствительно, въ рѣчи своей къ духовенству и боярамъ, сказанной 16 іюля 1648 г., государь, объявивъ свое желаніе объ уравниеніи всѣхъ чиновъ судомъ и расправою, призналъ нужнымъ дѣйствующіе законы исправить и дополнить *общимъ совѣтомъ*. По буквальному смыслу рѣчи, назначеніе *общаго совѣта* въ томъ, чтобы пристойныя статьи, *какъ прежнія, такъ и новыя, написать и изложить* ¹⁾. Понятіе *общаго совѣта* само по себѣ допускаетъ раз-

¹⁾ Вотъ подлинныя выраженія предисловія: «А на которыя статьи, въ прошлыхъ годѣхъ, прежнихъ государей въ судебникахъ указу не положено, и боярскихъ приговоровъ

личные толкованія: подъ нимъ одинаково можно разумѣть и совѣтъ всѣхъ 5 составителей Уложения, и совѣтъ освященнаго собора и Боярской Думы, наконецъ совѣтъ всей земли. Выраженіе это встрѣчается въ предисловіи еще разъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сообщается, что Уложение читано выборнымъ людямъ, „которые къ тому *общему совѣту* выбраны“. Въ данномъ случаѣ *общій совѣтъ* очевидно знаменуетъ всѣхъ государственныхъ чиновъ; помня же провозглашенную царемъ высокую цѣль уравниенія всѣхъ чиновъ по суду и расправѣ, нельзя сомнѣваться, что и въ первомъ случаѣ *общій совѣтъ* употребляется въ томъ же значеніи. По крайней мѣрѣ, современники такъ именно поняли государевъ указъ. Извѣстная память губному старостѣ Обонезской пятины Нагорной половины предписываетъ выслать челоуѣка, „которому бы быть на Москвѣ съ государевыми бояры“, съ бояриномъ кн. Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ съ товарищи (А. А. Э. IV, № 27). Такимъ образомъ, по смыслу указа, земскій соборъ долженъ былъ участвовать въ „*изложеніи и написаніи*“ статей. Другое еще болѣе важное назначеніе земскихъ выборныхъ людей состояло въ томъ, чтобы съ ними *утвердить и на мѣрѣ поставить* всѣ великія государевы и земскія дѣла. Выраженія эти ясно показываютъ, что собору предоставляется не только обсужденіе мѣръ, предлагаемыхъ правительствомъ, но и внесеніе собственныхъ предложеній, клонящихся къ улучшенію государственнаго и земскаго строя. Спрашивается воспользовался-ли земскій совѣтъ всѣми предоставленными ему правами? Обращаясь все къ тому же предисловію, находимъ: 1) краткое сообщеніе

на тѣ статьи не было: и тѣ бы статьи *потому же написать и изложить* по его государеву указу *общимъ совѣтомъ*». Выраженіе: *потому же* означаетъ: *такимъ же образомъ* (т. е. какъ и тѣ статьи, на которыя послѣдовали указы прежнихъ государей). Тѣ изъ писателей, которые ограничиваютъ участіе выборныхъ обсужденіемъ однихъ лишь новыхъ статей, оставляютъ безъ объясненія это существенное слово. Таковы напр. гг. Власьевъ (О вѣщеніи по началамъ теоріи и древняго русскаго права, стр. 18) и Загоскинъ (Исторія права Московскаго государства, стр. 283 и 284). Къ тому же нельзя найти разумнаго основанія, почему бы выборъ *пристойныхъ* статей изъ градскихъ законовъ почитался не подлежащимъ обсужденію выборныхъ: вѣдь онѣ такъ же должны восполнить пробѣлы въ прежнихъ указахъ, какъ и тѣ, которыя вновь будутъ написаны. Наконецъ, сохраненіе добрыхъ старыхъ законовъ развѣ менѣе важно было для народа, чѣмъ сочиненіе новыхъ, достоинство которыхъ еще никѣмъ не испытано?

о дѣятельности правительственной комиссіи со дня ея учрежденія до открытія собора, т. е. до 3-го октября. Въ теченіе этихъ двухъ съ половиною мѣсяцевъ она занималась не только выпискою прежнихъ статей, но и составленіемъ новыхъ, и тѣ и другія приносила къ царю; о томъ же, участвовали-ли въ этихъ трудахъ народные представители, предисловіе умалчиваетъ. 2) Съ 3-го октября государь съ освященнымъ соборомъ и боярами Уложение *слушамъ*, а выборнымъ людямъ „*чтено*“ въ отвѣтной палатѣ, въ присутствіи царскаго ставленника, боярина князя Долгорукова. Это сочетаніе выраженій: „*слушамъ*“ и „*чтено*“ также вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія, а именно: въ одно ли время началось *слушаніе* Уложения царемъ и *чтеніе* его предъ выборными или одно предшествовало другому? далѣе, сопровождалось-ли чтеніе Уложения свободнымъ его обсужденіемъ со стороны народныхъ представителей, или же эти послѣдніе безмолвно внимали голосу чтеца? Вотъ тѣ недоумѣнія, которыя вызываетъ указъ частью молчаніемъ, частью двумысленностью. Постараемся разрѣшить все эти вопросы на основаніи наличныхъ отрывочныхъ свѣдѣній и нѣкоторыхъ общихъ соображеній. У насъ нѣтъ прямыхъ указаній на совѣщанія правительственной комиссіи съ выборными касательно „*изложенія и написанія*“ какихъ-нибудь статей; знаемъ только, что какъ до открытія собора, такъ и во время его засѣданій въ рукахъ составителей Уложения находились челобитныя разныхъ чиновъ людей, которыя и докладывались ими царю (А. И. IV, № 30; А. А. Э. IV, № 32). Известно, что предсѣдательствовавшій въ отвѣтной палатѣ Ю. А. Долгорукій, въ чинѣ боярина, достигъ этого сана не ранѣе 20-хъ чиселъ ноября 1648-го года (сл. П. С. Л. IV, г. 1648, съ Дворцовыми Разрядами III, столб. 108). Очевидно, стало быть, что выборнымъ людямъ Уложение *чтено* гораздо позже, чѣмъ слушано царемъ и его ближайшими совѣтниками. Такимъ образомъ трудно утверждать, что во время чтенія Уложения выборные вели устные пренія. Въ этомъ отношеніи любопытенъ слѣдующій случай: когда выборнымъ людямъ объявленъ былъ утвержденный царемъ докладъ (13 ноября) о вывозѣ закладчиковъ со 121-го года, то выборные били челомъ государю, чтобъ онъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ свозить закладчиковъ безъ лѣтъ. Эта челобитная была также доло-

жена царю 25 ноября, и государь ихъ пожаловалъ ¹⁾. Выборнымъ людямъ принадлежитъ также починъ въ возбужденіи ходатайства объ отъѣвѣ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ, объ учрежденіи Монастырскаго приказа, конфискаціи церковныхъ имѣній, приобретенныхъ мимо прежнихъ указовъ и соборныхъ уложеній. Призывъ выборныхъ въ Москву къ 1-му сентября ничѣмъ такъ удовлетворительно не объясняется, какъ желаніемъ правительства заранѣе узнать народные нужды и потребности и сообразоваться съ ними при начертаніи новыхъ законовъ. Съ другой стороны, четырехмѣсячное пребываніе выборныхъ въ Москвѣ, считая только съ 3-го октября 1648-го по 29 января 1649 года, также не вяжется съ мыслью о безмолвномъ выслушаніи и подписаніи Уложенія. Чтобы согласить все эти противоположные одинъ другому доводы, остается, какъ намъ кажется, одно предположеніе: каждое сословіе въ лицѣ своихъ выборныхъ или отправленіемъ особыхъ челобитныхъ отстаивало свои выгоды болѣе или менѣе дѣятельно, при чемъ каждое прибѣгало къ доступнымъ ему способамъ. Такъ, высшее духовенство и боярство могло вліять непосредственно на царя; напротивъ, выборные отъ земли должны были болѣе дѣйствовать на предсѣдателя своего, боярина кн. Долгорукаго, и на членовъ законодательной коммисіи. Долгорукій, какъ главный начальникъ приказа Сыскныхъ дѣлъ, уже въ силу своего служебнаго положенія, долженъ былъ радѣть о защитѣ слабыхъ отъ сильныхъ.

Сличеніе дошедшихъ до насъ челобитныхъ съ соответственными распоряженіями Уложенія даетъ возможность прослѣдить по нѣкоторымъ частностямъ ходъ борьбы между различными элементами. Укажемъ только на два примѣра. Земскіе люди просили царя о полной секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, приобретенныхъ духовными властями и монастырями въ промежутокъ времени отъ 1580 до 1648 г. Вслѣдствіе этой челобитной затребованы были свѣдѣнія отъ Помѣтнаго приказа (А. А.

¹⁾ Фактъ этотъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на истинное значеніе слова: «чисто». Слушая статьи, утвержденныя уже верховною властью, выборные не могли уже относиться къ нимъ критически; но имъ не воспрещалось просить царской милости. Надо еще замѣтить, что челобитныя было подано не въ мѣстѣ соборныхъ засѣданій, т. е. въ Отвѣтной Палатѣ, а въ приказѣ Сыскныхъ дѣлъ. (А. А. Э. IV, № 32, III, стр. 48).

Э. IV, № 33). Нѣтъ сомнѣнія, что патріархъ и прочія духовныя особы, участвовавшіе въ соборѣ, употребили все свое нравственное вліяніе на благочестиваго царя, который, какъ видно изъ 42 ст. XVII гл., и отклонилъ просьбу выборныхъ, подтвердивъ только на будущее время прежнее запрещеніе и усиливъ его нѣкоторыми предупредительными мѣрами (ст. 43 и 44 той же гл.). Обратимся теперь къ XI главѣ. Извѣстно, что она вызвана ходатайствомъ дворянъ и дѣтей боярскихъ объ отмѣнѣ давности по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ. По законамъ, дѣйствовавшимъ еще до Уложенія, отвѣтчикъ, присужденный къ возврату бѣглаго крестьянина, вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ былъ удовлетворить истца *владѣнными* деньгами за доходы, которые тотъ долженъ бы получать съ крестьянина за время его бѣгства (см. указъ 1642 года 11 марта въ Христоматіи Владимірскаго-Буданова, вышущей 3-й, стр. 168). Между тѣмъ, Уложеніе, уваживъ вообще ходатайство дворянъ, и устанавливая на будущее время платежъ *владѣнья* въ размѣрѣ 10 рублей за годъ, освобождаетъ отвѣтчиковъ отъ него за время, истекшее до Уложенія (гл. XI, ст. 3). Это временное изъятіе, очевидно, явилось, какъ уступка боярству и духовенству.

Посмотримъ, какъ сословная обособленность отразилась на соборныхъ приговорахъ. XVII гл. ст. 42, перечисляя всѣ чины, съ которыми государь *совѣтовалъ* и *говорилъ* о церковныхъ имуществвахъ, не идетъ далѣе дѣтей боярскихъ, т. е. служилаго сословія. Отсюда заключаемъ, что въ этомъ «*соборномъ приговорѣ*» люди тяглые не участвовали. Тоже замѣчается и въ исполнительной грамотѣ, отправленной въ Звенигородъ, извѣщающей о состоявшейся отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для крестьянскаго сьска: здѣсь опять поименованы одни служилые люди (А. И. IV, № 30). Въ другихъ статьяхъ XVII гл. (которая—замѣтимъ—вообще носитъ на себѣ свѣжіе слѣды докладной выписки и потому обилуетъ историческими указаніями) встрѣчаемъ одни царскіе указы да боярскіе приговоры (ст. 2, 4 и др.). Но особенно любопытна 1 ст. XIII гл. Въ ней нѣтъ и помину ни о совѣтѣ съ освященнымъ соборомъ, ни о *говореніи* съ боярами; Монастырскій приказъ учреждается по собственной волѣ царя, по его *указу*, а *по челобитію* выборныхъ людей, начиная отъ стольниковъ и кончая послѣдними разрядами тяглецовъ.

Выяснивъ по возможности ходъ занятій и степень участія собора въ составленіи и утвержденіи Уложенія, хотѣлось бы узнать что нибудь и о томъ, чѣмъ ознаменовалось его открытіе и закрытіе, какъ отнеслось правительство и общество къ такому многознаменательному событію, какъ соборному прекращенію проявившейся наружу смуты и междоусобицы. Съ грустью приходится сознаться, что поиски наши въ этомъ направленіи остались пока тщетными. И удивительное дѣло, въ то время, какъ о другихъ менѣе важныхъ соборахъ можно найти кое-какія указанія, напр., что такого-то числа у государя были за столомъ выборные люди ⁽¹⁾, или что такого-то числа царь былъ на соборѣ, одѣтый въ такой-то нарядъ, соборъ 1649-го года не оставилъ по себѣ даже и такихъ слѣдовъ въ официальныхъ дворцовыхъ запискахъ. Между тѣмъ, помимо самаго собора, какъ крупнаго общественнаго явленія, во время его засѣданій у царя родился наслѣдникъ — царевичъ Дмитрій ⁽²⁾. Вотъ, казалось бы, удобный поводъ, чтобы выборные отъ земли выступили на сцену съ поздравленіями и приняли участіе въ семейной радости царя. Но ничего подобнаго не видно. Все, чѣмъ ознаменовалось окончаніе столь важнаго дѣла, по нашимъ свѣдѣніямъ, состояло въ обѣдѣ, на которомъ присутствовали Одоевскій, Долгорукій и Волконскій ⁽³⁾. Еще раньше, а именно 25 ноября 1848-го года, дяку Ѳедору Грибоѣдову „учиненъ помѣстный окладъ 600 четей, денегъ 70 руб. (боярская книга № 4 въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юст.). Этотъ неутомимый и примѣрный труженикъ и впоследствии удостоивался неоднократно царскихъ наградъ то „для его приказные многіе работы“ (боярская книга № 5 въ томъ же Архивѣ), то „за степенную книгу благовѣрнаго и благо-

⁽¹⁾ См., напр., Дворцовые Разряды, III, столб. 220, гдѣ описанъ столь 23 февраля 1651 г., у котораго были бояре Б. А. Репнинъ, кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій и окольникій М. А. Ртищевъ, да «*выборные городовые дворяне и выборные посадскіе люди*». См. тамъ же, столб. 354, столь у государя 5 июня 1653 г.: «да у стола жъ пожаловалъ государь, велѣлъ быть *выборнымъ городовымъ дворянамъ двойникамъ*». На это число назначено было открытіе собора по вопросу о принятіи Малороссіи въ подданство; дѣйствительное же открытіе его происходило 1 октября (тамъ же, столб. 369).

⁽²⁾ Царевичъ Дмитрій Алексѣевичъ родился 22, а крещенъ 29-го октября 1648-го года (см. Дворцовые Разряды III, столб. 106 и 107).

⁽³⁾ Дворцовые Разряды, т. III, столбцы 111 и 112, описаніе стола 28 января 1649-го

честиваго рода Романовых“, составленную имъ въ 1669 г. „по имянному Великаго Государя указу“, то за другія заслуги его на поприщѣ государственной службы и отечественной исторіи (см. примѣчаніе 8).

Порядокъ обнародованія Уложенія и вступленія его въ дѣйствіе представляетъ также не мало любопытнаго. Здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіями, совершенно непривычными нашему правосозерцанію. Уложеніе *вступало* въ силу закона по частямъ, по мѣрѣ ихъ разсмотрѣнія и утвержденія верховною властью. Подтвердимъ это положеніе фактами: 25-го ноября 1648-го года утверждены главныя основанія XIX главы Уложенія, и уже на другой или на третій день государь „указалъ собирать по Москвѣ и въ городахъ закладчиковъ боярину князь Юрью Алексѣевичу Долгорукому“ съ товарищами (Дворц. Разр. III, столб. 108). Далѣе, во второй половинѣ января слѣдующаго года, когда Уложеніе не было еще утверждено въ цѣлости, XI глава его разсылалась уже по городамъ при особыхъ царскихъ грамотахъ, возвѣщавшихъ о томъ, что урочные годы для сыска крестьянъ отмѣняются *со 2-го того-же января*, т. е. до обнародованія Уложенія на мѣстахъ. Вспомнимъ также, что, въ силу 55 ст. XVII гл., вотчинныя дѣла, не рѣшенныя до 28 января 1649 года, подлежали уже дѣйствию новыхъ законовъ. Какъ чуждо было нашему народу коренное правило новѣйшаго законодательства, что никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія,—легко убѣдиться по слѣдующимъ примѣрамъ: Уложеніе сочло необходимымъ нѣсколько разъ повторить, что дѣла такого-то рода, рѣшенныя на основаніи прежнихъ законовъ, не могутъ быть вновь возбуждаемы, подъ страхомъ наказанія (X, 154; XI, 8; XV, 4; XVII, 55; XX, 119). Не забудемъ и требованія выборныхъ людей, чтобы вывозъ закладчиковъ производился безлѣтно, не обращая вниманія на то, что иные тяглецы выбыли изъ своихъ общинъ еще до уничтоженія права выхода.

Въ заключеніе сообщимъ нѣсколько свѣдѣній о печатаніи Уложенія и распространеніи его въ народѣ.

Уложеніе кончается послѣсловіемъ, которое гласитъ: „Совершена сія книга повелѣніемъ великаго государя царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи самодержца въ третіе лѣто Богомъ хра-

нимыя его державы и при сынѣ государевѣ благовѣрномъ царевичѣ и великомъ князѣ Дмитріи Алексѣевичѣ въ первое лѣто рожденія его, лѣта 7157-го генваря въ 29 день“. Въ чемъ же заключалось это „совершенство“? Уже въ отчетѣ о прошлогодней поѣздкѣ я доказалъ, что подъ *совершеніемъ* нельзя разумѣть напечатаніе Уложенія, теперь же понятіе это получаетъ для насъ полную ясность и отчетливость. Мы видѣли, что Уложеніе утверждалось и вступало въ дѣйствіе по частямъ и что въ ряду этихъ частичныхъ утвержденій послѣднее относится къ 28 января 1649 г. Что же еще оставалось сдѣлать на слѣдующій день, когда, по свидѣтельству послѣсловія, *Уложенная книга совершена*? Ничего болѣе, какъ скрѣпить уложенный списокъ руками святѣйшаго патріарха и всѣхъ членовъ собора. Изъ предисловія къ Уложенію видно, что списокъ этотъ изготовленъ по именному указу царя съ тою именно цѣлю, чтобы всѣ участники собора приложили къ нему свои руки. Внѣшній видъ уложеннаго столбца описанъ нами въ отчетѣ о прошлогодней поѣздкѣ въ Москву (Сборникъ Археологическаго Института кн. 2, стр. 13—20). Разнообразіе почерковъ, помарки, вставки, подчистки и наконецъ сохранившаяся до нашихъ дней *отпись поправки* (напечатанная въ той же книгѣ нашего Сборника стр. 23—30), все это указываетъ на спѣшность работы. Но отсюда нельзя еще заключать, подобно Строеву, что Уложенный списокъ представляетъ собою первоначальный проектъ, внесенный законодательною комиссіею на разсмотрѣніе и утвержденіе собора. Выраженіе послѣсловія: *совершена сія книга* вмѣстѣ съ общимъ смысломъ предисловія позволяетъ думать, что начальный черновой подлинникъ имѣлъ видъ *книги*, съ болѣе или менѣе широкими полями для разныхъ замѣтокъ и поправокъ. Одна изъ такихъ замѣтокъ (очевидно по ошибкѣ переписчика) попала въ текстъ уложеннаго столбца, именно 30 ст. X гл. (см. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, стр. 18). Когда Уложеніе такимъ образомъ было написано на списокъ, нужно было приготовить его къ печати. Съ этою цѣлю царь повелѣлъ переписать его въ книгу за скрѣпною дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова, что и исполнено. Печатаніе Уложенія началось, согласно указу царя, 7-го апрѣля и окончено 20 мая 1649 г. Первый *заводъ* печатался въ количествѣ 1200

книгъ. По расходнымъ книгамъ Печатнаго двора видно, что печатаніе этого завода обошлось первоначально въ 828 руб., но затѣмъ израсходовано было еще 123 руб. 32 алт. „на передѣлку, что передѣлывали судныхъ дѣлъ въ книги семьдесятъ два листа“, всего 951 руб. 32 алт. (см. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, стр. 23). По докладу боярина и дворецкаго Львова отъ 1 іюня 1649 г. послѣдоваль царскій указъ о продажѣ *Уложенія судныхъ дѣлъ* по 1 руб. за книгу. Продажа началась 14-го іюня и шла очень успѣшно. Съ 1-го августа цѣна книги назначена въ 40 алтынъ; къ 7-му числу того же мѣсяца, продажа, кажется, прекратилась, хотя изданіе не было еще распродано (см. ниже примѣчаніе 10). Черезъ 3 недѣли, именно 27-го числа, послѣдоваль царскій указъ о печатаніи втораго завода также въ числѣ 1200 книгъ. Заводъ этотъ вышелъ въ свѣтъ 21-го декабря. Книга продавалась по прежней цѣнѣ, но расходилась уже тихо: продажа окончена 26-го августа 1651-го года (см. примѣчаніе 10).

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что въ 1649 г. вышло всего два изданія *Уложенія*; между тѣмъ вышніе признаки дошедшихъ до нашего времени старопечатныхъ книгъ *Уложенія* заставили насъ, вмѣстѣ съ другими библиографами, признать существованіе трехъ изданій.

Быть можетъ, со временемъ я или кто нибудь другой изъ моихъ товарищей по Институту выяснитъ это недоумѣніе; теперь же я рѣшить его не берусь.

Д. Мейчикъ,
слушатель Института.

1 октября 1879 г.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Какъ въ общихъ сочиненіяхъ по древнему русскому праву, такъ и въ особыхъ изслѣдованіяхъ объ *Уложеніи*, обстоятельства, при которыхъ изданъ былъ этотъ памятникъ, оставляются въ тѣни. Отдѣльныя цѣнныя замѣтки попадаются въ «Исторіи Россіи» Соловьева, въ изслѣдованіи г. Власьева «О вмѣненіи» и въ статьѣ проф. В. И. Сергѣевича: «Земскіе

соборы въ Московскомъ государствѣ». Соловьевъ прямо признаетъ Уложеніе составленнымъ подъ сильнымъ вліяніемъ движеній, обнаружившихся въ городскомъ населеніи вслѣдствіе неудовлетворенія жалобъ, накопившихся отъ прежняго царствованія и умножившихся въ первые годы новаго царствованія (т. XIII, стр. 45). Г. Власевъ, напротивъ, силится убѣдить, что нельзя сомнѣваться въ достовѣрности официального извѣстія о челобитьяхъ дворянства и торговаго класса. Такого же мнѣнія, по видимому, держится и проф. Загоскинъ въ своей «Исторіи права Московскаго государства»; но такъ какъ память губному старостѣ Нагорной половины не указываетъ времени, когда подано было челобитье дворянъ Московскихъ и иныхъ городовъ и *разныхъ чиновъ торговыхъ людей*, то онъ высказываетъ предположеніе, что челобитье было подано царю еще въ 1645 г., когда, по свидѣтельству Котошихина, состоялся соборъ изъ *всякихъ чиновъ людей* для «*обранія*» преемника царю Михаилу Федоровичу (стр. 280). Мнѣніе это не выдерживаетъ критики: 1) въ памяти указывается только на дворянъ и торговыхъ людей, тогда какъ у Котошихина являются люди *всякихъ чиновъ*; 2) память не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на какой-нибудь соборъ; 3) ни откуда не видно, что предметомъ челобитья былъ именно коренной пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній и изданіе новаго Уложенія. В. И. Сергѣевичъ поступилъ осторожно: не отвергая челобитья, какъ повода къ изданію Уложенія, онъ не даетъ ему, однако, рѣшительнаго значенія.

Въ дополненіе къ сказанному въ текстѣ о совокупномъ дѣйствіи смуты и челобитій не мѣшаетъ припомнить эпизодъ изъ суда надъ Никономъ. Ставъ предъ отцами собора, бывший патріархъ говорилъ: «когда на Москвѣ училися бунтъ, то и ты, царское величество, самъ неправду свидѣтельствовалъ». На это ему царь отвѣтилъ: на меня никто *бунтомъ* не приходилъ, а что приходили земскіе люди, и то не на меня, приходили *бить челомъ* мнѣ объ обидахъ (Исторія Россіи Соловьева, т. XI, стр. 370).

2. Изучивъ положеніе областныхъ правителей на основаніи Уложенія и другихъ памятниковъ XVII в., г. Чичеринъ замѣтилъ, что трудно вѣрить, чтобы дѣло такъ плохо обстояло въ дѣйствительности (Областные учрежденія Россіи въ XVII в., стр. 141); нижеслѣдующія выписки изъ архивныхъ документовъ показываютъ, что впечатлѣніе, производимое законодательными распоряженіями противъ ослушниковъ, не преувеличено (1).

«И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ въ Романовской уѣздъ въ Степашково помѣстьѣ Вайсубина послалъ кого пригоже, а съ нимъ послалъ пушкарей и разсылщиковъ, и велѣлъ Андреева крестьянина Дарѣва Перву.... вынять и прислать его къ намъ къ Москвѣ, а крестьянъ, которые нашего указу не послушали, Андреева крестьянина Дарѣва на поруку не дали и его у розсылщиковъ выбили, велѣлъ бить батоги и на нихъ же велѣлъ еси доправить отъ дву нашихъ грамотъ подписныя и печатныя по-пины и отдать истцу» (Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла, св. 65 № 79).

(1) Считаемо нелишнимъ замѣтить, что во всѣхъ помѣщаемыхъ ниже выдержкахъ изъ архивныхъ дѣлъ правописаніе приведено нами въ единообразный видъ для удобства чтенія.

Въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи между столбцами Сибирскаго приказа (общій № 6113, частный № 69) сохранилась описка въ Разрядъ воеводы Ивана Шаховскаго по дѣлу бѣлевца Ивана Волжинскаго съ бывшимъ воеводою Данилою Шенгурскимъ о бѣглыхъ крестьянахъ (1643—1644 г.). Вотъ что сообщается здѣсь о поведеніи на судѣ отвѣтника. Данило сказалъ: «что у него бѣгле люди есть... а сказались ему въ приводѣ князь Семеновы люди Масальскаго, и я, холопъ твой, велѣлъ Данилу тѣхъ бѣглыхъ людей поставить въ сѣзжую избу къ роспросу, что на нихъ извѣщаль Иванъ Волжинской измѣну и кореня. И Данило Шенгурской твоего государева указу не послушалъ, тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ къ роспросу не далъ и учинился силенъ, и сказалъ: я де ихъ веду къ Москвѣ, а здѣсь де ихъ не отдамъ, хотя де ко мнѣ и присылай, и я де тѣхъ людей изъ нищелей побью, кого пришлешь, хотя де и голову со всѣмъ приказомъ присылай, и я де людей не отдамъ, и поруки, государь, по себѣ Данило не далъ, что ему де тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ объявить въ Москвѣ въ Разрядѣ».

Приведемъ еще выписку изъ приказныхъ дѣлъ Московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (св. 15, № 2). Вотъ что доносили въ Москву Ярославскій воевода съ товарищами (отъ 16 февраля 1625 г.) по дѣлу татарина Агайзинова съ княземъ Артеміемъ Шейдяковымъ.

«И по твоей государевѣ царевѣ и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи грамотѣ князь Ортемей Шейдяковъ передъ нами, холопи твоими, съ татарининомъ Агайзиновымъ къ суду съ очей на очи ставленъ, и исковая, государь, челобитная татарина Агайзинова князь Ортемію чтена. И князь Ортемей, государь, выслушавъ истцову челобитную, твоей государевы грамоты не послушалъ, противъ челобитные татарина Агайзинова передъ нами, холопи твоими, не отвѣчалъ, и мы, холопи твои, князь Ортемію говорили о томъ много, чтобъ онъ по твоей государевѣ грамотѣ передъ нами, холопи твоими, въ томъ татарскомъ иску отвѣчалъ. И князь Ортемей не послушалъ же».

О томъ же князѣ Артеміи Шейдяковѣ см. еще слѣдующее примѣчаніе.

3. Между приказными дѣлами Московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранился отрывокъ изъ доклада царю по жалобѣ крестьянъ Ярославскаго уѣзда села Ширенги на помѣщика своего князя Артемія Шейдякова за разныя притѣсенія и насильства (св. 15, № 2). Помѣщаемъ весь сохранившійся отрывокъ, многія мѣста котораго частью исцѣплены, частью оторваны.

Выписано въ докладъ.

«Въ нынѣшнемъ во 132 году билъ челомъ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всея Русіи новокрещенъ князь Ортемей Шейдяковъ, чтобъ его государь пожаловалъ, велѣлъ его отпустить въ деревню въ Ярославской уѣздъ на время. И по государеву указу князь Ортемей отпущенъ былъ въ деревню на время.

И въ нынѣшнемъ же во 133-мъ году генваря въ 18 день били челомъ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всея Русіи на князя Ортемья Шейдякова крестьяне его Ярославскаго уѣзда села Ширенги староста Гришка Олферьевъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто, а сказали: въ нынѣшнемъ де во 133 году за недѣлю до Николина дня осенняго, пріѣхалъ

онъ князь Ортемей съ Москвы въ государево жалованье, а въ свое помѣстье въ село Ширенгу и учалъ де ихъ крестьянъ бить и мучить и сажать на ледниги, невѣдомо за что, и къ себѣ учалъ призывать... (1) татаръ и съ ними пить и бражничать и некрещеныхъ татарокъ къ себѣ на постелю имать и на нихъ на крестьянѣхъ велѣлъ править тѣмъ татарамъ и татаркамъ на кормъ яловицы и бараны и гуси и куры и по его де велѣнью все на нихъ доправлено. Да на нихъ же де доправилъ на вышней на 133 годъ оброчныя деньги по окладу сполна... (2) а отписки имъ въ тѣхъ денгахъ не далъ, и доправа де на нихъ свои оброчныя денги, съѣхалъ отъ нихъ въ Ярославль, а съ собою де взял некрещенную татарку, а въ Ярославль пріѣхавъ, взялъ къ себѣ на постелю русскую женку Матренку Блошейку, которая прислана съ Москвы за воровство. И жилъ де онъ съ тѣми женками въ Ярославль до Рождества Христова, а живучи де игралъ зернью и держалъ у себя весельяхъ безпрестани. И тѣ оброчныя денги, что на нихъ доправилъ, и съ себя платве пропилъ и зернью проигралъ, а проигрався пріѣхалъ къ нимъ изъ Ярославля опять въ село въ Ширенгу и тѣхъ женокъ, татарку и Блошейку, привезъ съ собою и пріѣхавъ учалъ на нихъ править другихъ оброчныхъ денегъ немѣрнымъ правожемъ. И доправилъ де на нихъ сверхъ годоватаго оброку пятьдесятъ рублейъ денегъ, сорокъ ведеръ вина, десять пудъ меду, да на него жъ де они сварили десять варъ пива. А что у него было лошадей, и тѣ роздалъ татарамъ, а у нихъ у крестьянъ, у которыхъ были нарочитыя лошади, и тѣ поималъ на себя, да изъ... же де выбралъ лучшихъ крестьянъ, держитъ у себя, сковавъ въ чѣпи и въ желѣзахъ, и править на нихъ рублей по пяти и по шести и по десяти на человекъ, а которые де молодшіе крестьяне, не истерпя его, князь Ортемьева, насилства и великихъ налоговъ, побрели къ Москвѣ государю бить челомъ въ его насилствѣ, и онъ де князь Ортемей посылаетъ безъ нихъ въ ихъ дворы кормовыхъ татаръ и велитъ женъ ихъ и дѣтей позорить, а животы ихъ емлетъ на себя, а нише печатаеть, да онъ же де князь Ортемей отдалъ изъ того своего помѣстья прежней женѣ своей княгинѣ Ѳедорѣ двѣ деревни, а инья роздалъ своимъ служилымъ татарамъ въ помѣстья и отъ того де.... (здесь докладъ прерывается; конецъ утраченъ).

Изъ другихъ бумагъ, находящихся въ томъ же дѣлѣ, видно, что жалобы крестьянъ во всемъ существенномъ подтвердились во время слѣдствія. Исходъ дѣла намъ неизвѣстенъ.

4. Въ дѣлахъ этого рода *выписи* или *выписки* составляла особую стадію производства. Вся процедура состояла въ слѣдующемъ: на оборотѣ челобитной вверху дьякъ дѣлалъ помѣту: *«такого-то года и числа выписать»*. Ниже писали вопросъ, въ родѣ слѣдующаго: *«а что Сытного дворца за старичими велѣно учинить подмосковного помѣстья?»* За снмъ: *«и въ государевѣ царевѣ и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указъ за помѣткою дьяка Гарасима Мартемьянова 132-го года за старичими велѣно учинить подмосковного помѣстья противъ царичина чину дѣтей боярскихъ съ дальнихъ изъ окладовъ со 100 четей по 10 четей»*. Далѣе идетъ вопросъ

(1) Въ подл. оторвано.

(2) Въ подл. сгнило.

объ окладѣ и справка изъ Бoльшaго Дворца. Въ концѣ отмѣчается: «и у выписи (такой-то) подмосковного помѣстья за собою не сказали» (Въ Московскомъ Архивѣ Минист. Юст. отдѣл. 3-го общіе №№ 32665 и 32648).

5. Если бы кто собралъ побольше статистическихъ свѣдѣній о памятяхъ этого рода, то, безъ сомнѣнія, получились бы любопытные выводы касательно состоянія законовѣдѣнія въ Московскомъ государствѣ предъ изданіемъ Уложенія. Здѣсь мы перечислимъ только тѣ, которыя вошли въ составъ дополнительныхъ статей къ Судебнику, и прибавимъ нѣсколько еще неизданныхъ, случайно попавшихся намъ въ архивахъ. Съ этою цѣлью мы воспользуемся третьимъ выпускомъ Христоматіи проф. Владимірскаго-Буданова, гдѣ онѣ размѣщены по вѣдомствамъ.

А) *Казначей.*

«1561 г. марта 14. Память казначеевъ къ митрополичимъ боярамъ и отвѣтъ этихъ послѣднихъ о силѣ духовныхъ завѣщаній, неподписанныхъ завѣщателями по неумѣнью грамотѣ или за внезапностью кончины» (стр. 43, № XVII).

Б) *Приказъ Холопьяго Суда.*

«1620 г. сент. 18. Память изъ Казачьяго приказа въ Холопій съ прописаніемъ указа п. Михаила Ѳедоровича о томъ, имѣють-ли право бывшіе холопы, поступившіе въ казаки, по возвращеніи изъ казачества, давать кабалу кому либо другому помимо своихъ прежнихъ господъ» (стр. 117, № IV).

С) *Земскій приказъ.*

«1627 г. дек. 29. Память изъ Разбойнаго Приказа въ Земскій о томъ, кому принадлежать пойманныя «приводныя» лошади: находчику или казѣ» (стр. 195, № IX).

1628 г. ноября. Память изъ Челобитнаго приказа въ Земскій, съ прописаніемъ указа 1626 г. марта 8 о томъ, дозволены-ли закономъ проценты (Стр. 196, № XII).

1642 г. нояб. 4. Память изъ Московскаго Суднаго приказа по вопросу о послѣдствіяхъ неявки къ суду (уже рѣшенному въ ст. XIII) (стр. 199, № XXXII).

1645 г. мая 18. Память изъ Казеннаго приказа въ Земскій о количествѣ безчестья людямъ суконной сотни (стр. 199, № XXXIX).

1647 г. іюня 8. Память изъ Разбойнаго приказа въ Земскій о томъ, что за убитаго крестьянина владѣльцу его выдается крестьянинъ-убійца или лучший крестьянинъ той же вотчины (стр. 199—200, № XLIV).

Памяти изъ разныхъ приказовъ въ Помѣстный, присланныя для возстановленія сторѣвшей указной книги, сюда не относятся.

Д) *Устюжская Четверть.*

1627 г. ноября 20.

«Лѣта 7136 ноября въ 20 день по государеву... указу боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому да діакамъ Семену Головину да Ивану Поздѣву, велѣти имъ выписати изъ государева указу, которые крестьяне, съѣхався на дорогѣ и промежъ себя учинятъ бой и на томъ бою другъ

друга поколетъ рогатиною или ножомъ до смерти, а иные крестьяне, пьючи, у браги подерутся и другъ друга зарѣжетъ хмѣльнымъ дѣломъ ножемъ, а не умышленіемъ, и о тѣхъ убійцахъ что государевъ указъ, да тотъ государевъ указъ, выписавъ, велѣти прислати въ Устюжскую Четъ къ діаку Михаилу Смывалову. *Дьякъ Михайло Смываловъ.*»

«И такова память послана на Земской дворъ, а въ *Разбойномъ приказѣ* сказали *итгъ*». (Арх. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла св. 74 № 72).

Отвѣтъ Разбойнаго приказа крайне подозрителенъ. Въ уставной книгѣ Разбойнаго приказа записанъ боярскій приговоръ 17 февраля 1625 года именно по возбужденному вопросу, состоявшійся вслѣдствіе доклада тѣхъ самыхъ лицъ, къ которымъ обращена прописанная память (въ Христоматіи Владимірскаго Буданова выпускъ 3-й, стр. 74).

Е) *Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ.*

1639 г. *апрѣля 20*. По запросу этого приказа о правѣ выѣзжихъ нѣмцевъ на владѣніе вотчинами послѣдовалъ отвѣтъ изъ Посольскаго, что у него такого государева указа нѣтъ (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла св. 119 № 15).

Дѣятельность Сыскаго приказа за время до Уложенія намъ очень мало извѣстна. Между тѣмъ, исторія этого учрежденія могла бы пролить новый свѣтъ какъ на возникновеніе памятника, такъ и на приведеніе его въ дѣйствіе. Припомнимъ, что начальникъ этого приказа, бояринъ кн. Юрій Долгорукій, предсѣдательствовалъ на соборѣ, созванномъ для утверженія Уложенія. Краткое, но весьма цѣнное извѣстіе сохранилось у Олеарія, по словамъ котораго Сыскному приказу подвѣдомственны были *«всѣ дѣла новыя, еще не бывалыя, а потому и не могущія быть разрѣшены въ какомъ-нибудь изъ вышеупомянутыхъ приказовъ»* (всѣхъ приказовъ Олеарій насчитываетъ тридцать два, между которыми Сыскной занимаетъ у него послѣднее мѣсто; см. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, кн. 5, извлеченіе г. Михайлова подъ заглавіемъ: «О состояніи Россіи въ XVII в.» стр. 31.) Отсюда ясно, что предѣлы вѣдомства этого приказа были крайне неустойчивы. Въ архивѣ Оружейной палаты сохранилась записная книга, содержащая разныя дѣла, производившіяся въ томъ же приказѣ, но доступъ въ архивъ затруднителенъ, вслѣдствіе чего намъ не удалось ознакомиться съ упомянутою книгою, которая, вѣроятно, обогатила бы наличныя свѣдѣнія существеннымъ образомъ. Пока книга эта увидитъ свѣтъ печати, мы считаемъ не лишнимъ подѣлиться нѣкоторыми свѣдѣніями, почеркнутыми изъ архивовъ министерствъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ. Они важны въ томъ отношеніи, что съ одной стороны подтверждаютъ догадку Неволіна о тождествѣ названія: *Приказа Сыскныхъ* и *Приказныхъ дѣлъ*, а съ другой устанавливають связь между Сыскнымъ приказомъ и Большимъ Дворцомъ.

Трудно сказать, основывалась-ли эта связь на подчиненіи одного приказа другому или на простомъ соединеніи двухъ независимыхъ другъ отъ друга учреждений подъ управленіемъ однихъ и тѣхъ же лицъ. Во всякомъ случаѣ достойно примѣчанія, что въ записныхъ разрядныхъ книгахъ, составленныхъ до Уложенія, Сыскной приказъ не всегда помѣщается въ перечнѣ, которымъ неизмѣнно начинается каждая такая книга. Далѣе, подъ 1640 г. сент. 28 находимъ память въ Разрядѣ изъ приказа *Сыскныхъ Полоянничныхъ Дѣлъ*, на -

чальниками котораго оказываются бояринъ кн. А. М. Львовъ, окольничій С. М. Профстевъ и дьяки Григорій Нечаевъ да Василиій Прокофьевъ, т. е. тѣ самыя лица, которыя въ томъ же году сидѣли въ Приказѣ Большаго Дворца (см. ниже 1, а также указатель къ Актамъ Историческимъ подъ именами: «*Львовъ*» и «*Нечаевъ*»). По записной книгѣ 1647 видно, что посланные изъ Разряда въ Сыскной приказъ денежные списки и десяти *отданы подъяемому во Дворцѣ*. Наконецъ, бояринъ кн. Ю. А. Долгорукой, бывшій во время составленія Уложенія начальникомъ Сыскаго приказа, числится тогда же дворецкимъ (Древняя Россійская Вивлюенка, изд. 2, ч. XX.) Что же касается тождества двухъ названій приказа: «*Сыскныхъ*» и «*Приказныхъ*» Дѣлъ, то оно ясно открывается изъ приводимыхъ ниже выписокъ.

1. 149 году сентября въ 28 день. По государеву... указу... память дякамъ думнымъ Ивану Гавреневу да Григорію Ларивонову. Велѣти отписать въ приказъ Сыскныхъ Полонянничныхъ Дѣлъ къ боярамъ ко князю Алексѣю Михайловичю Львову да къ окольничему къ Степану Матвѣевичю Профстеву да къ дякамъ къ Григорію Нечаеву да къ Василию Прокофьеву, литвинъ Лаврика Ивановъ сынъ Каменской въ Смоленскую войну въ полонъ взятъ-ли и на Москвѣ въ тюрьмѣ сидѣлъ-ли и изъ тюрьмы стоанику Василию Шереметеву выданъ-ли и, будетъ выданъ, и въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ, и съ тѣхъ его роеспроенныхъ рѣчей списавъ списокъ слово въ слово прислати за дьячьею приписью для сыскаго полонянничнаго дѣла. *Дякъ Василей Прокофьевъ*.

2. Лѣта 7137 по государеву... указу къ боярину Ѳедору Ивановичю Шереметеву да къ дяку Тихону Бормосову въ памяти въ Помѣстный Приказъ написано: велѣти-бъ прислатъ къ *приказнымъ дѣламъ* къ вамъ въ приказъ помѣстное дѣло Ивана Чюлкова...»

3. «Лѣта 7146 по государеву... указу память дякамъ думному Михаилу Данилову да Ивану Переносову да Андрею Строеву. Въ *Приказѣ Сыскныхъ Дѣлъ* къ боярину къ Ѳедору Ивановичю Шереметеву да къ дяку къ Ѳедору Панову... написано: велѣно прислатъ къ вамъ въ Помѣстный приказъ *помѣстное дѣло Ивана Васильева сына Чюлкова...*» (Моск. Архивъ Мин. Юстиц. отд. 3 общій № 32645).

4. «И въ памяти изъ *приказу Приказныхъ Дѣлъ* боярина Ѳедора Ивановича Шереметева за приписью дяка Ивана Бредихина 138 году нолбры въ 10 день написано... И въ Разрядѣ сыскано въ списку дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, каковъ списокъ прислати въ Разрядъ изъ *Приказу Сыскныхъ Дѣлъ* бояре князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій съ товарищи апрѣля въ 8 день 142 году и которые дворяне и дѣти боярскія были на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ до отходу Михаила Шенна... и въ томъ списку Елизаръ Матвѣевъ сынъ Нелюдейской на государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ до отходу Михаила Шейна» (тамъ же прежній № 1 г. 143).

Замѣтимъ еще, что въ Дворцовыхъ Разрядахъ (т. II, столб. 596) бояринъ Шереметевъ значится также «въ приказѣ, что на *сыскныхъ* бѣгутъ челомъ, и у *приказныхъ* дѣлъ» (1639 г.).

Ф) Посольскій Приказъ.

1640 г. февр. 21.

«Лѣта 7148 февраля въ 21 день по государеву... указу память дья-

камъ думному Ѳедору Лихачеву да Максиму Матюшкину ⁽¹⁾ да Григорію Львову въ Володимірской Судной пригазъ къ боярину къ Ивану Петровичю Шереметеву да ко князю Ивану Левонтьевичю Шаховскому да къ дьякомъ къ Тимоѳею Агѣеву да къ Первому Неронову. Въ памяти за твоєю Григорьевою приписью написано: велѣти-бѣ выписать изъ государева... указу. Которые люди закладываютъ вотчины свои родовыя или купленные пусты и лѣсомъ большимъ поросли, а въ закладныхъ пишутъ: какъ они тѣ вотчины просрочать, у кого заложены, тѣ закладныя имъ и купчія въ прокъ безъ выкупа; а кто будетъ роду ихъ тѣ вотчины похотятъ выкупати, и за тѣ вотчины имъ дать деньги по закладнымъ, а вотчинное строеніе по ихъ сказкамъ, а что крестьянъ посадятъ, и тѣхъ крестьянъ имъ свести въ иныя свои помѣстья и вотчины, и тѣхъ людей, которые тѣ вотчины заложили, родство бьютъ челомъ государю изъ тѣхъ вотчинъ на выкупъ не о всѣхъ, выборомъ, которыя вотчины построены, а объ иныхъ вотчинахъ, которыя заложены у тѣхъ же людей, на выкупъ не бьютъ челомъ, а сказываютъ, что имъ нынѣ выкупить мочи нѣтъ, а о выкупѣ учнутъ бить челомъ впередъ; а тѣ люди, у которыхъ тѣ вотчины заложены, бьютъ челомъ государю, что они, проча себѣ и дѣтемъ своимъ, тѣ вотчины строили много лѣтъ, лѣсъ большой рачищали и пашню распахали и сѣнные покосы раскосили и крестьянъ посажали, а тѣхъ людей родства въ тѣ годы челобитья на нихъ о тѣхъ вотчинахъ о выкупѣ не бывало, а учили бить челомъ нынѣ, какъ они тѣ вотчины учинили жили: и о такихъ вотчинахъ что государевъ указъ? родству на выкупъ давать велѣно-ль, и будетъ велѣно, и какъ тѣ вотчины указано на выкупъ давать—по закладнымъ-ли или по четвертямъ, и о строеніи въ государевъ указѣ какъ написано? Да та выпись велѣть прислать къ вамъ въ Посольской приказъ. И въ Володимірскомъ Судномъ приказѣ о такихъ вотчинахъ, по закладнымъ-ли, или по четвертямъ и за строеніе на выкупъ давать, такого государева указу не сыскано. *Тимовой Агтевг.* (Моск. Архивъ Иностр. Дѣлъ, приказн. дѣла св. 138 № 820).

Вопросъ, возбужденный этою памятью, рѣшенъ законодательнымъ порядкомъ лишь въ августѣ 1646 г. (см. указную книгу Помѣстнаго приказа въ 3-мъ выпускѣ Христоматіи Владимірскаго-Буданова, стр. 259 и 260).

Г) Разрядъ.

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, между столбцами Сибирскаго приказа (общій № 6113, частный № 69), въ дѣлѣ Ларки Верхолама, обвинявшагося въ оскорбленіи жены монастырскаго служки Ульяны (1644 г.), сохранилась справка, доставленная Разрядному приказу изъ Большаго Дворца о размѣрѣ безчестья, назначеннаго приказнымъ людямъ духовнаго вѣдомства. Эта справка убѣждаетъ въ томъ, что при изданіи Уложенія размѣръ безчестья этимъ лицамъ сильно пониженъ, и потому не лишена значенія въ смыслѣ разъясненія неудовольствія, возбужденнаго Уложеніемъ въ средѣ духовенства. Въ статьяхъ Уложенія о безчестіи находятся и другія указанія на нерасположеніе къ духовенству. Такова особенно ст. 84 гл. X о безошадномъ правеніи безчестья съ обидчиковъ, принадлежащихъ къ ду-

(1) Въ подлинникѣ ошибочно: *Матюшки*.

ховному званію. Патріархъ Никонъ видѣлъ въ этомъ постановленіи угрозу для пастырей, изобличающихъ всякое нечестіе (Записки Отдѣленія Славянской и Русской Археологіи т. II, стр. 448 и 449). Приводимъ эту выписку, къ которой присоединяемъ ссылки на подлежащія статьи Уложенія.

«А по справкѣ въ Большомъ Дворцѣ монастырскимъ стряпчимъ и слугамъ указываютъ безчестья: патриархову стряпчему—70 руб. (Улож. гл. X ст. 95 о стряпчихъ вовсе не упоминаетъ, дьякамъ назначено безчестье — по окладу, дѣтямъ боярскимъ—15 руб.; затѣмъ идутъ еще меньшія количества); митрополита Ростовскаго и Троицы Сергіева монастыря стряпчимъ по 50 руб. (Улож. гл. X, ст. 95 и 96 упоминаетъ только о стряпчихъ Троицкой Лавры, которымъ полагается безчестья 15 руб.), а нинихъ степенныхъ монастырей стряпчимъ по 30 руб. (по гл. X, ст. 96 стряпчимъ монастырей: Рождественскаго во Владимірѣ, Чудова, Спаса Новаго, Юрьева Новгородскаго и Симонова—по 10 руб.); рядовымъ монастырскимъ служкамъ по 5 руб.» (по Уложенію лица эти различаются по статьямъ, и самый высшій размѣръ безчестья— 4 руб.).

6. *Отписка устюжно-желзопольскаго воеводы Тимофея Крапоткина въ Устюжскую Четверть 1628 г. между маемъ и сентябремъ.* Государю царю и великому князю Михайлу Ѳеодоровичю всея Русіи холопъ твой Тимошка Крапоткинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 135-мъ году апрѣля въ 27 день писалъ, государь, я холопъ твой къ тебѣ, ко государю царю и великому князю Михайлу Ѳеодоровичю всея Русіи съ пушкаремъ съ Петрушкою Остафьевымъ о томъ, что по твоему государеву указу и по наказу за приписью твоего государева дьяка Михаила Смывалова велѣно мнѣ холопу твоему быть на твоей государевѣ службѣ на Устюжнѣ Желзопольской воеводою и устюженцевъ посадскихъ людей ото всякихъ стороннихъ людей, отъ обидъ и отъ насильствъ ото всякихъ, и отъ продажъ оберегати. И привозятъ, государь, на Устюжну дворяне и дѣти боярскіе по устюжскихъ посадскихъ людей изъ разныхъ приказовъ твоихъ государевы грамоты и изъ Холонья приказу въ холопствѣ и въ холопныхъ договорѣхъ и въ *крестьянствѣ* ⁽¹⁾ и въ крестьянскихъ животахъ и въ сносѣхъ и въ займѣхъ. И устюжскимъ, государь, посадскимъ людямъ оттого чинятся убытки и продажа, а откупаяся отъ истцовъ для воликиты ⁽²⁾ животинка свои и дворы избывають, а хотятъ брести розно отъ тѣхъ продажъ. И мнѣ холопу твоему беречь отъ тѣхъ волокитъ и продажъ ⁽³⁾ велѣтъ, потому что приносятъ ко мнѣ, холопу твоему, въ тѣхъ дѣлѣхъ дворяне и дѣти боярскіе челобитныя въ холопствѣ и въ крестьянствѣ и въ сносѣхъ и въ поклажеехъ челобитныя о судѣ, и я, холопъ твой, судить ихъ не смѣю, потому что твоего государева указу о томъ мнѣ, холопу твоему, нѣтъ. И для, государь, того посадскимъ людямъ продажа и волокита къ Москвѣ. Да ко мнѣ же, холопу твоему, устюжскіе посадскіе люди приносятъ челобитныя другъ на друга въ боехъ и грабежехъ и въ татьбахъ безъ поличнаго о судѣ и о сыску, и въ тѣхъ дѣлѣхъ судитили или сыскивати, того мнѣ, холопу твоему, не указано; а въ твоємъ государевомъ наказѣ написано: чтобы отнюдь въ Устюжнѣ и въ Устюжскомъ

(1) Въ подлинникѣ слово: «крестьянствѣ» написано вдвойнѣ.

(2) Въ подлинникѣ всюду пишется: *волокида*.

(3) Въ подлинникѣ по ошибкѣ написано: *продажа*.

уѣздѣ никакого воровства не было, а судомъ-ли судить или смыскать и про то и твои государевы пошлины съ тѣхъ дѣлъ имать-ли или нѣтъ, того имянно не написано, и въ томъ, государь, промежъ посадскихъ людей смутно, и по той, государь, отпискѣ пушкаръ Петрушка твоего государева указу мнѣ, холопу твоему, не принесъ. И о томъ, государь, о всемъ мнѣ, холопу твоему, какъ укажешь? (Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла св. 74 № 72).

7. *Указъ царя Михаила Ѳеодоровича и патріарха Филарета Никитича 19 ноября 1626 года о недачь суда гостинной сотни торговому человѣку Андрею Безсонову ни на кого безъ крѣпостей.* Лѣта 7135 августа въ 17 день. По государеву цареву и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи указу память дьякомъ думному Ефиму Теленеву да Максиму Матюшкину. Въ нынѣшнемъ во 135 г. ноября въ 19 день указалъ государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всея Русіи и отецъ его государевъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи: гостинной сотни торговому человѣку Андрею Афанасьеву Безсонову суда ни на кого на московскихъ и на пріѣзжихъ на всякихъ людей давати ни въ чемъ не велѣли, потому что тотъ Андрей ко многимъ къ Московскимъ и къ пріѣзжимъ ко всякимъ людямъ приставливаетъ напрасно безъ крѣпостей въ большихъ искѣхъ рублевъ въ двусотъ и во стѣ, а возьметъ только рубли два или рубль или полтину и тѣмъ онъ многихъ людей продаетъ и убытчить напрасно воровски, и по государеву указу дьякомъ думному Ефиму Теленеву да Максиму Митюшкину гостинныя сотни торговому человѣку Андрею Безсонову суда ни въ чемъ ни на кого на московскихъ и на пріѣзжихъ на всякихъ людей, опричь крѣпостей, давати не велѣли. *Діакъ Василей Волковъ.* (Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, приказныя дѣла св. 58 № 32). Ср. *Олеарія* въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній 1859 г. кн. 3, стр. 28, *Фойлицкаго* «Мошенничество по русскому праву», стр. 9—11; указъ 1635 г. іюля 7, коимъ вообще воспрещено давать судъ въ займахъ, ссудахъ и поклажахъ безъ крѣпостей (въ Христоматіи Владимирскаго Буда нова, вып. 3, стр. 155 и 156); Уложение гл. X, ст. 186—189.

8. Составленіе Уложения поручено было царемъ пяти лицамъ: во главѣ дѣла стоялъ ближній бояринъ кн. Никита Ивановичъ Одоевскій; товарищами его назначены бояринъ Семень Васильевичъ Прозоровскій, окольничій Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Волконскій да дьяки Гаврило Леонтьевъ и Ѳеодоръ Грибоѣдовъ. До настоящаго времени не открыто никакихъ прямыхъ свѣдѣтельствъ о степени участія каждаго изъ названныхъ лицъ въ общемъ трудѣ. Тѣмъ не менѣе, излѣдователи Уложения позволяли себѣ по временамъ высказывать по этому поводу весьма рѣшительныя сужденія. Такъ, Полевой выразился, что бояре только сидѣли да толковали, дѣлали же все дьяки (Московскій Телеграфъ 1831 г., № 14, стр. 275). Напротивъ того, Строевъ, принимая во вниманіе лестный отзывъ неизвѣстнаго иностранца о характерѣ и образованіи князя Одоевскаго и возведеніе Волконскаго въ санъ боярина будто бы за трудъ его по Уложению⁽¹⁾, считалъ обвиненіе бояръ въ бездѣйствіи неоснователь-

(1) Строевъ въ данномъ случаѣ, должно быть, положился на увѣреніе самого Полеваго, будто Волконскій пожалованъ въ бояре за участіе его въ составленіи Уложения (Московскій Телеграфъ 1831 г. № 14, стр. 275). Это увѣреніе ни на чемъ не осно-

нымъ (Историко-юридическое изслѣдованіе объ Уложеніи, прим. 20, стр. 123). Профессоръ Владимірскій-Будановъ родовитыхъ членовъ комиссіи называетъ *почетными* и такимъ образомъ примыкаетъ къ Полевому (Сборникъ государственныхъ знаній т. IV въ статьѣ: «Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича»); проф. же Заго-скинъ признаетъ Одоевскаго *Сперанскимъ XVII в.* (Исторія права Московскаго государства, выпускъ 1-й, стр. 77). Мы думаемъ, что при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о составителяхъ Уложенія рано еще высказывать какіе бы то ни было рѣшительные приговоры и что вопросъ о заслугахъ каждаго изъ нихъ можетъ быть выясненъ только обстоятельнымъ изслѣдованіемъ ихъ жизни и дѣятельности. Кто вздумалъ бы заняться подобнымъ изслѣдованіемъ, тому врядъ-ли пришлось бы жаловаться на недостатокъ матеріаловъ. Творцы Уложенія подвизались на разнообразныхъ поприщахъ: военномъ, приказномъ, посольскомъ и даже литературномъ. Слѣды ихъ дѣятельности разсыпч по архивамъ разныхъ вѣдомствъ, находящимся въ Москвѣ и Петербургѣ, равно какъ по общественнымъ и частнымъ бібліотекамъ. Потомки этихъ дѣятелей, надо надѣяться, также располагаютъ въ своихъ семейныхъ архивахъ болѣе или менѣе важными свѣдѣніями, могущими пролить новый свѣтъ на образъ мыслей и дѣйствій ихъ предковъ. Не имѣя подъ руками всѣхъ нужныхъ матеріаловъ для составленія удовлетворительнаго очерка жизни редакторовъ Уложенія, я считаю не безполезнымъ указать важнѣйшіе источники, откуда можно почерпнуть свѣдѣнія для исполненія этой задачи. Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ находятся *статейные списки* разныхъ посольствъ, въ которыхъ участвовали составители Уложенія. Присваніе этихъ матеріаловъ не представляетъ никакого труда, такъ какъ въ Архивѣ существуетъ *реестръ именамъ*, составленный еще въ концѣ прошлаго столѣтія Малиновскимъ. Нѣкоторые *статейные списки* были у меня въ рукахъ; но значительный ихъ объемъ и краткость моего пребыванія въ Москвѣ помѣшали мнѣ сдѣлать изъ нихъ обстоятельнаго извлеченія, такъ какъ я преимущественно занятъ былъ разысканіемъ источниковъ судныхъ главъ по такъ называемымъ *приказнымъ дѣламъ*. По отрывочнымъ выпискамъ, сдѣланнымъ мною изъ одного статейнаго списка, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о способѣ веденія дипломатическихъ переговоровъ кн. Одоевскимъ и Прозоровскимъ, равно какъ о литературномъ образованіи, которымъ располагало *посольство*. Говорю *посольство*, потому что въ этомъ, какъ и вообще во всѣхъ статейныхъ спискахъ, личныя способности и познанія каждаго изъ полномочныхъ пословъ въ отдѣльности совершенно стираются; лишь изрѣдка встрѣчается какое-нибудь замѣчаніе, приписываемое опредѣленному лицу. Такой сборный, безличный характеръ статейныхъ списковъ служитъ важною помѣхою къ точной оцѣнкѣ заслугъ каждаго уполномоченнаго. Извѣстно при томъ, что, по обычаемъ Московскаго двора, починъ и самодѣтельность пословъ не на-

вано: Волконскій достигъ боярства 21 декабря 1650 г., т. е. два года послѣ составленія Уложенія (Дворцовые разряды III, столб. 218), неизвѣстно за какія заслуги. Ближайшая по времени служба его по усмиренію псковичей едва ли заслуживала награды; князь Хованскій и сослуживцы его, участвовавшіе въ Псковскомъ походѣ, награждены 1 октября 1650 г., и въ числѣ ихъ нѣтъ Волконскаго (Дворцовые Разряды III, столб. 194).

ходили себя поощрения (Русское посольство в Польшу в 1673—1677 гг. А. Попова, стр. 247 и 248). Русские послы и, между прочим, дьякъ Леонтьевъ (составитель Уложения) гордились именно тѣмъ, что они *и самого малого дѣла безъ наказа государева дѣлатъ не смѣютъ* (Исторія Россіи Соловьева, т. X, стр. 269). Такимъ образомъ, одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изображенія умственнаго и нравственнаго облика дѣятелей XVII в. требуетъ со стороны историка весьма тонкаго анализа, безъ котораго личныя достоинства ихъ не могутъ выступать съ желательною выпуклостью. Въ этомъ отношеніи значительное преимущество имѣютъ судебныя и правительственныя дѣла тѣхъ приказовъ, въ которыхъ составители Уложения служили кто начальниками, кто дьяками. Въ печатныхъ источникахъ содержится не мало указаній на движеніе ихъ по службѣ, на ихъ мѣстныя счеты и внѣшнюю обстановку ихъ домашней и особенно придворной жизни. Таковы Акты Археологическихъ экспедиціи и комиссіи, Дворцовые Разряды, Книги Разрядныя, Выходы царей и т. п. Что касается Древней Россійской Вивлюеки и особенно XX ея части, гдѣ помѣщена известная статья о старинныхъ Московскихъ приказахъ, то хотя, по замѣчанію г. Загоскина (Столы Разряднаго Приказа стр. 8), она и составлена по записнымъ разряднымъ книгамъ, тѣмъ не менѣе, судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, ею должно пользоваться осторожно (см. Градовскаго «Исторію мѣстнаго управленія», т. 1, стр. 223 и священника М. Горчакова «О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода», стр. 348). Тѣ изъ подлинныхъ записныхъ разрядныхъ книгъ, которыя нынѣ хранятся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, безъ сомнѣнія, могутъ доставить существенныя дополненія и исправленія. Собраніе этихъ сухихъ и на первый взглядъ малозначительныхъ свѣдѣній составляетъ первое условіе успѣшнаго выполненія задачи. Безъ этихъ свѣдѣній нельзя опредѣлить впередъ ни объема предстоящаго изслѣдованія, ни мѣстонахожденія нужныхъ дѣлъ и бумагъ. Нельзя также пропустить безъ вниманія и тѣ, хотя немногія, печатныя свѣдѣнія, которыя служатъ къ уясненію нравственнаго и умственнаго развитія составителей Уложения. Таковы письма царя Алексѣя Михайловича къ боярамъ кн. Н. И. Одоевскому и Ю. А. Долгорукому (см. «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича», изданное П. Бартневымъ въ Москвѣ въ 1856 г.; здѣсь, кромѣ писемъ, находятся и краткія свѣдѣнія о лицахъ, къ которымъ они обращены, также филологическія и историческія примѣчанія; см. Исторію Россіи Соловьева, т. XII, стр. 350 и Записки Отдѣленія Славянской и Русской Археологіи т. II). Отвѣтныя письма Одоевскаго, напечатанныя въ Москвитинѣ за 1851 г. № 14, даютъ намъ понятіе о начитанности ихъ автора и любопытны по взгляду на пережитыя имъ событія смутнаго періода и времени первыхъ строителей земли изъ дома Романовыхъ. Они же являются прекраснымъ образцомъ эпистолярнаго слога того времени. Объ Одоевскомъ сохранилось еще два противоположныхъ отзыва: одинъ неодобрительный — патріарха Никона (см. цитированныя выше «Записки» въ статьѣ «Мнѣніе патріарха Никона объ Уложеніи», стр. 426 и слѣд. и рукописное сочиненіе Ундольскаго, хранящееся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, по каталогу № У. 1394, подъ заглавіемъ: «Отзывъ патріарха Никона объ Уложеніи»); другой очень лестный отзывъ оставленъ намъ неизвестнымъ иностранцемъ (переведенъ съ латинскаго и напечатанъ въ Сѣвер-

номъ Архивѣ за 1825 г. ч. 17) (1). У Никона же находимъ краткій отзывъ и объ остальныхъ редакторахъ Уложения. Прозоровскій и Волконскій изображены у него людьми простыми, т. е. недалекими и малосвѣдущими; наименованіе же дьяковъ *дневными разбойниками* относится не столько къ даннымъ личностямъ, сколько ко всему дьячьему чину. Въ частности, Никонъ въ бытность свою новгородскимъ митрополитомъ оставилъ намъ извѣстіе о смерти дьяка Гаврила Леонтьева, утонувшаго въ Бѣломъ морѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ (Письма русскихъ государей, т. 1, № 382).

Въ заключеніе сообщимъ нѣсколько данныхъ о жизни каждаго изъ составителей Уложения. Признаюсь, что болѣе всего я обращалъ вниманіе на свѣдѣнія, относящіяся къ главному редактору; что же до остальныхъ, то я далеко не записалъ всего, что мнѣ встрѣчалось въ печатныхъ источникахъ. Да и о главномъ дѣятелѣ я сообщу здѣсь лишь свѣдѣнія о его приказной службѣ, не касаясь военныхъ и дипломатическихъ его дѣйствій.

Родъ Одоевскихъ происходилъ отъ князей Черниговскихъ. Одоевскіе, подобно нѣкоторымъ другимъ первостепеннымъ фамиліямъ, обыкновенно жалуются были боярскимъ чиномъ прямо изъ стольниковъ, минуя чинъ околничаго (Соловьевъ въ Исторіи Россіи, т. XII, стр. 349). Князь Никита состоялъ въ чинѣ стольника до 12 января 1640, когда онъ возведенъ въ санъ боярскій (Дворцовые Разряды, II, столб. 622). Въ томъ же году онъ назначенъ воеводою въ Астрахань, гдѣ пробылъ до 1643 г. (тамъ же, столб. 639 и 662). По возвращеніи въ Москву, царь наградилъ его за службу шубою изъ атласа золотнаго, кубкомъ и придачею къ прежнему окладу. Въ 1644—1646 гг. завѣдывалъ Сибирскимъ приказомъ (А. И. IV, стр. 20, 22, 35, 37; ср. Древ. Росс. Вив. ч. XX, изд. 2, стр. 395). Съ 1651-го по 1653 годъ былъ воеводою казанскимъ. Къ этому времени относится переписка его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ 1668 году управлялъ приказами Большой казны, Рейтарскимъ и Иноземскимъ (Дворцовые Разряды III, столб. 838 и 839). Въ Большой Казнѣ служилъ онъ и въ 1670 г. (Доп. къ Акт. Ист. VI, стр. 32). Аптекарскій приказъ состоялъ подъ его управленіемъ въ 1678, 1680 и 1682 гг. (Доп. къ Акт. Ист. VIII, стр. 21 и 23; X, стр. 181; ср. Древ. Росс. Вивл. ч. XX). Въ 1680 г. видимъ его и во главѣ Суднаго приказа (Доп. къ Акт. Ист. VIII, стр. 343). Указомъ 9 мая 1681 г. велѣно ему состоять у расправныхъ дѣлъ въ Золотой палатѣ (Дворцовые Разряды IV, столб. 187; П. С. З., т. II, № 885). Скончался въ 1689 г. (Древн. Росс. Вив. ч. XX, стр. 178) (2).

(1) Намъ кажется, что отношенія Никона къ Одоевскому ждуть еще безпристрастной критики. При всей страстности и неводержности выраженій, которыми отличается отзывъ Никона, все нападки держатся на подкладѣ релігіозныхъ и общественныхъ взглядовъ, а отнюдь не личной вражды. Поэтому, похвала иностранца не ручается еще за то, что и русское общество также относилось къ ближнему боярину. Во всемъ «*Возраженіи*» нельзя найти никакихъ указаній на какіе-нибудь безнравственные поступки врага въ частной жизни.

(2) Годъ его рожденія неизвѣстенъ; кн. П. Долгорукій, не указывая источниковъ, утверждаетъ, что онъ достигъ чуть-ли не 90-лѣтняго возраста (Россійская родословная книга ч. I, стр. 58). Обходя молчаніемъ все вишія событія его жизни, не можемъ не замѣтить, что царь Алексѣй Михайловичъ довѣрялъ ему самыя щекотливыя дѣла. Кромѣ участія въ дѣлѣ Никона, царь поручилъ ему вмѣстѣ съ Арт. Серг. Мат-

Князь Семень Васильевичъ Прозоровскій, въ чинѣ стольника, былъ путивльскимъ воеводою въ 1629 и 1630 гг. (Дворцовые Разряды II, столб. 88 и 164). Марта 30-го 1630 года произведенъ въ окольные (тамъ же, столб. 129). Въ 1638 г. посланъ воеводою въ Веневъ (тамъ же, столб. 568); въ слѣдующемъ году стоялъ во главѣ Московскаго Суднаго приказа (тамъ же, ст. 595). 1645 г. августа 15 пожалованъ въ бояре. Въ Древней Россійской Вивліоникѣ годъ его кончины показанъ 7168, т. е. 1660 (ч. XX, изд. 2-е, стр. 114), между тѣмъ изъ достоверныхъ актовъ видно, что онъ живъ былъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ столѣтія (Указатель къ первымъ десяти томамъ дополн. къ акт. истор., стр. 116).

Стольникъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій въ 1629 г. занималъ должность воеводы въ Ливнахъ (Дворцовые Разряды II, 89). 8-го іюля 1634 года онъ возведенъ въ чинъ окольного за службу въ Бѣлой (тамъ же, столб. 382); сверхъ того награжденъ былъ шубою изъ атласа золотнаго, кубкомъ, прибавкою денежнаго жалованья и вотчинною землею 700 четвертей (тамъ же, ст. 383). Въ 1634, 1635, 1638 и 1639 гг. служилъ въ товарищахъ по Челобитному приказу (тамъ же, столб. 394, 480, 538 и 595). Апрѣля 7-го 1643 года посланъ товарищемъ воеводы въ Астрахань, гдѣ и оставался до 1646 г. (Дворцовые Разряды II, 740; А. И. IV, стр. 84, также стр. 15—18, 38, 46 и 48). Въ 1649 г. (не извѣстно съ котораго числа) до 31 декабря былъ воеводою въ Олонцѣ (Доп. къ А. И. III, № 67; Дворцовые Разряды т. III, столб. 130 и 131). 21 дек. 1650 г. пожалованъ въ бояре. Въ 1663 г. былъ воеводою Уфимскимъ (Доп. къ Акт. Ист. IV, № 153, стр. 411). Скончался $\frac{7173}{1664-1665}$ г. (Древ. Рос. Вив. XX, стр. 117; Росс. Родосл. книга князя Петра Долгорукова, ч. I, стр. 251, ср. также Доп. къ Акт. Истор. т. X, № 17, стр. 49, столб. 2).

Въ связи съ дѣятельностью родовитыхъ членовъ законодательной комиссіи необходимо разсматривать и участіе боярина кн. Ю. А. Долгорукова, председательствовавшего въ отвѣтной палатѣ при чтеніи Уложенія выборнымъ людямъ. Говоря о значеніи земскаго собора, мы уже имѣли случай указать время пожалованія его боярствомъ; при этомъ нелишне, быть можетъ, повторить, что послѣднія шесть строкъ предисловія къ Уложенію, сообщающія именно о сидѣніи Долгорукаго въ отвѣтной палатѣ, вписаны уже послѣ того, какъ изготовленъ былъ Уложенный столбецъ (см. отчетъ о поѣздкѣ въ Москву во 2-й книгѣ „Сборника Археологическаго Института“, стр. 19).

Вѣвнымъ и дьякомъ тайныхъ дѣлъ Иваномъ, прозвищемъ Даниломъ, разслѣдованіе по дѣлу воспитателя царевича Ѳедора Алексѣевича Ѳ. Ѳ. Куракина, который держалъ у себя *«вѣдомую вориху тѣлку Ѳеику слыную и ворожею»*. Это было 30 мая 1675 г. (Дворц. Разр. III, столб. 1428 и 1429). Несчастная умерла отъ пытки (тамъ же, столб. 1444). Замѣчательнъ также случай, бывшій съ Одоевскимъ 14 іюня 1675 г. Вотъ какъ записанъ этотъ случай въ Дворцовыхъ Разрядахъ: «И того числа ѣхалъ бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій изъ подмосковной своей вотчины изъ села Выхина, и его на дорогѣ самого оглушило и во всемъ раздробило, да у него-жъ дву ребятъ верховыхъ, которые съ нимъ сидѣли въ каретѣ, оглушило-жъ и привезли къ Москвѣ чуть живыхъ и нынѣ лежатъ при смерти. Да у него-жъ боярина убило дву человекъ служивыхъ людей до смерти, а человекъ съ десять оглушило-жъ и молніей обожгло, да у него-жъ боярина убило громомъ въ каретѣ дву возниковъ до смерти» (т. III, столб. 1464).

Дьякъ Гаврило Леонтьевъ въ концѣ 20-хъ и первой половинѣ 30-хъ годовъ XVII ст. служилъ въ Патріаршемъ дворѣ (Дворцовые Разряды, II, столб. 15, 164, 238, 289 и 330; гг. 1628, 1630, 1631, 1632 и 1633). Подъ двумя послѣдними годами прямо показано, что онъ состоялъ у духовныхъ дѣлъ. Это даетъ основаніе приписывать ему составленіе первой главы Уложенія; невольно также является предположеніе, что онъ преимущественно предъ другими занимался извлеченіями и переводами изъ Кормчей. Въ 1639 г. находимъ его въ Стрѣлецкомъ приказѣ (тамъ же, столб. 596). Въ 1643 г. онъ вмѣстѣ съ Волконскимъ отправился въ Астрахань и служилъ тамъ до востшествія на престолъ царя Алексѣя Михайловича (тамъ же, столб. 699, А. И. IV, стр. 74, 15, 16, 18, 162). Скончался 16 мая 1652 г. (Письма Русскихъ Государей, т. I, № 382).

Дьякъ Ѳеодоръ Грибоѣдовъ, по словамъ Ѳ. Булгарина (ничѣмъ, впрочемъ, не подкрѣпленнымъ) — предокъ знаменитаго нашего поэта А. С. Грибоѣдова (Сочиненія Ѳ. Булгарина. Сиб. 1830 г., ч. 12, стр. 170); но тотъ же авторъ утверждаетъ, что дворянскій гербъ поэта свидѣтельствуетъ о его польскомъ происхожденіи изъ фамиліи Грибовскихъ, переселившейся въ Россію, *кажется*, въ началѣ царствованія Романовыхъ. Все это требуетъ повѣрки. Тотъ же Булгаринъ пустилъ было въ ходъ предположеніе, что Ѳеодоръ Грибоѣдовъ былъ нарочно вызванъ для составленія Уложенія, какъ опытный законовѣдъ. Конечно, если бы это оправдалось, то мы нашли бы готовое объясненіе, почему въ Уложеніе попало такъ много статей изъ Литовскаго Статута; но обнаруженные впоследствии факты и нѣкоторые общія соображенія опровергаютъ предположеніе Булгарина самымъ рѣшительнымъ образомъ. Прежде всего невѣроятно, чтобы царь рѣшился выписать законника изъ чужихъ земель, особенно при тѣхъ обстоятельствахъ, какими вызвано было Уложеніе 1649 г. Далѣе, уже Полевому удалось открыть документъ, на которомъ стоитъ сирава подьячаго Казанскаго дворца Ѳедки Грибоѣдова (см. грамоту въ Курмышѣ 1639 г., напечатанную въ Московскомъ Телеграфѣ 1831 г. № 14, стр. 275, отдѣлъ: «Матеріалы для русскаго правовѣдѣнія»). Изъ боярскаго книги, хранящейся въ Моск. Арх. Мин. Юстиціи подъ № 4, видно, что Ѳеодоръ Грибоѣдовъ произведенъ изъ подьячихъ въ дьяки въ іюнь 1648 г. Гдѣ служилъ онъ въ это время, опредѣлительно сказать не берусь; но въ теченіи 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ состоялъ въ томъ же Казанскомъ Приказѣ (А. И. IV, стр. 140, 178, 204, 212, 239, 277, 278, 280, 282, 284, 286, 292, 304 и 505; гг. 1650, 1652, 1654, 1655, 1658, 1659, 1660, 1661 и 1675). Съ 1665 по 1669 служилъ въ Разрядѣ (Доп. къ Акт. Ист. V, стр. 23, 76, 78, 79, 85, 87, 225, 343 и 414) (1). Въ послѣднемъ году

(1) Вотъ, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ, его послужной списокъ, занесенный въ боярскаго книги №№ 5 и 6 (находящихся, какъ сказано, въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи):

«Ѳеодоръ Грибоѣдовъ въ боярскаго книгѣ 155 года: окладъ помѣстный 600 четей, денегъ 70 (руб.). Ему же за конотопскую службу и за черкасскаго походъ 167 и нынѣшняго 168 г., что онъ на той службѣ былъ съ бояриномъ и воеводами со княземъ Александромъ Никитичемъ Трубецкимъ съ товарищи для полковыхъ дѣлъ и съ черкасы на радѣ для договору, придачи 150 четей и денегъ 20 рублей. И 174 г. апрѣля въ 4 числѣ, по памяти на выпискѣ думнаго дьяка Дементья Башмакова, учиненъ ему помѣстный окладъ и съ прежнимъ для его приказные многе работы: помѣстный 850 (чет.), денегъ 100 рублей» (боярскаго книга № 5).

относится его историческій трудъ, составленный по именному указу царя Алексѣя Михайловича (1). Въ боярской книгѣ трудъ этотъ названъ *степенною книгою* рода Романовыхъ; между тѣмъ, насколько известно изъ Востоковскаго описанія Румянцовскихъ рукописей, главный трудъ его носитъ названіе *Исторіи*, при которой въ нѣкоторыхъ спискахъ встрѣчается еще и родословная черниговскихъ князей. Любопытно, поэтому, узнать, была-ли упоминаемая въ боярской книгѣ *степенная* особымъ сочиненіемъ (2). Краткій отзывъ о его «*Исторіи*» находимъ у Соловьева въ XIII томѣ Исторіи Россіи.

Въ связи съ дѣятельностью дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова необходимо изслѣдовать участіе въ работахъ по Уложенію, по крайней мѣрѣ, трехъ думныхъ дьяковъ, скрѣпившихъ его по склейкамъ, наравнѣ съ первыми. Изъ нихъ Иванъ Гавреневъ служилъ въ Разрядномъ приказѣ; Михайло Волошениновъ, насколько можно прослѣдить по Дворцовымъ Разрядамъ, служилъ тамъ же до второй половины мая 1648 г. (II, столб. 92), но въ августѣ находимъ его уже въ Посольскомъ приказѣ, куда онъ, вѣроятно, былъ переведенъ вслѣдствіе майскихъ событій, вызвавшихъ различныя перемѣненія въ высшей администраціи. Наконецъ, Федоръ Елизаровъ или Елизарьевъ за вѣдывалъ Помѣстнымъ приказомъ.

Въ основаніе настоящей вѣдомости положены подлинныя выборныхъ людей на подлинномъ Уложенномъ столбцѣ, впервые списанныя Миллеромъ или, быть можетъ, кѣмъ-нибудь другимъ по его порученію для Императрицы Екатерины II и въ прошломъ году вновь списанныя товарищемъ моимъ по Институту П. Е. Ваденюкомъ. Въ отчетѣ нашемъ о поѣздкѣ въ Москву мы уже имѣли случай заявить, что многія подлинныя неразборчивы, вслѣдствіе чего трудно поручиться за правильность ихъ чтенія, а слѣдовательно и списыванія. Поэтому всѣ сомнительные случаи, а равно явныя погрѣшности Миллеровскаго списка оговорены нами подъ соответственными названіями городовъ и другихъ избирательныхъ округовъ. Возможно точный списокъ подлинныхъ подлинсей будетъ приложенъ къ тексту Уложенія; тѣмъ временемъ, быть можетъ, удастся еще разъ осмотрѣть подлинную рукопись и исправить нѣкоторыя упущенія или ошибки. Здѣсь же мы стремимся главнымъ образомъ къ тому, чтобы наглядно показать представительство разныхъ мѣстныхъ округовъ, какъ особыхъ избирательныхъ единицъ. Вотъ почему различныя Московскія тяглыя сотни и слободы помѣщены подъ своими собственными име-

(1) ... Ему же для объявленія блаженной памяти благовѣрнаго государя царевича 177 г. придачи 80 четей, денегъ 9 рублевъ. Ему же во 177 г. февраля въ 12 день, по памяти изъ приказу Волнаго Дворца, за работу, что онъ, по имянному великаго государя указу, сдѣлалъ степенную книгу благовѣрнаго и благочестиваго рода Романовыхъ, придачи 70 четей, денегъ 10 рублевъ да за помѣстную-жъ за переходомъ за 30 четей денегъ 1½ руб.» (боярская книга № 6).

(2) Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума, составленное А. Востоковымъ, стр. 151—153, №№ LXXXII—LXXXIV. По записи, находящейся въ спискѣ подъ № LXXXIII, придачи къ помѣстному окладу показана въ 50 четвертей, по свѣдѣнію боярской книги, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ предпочтенія.

нами, а не подъ общимъ именемъ столицы. На томъ же основаніи исключены изъ настоящей вѣдомости гости и суконная сотня, объединяемые родомъ служба, а не мѣстомъ жительства; не вошли сюда и стрѣленскіе приказы, такъ какъ указъ отъ 16 іюля 1648 г. вовсе не призываетъ ихъ къ участию въ земскомъ соборѣ. Что касается, наконецъ, стольниковъ, то и они, какъ чинъ придворный, также не подходятъ подъ условіе предстоящей росписи, но какъ въ подписяхъ они явно не отмѣнены, то мы ихъ соединили съ Московскими дворянами подъ общимъ мѣстомъ ихъ постоянного жительства — Москвою. Для удобства справокъ и повѣрки мы подъ каждымъ избирательнымъ округомъ указываемъ номеръ его по списку подписей, приложенному къ статьѣ И. Е. Забѣлина: „Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича“, напечатанной въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній“ за 1850 г. кн. I, по второму изданію 1876 г., стр. 4—14. Выборные, чинъ которыхъ прямо показанъ въ подписяхъ, поставлены впереди подъ соответственными номерами, а число ихъ — въ первой графѣ. Таковы именно выборные отъ тяглыхъ людей, прочіе же, т. е. дворяне и неизвѣстные стоятъ позади и во второй графѣ; между номерами тѣхъ и другихъ мы ставимъ точку съ запятой. Если существуетъ какое-нибудь основаніе причислить лицо сомнительнаго происхожденія къ посадскимъ, то мы это оговариваемъ. Тоже должно сказать и объ унученныхъ въ счетъ подписей, недосмотрѣхъ и опечаткахъ, замѣченныхъ нами въ упомянутомъ выше спискѣ.

Названія мѣстностей.

	Тягле.	Неизвѣстн. и сомнителн.	Итого.
1. Алаторь №№ 231 и 232 (1); 141 и 142	1	2	3
2. Алексинъ № 89	—	1	1
3. Арзамась №№ 234; 67 и 68	1	2	3
4. Атемарь №№ 150 (2); 177	—	2	2
5. Балахна № 303	1	—	1
6. Барашская слобода № 291	1	—	1
7. Болховъ №№ 287; 97 (3)	1	1	2
8. Боровскъ № 279	1	—	1
9. Брянскъ №№ 100 и 101 (4)	—	2	2
10. Бѣжецкій Верхъ № 187	—	1	1
11. Бѣжецкъ №№ 292; 162	1	1	2
12. Бѣлгородъ №№ 302; 148 и 149	1	2	3
13. Бѣлевъ №№ 286; 95 и 96	1	2	3
14. Бѣлоозеро № 272	1	—	1

(1) Оба эти номера относятся къ одному лицу; ошибка въ томъ, что счли, поддвигавшійся за отца, принять за особаго выборнаго. См. ниже *Ялаторь*.

(2) Имя *Андрій* сомнительно; кажется *Авсей*.

(3) Въмѣсто *Кравковъ* мы прочитали: *Кравцовъ*.

(4) Въ № 100 опечатка: вмѣсто *Возобрузовъ* чит. *Возобразовъ*. Почеркъ обоихъ номеровъ несходны, хотя обѣ подписи сдѣланы однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Названія мѣстностей.	Тягло.	Нелгд. и сомни-тельные.	Итого.
40. Клинь №№ 252 ⁽¹⁾ ; 188	—	2	2
41. Козловъ ⁽²⁾ №№ 94 и 170	—	2	2
42. Коломна №№ 300; 87 и 88 ⁽³⁾	1	2	3
43. Конюшенная слобода №№ 207, 208 и 209	3	—	3
44. Кострома №№ 263; 192	1	—	1
45. Кременескъ № 282 ⁽⁴⁾	—	—	—
46. Кромь № 176	1	—	1
47. Кузьмодемьянскъ №№ 244; 138	1	—	1
48. Курмышъ №№ 172, 173 и 235 ⁽⁵⁾	3	—	3
49. Курскъ №№ 178 ⁽⁶⁾ и 179	2	—	2
50. Ладога № 212	—	—	—
51. Ливны №№ 160 и 161	—	—	—
52. Лихвинъ № 71 ⁽⁷⁾	1	—	1
53. Луки (? Великія) №№ 228; 129 и 131 ⁽⁸⁾	1	2	3
54. Лухъ №№ 62 и 191 ⁽⁹⁾	—	2	2
55. Мейскъ (Минскъ) № 284	1	—	1
56. Мещевскъ №№ 92 и 93	—	2	2
57. Мещерскъ №№ 69 и 70	—	2	2
58. Мих(айл?)овъ № 274 ⁽¹⁰⁾	—	1	1
59. Можайскъ № 132	1	—	1
60. Москва (стольники и дворяне) №№ 44, 45, 46, 47 и 48 ⁽¹¹⁾	—	5	5
Итого:	11	11	22

⁽¹⁾ По уменьшительному имени долженъ быть посадскій.

⁽²⁾ Въ № 170 вмѣсто *Козмитинъ* читай: *Козмитинъ*.

⁽³⁾ Между этими нумерами, передъ словомъ: *вмѣсто* въ подлинникѣ стоитъ и, недостающее въ печатномъ.

⁽⁴⁾ Начальная буква имени города въ подлинникѣ похожа скорѣе на Д. Выборный, вѣр., посадскій.

⁽⁵⁾ Послѣдній, вѣроятно, посадскій.

⁽⁶⁾ Гаврила *Малишевъ* подписался еще подъ № 111, но только за другаго; въ спискѣ Миллера и прибавлено тамъ неправильно.

⁽⁷⁾ Прозвище выборнаго, кажется, *Оринкинъ*, а не *Бринкинъ*, какъ у Миллера; см. Сборникъ Археол. Инст. кн. 2, прилож. № 3; снимокъ со столб. 57. Составитель «Лѣтописи Калужской», напечатанной въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей» за 1877 г. кн. 2, называетъ выборнаго *Юрикинъ* (стр. 106); но онъ, кажется, пользовался источниками прошлаго столѣтія, а не подлиннымъ Уложеннымъ спискомъ.

⁽⁸⁾ Сумороковъ подписался: *по выбору луханъ и пустожеревцевъ*, какъ бы общій выборный. Опечатка: *пустожеревцевъ*; см. Ржева Пустая.

⁽⁹⁾ Выборные города Луха названы луханами; названіе же *Луховецъ* (№ 274) явилось, вѣроятно, по ошибкѣ переписчика: въ подлинникѣ мы прочитали: *Миховецъ* (и изображено въ видѣ j), что могло явиться отъ торопливаго написанія вмѣсто: *Мих(айл)овецъ*.

⁽¹⁰⁾ См. выше *Лухъ*; вѣроятно, посадскій.

⁽¹¹⁾ Кн. Федоръ Оболенскій (№ 44)—дворянинъ, Дворц. Разр. III, 81; Ив. Олферьевъ (№ 47)—стольникъ, П. С. Л. IV, стр. 340; Ив. Еропкинъ (№ 48)—дворянинъ, Дворцовые Разряды III, ст. 230 и 258.

Названія мѣстностей.	Тѣмн.	Чтеніе и сомнительные.	Итогъ.
85. Руза № 194 ⁽¹⁾	—	1	1
86. Рязскъ №№ 285; 123 и 124	1	2	3
87. Рязань №№ 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86 и 198 ⁽²⁾	—	8	8
88. Рыльскъ № 110 ⁽³⁾	—	1	1
89. Садовая слобода № 223	1	—	1
90. Свѣжскъ №№ 247; 163 и 199.	1	2	3
91. Серпуховъ № 251.	1	—	1
92. Смоленскъ № 128	—	1	1
93. Солова №№ 107 и 108 ⁽⁴⁾	—	2	2
94. Соль Великая № 265	1	—	1
95. Соль Вытегодская № 254	1	—	1
96. Соль Галицкая № 218 ⁽⁵⁾	1	—	1
97. Соль Камская № 267 ⁽⁶⁾	1	—	1
98. Старая Руза № 256 ⁽⁷⁾	1	—	1
99. Старица №№ 133, 164 ⁽⁸⁾ и 165.	—	2	2
100. Стародубъ №№ 102 и 103	—	2	2
101. Срѣтенская сотня № 220	1	—	1
102. Суздаль №№ 57 и 58	—	2	2
103. Тверь №№ 238 ⁽⁹⁾ ; 137 и 139	1	2	3
104. Темниковъ № 269 ⁽¹⁰⁾	1	—	1
105. Торонецъ №№ 229; 130 и 154	1	2	3
106. Торуса №№ 251 ⁽¹¹⁾ ; 181	1	1	2
107. Тула №№ 237; 75 и 76 ⁽¹²⁾	1	2	3

⁽¹⁾ Подпись Ружанина *Козловъ* помѣщается на столбцѣ 391-мъ подлинника, между началомъ и концомъ подлинника Оладына. Она какъ бы вписана между двумя строками, изъ коихъ первую составляетъ слово: *путивлецъ*, а вторую слова: *Федоръ Оладынъ*.

⁽²⁾ Эта подпись составляетъ повтореніе подлинника, сдѣланной подъ № 85 за новокрещена В. Муратова. Осинъ Лихаревъ (№ 79)—воевода Тамбовскій, Дворц. Разр. III, 271. Чтеніе *Лысцовъ* (№ 86) сомнительно; кажется *Масквцовъ*.

⁽³⁾ Въмѣсто *Ортокова*, кажется, слѣдуетъ читать: *Ортмокова*; *т* стоитъ надъ *м*.

⁽⁴⁾ Романъ Сатинъ—воевода Крапивенскій, Дворц. Разр. III, 273.

⁽⁵⁾ Въмѣсто напечатаннаго: *Микишинъ* чит. *Микитинъ*.

⁽⁶⁾ Напечатано: *Корамшиковъ*; слѣд. *Кормшиковъ*.

⁽⁷⁾ Напечатано: *староружничина*; одно *ни* лишнее.

⁽⁸⁾ Семень Бахтѣевъ подписался два раза: первый разъ подъ № 133.

⁽⁹⁾ Въ сп. Миллера читается *Крюковъ* вм. *Крыловъ*, см. Сборникъ Археол. Инстит. кн. 2 стр. 14, прим. 10.

⁽¹⁰⁾ У Миллера читается: *Демниновца*; дѣйствительно, начальная буква походитъ немного на *Д*, но окончаніе слова: *ковца*.

⁽¹¹⁾ Въмѣсто *торушичина* чит. *торушичина*. Въ № 181, кажется, *Осинъ*, а не *Олексинъ*, какъ у Миллера. Въ «Лѣтописи Калужской» (Чтенія Общества исторіи и древностей за 1877 г. кн. 2, стр. 106) выборный названъ: *Алексинъ*.

⁽¹²⁾ Чтеніе Мил. *Вельяминова* сомнительно; написано не то *Вельяминова*, не то *Васьянова*.

Названія мѣстностей.	Тяглые.	Пеглые и сомнительныя.	Итого.
108. Угличъ №№ 260; 145 и 146	1	2	3
109. Унжа № 227	1	—	1
110. Устюжна № 91 ⁽¹⁾	—	1	1
111. Уфа №№ 289; 155 и 156	1	2	3
112. Холмогоры № 258.	1	—	1
113. Царевъ Кокшайскій № 243	1	—	1
114. Царевъ Санчурскъ №№ 242; 151	1	1	2
115. Чаранскъ № 259	1	—	1
116. Чебоксары №№ 268; 143	1	1	2
117. Чердынъ № 273 ⁽²⁾	—	1	1
118. Черниговъ № 116	—	1	1
119. Чернь №№ 119 и 120	—	2	2
120. Чухлома № 226	1	—	1
121. Шуя № 276 ⁽³⁾	—	1	1
122. Юрьевъ Польскій №№ 275; 59 и 60.	1	2	3
123. Ядринъ №№ 236 ⁽⁴⁾ ; 151	1	1	2
124. Ялаторъ ⁽⁵⁾ № 283	—	1	1
125. Яранскъ №№ 241; 153	1	1	2
126. Ярославецъ Малый № 281 ⁽⁶⁾	—	1	1
127. Ярославль №№ 217; 183 и 184	1	2	3
Итого	86	160	246

10. Въ подкрѣпленіе и дополненіе свѣдѣній о печатаніи и распродажѣ Уложенія, сообщенныхъ въ текстѣ, приводимъ извлеченіе изъ записныхъ книгъ Печатнаго двора:

Л. „Книга записная книжной продажъ со 151-го году по 158 годъ вопне выведена“ (по Каталогу Архива № 39, л. 655—678).

Л. 655. Повторяется указъ о печатаніи Уложенія отъ 7-го апрѣля 1649 года (см. Сборникъ Археологическаго Института кн. 2, дополненіе I, стр. 21—23).

Л. 656. „И о тѣхъ книгахъ Уложенія судныхъ дѣлъ государя бояринъ и дворецкой князь Алексѣй Михайловичъ Лвовъ докладывалъ, по которой цѣнѣ тѣ книги продавать. И на докладной выпискѣ помѣта дьяка Михайла Ерофеева: 157-го году іюня въ 1 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси указу приказалъ бояринъ и дворецкой князь

(1) Въ подлинникѣ мы прочитали: *Устуженинъ*, а не *Калуженинъ*, какъ значится у Миллера.

(2) Вѣроятно, посадскій.

(3) Вѣроятно, посадскій.

(4) Въ спискѣ, напечатанномъ въ Арх. ист.-юр. свѣд., по ошибкѣ, поставленъ № 235. Въ № 151 чтеніе Лутоговскаго сомнительно; каж. *Утояскава* или *Вывовскава*.

(5) У Миллера чит. *Ялатомъ*; не *Алаторъ*-ли? см. выше.

(6) Вѣроятно, посадскій.

Алексѣй Михайловичъ Лвовъ тѣ книги судныхъ дѣлъ продавать по рублю книга въ тетратехъ, а тѣ книги Уложенія судныхъ дѣлъ въ дѣлѣ стали 1'00 книгъ по 26 алтынъ по полу-3 деньги книга въ тетратехъ“.

„Да въ Приказъ Большаго Дворца отпущено ⁽¹⁾ по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи имянному приказу, взнесено въ верхъ 35 книгъ Уложенія судныхъ дѣлъ въ переплетѣ, и тѣми книгами государь жаловалъ патриарха и бояръ въ столовой палатѣ“.

Далѣе записано извѣстіе о пожалованіи пяти книгъ разнымъ лицамъ (напечатанное нами во 2-й книгѣ Сборника Археологическаго Института, на основаніи расходной книги № 34; кстаті исправимъ опечатку, выравняющую въ текстъ нашего отчета о поѣздѣ въ Москву: на стр. 11 напечатано: № 345; должно быть: № 34).

„Да въ правильнѣ у справщиковъ ковычная ⁽²⁾ книга впрעדъ для переводу дана да книга въ переплетѣ ка(вы)чная-жъ“.

Л. 657 и слѣдующіе содержатъ поденную записку, кому сколько книгъ продано и по какой дѣлѣ. Въ заключеніи каждой дневной статьи выставлено число проданныхъ книгъ и вырученныхъ за нихъ денегъ, съ отмѣткою: „взято“.

Вотъ рядъ поденныхъ итоговъ по продажѣ книгъ.

14-го іюня (1649 г.)	57 книгъ (л. 658)
16 „ „	125 (л. 661) ⁽³⁾
17 „ „	134 (л. 663) ⁽⁴⁾
18 „ „	27 (л. 664)
19 „ „	111 (л. 666)
20 „ „	110 (л. 667)
22 „ „	74 (л. 669)
23 „ „	72 (л. 670)
24 „ „	37 (л. 671)
25 „ „	38 (л. тотъ же)
26 „ „	14 (л. тотъ же обор.)

Засимъ около полустраницы пробѣла. Въ концѣ 671-го листа написано: „августа въ 1-й день того-жъ выходу книги Уложенія судныхъ дѣлъ продано по 40 алтынъ“. На слѣдующихъ страницахъ записана продажа и выручка денегъ за 4 дни: 1-го, 2-го, 3-го и 7-го августа. Число книгъ, проданныхъ въ каждый изъ означенныхъ дней, состояло: изъ 19 (л. 672), 77 (л. 674 обор.), 140 (л. 677, сперва написано было 145 славянскими численными знаками, но потомъ буква е зачеркнута и сбоку поставлено *рм*) и 38. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что всего продано 812 книгъ, 35 внесено государю для безденежной раздачи и 2 книги остались въ *правильнѣ* для слѣдующихъ изданій. Куда же дѣвались остальные книги?

Въ той же записной книгѣ на листѣ 730 значится: „въ прошломъ во 157-мъ году августа въ 27 день указалъ государь... печатати книги Уложенія

⁽¹⁾ Здѣсь кончается лицевая сторона листа; слѣдующее засимъ написано на оборотѣ.

⁽²⁾ Корректурная.

⁽³⁾ На л. 661 въ числѣ покупателей значится и новгородскій митрополитъ Никонъ, а на 661-мъ *боярина князя Ивана Васильевича (?) жена Ульяна*.

⁽⁴⁾ На л. 662 значится: «въ Судебной приказѣ книга».

судныхъ дѣлъ“. Печатаніе производилось въ количествѣ 1200 книгъ и окончено 21 декабря 158 (1649 г.). Докладъ государю о продажной цѣнѣ состоялся 3 января 1650 г. Изъ этого выхода также роздано 5 книгъ безденежно, а въ правильнѣ оставлена книга на будущее время. На слѣдующемъ листѣ читается: «и тѣ книги Уложенія судныхъ дѣлъ отданы (1) Володимеру Борзово тысяча сто восемьдесятъ одна книга по рублю книга. Дано“.

II. „Книга приходная Приказу книжнаго печатнаго дѣла, а въ ней писана (2) продажа разныхъ книгъ, что принято у дьяка Михайла Ерофеева да у цѣловальника Ивана Харламова прешнихъ выходовъ со 158-го году по 162 годъ при гостѣ Володимеръ Борзово“ (по каталогу Архива № 47). Книга эта раздѣлена на главы, изъ коихъ первая имѣетъ надписи: „продажа книгамъ Уложенія судныхъ дѣлъ“. Текстъ этой главы занимаетъ 109 полулистовъ средней величины, перемѣченныхъ арабскими цифрами. Начинается она такъ: „158-го году декабря въ 9 день на книжномъ печатномъ дворѣ у дьяка Михайла Ерофеева да у цѣловальника Ивана Харламова Володимеръ Борзово принялъ тысячу восемьдесятъ одну книгу Уложенія судныхъ дѣлъ въ тетратехъ по продажной цѣнѣ по рублю книга. И тѣхъ книгъ продано всякаго чину людей, а кому имяны тѣ книги продаваны, и то писано въ сей книгѣ по рознь“ (л. 1). Въ концѣ главы написано: „И всего продано книгъ Уложенія великихъ чиновъ людямъ тысяча сто семьдесятъ три книги по рублю книга, и того тысяча сто семьдесятъ три рубля. А что тѣхъ же книгъ взято въ Приказъ Большаго Дворца безденежно, и то писано въ расходной книгѣ“. „Борзово“.

(1) Въ подлинникѣ: *отдано*.

(2) Въ подлинникѣ: *писано*.

... 1850 г. ... 1851 г. ... 1852 г. ... 1853 г. ... 1854 г. ... 1855 г. ... 1856 г. ... 1857 г. ... 1858 г. ... 1859 г. ... 1860 г. ... 1861 г. ... 1862 г. ... 1863 г. ... 1864 г. ... 1865 г. ... 1866 г. ... 1867 г. ... 1868 г. ... 1869 г. ... 1870 г. ... 1871 г. ... 1872 г. ... 1873 г. ... 1874 г. ... 1875 г. ... 1876 г. ... 1877 г. ... 1878 г. ... 1879 г. ... 1880 г. ... 1881 г. ... 1882 г. ... 1883 г. ... 1884 г. ... 1885 г. ... 1886 г. ... 1887 г. ... 1888 г. ... 1889 г. ... 1890 г. ... 1891 г. ... 1892 г. ... 1893 г. ... 1894 г. ... 1895 г. ... 1896 г. ... 1897 г. ... 1898 г. ... 1899 г. ... 1900 г. ...

Темное мѣсто въ „Словѣ о плъку Игоревѣ“.

Ни одинъ памятникъ нашей древней словесности не стяжалъ себѣ такой громкой и почетной славы, какъ вышеназванное „Слово“. 80 лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ оно сдѣлалось достояніемъ науки, — и за все это время рѣдкій годъ не приносилъ намъ новаго изслѣдованія, новаго изданія или же новаго перевода этого замѣчательнаго памятника южно-русской письменности XII вѣка. Но, не смотря на то, что спеціальныя изданія и изслѣдованія „Слова“ считаются десятками (1), а объемистыя примѣчанія къ тексту составили бы цѣлые то-

(1) Вотъ перечень главнѣйшихъ изданій на русскомъ языкѣ (обыкновенно съ переводомъ) въ хронологическомъ порядкѣ: А. Мусина-Пушкина (1800), А. Шишкова (1805 и 1826), Я. Пожарскаго (1819), Н. Грамматина (1823), Полевого (1830), А. Вельмана (1833 и 1867), М. Максимовича (1837), И. Снегирева (1838), И. Сахарова (1839 и 1841), М. Де-ла-рю (1839), Д. Дубенскаго (1844), Н. Головина (1846), Н. Гербеля (1855 и 1858), С. Коралева (1856), Ф. Буслаева (1861), О. Миллера (1865), Н. Тихонова (1866 и 1868), А. Майкова (1870), Я. Малашева (1871) и кн. Вяземскаго (1877).

Занимались разработкой спеціальныхъ сторонъ «Слова»: А. Востоковъ (1817), К. Калайдовичъ (1818), П. Бутковъ (1821 и 1834), Скроненко (Строевъ — 1834), Каченовскій, Вѣликовъ, Давидовъ, Сенковскій и Руссовъ (всѣ — 1834), М. Максимовичъ (1836, — 37, — 55 и 59), Ф. Буслаевъ (1842 и 1858), А. Вельманъ (1842), С. Шевыревъ (1843 и 1845), О. Бодянский (1846), М. Данилевскій (1858), П. Полевой (1864), Е. Барсовъ (1877), В. Миллеръ (1877).

Кромѣ того, переводили «Слово» на русский языкъ — стихами или прозой: Сѣряковъ (1803), А. Палицынъ (1807), Н. Язвинскій (1812), И. Левитскій (1813), Н. Грамматинъ (1821), Д. Минаевъ (1846), Л. Мей (1850 и 1857), Поговскій (1867), Н. Алябьевъ (1873).

Изъ иностранныхъ переводовъ «Слова» известны:

на немецкомъ яз.: Рихтера (1803), Миллера (1811), Ганки (1821), Зедегольма (1825) и Вольта (1854); на французскомъ — Блашара (1823); на сербскомъ — Хаджича; на чешскомъ — Ганки (1821); на польскомъ — А. Вѣлевскаго (1833); на малорусскомъ — М. Максимовича (1857); на талиско-русскомъ — Е. Огоновскаго (1876). Впрочемъ, этимъ не исчерпывается литература «Слова о п. Игоря».

мы, многія мѣста памятника до сихъ поръ остаются въ такомъ же искаженномъ видѣ, какъ они являются въ 1-мъ изданіи Мусина-Пушкина, и до сихъ поръ отмѣчаются нѣскольکو неудовлетворяющимъ ученыхъ названіемъ — „темное мѣсто“...

На одномъ изъ такихъ мѣстъ „Слова“ мы намѣрены остановиться въ настоящее время и предложить для него новое чтеніе. По изданію графа Мусина-Пушкина это мѣсто читается слѣдующимъ образомъ:

„Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломи Литовскія (2); притрена славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою Княже птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь (3) ту брата Врячаслава, ни другаго Всеволода, единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе“...

До самаго послѣдняго времени, многочисленные изслѣдователи и переводчики „Слова“, въ большинствѣ случаевъ, переводили это мѣсто слѣдующимъ образомъ: „и унесъ (схоти=схвати, схопи—Дубенск.) онъ эту славу (ю, т. е. ее) съ собой на ложе смерти (на кровать), и сказалъ: дружину твою, княже“ и пр. Особенно такое чтеніе правилось переводчикамъ-стихотворцамъ. Но ученые изслѣдователи „Слова“ уже въ 60-хъ годахъ замѣчали, что рѣченіе „на кровать“ — должно быть испорчено и требуетъ возстановленія, хотя по прежнему „ю“ считали личнымъ мѣстоименіемъ и относили къ славу, а слово „рекъ“ приписывали Изяславу, т. е. все это предложеніе считали *подчиненнымъ* предъидущему.

Неосновательность подобнаго мнѣнія и неправильность вышеуказаннаго толкованія этого мѣста открываются сами собой при болѣе внимательномъ чтеніи. И въ самомъ дѣлѣ: о какой дружинѣ говорить умирающій Изяславъ?— Не о своей только, потому что онъ говоритъ — „твою“, а не „мою“ дружину, какъ бы слѣдовало въ такомъ случаѣ? Если это говоритъ князь Изяславъ, то къ какому князю обращаетъ

(2) По списку Екатерины, изд. Пекарекимъ: „Литовскія“.

(3) По списку Екатерины: „не бы“, т. е. „не быс.“=не бысть.

онъ свою предсмертную рѣчь, потому что зват. „княже“ показываетъ обращеніе къ третьему лицу?—А между тѣмъ, близкихъ ему, „Брячислава и Всеволода, не было здѣсь: онъ одинъ изронилъ жемчужную душу,“ какъ говоритъ пѣвецъ „Слова.“—Очевидно, что слова: „дружину твою, княже“, и проч. принадлежатъ не Изяславу; поэтому—въ предложеніи: „и схоти ю на кровать, и рекъ“—подлежащее не Изяславъ, а кто-то другой; слѣдовательно и все это предложеніе самостоятельно и независимо отъ предъидущаго.

Прежде чѣмъ предложить свое чтеніе, считаемъ необходимымъ припомнить, что съ появленіемъ въ 1866 г. изданія Н. С. Тихонравова, такъ мастерски раскрывшаго въ предисловіи все недостатки перваго (пушкинскаго) изданія, явилась возможность исправленія текста „Слова“ на строго-научныхъ основаніяхъ: этимъ ученымъ былъ поставленъ по отношенію къ нашему памятнику принципъ, который мы назовемъ здѣсь палеографической эзегезой, и который былъ въ свое время сочувственно привѣтствованъ тремя извѣстными представителями русской науки (г.г. Буславымъ, Некрасовымъ и Макушевымъ въ Ж. М. Н. П. за 1867 г. № 2 и 3), какъ прочное научное основаніе въ дѣлѣ изслѣдованія „Слова.“

Не наше дѣло и не мѣсто здѣсь указывать, насколько успѣшно послѣдующіе комментаторы „Слова“ примѣняли въ своихъ трудахъ этотъ принципъ. Но мы не можемъ не замѣтить, что на III-мъ Археологическомъ съѣздѣ онъ былъ совершенно забытъ, какъ это можно было видѣть изъ реферата г. Е. Барсова, предлагавшаго объяснять темныя мѣста „Слова“ непосредственнымъ чутьемъ художественныхъ представителей народа, народныхъ пѣвцовъ... Возражая тогда г. Барсову, мы отчасти коснулись и объясняемаго нами теперь мѣста; сущность этого объясненія напечатана даже *въ одной строчкѣ* въ I-мъ томѣ трудовъ III-го Археолог. съѣзда, но безъ всякихъ указаній на основанія;— вотъ почему сообщеніе въ печати подробнаго изслѣдованія этого вопроса мы считаемъ вполне умѣстнымъ.

Наше толкованіе состоитъ въ слѣдующемъ: *и*—союзъ; *схоти*—неправильно сведено и прочитано, слѣдуетъ читать: *съ хотъ*; *ю* и *на*—неправильно раздѣлено первыми издателями, слѣдуетъ свести: *юна*;

кроватъ—неправильно прочитано, а быть можетъ неправильно выведено изъ подъ титла, — слѣдуетъ читать: *коувасть* или *карить*; *рекѣ*—неправильно выведено изъ подъ титла, — слѣдуетъ читать — *реч*, т. е. *рече*.

А вотъ и основанія:

а) Первые издатели неправильно сводили и раздѣляли слова и неправильно выводили изъ подъ титлъ, что доказано г. Тихонравовымъ;
б) они даже неправильно читали слова, написанныя въ строку, что доказывается изъ сопоставленія текста по Екатерининскому списку, гдѣ читаемъ: „Ярославна *на морь* плачеть,“ съ Пушкинскимъ, гдѣ то же слово прочитано: „рано“ и чему удивлялся покойный Пекарскій;
в) буква *ь* въ скорописныхъ, или же въ сбивающихся на скоропись почеркахъ XVI в. легко можетъ быть принята за *и*;
г) слово *карить* встрѣчается въ Ипатьевскомъ спискѣ подъ 1262 годомъ: „се сестра твоя мертва, а поѣди *карить* по своей сестрѣ“...; слово *коувати* или *коуати*—встрѣчается не только въ письменныхъ памятникѣхъ, но живетъ и понынѣ на югѣ и западѣ Россіи. Такъ, въ первичной своей формѣ — *ку-ти*—оно встрѣчается у поляковъ въ рѣчѣннй *kis* и первоначально должно было означать *звенѣть*, *стонать*, а только впоследствии стало выражать дѣйствіе кузнеца. Корень *ку* совпадаетъ здѣсь съ темой. Отъ *ку-ти*, вслѣдствіе прибавленія темообразовательнаго суффикса *а* къ корню, произошелъ глаголь вторичной темы — *ку-а-ти*, а по смягченіи посредствомъ *j* — *ку-ja-ти*, какъ это читаемъ въ Супрасльской рукописи, гдѣ означаетъ *gemere*. Такой смыслъ придавалъ ему Востокъ. Смягченіе же это можетъ произойти и отъ введенія *в* предъ тематическимъ *а*, причѣмъ произойдетъ *ку-ва-ти*. Современная форма *ков-а-ть*, встрѣчающаяся одинаково у Великороссовъ и Малороссовъ, выражаетъ не только дѣйствіе кузнеца, но и крикъ кукушки, и произошла отъ корня *ку*, совпадающаго съ темой вслѣдствіе извѣстнаго закона, по которому темы на *у* усиливаютъ этотъ звукъ въ *ов* предъ новыми темообразовательными суффиксами (Schleicher).

Такимъ образомъ, объясняемое мѣсто въ нашемъ чтеніи является въ слѣдующемъ видѣ: „И съ хотъ юна куваетъ и рече“: дружину твою, княже, птицъ крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша“... т. е.: „и вотъ

молодая жена причитывает и говорит: дружину твою, князь, птицы крыльями покрыли, а звѣри кровь полизали“... Живописно, а главное логично: жена (*третье* лицо, какъ слѣдуетъ по смыслу) причитываетъ надъ умирающимъ на полѣ брани мужемъ и обращается къ нему (*княже*) какъ бы съ жалобой на то, что надъ его падшей дружиной правили тризну только вѣроны, да сѣрые волки: братьевъ, родныхъ не было... Такое толкованіе могло бы найти соотвѣтствіе и въ томъ обстоятельстве, что образъ плачущей жены о погибшемъ героѣ — весьма обыкновенный приемъ у пѣвца Игорева похода: и жены русскія плачутъ у него по убитыхъ на р. Каалѣ, и Ярославна плачетъ объ Игорѣ...

Настаивать на непреложной вѣрности нашего чтенія мы однако не будемъ; приводя его въ опроверженіе существующихъ толкованій, мы имѣли въ виду прекрасное изреченіе одного изъ западныхъ ученыхъ: „Savoir ce qu'un passage ne peut pas signifier est souvent la clef pour arriver à en découvrir le sens véritable,“ говоритъ Максъ Миллеръ (*Essais sur l'hist. des réligions, Le Véda, 110—111*).

Павель Ваденюкъ,
слушатель Института.

Очерки изъ школьнаго быта въ духовныхъ училищахъ Казанской губерніи въ первой половинѣ XIX столѣтія.

Когда появились очерки безвременно сошедшаго въ могилу Помяловскаго, яркими красками рисующіе прелесть бурсацкой жизни, въ нѣкоторой части общества и въ печати раздались возгласы, посыпавшіе на пѣвца бурсы обвиненія въ самомъ безцеремонномъ отношеніи къ дѣйствительности. Между тѣмъ Помяловскій не захватилъ всѣхъ деталей бурсацкаго горе - горькаго быта. Еще въ 1876 г. въ Сборникѣ газеты „Сибирь“ помѣщенъ романъ „Магистръ“, воспроизводящій многія, бывшія неизвѣстными доселѣ, свѣдѣнія изъ страстотерпнаго прошлаго сибирской бурсы. Разказы, передаваемые здѣсь Щаповымъ, способны возмутить даже какого-нибудь палочныхъ и булачныхъ дѣлъ мастера изъ школы Аракчеева.

Д. И. Писаревъ въ своей статьѣ: „Погибшіе и погибающіе“ сопоставилъ бурсу съ русскимъ острогомъ 1840—1850-хъ годовъ. Для этого сравнительнаго этюда онъ черпалъ свѣдѣнія изъ двухъ замѣчательныхъ сочиненій: „Очерки бурсы“ Помяловскаго и „Записки изъ мертваго дома“ Достоевскаго. Результаты получились неожиданные и поучительные: бурса хуже острога по занятіямъ, содержанію, условіямъ существованія, производительности.

Мы рылись въ архивахъ духовно-учебныхъ заведеній Казанской губерніи и по документамъ представляемъ положеніе бурсы. Трудъ нашъ будетъ вскорѣ печататься при Казанской академіи подъ заглавіемъ: духовное просвѣщеніе въ Казанскомъ краѣ съ XVII по XIX столѣтіе до послѣдняго времени (1).

(1) Считаемо не лишнимъ замѣтить, что готовящійся къ печати трудъ г. Благовѣщенскаго

Изъ этого труда здѣсь помѣщаются двѣ выдержки: 1) „объ обращеніи учителей духовныхъ училищъ съ учениками въ 1818—1860 г.“, и 2) „назначеніе фамилій ученикамъ“ (1).

I.

Наказанія учениковъ.

Въ мѣрахъ наказанія старые учителя духовныхъ училищъ были избрѣтательны. До 1860-хъ годовъ чаще практиковались ставленіе на колѣни, лозы, заушенія, пощечины, бросаніе книгъ въ учениковъ, удары линейкой, переплетомъ книжнымъ, стояніе на ногахъ и держаніе, при этой стойкѣ, тяжелыхъ книгъ въ рукѣ, поднятой и согнутой въ локтѣ подъ прямымъ угломъ, и др. За слабое знаніе урока, неисправность въ письмѣ, вообще маловажные дѣтскіе проступки учениковъ сѣбли лозами со всякою жестокостью; за важные проступки—постоянную лѣность, побѣги, нехожденіе въ классъ „въ отвращеніе соблазна и въ наказаніе своеволія“ наносили отъ 25 до 200 „плягъ“ и больше, „дондеже переставали кричать“; безъ всякаго милосердія сѣкли по два, по три раза въ день. Одинъ учитель сѣкъ по числу ошибокъ, другой держался правила—какъ крикнетъ ученикъ не считая отпущенныя пляги и начинать снова. Были такіе, которые, постоянно упражняясь въ сѣченіи, называли не своимъ ученикомъ того, который ни разу не былъ наказанъ розгами. Такіе дѣятели извѣстные дни, напри- мѣръ субботу, назначали преимущественно для сѣченія, отчего потерявшіе назывались субботниками. Одинъ учитель пѣнія сѣкъ подъ пѣніемъ по тону внизъ и вверхъ по двѣ лозы и заставлялъ на истязуемаго наваливаться цѣлой грудѣ учениковъ. Были любители колѣнопреклоненныхъ: у нихъ постоянно стояло отъ 20—30 и болѣе челоуѣкъ на полу. Одни стояли на колѣняхъ по три мѣсяца подъ рядъ и становились еще

составить, какъ намъ извѣстно, книгу въ высшей степени интересную и по своему объему чрезвычайно богатую содержаніемъ. Приводимые же въ настоящей статьѣ факты имѣютъ, по мнѣнію нашему, тѣмъ болѣе значенія, какъ матеріалъ историческій, что въ настоящее время они въ духовныхъ училищахъ уже вовсе не встрѣчаются. Редакторъ.

(1) Свѣдѣній объ обращеніи учителей съ учениками до 1818 г. нѣтъ, потому что пожаръ, бывшій въ Казани въ 1815 г., истребилъ почти вовсе архивы старой Казанской Академіи.

до прихода учителя. Жаль было безголосыхъ, которые стояли такъ на урокахъ пѣнія, „*дондеже начинали тѣть обиходъ*“.

Наказывали жестоко и своими руками, таскали за волосы немилосердно, драли за уши, иногда скрѣпя отъ злости зубами и ругая учениковъ, и такъ сильно, что иногда разрывали уши, трепали и теребили за волосы съ ударами по головѣ или ладонью или кулакомъ, таскали за волосы, низко наклоняя голову и быстро отбрасывая ее назадъ, вертя ее справа на лѣво и слѣва на право, иногда щипали, вырывая клочки волосъ изъ головы и оставляя плѣшины; вцѣплялись въ волосы обѣими руками и таскали изо всей силы, такъ что нѣкоторые падали; употребляли варварскую уловку, забирая за волосы то съ висковъ, то съ затылка; правой и лѣвой рукой—кулакомъ или ладонью, давали со всего размаха крѣпкія и горячія пощечины, давали съ руки на руку, какъ бы играя въ мячъ; били пальцами по спинѣ, давали щелчки двумя пальцами, пальцами же ковыряли въ голову — „*выжимали масло*“, били наконецъ по головѣ, по чему и какъ попало. Другому счастливому ученику выпадало въ иной день 3—4 наказанія: лозы, колѣнопреклоненіе, потасовка, оставленіе безъ обѣда. Изсѣченныхъ до кровавыхъ знаковъ, ничѣмъ недвижимыхъ, едва дышущихъ учениковъ приказывали поднимать и класть за парту или уносить на квартиру. Одинъ учитель имѣлъ привычку хватать за волосы двухъ высѣченныхъ учениковъ и стучать голову объ голову съ обычными злобными припѣвами. Были такіе учителя, которые выстригали затылки въ классѣ, бросали табакъ въ глаза, высылали учениковъ на морозъ, даже въ ретиряды, приказывали служителямъ вмѣстѣ съ соромъ мести метлой провинившагося ученика, который долженъ былъ катиться за метлой до сорной ямы. У учениковъ въ 1830-хъ годахъ развилась страсть къ нюханію табаку. Попавшійся съ табакеркой въ наказаніе принуждался вынюхать весь табакъ, оказавшійся въ табакеркѣ. Отъ всего этого ученики чувствовали сильную головную боль, гложли, заболѣвали и даже получали увѣче.

Въ чебоксарскихъ училищахъ до 1850 году въ большомъ ходу были *ройд*. Они такъ устраивались: дѣлался кузнецомъ по заказу желѣзный обручъ въ родѣ собачьяго ошейника; онъ разгибался и слѣдовательно могъ надѣваться мальчику на шею, и запирался замкомъ, такъ

что снять его не было возможности. Къ этому ошейнику съ двухъ сторонъ въ діаметрально противоположныхъ точкахъ прикрѣплялись собственно рога, т. е. желѣзныя, въ поларшина длиною, нѣсколько изогнутыя, пластины съ колокольчиками по концамъ. При малѣйшемъ движеніи закованнаго въ этотъ шутовскій аппаратъ колокольчики звенѣли и смѣшили цѣлый классъ. Въ рогоносцы попасть было не трудно.

Въ Алатырскихъ же училищахъ до 1840 года для бѣглыхъ и худыхъ учениковъ употребляли чурбанъ на цѣпи. Чурбанъ — отрубокъ деревянный, въ длину $1\frac{1}{2}$ аршина, въ діаметръ 5 — 6 вершковъ. Къ одному концу его въ срединѣ ввертывался толстый желѣзный винтъ съ кольцомъ. Къ кольцу на цѣпи прикрѣплялся желѣзный обручъ, тоже въ родѣ ошейника; онъ разгибался, и слѣдовательно могъ надѣваться мальчику на шею, и запирался всякимъ замкомъ. Виновный, таская на шеѣ чурбанъ, долженъ былъ держать его на лицевой сторонѣ по крайней мѣрѣ въ классѣ, на глазахъ учителей. Въ другое же время, особенно на квартирѣ, истязуемые обыкновенно носили чурбанъ въ объятіяхъ. Въ чурбанъ запирали учениковъ на недѣлю и даже на мѣсяць. Съ нимъ ученикъ зубрилъ урокъ, ѣлъ, спалъ, ходилъ въ классъ и изъ класса. Въ 1833 году ученикъ Егоръ Каменскій убѣжалъ изъ училища. Сторожа училищныя изловили его въ кустарникѣ около Алатыря и привели въ училище. Здѣсь заковали его въ стулъ безсрочно и отперли только по слезному прошенію брата — помытчика духовнаго правленія. Стулъ хранился въ классѣ за печкой ⁽¹⁾.

Въ Чистопольскихъ и Алатырскихъ училищахъ практиковали сравнительно гуманную мѣру — *позорные колпаки*. Колпакъ дѣлался изъ бумаги и имѣлъ форму воронки величиной въ сахарную голову; на верхнемъ узкомъ концѣ этой воронки привѣшивалась кисточка, а на передней сторонѣ рисовались черти и слова: „лѣнтяй, палунъ, бѣглець“, и др. Этотъ колпакъ надѣвался на самыхъ тупыхъ и безнадежныхъ учениковъ, на тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ не могли дѣйствовать тѣлесныя наказанія. Въ 1834 году въ Алатырскомъ училищѣ ученикъ при-

(1) Рога и стулья употреблялись (въ 1820—1845 гг.) также у помещиковъ для крестьянъ неисправныхъ въ платежѣ податей и лѣнивыхъ.

ходскаго училища Петръ Охотинъ, купаясь, чуть не утонулъ въ рѣкѣ Сурѣ. Инспекторъ надѣлъ на него огромный изъ бѣлой бумаги колпакъ съ надписью: „*купаясь, утонулъ было въ рѣкѣ*“, и приказалъ двумъ сторожамъ водить его по классамъ. Во время сѣченія Охотина инспекторъ объяснялъ въ каждомъ классѣ, какъ опасно купаться.

Строгость и жестокости не могли не вызвать протеста со стороны духовенства при всемъ его угнетенномъ положеніи. Нѣкоторые родители, узнавъ отъ своихъ дѣтей, что ихъ бьютъ и сбьютъ ни-за-что, ни-просто, приходили въ классъ, заводили брань и перепалку съ учителями. Являлись даже такіе смѣлые отцы, которые, крайне обижаясь несообразными съ правилами благоразумія наказаніями, осмѣливались жаловаться епархіальному начальству, представляли документы о побойствахъ: 1) медицинскія свидѣтельства; 2) показанія свидѣтельскія отъ учениковъ, хозяевъ квартирныхъ или постороннихъ лицъ, и просили предохранить ихъ дѣтей отъ истязаній и побоевъ безпощадныхъ, нарядивъ благонадежныхъ слѣдователей для обслѣдованія на мѣстѣ побойствъ и жестокостей.

Умоляя произвести судъ и слѣдствіе на мѣстѣ, родители усердно просили: 1) чтобы ученики—ихъ дѣти—предохранены были отъ всякаго рода стѣсненія со стороны учителей и училищнаго начальства; 2) чтобы обвиняемый инспекторъ или учитель прежде, нежели приступлено будетъ къ обслѣдованію дѣла, не могъ поселять въ ученикахъ сильнаго страха и склонять ихъ или къ совершенному заширательству или къ неправильному показанію обстоятельствъ дѣла.

Симбирскаго уѣзда, села Опалихи, священникъ Василій Платоновъ, на примѣръ, жаловался, въ 1821 году, семинарскому правленію на то, что сынъ его, ученикъ 2-го класса приходскаго Симбирскаго училища, Евсеигній Покровскій заболѣлъ отъ грубыхъ, злостныхъ и жестокихъ наказаній учителя Акрамовскаго и взять имъ домой для поправленія здоровья. По словамъ о. Василя, Акрамовскій въ первый разъ за неисправность въ письмѣ приказалъ ученику Григорію Покровскому съчь Евсеигнія Покровскаго жестоко „*дондеже перестанетъ кричать*“, а во второй, недѣли черезъ двѣ, за непринесеніе въ училище чернильницы, приказалъ ученику Алфѣеву съчь безъ всякаго милосердія,

отчего сынъ его и слегъ въ постель. О. Василій, прїѣхавъ послѣ этого недѣли черезъ три въ Симбирскъ на квартиру сына, нашель его больнымъ, недвижущимся, едва дышущимъ, съ кровавыми знаками на тѣлѣ, при чемъ у постели его увидѣлъ кровавую мокроту. Акрамовскій не отпирался отъ двукратнаго умѣреннаго будто бы сѣченія Евсигнія Покровскаго, но указывалъ, что сынъ претендателя боленъ не отъ усиленнаго наказанія, а отъ стремительнаго паденія съ парты на полъ, причемъ нельзя было не потерпѣть и всему его тѣлу сильной контузии. Смотритель увѣрилъ отца, что ученикъ заболѣлъ обыкновенною тогда вѣтренною болѣзнію, переходившею въ 1821 году преимущественно между учениками, а самъ, окончивая этотъ процессъ, сдѣлалъ учителю Акрамовскому, за неточное исполненіе правилъ школьной строгости, въ книгѣ подъ названіемъ „Руководство учителямъ 1-го и 2-го классовъ“ предписанной, строгое замѣчаніе съ подпиской, дабы онъ на будущее время при взисканіяхъ съ учениковъ за классныя неисправности, руководствовался не инымъ чѣмъ, какъ совершенною къ дѣтямъ любовію и благороднымъ снисхожденіемъ, которыя одиѣ суть лучшія качества учителя. А между тѣмъ, дабы и на будущее время какимъ либо образомъ не были допущены въ училищахъ симбирскихъ наказанія и незаконныя, и постыдныя, и вредъ здоровью дѣтей причинять могущія и подорвать усиліи ихъ въ ученіи, — смотритель не лишнимъ счелъ и прочихъ учителей, для предохраненія ихъ отъ подобныхъ искушеній, обязать на той же бумагѣ своеручными подписками, порекомендовавъ имъ при томъ дабы всевозможно позаботились повторить въ книгѣ „Руководство учителямъ“ 3-ю и 4-ю части, также изъ книги подъ названіемъ „Способъ учиться и обучать“ сочиненіе Роллена восьмой части статьи „о внутреннемъ правленіи классовъ“, даже до статьи „особливныя должности, касающіяся до воспитанія юношества“. Въ этомъ учителя какъ Акрамовскій, такъ и другіе 2 декабря 1821 года и подписались.

Ревизоръ Алатырскихъ училищъ, инспекторъ семинаріи Смоленскій, во время разслѣдованія въ 1820 году недоразумѣній и разлады учителей съ инспекторомъ училищъ Парменіоновымъ, узналъ отъ учениковъ, что Парменіоновъ въ 1820 году внушалъ ученикамъ ту мысль, что новый учитель Иванъ Майданскій не можетъ ихъ наказы-

вать. „Скажите Ивану Степановичу Майданскому, объявлялъ онъ въ классахъ ученикамъ, чтобы онъ лозами васъ не наказывалъ, *ибо ежели и онъ и я будемъ васъ наказывать, то васъ не станетъ*“.

Въ 1833 году ректоръ алатырскихъ училищъ протоіерей Іоаннъ Неофитовъ, развѣдывая и розыскивая виновника въ похищеніи изъ кружки алатырскаго Богородице-рождественскаго собора братскихъ денегъ 40 р. 50 к., сначала своеручно, безъ всякой пощады, билъ по щекамъ, заподозрѣннаго въ этой кражѣ, ученика Григорія Травина, а потомъ, истязуя изъ него сознание въ кражѣ, въ присутствіи учениковъ, приказалъ сторожамъ сбъчь его розгами (1), и продолжалъ это наказаніе до такой степени, что одна будто-бы невозможность вытерпѣть наказаніе открыла уста Травина на вынужденное признаніе. Изнуреннаго Травина, по истязаніи, Неофитовъ приказалъ отправить въ острогъ, и потомъ исключилъ его изъ училищнаго званія. Ректоръ Неофитовъ симбирскимъ преосвященнымъ Анатоліемъ, вслѣдствіе жалобы Травина, устраненъ былъ отъ занимаемыхъ имъ должностей „впредь до рѣшенія дѣла“, а въ томъ числѣ и отъ должности ректора. Преосвященный Филаретъ находилъ это отстраненіе противорѣчащимъ §§ 277—279 уст. семинар. и § 4 уст. духовныхъ училищъ, по силѣ которыхъ ректоръ училищъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть отрѣшенъ отъ этой должности, какъ только по опредѣленію академическаго правленія. Преосвящ. Анатолій, устраняя Неофитова отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей, имѣлъ къ этому новому заключенію побудительныя причины: 1) чтобы протоіерей Неофитовъ, по силѣ указа 1801 года 27 сентября, не могъ имѣть вліянія на прикосновенныхъ къ дѣлу учениковъ и другихъ духовнаго званія лицъ, 2) чтобы тѣмъ самымъ охранить честь протоіерея отъ необходимаго, при неудаленіи его отъ должностей, съ противной стороны нарѣканія въ дачѣ свидѣтельскихъ показаній въ пользу его изъ подобострастія къ нему, тѣмъ болѣе, что симбирская консисторія изъ сообщенія симбирской палаты уголовного суда вслѣдъ за тѣмъ имѣла уже въ виду другой извѣтъ ученика Тра-

(1) По рассказамъ современниковъ, Травина сбъчь на квартирѣ смотрителя извѣстный своей жестокостью сбъкуръ сторожъ Васька изъ исключенныхъ учениковъ.

вина, будто Неофитовъ, находясь при допросѣ Травина въ алатырскомъ городническомъ правленіи, и тамъ угрожалъ ему, чтобы онъ не отрицался отъ сдѣланнаго имъ признанія, и что ему, Травину, отъ заpiresательства будетъ хуже. По словамъ преосвященнаго Анатолія заключеніе его объ устраниніи протоіерея на время отъ ректорской должности ни мало не противорѣчило § 278 уст. семинарій, гдѣ воспрещалось удалять ректора отъ должности окончательнымъ приговоромъ въ наказаніе; устраниеніе же временное клонилось къ воздержанію власти на случай производства этого дѣла, а не къ лишенію ея и полагалось какъ мѣра, законодательною властью признаваемая нужною для правосудія, а отнюдь не въ предосужденіе чести подеудимаго. Членъ Симбирской консисторіи священникъ Воронцовъ съ курсунскимъ протоіереемъ Сосфеновымъ, по разслѣдованіи на мѣстѣ всего этого дѣла, признали Неофитова невиннымъ. Временное же отстраненіе отъ училищныхъ должностей не только не было поставлено ему въ порокъ, но это обстоятельство преосвященнымъ Филаретомъ вѣрно ему было даже въ особенное христіанское терпѣніе и благодушіе, что самое прописывалось даже въ послужномъ спискѣ Неофитова.

Въ ночь съ 2 октября 1844 года случился пожаръ въ Свіяжскомъ женскомъ монастырѣ. Діаконъ свіяжскаго собора Іоакимъ Колосовъ, видя, что опасность угрожаетъ самымъ церквамъ въ томъ монастырѣ, побѣжалъ туда съ соборнымъ причетникомъ Михаиломъ Княжевичемъ, чтобы оказать помощь спасенію церковной утвари. Жена его, оставшись одна съ дѣтьми и видя, что пожаръ усиливается, и вообразивъ о близкой опасности, послала на пожаръ за мужемъ осмилѣтняго сына своего, ученика 2-го класса свіяжскаго приходскаго училища, Ѳемистокла Колосова. Діаконъ Іоакимъ съ посланнымъ тотчасъ возвратился съ пожара домой, чтобы успокоить свою жену, отъ природы робкую. Инспекторъ свіяжскихъ училищъ священникъ Евграфъ Лебедевъ, замѣтивъ на почномъ пожарѣ ученика Колосова, вѣрили ему это въ преступленіе, и 3 октября, послѣ обѣда, не принимая отъ него оправданія, что онъ посланъ былъ на пожаръ своею матерью для отысканія отца, высѣкъ его столь жестоко, что онъ едва могъ дойти до дому, гдѣ съ часъ еще продолжалось съ нимъ трясеніе, соединенное съ

сильнѣйшимъ жаромъ. Успокоившись немного, ученикъ жаловался на грудную боль и ломоту въ рукѣ, поврежденной отъ наваленія на него шести учениковъ для держанія, отъ чего послѣ съ недѣлю лежалъ въ постели. Діаконъ Колосовъ 3-го же октября звалъ къ себѣ смотрителя училищъ священника Дмитріева и доктора. Не дождавшись смотрителя для освидѣтельствованія, діаконъ Колосовъ 6 октября подалъ ему на имя ректора семинаріи прошеніе. Смотритель свидѣтельствовалъ послѣ этого мальчика, жалобу Колосова призналъ справедливой и обязалъ инспектора строжайшею подпиской, которую показывалъ діакону. Инспекторъ, узнавъ объ этомъ, чрезъ учениковъ два раза приглашалъ діакона Колосова на свою квартиру и самъ и чрезъ учителей Ивана Котицкаго и Николая Евграфова убѣдительно просилъ его объ уничтоженіи того прошенія, на что онъ по челоуколюбію и согласился, взявши при тѣхъ учителяхъ съ инспектора, по совѣту смотрителя, также собственноручную росписку: „1844 года октября 8 дня, я нижеподписавшійся, даю сію росписку свіяжскаго Богородицкорождественскаго собора діакону Якиму Степанову Колосову въ томъ, чтобы дѣтей его, обучающихся въ Свіяжскихъ духовныхъ училищахъ, въ поведеніи отнюдь не марать, пока они будутъ находиться въ свіяжскихъ училищахъ. Даю сію росписку не потому, чтобы я былъ зложелатель кому-либо изъ учениковъ, ввѣренныхъ моему смотрѣнію, или имѣлъ бы мстительный характеръ, но чтобы успокоить отца сихъ учениковъ Иосифа и Феомистокла Колосовыхъ діакона Екима Колосова, съ которымъ я имѣлъ вражду“. Діаконъ Колосовъ въ увѣреніе, что онъ не раскроетъ этого безъ побудительной причины, далъ инспектору росписку въ томъ, чтобы оставить вражду по случаю жестокаго наказанія сына. Давши другъ другу росписки, оба они пошли къ смотрителю, гдѣ изорвали діаконъ свое прошеніе, а смотритель взятую съ инспектора подписку и рапортъ. Инспекторъ первый нарушилъ этотъ договоръ жалобой семинарскому правленію, будто діаконъ Колосовъ чинилъ ему личныя и заочныя обиды, не позволялъ имѣть надзора надъ своими дѣтьми и ихъ наказывать и не представлялъ ему квартирныя журналы. Дѣти Колосова отъ старшихъ получали разныя замѣчанія и притѣснялись отъ смотрителя. Діаконъ Колосовъ рѣшался даже перевести своихъ дѣтей

въ свѣтское учебное заведеніе. Смотритель же въ такомъ случаѣ обѣщаль дать его дѣтямъ худую аттестацію. „Дѣти твои не будутъ приняты туда, говорилъ смотритель діакону, ибо они будутъ аттестованы худаго поведенія. Глутому велѣно было дать глупую и росписку“. Въ прошеніи своемъ къ преосвященному Владиміру отъ 29 ноября діаконь поэтому донесъ объ истязаніи сына и просилъ архинастырскою властію защитить его съ малолѣтними дѣтьми своими Ѳемистокломъ 8 лѣтъ и Іосифомъ 10 лѣтъ отъ притѣсеній, имѣющихъ на будущее время послѣдовать отъ смотрителя и инспектора Лебедева и при прошеніи приложилъ инспекторскую росписку. Семинарское правленіе, по резолюціи преосвященнаго Владиміра, разсмотрѣвъ это прошеніе и росписку, сочло только нужнымъ замѣнить Лебедеву, что онъ, „давши росписку Колосову для какого-то успокоенія его на счетъ непритѣсенія дѣтей его, не имѣлъ ни обязанности, ни законнаго права, безъ униженія своего званія, давать оную, и что не подобными росписками, а дѣлами слѣдуетъ успокоивать отцовъ на счетъ непритѣсенія дѣтей ихъ.“

Пономарь Малаго Сундыря Николай Ивановъ 10-го декабря 1841 года отъ истязаній учительскихъ тайно увезъ къ себѣ въ домъ ученика чебоксарскихъ училищъ Ивана Высотскаго. Духовенство, особенно городское, поэтому же вынуждено было просить епархіальнаго архіерея объ увольненіи своихъ дѣтей изъ духовныхъ училищъ и вѣдомства для обученія въ Казанской гимназіи. Въ 1841 году, напримѣръ, діаконь Казанскаго кафедральнаго собора Иванъ Дмитріевъ въ дерзновенной просьбѣ своей о переводѣ десятилѣтняго сына своего Николая изъ казанскихъ училищъ въ гимназію, откровенно объяснилъ преосвящ. Владиміру, что онъ не хочетъ своихъ дѣтей обучать въ казанскихъ духовныхъ училищахъ, потому что въ нихъ наставники и инспекторъ, изъ наставниковъ, особенно Александръ Сперанскій, жестоко обращались съ дѣтьми, били ихъ безъ пощады и по головѣ и какъ попало. Преосвящ. Владиміръ спрашивалъ у семинарскаго правленія, нѣтъ-ли и подлинно тамъ подобныхъ жестокостей со стороны учителей. Ректоръ казанскаго училища протоіерей Семеновъ, по предписанію семинарскаго правленія, будто бы внимательно разслѣдовалъ отношенія инспектора и учителей къ своимъ ученикамъ, и донесъ, что 1) со стороны учителей ни въ какомъ

случаѣ не было употреблено жестокостей; 2) инспекторъ и учителя дѣйствительно наказывали дѣтей, но только умѣренно, сообразно ихъ возрасту; 3) дѣти никогда не жаловались ему на излишнюю строгость учителей. Ректоръ Семеновъ увѣрялъ далѣе, что, имѣя всегдашнее обращеніе съ дѣтьми, ему всегда было удобно знать о поступкахъ учителей съ ними. Бѣ невыгодному понятію о поступкахъ учителей съ учениками не знающимъ подлиннаго дѣла, по мнѣнію Семенова, могло служить то, что довольно нерѣдко наказывались дѣти способные, но лѣнивые, а равно и тѣ изъ нихъ, которые шалили, но это наказаніе нельзя было называть жестокимъ, по той причинѣ, что оно всегда было умѣренно. Послѣ преосвященный Владиміръ, разсердившись на діакона Дмитріева, приказалъ: „уволить изъ духовнаго знанія сына просителя, *какъ вовсе не-нужнаго намъ*“.

По жалобамъ родителей часто наряжались ревизіи и слѣдствія въ училища. Изъ ревизоровъ только двое — Бехтеревъ въ 1842 и Гусевъ въ 1850 году считали нужнымъ совсѣмъ оставить лозы въ училищахъ, какъ мѣру жестокую. По ихъ мнѣнію, благоразуміемъ, постоянствомъ, бдительнымъ присмотромъ можно было болѣе успѣть нежели наказаніями. Ревизоръ Бехтеревъ въ 1842 году въ отчетѣ писалъ: „инспекторъ Вишневскій и учителя Сперанскій и Разумовскій обращаются съ учениками совсѣмъ не такъ, какъ показано въ § 48, 10, уст. уѣзд. духов. училищъ. Лозами и другими крутыми мѣрами ученики до того напуганы, что сидѣли въ классѣ не какъ дѣти въ присутствіи своихъ отцовъ, съ открытымъ и спокойнымъ лицомъ, но какъ рабы, не смѣющіе возвести взоровъ своихъ и трепещущіе при каждомъ словѣ. Отъ того и на испытаніяхъ многіе ученики являлись въ такомъ смущенномъ состояніи, что страхъ видимо подавлялъ въ нихъ силу разумѣнія и ревизоръ долженъ былъ успокоивать ихъ, чтобы сколько-нибудь сдѣлать ихъ способными къ свободнымъ отвѣтамъ“. Несомнѣнно, что отъ суроваго обращенія учителей съ учениками происходило и то, что многіе изъ нихъ самовольно оставляли училища и убѣгали. Учитель А. Сперанскій до того былъ горячъ, что, давъ ученику какой-либо вопросъ, и, не имѣя терпѣнія дожидаться отъ него замедленнаго отвѣта, предлагалъ другой, третій и т. д., и такимъ образомъ забивалъ вниманіе ученика. Учитель Вишневскій на-

чиналъ урокъ просматриваніемъ классной нотаты и непосредственно за тѣмъ слѣдовавшимъ сѣченіемъ неисправныхъ учениковъ. У него было принято за правило каждому ученику, получившему въ нотатѣ отмѣтку *non male* (въ старину отмѣчались баллы не цифрами, а латинскими словами) давать 15 ударовъ розгами, получившему *non bene*—25, получившему *non totum* 75 или „сколько влезетъ“. Сперанскій же учитель въ мѣрахъ наказанія употреблялъ такой пріемъ: если мальчикъ не могъ сказать русскаго значенія какого-нибудь греческаго слова въ урокѣ, онъ заставлялъ его снимать съ ноги сапогъ, а лектору приказывалъ стегать по обнаженной ногѣ розгами. Изъ гуманныхъ учителей за это время были Некрасовъ и Степанъ Ив. Адоратскій.

Инспекторъ Чистопольскаго училища Дмитріевъ, убѣждаясь въ неудобствахъ ученической квартиры у сторожа Дмитревскаго, 9 января 1850 года приказывалъ 11-лѣтнему ученику этой квартиры Петру Охотину и его соквартирантамъ тотчасъ перейти на другую къ мѣщанкѣ Остолоповской. Охотинъ доложилъ инспектору, что онъ безъ воли отца своего перейти съ квартиры и сдѣлать расчетъ съ хозяйкой Дмитревской не можетъ. На другой день Дмитріевъ, призвавъ его къ себѣ, отдалъ тотъ же приказъ, грозилъ ему такъ: „если ты не сойдешь на другую квартиру, я очерню твое поведеніе“, и въ заключеніе оттащаль его за волосы, надавалъ пощечинъ. Соквартирантамъ Охотина П. Архангельскому и Михаилу Тихомирову по тому же случаю кричалъ: „вы, канальи, почему доселѣ не перешли на квартиру Остолоповской? Какъ вы, мерзавцы, смѣете не слушаться меня? Я васъ, сукиныхъ дѣтей, отдеру такъ, что вы не забудете во вѣки вѣковъ. Смотрите, нынѣ же сойдите на другую квартиру, а то еще не то будетъ“. Между тѣмъ 10-го января ректоръ училища Горскій, которому соквартирантъ Охотина ученикъ Н. Корельскій объяснилъ дѣло о перемѣнѣ квартиры, благоволилъ дать всѣмъ соквартирантамъ Охотина отсрочку въ перемѣнѣ квартиры до времени ихъ сношеній съ родителями. 11-го января Дмитріевъ снова призвалъ къ себѣ Охотина съ Архангельскимъ, Тихомировымъ и К. Языковымъ. Разсерженный и взбѣшенный онъ послѣ сильныхъ угрозъ и ругательствъ схватилъ Охотина за волосы и началъ его таскать порывисто, съ силою, низко наклоняя его голову вне-

редь и быстро отбрасывая ее назадъ, а также верти ее справа на лѣво и слѣва на право. Не довольствуясь продолжительной таской за волосы, онъ началъ щипать Охотина, вырывая у него клочки волосъ изъ головы и бросая ихъ на полъ, а въ заключеніе и правой и лѣвой рукой со всего размаху далъ ему по щекамъ шесть самыхъ крѣпкихъ оплеухъ. Отуманенный, обезсиленный, оглушенный побоями, Охотинъ самъ по себѣ не могъ идти на квартиру; въ глазахъ у него все помутилось, и онъ началъ шататься, и если бы товарищи его не поддерживали, то непременно упалъ бы на улицѣ. Приведенный на квартиру, Охотинъ раздѣтъ былъ хозяйкой и уложенъ въ постель. Испуганная хозяйка для напутствованія его и свидѣтельствванія послала за священникомъ и докторомъ. Черезъ нѣсколько времени его свидѣтельствовала уѣздный лѣкарь Лендентренъ, замѣтилъ въ немъ пораженіе головы и легкихъ, и нашелъ необходимымъ отправить его въ деревню для выздоровленія, для чего выдалъ и свидѣтельство. 17 января отецъ Охотина увезъ его домой, а самъ между тѣмъ послалъ въ семинарское правленіе жалобу о шуткахъ съ его 12-ти-лѣтнимъ сыномъ. Наряжено было слѣдствіе. При отобраніи показаній по дѣлу объ истязаніяхъ въ 1850 году ученика Охотина Дмитріевымъ присутствовали слѣдователь профессоръ казанской духовной академіи Д. Гусевъ, депутатъ священникъ Петръ Зефировъ и помощникъ городничаго Старцовъ. Допросъ дѣлался непременно въ цѣломъ составѣ слѣдственной комисіи; къ актамъ подписывались, кромѣ членовъ комисіи, свидѣтели и потерпѣвшіе ученики. Послѣдніе къ письменному показанію должны были прибавлять: „все это показалъ я по сущей правдѣ, по совѣсти, какъ бы предъ Богомъ“, и къ показанію никто меня не принуждалъ и не подучалъ. Къ сему показанію руку приложилъ Р“. Ученики—самъ Охотинъ, М. Тихомировъ, П. Архангельскій и К. Языковъ, кромѣ вышеизложеннаго, при спросѣ показали, что а) сторожъ Дмитревскій очень рѣдко бывалъ дома, а дневалъ и ночевалъ въ духовномъ правленіи; домой изрѣдка приходилъ только для того, чтобы нарубить дровъ; пьянымъ Дмитревскаго они видѣли только одинъ разъ въ день его именинъ, въ Николинъ день; б) жена его, трезвая женщина и разсудительная, заботилась объ ученикахъ, содержала хорошо, въ квартирѣ наблюдала чистоту и опрятность, учени-

ковъ малютокъ сама мыла въ банѣ, усердно ходила за больными учениками, и потому квартирой у Дмитревскаго они очень довольны. Въ обращеніи съ учениками Дмитріевъ, по отчету слѣдователя Гусева, не только какъ инспекторъ, но и какъ учитель былъ весьма жестокъ. Между учениками нашлось весьма немного такихъ, которыхъ бы онъ не съѣлъ жестокимъ образомъ, до крови, или не таскалъ за волосы безъ пощады, употребляя варварскую уловку, забирая за волосы то съ висковъ, то съ затылка, нерѣдко за слабое знаніе урока или въ силу какой либо прихоти опредѣлялъ ученику по три вдругъ наказанія, и даже по четыре: ставилъ его на колѣни въ классѣ до обѣда, потомъ послѣ обѣда, таскалъ за волосы и оставлялъ безъ обѣда. Духъ свой въ этомъ отношеніи Дмитріевъ выразилъ въ томъ своемъ показаніи, гдѣ онъ воспрещеніе наказывать, или, ближе къ истинѣ, драть учениковъ лозами называетъ неслыханнымъ и вреднымъ. По его убѣжденію „лоза должна учить учениковъ, а не учитель, потому-то онъ и ввѣрялъ ей исполненіе своихъ собственныхъ обязанностей“. Инспекторъ Дмитріевъ, дабы ослабить вліяніе ректора Горскаго на учениковъ, съ одной стороны разглашалъ по училищу, что его, протоіерея, скоро отрѣшатъ отъ должности, а съ другой былъ жестокъ съ учениками, съѣлъ нѣкоторыхъ учениковъ безпощадно, по дважды въ день за уроки, а иныхъ таскалъ за волосы. На убѣжденія же Горскаго, чтобы избѣгалъ жестокостей, отвѣчалъ на-единѣ дерзостью: „знать тебя не хочу“. Въ примѣръ жестокости Дмитріева съ учениками, Горскій указалъ на учениковъ Стефана Кафарова, который въ одинъ и тотъ же день высѣченъ розгами въ классѣ, дважды сильно оттасканъ за волосы, поставленъ на колѣни и оставленъ безъ обѣда; на Михаила Орлова, у котораго вырванъ изъ головы клокъ волосъ; на Владимира Полиновскаго, которому 20 февраля приказалъ Дмитріевъ выстричь затылокъ въ классѣ, чтобы разрушить его прическу а-ля мущикъ; на Павла Муромцева, которому 22 февраля онъ же бросилъ табакъ въ глаза, и котораго съѣлъ по дважды въ день; на Алексѣя и Константина Соколовыхъ, Евграфа Соколова и мн. друг. Оказалось, что Дмитріевъ, къ ослабленію власти ректора, своего начальника, распускалъ между учениками молву чрезъ ученика Добронравова,

что протоіерей Горскій скоро будетъ удаленъ отъ ректорства, что подтвердили учитель Екатеринбургскій (слѣдств. дѣла листъ 426) и ученики Евангель Флеринскій, Петръ Кандалицевъ, Петръ Измайловъ, Григорій Малиновскій, Павелъ Фанагорскій, Стефанъ Кольвицкій, Егоръ Шмелевъ (листы 42—51). Жестокое обращеніе Дмитріева съ ученигами подтвердили ученики: Иванъ Троицкій, 13 лѣтъ, который былъ сильно отгасканъ за волосы въ классѣ за то, что оглянулся на товарища, Алексій Вѣлицкій, 14 лѣтъ, который былъ высѣченъ лозами до крови за невставку, нечаянно имъ разбитаго, стекла (листъ 319); Яковъ Миропольскій, который былъ сильно отгасканъ за волосы въ классѣ и поставленъ на четыре часа на колѣни за переходъ на квартиру нелюбимую Дмитріевымъ (листъ 328); Александръ Мальховъ, 15 лѣтъ, который былъ въ одинъ день высѣченъ предъ классомъ за неснятіе фуражки на рынкѣ, гдѣ онъ не замѣтилъ Дмитріева въ толпѣ, а послѣ класса за неправильный будто-бы переходъ на квартиру, при чемъ дано ему 50 ударовъ (л. 334); Порфирій Викторовъ, который дважды высѣченъ въ воскресенье предъ обѣдней, и получилъ въ первый разъ 40, а во второй 20 ударовъ самыхъ сильныхъ, до крови (л. 334); Петръ Саховскій, 14 лѣтъ, который сѣченъ былъ многократно по разнымъ случаямъ, иногда и до крови; Иванъ Флеринскій, 13 лѣтъ, которому дано было однажды 30 ударовъ; Григорій Малиновскій, 16 лѣтъ, который, по приказанію Дмитріева, часто сѣкъ товарищей лозами и въ тоже время самъ былъ или дранъ за волосы или битъ въ спину, ежели Дмитріеву казалось, что онъ сѣкъ не крѣпко, а 5 декабря 1849 года былъ крѣпко дранъ за волосы, за виски, за то, что ходилъ вечеромъ къ священнику Деэдеріеву по приказанію ректора, а Дмитріеву не сказавъ предварительно (л. 335, 336 и 361); Михаилъ Елпидинъ, 15 лѣтъ, который былъ высѣченъ въ октябрѣ 1849 года предъ литургіей за то, что пришелъ въ церковь въ холодномъ платьѣ, не имѣвъ теплаго; Петръ Соколовъ, 14 лѣтъ, который получилъ 40 ударовъ за незаписаніе шумѣвшихъ, которыхъ онъ не замѣтилъ; Дмитрій Агатицкій, 15 лѣтъ, который получилъ 33 крѣпкіе удара за выходъ изъ класса на время; Михаилъ Виноградовъ, 15 лѣтъ, который многократно получалъ по 20

и 35 ударовъ, и дважды предъ обѣдней; Александръ Серафимовъ, 14 лѣтъ, высѣченный однажды предъ обѣдней 17 ударами; Михаилъ Кармальскій, 15 лѣтъ, который сѣченъ былъ разъ пять и однажды за то, что будто слабо съѣлъ ученика Алявина (л. 337—339); преимущественно же ученики Иванъ Солнцевъ, 20 лѣтъ, Алексѣй Богословскій, 18 лѣтъ, Григорій Рудинскій, 16 лѣтъ, Павелъ Фанаторскій, 16 лѣтъ, Петръ Кандалинцевъ, 19 лѣтъ, Стефанъ Соколовъ, 18 лѣтъ, Василій Кармальскій, Евграфъ Дроздовъ, Алексѣй Горскій, Петръ Гремячкнй, Александръ Аполлинарiевъ, Иванъ Матвѣевскій, 18 лѣтъ, Стефанъ Кольвицкій, Григорій Гаievъ, 16 лѣтъ, Ѳеодоръ Флеринскій, Петръ Измайловъ, 15 лѣтъ, Алексѣй Соколовъ, Стефанъ Кафаровъ, Павелъ Муромцевъ, 17 лѣтъ, Иванъ Фіалковскій, Григорій Зайцевъ, 19 лѣтъ, которые все засвидѣтельствовали, что Дмитріевъ многихъ сѣкъ лозами до крови, нѣкоторыхъ по два и по три раза въ день, нѣкоторыхъ предъ обѣдней въ праздничные дни; при чемъ и самыхъ сѣкуторовъ трепалъ за волосы, если казались сѣкущими не изъ всехъ силъ, весьма многихъ дралъ за волоса, вѣщпаясь въ оныя обѣими руками, и таскалъ изо всей силы, такъ что нѣкоторые чуть не падали, что и съ ними самими бывало, кромѣ немногихъ (л. 340—360). Кромѣ сего ученикъ Михаилъ Орловъ, 14 лѣтъ, во время производства слѣдствія 21 іюля 1850 года былъ избитъ Дмитріевымъ такимъ образомъ: Орловъ, вышедши изъ класса по нуждѣ, шелъ въ сѣняхъ и встрѣтился съ Дмитріевымъ, который, подзывая его къ себѣ, сказалъ: „ты что, сукинъ сынъ, не кланяешься?“, и схвативъ за волосы, таскалъ долго и сильно, отъ чего Орловъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ и не могъ сидѣть въ классѣ. Событіе это подтвердили ученики Григорій Малиновскій и Павелъ Пiацинговъ, какъ очевидцы, и по свидѣтельству слѣдователя голова Орлова была горяча.

Равнымъ образомъ въ жестокомъ обращеніи обвинялись и другіе учителя, сообщники Дмитріева: Григорій Цвѣтковъ, Тумановскій, Токаревъ, Князевъ. Ученики показали, что Цвѣтковъ многихъ наказывалъ жестоко и лозами и своими руками, но вообще нѣсколько мягче Дмитріева, только продолжалъ это и послѣ пасхи 1850 года, т. е. послѣ запрещенія сѣчь лозами (л. 348, 349, 352—360). Заставляя

сознаться въ одномъ проступкѣ ученика Михаила Орлова, Цвѣтцовъ болѣе двухъ часовъ билъ его въ своей квартирѣ. Тумановскій былъ крайне жестокъ: всѣхъ почти учениковъ то лозами сѣкъ безчеловѣчно, то за волосы таскалъ немилосердно, то за уши дралъ свирѣпо, часто скривля притомъ зубами и ругая учениковъ чертами и дьяволенками. Его обличили въ крайней жестокости ученики Алексѣй Рождественскій, Михайль Елицидинъ и Яковъ Мирнопольскій, который дополнилъ, что Петру Соколову и Петру Садовскому на второй недѣлѣ великаго поста въ понедѣльникъ дано было ударовъ по 70, Петръ Меньшиковъ, который дополнилъ, что 20 марта Петръ Соколовъ былъ выѣченъ трижды, а Фанагорскому дано три такихъ пощечинъ, что щека у него была распухшею два дня. Рождественскаго же Алексѣя въ сентябрѣ 1848 года Тумановскій, однажды оставивъ безъ обѣда, въ послѣполуденныя часы выѣкъ крайне жестоко, при чемъ далъ ему 210 ударовъ, что подтвердили Михайль Фанагорскій и Алексѣй Орловъ, который и сѣкъ Рождественскаго вмѣстѣ съ Парійскимъ, Порфирій Васильевъ, Глѣбъ Ляпидовскій, Михайль Золотовъ, Африканъ Поликарповъ и Григорій Малиновскій; къ этому Иванъ Алявдинъ присовокупилъ, что Тумановскій во время уже июльскихъ испытаній на репетиціяхъ порядочно выѣкъ Александра Авдѣва, Садока Лебедева и Петра Соколова, а Александра Мальхова сѣкъ нерѣдко, иногда до крови и дралъ за волосы весьма часто, въ великій же постъ разъ такъ сильно рвануль за уши, что разорвалъ нижнюю часть праваго уха, отчего ухо болѣло около мѣсяца; Порфирій Викторовъ дополнилъ, что Тумановскій вырвалъ однажды у Елицидина клокъ волосъ изъ виска и что на томъ мѣстѣ была долго плѣшина и что у него самого, Викторова, Тумановскій крѣпко сѣкъ лозами и часто тербилъ за волосы, забирая ихъ то съ висковъ, то съ затылка, иногда же считалъ и вырывалъ клочки волосъ; подобное показали Петръ Садовскій, Иванъ Флеринскій, Дмитрій Агатицкій, Михайль Виноградовъ, Александръ Серафимовъ и Михайль Кармальскій (л. 327—340). Токаревъ въ обращеніи съ учениками-малютками былъ черезъ чуръ жестокъ. Немного, и очень немного осталось у него такихъ учениковъ, которыхъ бы донѣ или не сѣкъ лозами до крови, иногда за

непринесеніе лозъ, или не теребилъ, или не таскалъ за волосы, съ ударами притомъ по головѣ ладонью или кулакомъ. Его обличали въ жестокости ученики: Александръ Флеринскій, 10 лѣтъ, Левъ Агатицкій, Лука Померанцевъ, 10 лѣтъ, Петръ Любимовъ, Григорій Тихомировъ, Григорій Тихомировъ, Константинъ Мудровъ, Вонифатій Гиляровскій, 11 лѣтъ, Иванъ Преображенскій, Павелъ Алексѣевскій, Пименъ Благодаровъ, Павелъ Орловъ, Николай Лаишевскій, 12 лѣтъ.

Учитель чтенія и пѣнія Князевъ нѣкоторыхъ малютокъ сбѣкъ лозами по два и по три раза въ день, часто до крови, давая по пяти, десяти, пятнадцати, тридцати и даже пятидесяти ударовъ, и сверхъ сего, когда ученики отзывались неимѣніемъ лозъ, то Князевъ кричалъ обыкновенно: „хоть у хозяевъ крадите лозы, да несите“. Его обличили въ жестокости ученики: Михаилъ Боголюбовъ, Левъ Колосовскій, 10 лѣтъ, Константинъ Евлампіевъ, Ѳеодоръ Челнокъ, Константинъ Соловьевъ, 11 лѣтъ, Иванъ Поликарповъ, Андрей Сперанскій, 12 лѣтъ, Евгений Атеносовъ, 13 лѣтъ, Матвѣй Покровский, 15 лѣтъ.

Правленіе Казанской Академіи, разсмотрѣвъ отчетъ ревизора Гусева, уволило отъ духовно-учительской службы Дмитріева, Тумановскаго, Князева, Токарева. Преосвященный Григорій, согласившись въ 1850 году на увольненіе пяти учителей и по ихъ преподавательской неспособности, написалъ: „нахожу неприличнымъ оставить безъ особаго разсмотрѣнія слабого надзора за тѣми училищами начальника ихъ Горскаго, ибо жестокое обращеніе учителей съ учениками, какъ видно изъ ихъ показаній (слѣдств. дѣло л. 316—369) и отвѣтовъ самого ректора (л. 616), было введено издавна: еще въ 1848 году ученики Козельскій и Малиновскій учителямъ Ходяшевымъ были наказаны жестоко, но ректоръ училищъ, какъ видно изъ его отвѣтовъ (л. 626), только съ сентября 1849 года началъ заботиться о прекращеніи жестокости учителей и дѣлать имъ приличныя внушенія; начальству же о жестокости донесено ректоромъ уже въ 1850 году. Къ соблазну и вреду учениковъ нѣкоторые учителя ходили въ классъ и на квартиры учениковъ нетрезвыми, но ректоръ, какъ видно изъ его отвѣтовъ (л. 639), ограничился только внушеніемъ и подтвержденіемъ имъ вести себя осмотрительнѣе и осторожнѣе, начальству же не донесъ“.

Учитель Екатерининскій не былъ уволенъ, а между тѣмъ это былъ жестокой деспотъ: обыкновенной поркой розгами, какъ явленіемъ обыденнымъ и въ то время считавшимся естественнымъ, онъ не довольствовался, а билъ учениковъ всемъ: палкой, линейкой, старинной псалтырью, переплетенной въ дубовыя доски. Нѣкоторыхъ мальчиковъ ударами своей мощной руки повергалъ на землю и въ этомъ положеніи топталъ ихъ коблукми своихъ сапогъ. Обыкновенную форму наказыванія „на колѣна“ онъ разнообразилъ тѣмъ еще, что ставилъ мальчиковъ не прямо на полъ, а подсыпалъ имъ горохъ или гречиху подъ колѣна, чтобы усилить ощущеніе боли. Онъ же совокупно съ своими товарищами-сослуживцами, вѣроятно въ припадкахъ великодушія, практиковалъ сравнительно гуманную мѣру—позорные колпаки. Въ школьныхъ преданіяхъ Екатерининскій заслужилъ прозваніе Ирода. Умеръ въ 1862 г. Его современникъ и сподвижникъ учитель Валеріанъ Яблонскій былъ еще хуже. Но его просвѣтительная дѣятельность была настолько энергична, что обратила на себя милостивое вниманіе начальства, которое, не надо забывать, въ ту пору было чрезвычайно глухо и равнодушно ко всякаго рода школьному варварству. По его настоянію Яблонскій перешелъ въ свѣжее училище. Мѣсто Яблонскаго заступилъ во 2-й половинѣ 50-хъ годовъ священникъ Тих. Рождественскій. Обыкновенной манерой его было, при посѣщеніи ученическихъ квартиръ, прежде чѣмъ войти въ комнату, подслушать гдѣ нибудь подъ окномъ или за дверью, что дѣлаютъ ученики—занимаются дѣломъ или шалить. Впрочемъ, онъ мало посѣщалъ квартиры, а предоставлялъ это занятіе старшимъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые были его любимцами и шпионами, а шпионство онъ любилъ очень сильно. Любилъ онъ чрезвычайно людей богомольныхъ, благочестивыхъ и низкопоклонниковъ. Если онъ замѣчалъ, что какой-нибудь мальчикъ прошел мимо церкви, не снявъ шапки и не перекрестившись, то обыкновенно съѣлъ. Точно также почиталось великимъ грѣхомъ и беззаконіемъ проходить въ шапкѣ и мимо его квартиры. Въ тѣ годы было принято, чтобы ученики, проходя мимо квартиръ своихъ начальниковъ и наставниковъ, непременно снимали шапки, хотя, быть можетъ, этого начальни-

ка или наставника и дома-то вовсе не было. Этотъ обычай вѣроятно былъ взятъ съ солдатской дисциплины.

Инспектора Рождественскаго нельзя относить къ числу беспорядочныхъ живодеровъ. Правда, онъ сѣкъ, но сѣкъ только за шалости: за незнаніе урока (будучи инспекторомъ, онъ въ тоже время былъ и преподавателемъ русскаго языка, церковнаго устава и нотнаго пѣнія) почти не взыскивалъ; самое большее наказаніе, которое могъ понести отъ него ученикъ за незнаніе урока, — это было „безъ обѣда“, а то просто провинившійся стоялъ цѣлый классъ на ногахъ и только. Что же касается шалостей и какихъ бы то ни было отступленій отъ дисциплинарныхъ правилъ, то тутъ ужъ ни розги, ни человѣческая шкура рѣшительно нисколько не жалѣлись. Въ 1861 году онъ поздравилъ человѣкъ пять-шесть съ новымъ наступившимъ годомъ. Дѣло было 9-го января, тотчасъ послѣ святокъ, предъ послѣ-обѣденнымъ урокомъ. Въ этотъ разъ преподаватель латинскаго языка, урокъ котораго предстоялъ, выдалъ новую нотату на слѣдующую январскую треть. Старшій воспитанникъ или цензоръ прочелъ ее торжественно во всеуслышаніе, и, по принятому обыкновенію, разсадилъ учениковъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они одинъ за другимъ были записаны въ новой нотатѣ. Въ среднемъ классѣ предстоялъ тогда урокъ латинскаго языка, а въ высшемъ отдѣленіи слѣдовалъ урокъ русскаго; ходъ въ высшее отдѣленіе былъ устроенъ чрезъ средній классъ, и Рождественскій, чтобы попасть въ высшій классъ, долженъ былъ побывать и въ среднемъ. Звонокъ пробилъ. Сѣли по мѣстамъ. Смирно: муха пролетить — слышно. Однако нѣкоторымъ шалунамъ не сидѣлось на своемъ мѣстѣ, а непременно нужно было выдти на середину класса и тутъ драться. Цензоръ записалъ ихъ фамиліи, не предполагая, что изъ этого можетъ выйти чтонибудь серьезное. Вдругъ въ двери показалась комилавка о. инспектора. Разумѣется шалуновъ какъ не бывало. — Кто шумѣлъ? — былъ вопросъ. Въ отвѣтъ — краснорѣчивое молчаніе. Цензоръ! Записку! Цензоръ, чуть дыша, подалъ. — Лозъ! — принесли. — Василій В—скій! — Несчастный вышелъ и получилъ должное, а за нимъ и другіе. Если инспекторъ Рождественскій заставлялъ безпорядки въ квартирахъ, то вмѣсто ро-

зогъ, употребленіе которыхъ тамъ было и не удобно, и не возможно, любимымъ его удовольствіемъ было зашарать мальчиковъ по щекамъ и бить книгами по головѣ. Однажды одного мальчика онъ такъ ловко ударилъ по головѣ псалтырю, что одна изъ досокъ, въ которыхъ книга была переплетена, расколоса на нѣсколько частей.

Послѣднимъ изъ инспекторовъ въ Чистопольскомъ училищѣ былъ Николай Никольскій, поступившій на мѣсто Рождественскаго и прозванный „звѣздой“ и дѣйствительно бывшій своего рода звѣздой первой величины. Это была прямая, высокая и сухая фигура съ желчнымъ темпераментомъ. Его сѣрые, неподвижные, ничего не выражавшіе глаза, порывистость въ движеніяхъ и грозное очертаніе фізіономіи моментально производили въ ученикахъ леденящій, паническій страхъ. Достаточно было, чтобы гдѣ-нибудь показался только одинъ козырекъ его картуза для того, чтобы все пришло въ состояніе оцѣпенѣнія. Это была трудно объяснимая личность — типъ, олицетвореніе неумолимой, какой-то фатальной строгости. Въ этомъ характерѣ, повидимому, не было ни малѣйшихъ признаковъ того, что обыкновенно называютъ человѣческимъ чувствомъ. Въ умственномъ отношеніи это былъ какой-то ненасытный эпикуреецъ: онъ вѣчно читалъ книги и страсть къ нимъ обратилась у него въ какую-то болѣзнь многочтенія; напримѣръ онъ даже во время обѣда не могъ сидѣть безъ какой-нибудь книги или газеты.

Если Никольскій не дралъ учениковъ за дисциплинарныя проступки, а ограничивался на этотъ разъ другими наказаніями въ родѣ *«на колѣна, безъ обѣда»* и проч. и если все таки онъ всеялъ въ учениковъ неописуемый ужасъ, какъ инспекторъ, то это, безъ сомнѣнія, происходило отъ того, что онъ, въ противоположность Рождественскому, былъ неукротимъ какъ учитель (онъ преподавалъ латинскій языкъ и ватихизисъ). Какъ инспекторъ онъ былъ совсѣмъ другое, чѣмъ учитель. Въ классѣ онъ сыпалъ и на право, и на лѣво, и щелчки, и пинки, и „тербочки“ и „на колѣна“, и безъ обѣда, и особенно розги. Какъ инспекторъ, онъ только сурово требовалъ неукоснительнаго исполненія инструкціи, и ученики, привыкнувъ трепетать передъ нимъ, какъ предъ учителемъ, въ тоже время инстинктивно трепетали предъ нимъ какъ и предъ инспекторомъ. Многіе изъ учениковъ и сейчасъ

вспоминаютъ о немъ, какъ о какомъ-то Емельянѣ Пугачевѣ. Никольскій любилъ латынь до-смерти; онъ былъ влюбленъ въ нее и изученіе ея почиталъ на столько важнымъ и необходимымъ, что какъ будто бы безъ латыни и міръ не могъ существовать. Единственный путь ко спасенію — латынь; все остальное въ училищной программѣ для Никольскаго не существовало. Его квартира была запружена всевозможными латинскими книгами; какъ онъ ихъ и любилъ, и берегъ видно изъ слѣдующаго факта: однажды, не очень далеко отъ зданія училища, вспыхнулъ пожаръ. Ученики съ ближайшихъ квартиръ сбѣжались помочь Никольскому, жившему въ училищѣ, спасти его имущество, но онъ имъ только сказалъ: „не щадите ничего и бросьте все, кромѣ латинскихъ книгъ“. Классъ по-латыни велся такъ: Никольскій называлъ фамилію какого либо ученика, — тотъ вставалъ и отвѣчалъ урокъ. Рѣдко случалось, чтобы мальчикъ безъ ошибки прочитывалъ весь урокъ отъ начала до конца; по большей же части черезъ нѣсколько строкъ дѣлалъ ошибку. Никольскій въ этомъ случаѣ не указывалъ ошибки и не старался какими либо намеками навести мальчика на правильный отвѣтъ, а отрывисто говорилъ: „не такъ!.. на колѣна!.. безъ обѣда! Слѣдующій!...“ Слѣдующій также ошибался, если не въ томъ же, то въ другомъ; опять слѣдовало тоже самое: „не такъ!.. на колѣна, безъ обѣда!... Слѣдующій!...“ Но и этотъ слѣдующій ошибался, и опять слѣдовало: „не такъ, слѣдующій!“ И чѣмъ далѣе слѣдовали и болѣе ошибались эти слѣдующіе, тѣмъ Никольскій становился все свирѣпѣе и свирѣпѣе; физіономія его болѣе и болѣе искажалась отъ гнѣва; отрывочная фраза: „на колѣна, безъ обѣда!“ разнообразилась въ такой формѣ: „на колѣна, безъ обѣда, и завтра безъ обѣда!... (черезъ нѣсколько секундъ) и послѣ завтра безъ обѣда!... (еще нѣсколько секундъ) на недѣлю безъ обѣда!...“ Эта комедія продолжалась до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ слѣдующихъ, быть можетъ, совершенно случайно и безсознательно не отвѣчалъ урока правильно. Вслѣдствіе того, что Никольскій не указывалъ ученикамъ, въ чемъ именно состояла ошибка, случалось нерѣдко, что мальчики всего класса повторяли эту ошибку, и слѣдовательно всѣ стояли на колѣняхъ и должны были всѣ оставаться безъ обѣда. Никольскій ино-

гда и прямо говорилъ: „всѣ на колѣна и безъ обѣда, кромѣ *такихъ-то* (двоихъ-троихъ)“. Но оставлять безъ обѣда и ставить на колѣна для Никольскаго было еще не особенно интереснымъ развлеченіемъ. Онъ имѣлъ привычку каждаго мальчика въ одинъ и тотъ же урокъ спрашивать по нѣскольку разъ. И вотъ когда наступалъ моментъ вторичнаго спрашиванья и когда и на этотъ разъ мальчики ошибались, тогда раздавалось всѣхъ приводившее въ трепеть слово: „лозь!“ Ужь и дралъ же онъ, какъ говорится, не на животь, а на смерть, разрисовывалъ тѣло по всѣмъ направленіямъ и вдоль и поперекъ. Должность ликторовъ въ этомъ случаѣ отправляли нѣкоторые изъ учениковъ же, специально занимавшихся этимъ дѣломъ; но они иногда, по чувству состраданія, или просто подкупленные взяткой, фальшивили и стегали розгами или въ пустомъ пространствѣ, или по одеждѣ, если Никольскій въ это время прохаживался по классу и къ мѣсту наказанія оборачивался спиной. Если онъ однако подозрѣвалъ подобную фальшь, то призывалъ сторожа и тутъ ужъ отъ сторожа пощады не было ни тому ни другому, ни ликтору, ни тому кого онъ съкъ. Что же касается тѣхъ криковъ, которые вылетали при этомъ изъ училищныхъ оконъ, то это — обыкновенное дѣло; въ пустомъ переулкѣ, гдѣ было училище, никто ихъ не услышалъ бы, — дери сколько хочешь. Никольскій очень хорошо помнилъ слова: *блаженъ, иже иметъ и разбьетъ младенцы о камень*, и потому буквально избивалъ младенцевъ *о камень*. Это дѣлалось вотъ какимъ образомъ: когда ему надоѣдало и драть и оставлять безъ обѣда, онъ принимался задавать потасовки. Особенно обильное количество потасовокъ досталось на долю мальчика А. Казанцева, очень плохо успѣвавшаго въ латыни, а мѣсто онъ занималъ около стѣны; Никольскій, испробовавъ на немъ всѣ средства своей педагогii, и розги, и многое другое, въ пылу своей педагогической ревности, принимался таскать его за волосы и, мотая его изъ стороны въ сторону, ударялъ о каменную стѣну. Жестокость этихъ побоевъ дѣйствительно была невыносима и Казанцевъ пожаловался на Никольскаго смотрителю Царевскому, но жалоба осталась безъ послѣдствій. Чтобы избѣжать потасовокъ, нѣкоторые мальчики стриглись на-голо, подъ гребенку; но это, кажется, ухудшало дѣло и только еще болѣе злило

щеній въ преподаваніи, задавалъ по катихизису уроки на святки и пасху. Это, разумѣется, вовсе не правилось ученикамъ и многіе съ каникулъ возвращались нисколько неготовыми къ отвѣту. Такихъ либераловъ онъ обыкновенно оставлялъ безъ обѣда и заставлялъ ежедневно въ продолженіи обѣденнаго времени стоять на колѣняхъ до тѣхъ поръ, пока они не выучивали заданное. Къ особенностямъ же пужно также отнести и то, что истины христіанскаго вѣроученія онъ нерѣдко въ припадкахъ изступленія перемѣшивалъ со всевозможными ругательствами, обращенными къ ученикамъ, въ родѣ слѣдующихъ: „чортова родня“; „адово исчадіе“; „сатанинское отродіе“ и проч.; иногда онъ также былъ не прочь и нарядировать тексты св. писанія. Такъ, напримѣръ, въ моментъ сильнѣйшаго раздраженія, онъ иногда въ трагической позѣ останавливался среди класса и, устремивъ на учениковъ невыразимо дикій взглядъ, нечеловѣческимъ голосомъ говорилъ: „*вы отца вашего діавола есте*“, схватывалъ картузь и убугалъ вонъ изъ класса.

Учениковъ за важныя проступки исключали десятками, назначали въ служители и отдавали въ военную службу. На проступки ученика смотрѣли не какъ на проступокъ мальчика или юноши, а судили его какъ взрослого, даже какъ гражданина. Подсудныхъ малолѣтнихъ школьниковъ передавали въ гражданскій судъ, водили по гражданскимъ управленіямъ, въ совѣтннй судъ, въ казенную палату, исключали изъ духовно-училищнаго вѣдомства, заключали въ острогъ или въ монастырь. Десятилѣтній ученикъ Казанскаго приходскаго училища Яковъ Архангельскій въ 1825 году, за кражу на толкучкѣ у торговца Маслова кули мѣховыхъ лоскутьевъ, содержался двѣ недѣли на хлѣбѣ и водѣ съ оглашеніемъ его порока между товарищами. Десятилѣтній ученикъ Чебоксарскаго училища Василій Зеницынъ, по подозрѣнію въ поджогѣ будки въ Чебоксарахъ, въ 1858 году, былъ посаженъ въ тюремный замокъ и исключенъ изъ училища. Ученикъ Чистопольскаго училища Василій Авонскій въ 1847 году заподозрѣнъ былъ по дѣлу въ насильственной смерти мѣщанскаго сына Токарева. По рѣшенію совѣтнаго суда онъ былъ признанъ совершенно невиннымъ въ этомъ дѣлѣ, но училищное начальство, дабы безошибочнѣе судить, можетъ ли быть онъ терпимъ въ училищномъ духовномъ званіи, przeprowadило его безсрочно въ Казанскую Седмозерную пустынь подъ надзоръ

игумена Варсонофія съ предписаніемъ употребить его въ клиросныя и другія послушанія, и каждамѣсячно доносить консисторіи о его поведеніи. Свіязскаго училища одиннадцатилѣтній ученикъ Ефимъ Царевскій, проживавшій въ Свіязскомъ Богородицкомъ монастырѣ, днемъ 2 октября 1845 года, въ шалости зажегъ спичкой часть сѣна на сѣнномъ каретникѣ, принадлежавшемъ тому монастырю. Загорѣвшееся сѣно тотчасъ было потушено монастырскимъ служительскимъ мальчикомъ. Въ тотъ же день Царевскій на допросѣ откровенно, въ слезахъ, сознался предъ своимъ начальствомъ, что поджегъ сѣнницу для того, чтобы его исключили изъ училища или перевели въ Казань, гдѣ онъ могъ ходить къ дѣдушкѣ въ Зилантовъ монастырь. Впредь до рѣшенія дѣла этого гражданскимъ судомъ, преступникъ заключенъ былъ въ Казанскій тюремный замокъ. Губернское правленіе, признавши Царевскаго виновнымъ въ умышленномъ поджогѣ нежилаго строенія, положило заключить его въ монастырь на пять лѣтъ. Черезъ годъ, когда Сенатъ утвердилъ это рѣшеніе, Царевскій съ нарочнымъ при указѣ отправленъ былъ изъ острога въ Раифекую пустынь. Объ отпускѣ кормовыхъ денегъ на пятилѣтнее содержаніе его въ монастырь консисторія, на основаніи примѣчанія къ 42 ст. 14 т. Свода Зак. изд. 1842 года, сообщила въ казенную палату.

Отъ истязаній и побоевъ ученики часто убѣгали изъ училищъ. Симбирскаго уѣзда, села Опалихи, священникъ Василій Платоновъ, представивъ въ 1821 году послѣ вакаціи въ приходское Симбирское училище своего сына Евсигнія Покровскаго, по обыкновенію зашелъ въ домъ учителя 2-го приходскаго класса Акрамовскаго и положилъ ему на столъ 1 рубль мѣдныхъ денегъ. Учитель, отдавая назадъ эти деньги о. Василю, сказалъ: „мѣдь дешева; мнѣ послѣдній церковникъ даетъ цѣлковый, а ты священникъ. Стараться для сына твоего не изъ чего: ты скупъ. Тебя воры били, да не убили, и за твою скудость этого мало“. А когда сынъ о. Василя Евсигній Покровскій явился въ училище, Акрамовскій дѣлалъ ему въ классѣ такія угрозы: „скажи сукину сыну своему отцу, что далъ мѣдный рубль и тотъ назадъ взялъ. Видно онъ не хочетъ имѣть сына у себя. Я ему буду другъ!...“ Долго учитель помнилъ мѣдь о. Василя, и сына его жестокими плягами то за неисправ-

ность на письмѣ, то за непринесеніе чернильницы въ училище до того довелъ, что онъ въ декабрѣ 1821 года опасно заболѣлъ и увезенъ къ отцу въ деревню для поправленія здоровья.

Инспекторъ Симбирскихъ училищъ Ѡ. Бряндинскій въ 1834 году по всѣмъ классамъ водилъ ученика Дмитриева за побѣгъ, опутавъ его веревками и приказывая давать ему по три розги въ каждомъ классѣ.

Изъ Казанскихъ училищъ за побѣгъ исключены были безъ свидѣтельства ученики: въ 1824 году Иванъ Помарскій, въ 1828 Ѡедоръ Тихвинскій. Ревизовавшій въ 1827 году Чебоксарскія училища архимандритъ Евлампій замѣтилъ, что ученики этихъ училищъ отличаются нѣкоторой вольностію, что, на примѣръ, ученики высшаго отдѣленія Александръ Бѣляевъ, Алексѣй Петропавловскій и Иларіонъ Петропавловскій отмѣчены были въ спискѣ: „неизвѣстно, гдѣ находятся“. Крестьянинъ Свіяжскаго уѣзда села Бурнашева 30 января 1836 года, возвращаясь изъ города Казани въ свой домъ, на дорогѣ около деревни Моревашъ, нашелъ десятилѣтняго мальчика, изнемогавшаго отъ холода и голода. Мальчикъ попросилъ посадить его хоть на версту. Крестьянинъ, узнавши, что изнемогавшій мальчикъ духовнаго званія, посадилъ его въ сани, именно въ солому, довезъ до Свіяжска и здѣсь сдалъ смотрителю Свіяжскаго училища, протоіерею Свѣтовидову. На допросѣ смотрителя мальчикъ отвѣчалъ: 1) что онъ Цивильскаго уѣзда, села Ачакасъ, діакона Никифора АѠанасьева Аристовулова сынъ, Владиміръ Аристовуловъ, обучается въ Казанскомъ приходскомъ училищѣ; 2) что, будто бы не стерпя обидъ отъ другихъ учениковъ, квартирующихъ съ нимъ вмѣстѣ, 30 января, собравшись по утру въ классъ, вознамѣрился уйти въ домъ отца своего. При немъ Аристовуловъ были: клѣтчатая холстинковая рубашка, холстовыя худыя портки, на шеѣ клѣтчатый бумажный платокъ, ситцевый нагрудникъ, нанковый сюртукъ на овчинномъ мѣху, шерстяныя чулки, опойковые сапоги, суконная фуражка, овчинныя рукавички, двѣ русскія грамматики, одна изданная главнымъ управленіемъ училищъ, другая Гречемъ. Смотритель въ тотъ же день при отношеніи своемъ мальчика Аристовулова препроводилъ въ Свіяжское духовное правленіе и просилъ съ нарочнымъ отвести его пѣшкомъ въ семинарское правленіе. Духовное правленіе исполнило это,

а семинарское 5 февраля съ служителемъ препроводило его къ ректору Казанскихъ училищъ Семенову.

Въ 1840 году, во время ревизіи профессора Ивана Лисицина, ученики Симбирскаго училища: Стефанъ Премировъ, Гавріиль Соловьевъ, Алексѣй Богоявленскій и друг. отлучились не только отъ экзаменовъ, но даже совсѣмъ изъ города своевольно безъ всякаго дозволенія начальства. Изъ нихъ Соловьевъ, Анашевъ, Березинскій ушли въ село Каменку за 10 верстъ отъ города, а ученики Премировъ и Богоявленскій въ село Грязнуху верстъ за 15. Въ наказаніе за эту своевольную отлучку отъ экзаменовъ, ученики эти, учителями и смотрителемъ назначенные къ переводу въ высшіе классы, ревизоромъ оставлены въ тѣхъ же классахъ. Ученикъ высшаго отдѣленія Казанскаго училища Николай Троицкій въ октябрѣ 1854 года болѣе недѣли пропадалъ въ бѣгахъ и за этотъ поступокъ былъ наказанъ отечески. Въ 1858 году въ Чистопольскомъ училищѣ сбѣжалъ взрослый и малоспособный ученикъ В. Ляпидевскій. Съкло, съкло его начальство, и, видя полную его безнадѣжность, наконецъ отступилось и не трогало его даже пальцемъ. Учителя, махнувъ на него рукой, совершенно перестали и требовать отъ него урочныхъ отвѣтовъ. Но такое безпечальное житье скоро перешло у Ляпидевскаго въ сильнѣйшую скуку. Чтобы заглушить ее, Ляпидевскій сбѣжалъ. Нѣсколько дней начальство разыскивало его, инспекторъ самъ ѣздилъ по всѣмъ глухимъ переулкамъ и закоулкамъ города, въ надеждѣ гдѣ нибудь встрѣтить и поймать бѣглеца; послѣ продолжительныхъ поисковъ, его нашли на рѣкѣ Камѣ, на пристани, скитавшимся въ состояніи одичалости между хлѣбными амбарами. Объ этомъ происшествіи дали знать отцу бѣглеца. Тотъ пріѣхалъ и выслушавъ отъ начальства суть дѣла, тотчасъ попросилъ его „отечески распорядиться“. Начальство, по привычкѣ, распорядилось вооружить двухъ рослыхъ учениковъ огромнѣйшими пучками лозъ и уже вступило было въ классъ въ сопровожденіи родителя для того, чтобы привести въ исполненіе казнь надъ Ляпидевскимъ. Но тотъ, конечно чувствуя, что ему придется очень жутко, наложилъ на себя смиреніе и сталъ просить прощенія, а самъ въ тоже время подвинулся къ растворенному окну, и совершенно неожиданно для всѣхъ выпрыгнулъ въ него на улицу и снова

убѣжалъ изъ подъ самага носа у начальства. Бросились въ погоню, снова поймали, связали и снова привели въ классъ и высѣкли въ двѣ лозы такъ, что онъ слегъ въ постель и навсегда потерялъ охоту къ побѣгамъ. Въ 1862 году въ томъ же училищѣ сбѣжалъ ученикъ В. Поникинъ. Онъ былъ и не тупъ, да и сѣкли его ни чуть не болѣе чѣмъ и всѣхъ другихъ учениковъ. Сбѣжалъ онъ просто для развлечения, какъ большой шалунъ. Когда родственники, къ которымъ онъ убѣжалъ, возвратили его снова въ школу, то начальство почему-то не подвергло его никакому наказанію за побѣгъ, что единственно можно объяснить тѣмъ, что инспекторъ и самъ-то нѣсколько струхнулъ, боясь получить весьма возможный выговоръ сверху за распущенность въ училищѣ. Въ Казанскомъ училищѣ побѣги имѣли ту особенность, что мальчики убѣгали не только въ одиночку, но даже цѣлыми партіями. Въ 1839 году была снаряжена и ушла внизъ по матушкѣ - по Волгѣ цѣлая лодка съ бѣглецами, но далѣе ближайшихъ низовыхъ деревень не ушла: полиція живо переловила бѣглецовъ какъ зайцевъ.

Ученики поэтому и смотрѣли на учителей не какъ на добрыхъ наставниковъ, но какъ на слишкомъ строгую полицейскую власть: они только умѣли бояться, а не любить и уважать.

„Какъ учителя узришь
Полумертвъ въ школѣ сидишь“,

говорить одна изъ школьныхъ пѣсень. Забитые школьники съ горя часто пѣли:

Житье въ школѣ не по насъ:

Въ одинъ день сѣкутъ сто разъ.

О, горе! О, бѣда!

Сѣкутъ насъ завсегда

И лозами по бедрамъ,

И пальцами по щекамъ.

О, горе!.. и пр.

Придешь въ школу не тотовъ,

Не припомнишь разныхъ словъ,

Не съ другаго слова въ рожу,

Со спины деруть всю кожу,
О, горе!.. и пр.
Не дадутъ и погулять,
Все уроками морять.
Учителя не гнѣви,
За столомъ смирно сиди.
О, горе!...
Въ кашницѣ хоть ложки мой,
Не крупой пахнетъ — водой.
Ударить ложкою, щелкнетъ,
Пузырь не вскокнетъ.
О, горе!.. и пр.
Оккупаціи слагай,
А пусты щи ворызгай.
О, проклятое чернило
И бумага и перо
Сокрушаютъ насъ зѣло!
Какъ учителя узришь,
Полумертвъ въ школѣ сидишь.
Хоть какого молодца
Сокрушитъ школа до конца.
О, горе! О, бѣда!
Сѣдутъ насъ навсегда.

Такимъ же грустнымъ тономъ пѣли школьники и слѣдующую, на-
примѣръ, пѣсню:

Сколь блаженны тѣ народы,
Коиыхъ предки ихъ и роды,
Не видѣли наукъ,
Не знали нашихъ мукъ!
На квартиру лишь заглянешь,
Щей проклятыхъ похлѣбаешь,
И опять бѣжишь въ свой классъ,
И опять бѣжишь въ свой классъ.

Для духовенства того времени, какъ и для учениковъ, училище было такимъ же тяжелымъ бременемъ, какъ для крестьянъ солдатчина. Вслушайтесь, какъ горько плачетъ дьячекъ, принужденный отдать своихъ дѣтей въ училище:

„Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, собириетесь сюда.

Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!

Дѣтей моихъ отъ меня отнимають,

И въ проклятое училище на муку собирають.

О, мои дѣтушки сердечные,

Не на ученье васъ берутъ, а на мученье безконечное.

Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя родиться,

Того жъ часа киселемъ задавиться и въ воду утопиться.

О, мои милые дѣтушки

И бѣлые лебедушки!

Лучшебъ васъ своими руками въ землю закопаль,

Нежели въ училище на муку отдалъ!

Прощайте, мои дѣтушки, ужъ мнѣ васъ не видать,

И съ вами никогда не живать.“

II.

Назначеніе фамилій ученикамъ.

Родители или родственники, записывая дѣтей въ духовныя училища, въ прошеніяхъ своихъ о приѣмъ дѣтей въ училище, рѣдко обозначали свои фамиліи. Прошенія, по титулѣ, обыкновенно писались такъ: „прошеніе діакона N округа, N села, Василія Петрова“, или: „прошеніе жены умершаго пономаря Мавры Васильевой“, или, если ученикъ былъ круглый сирота: „умершаго священника Алексѣя Иванова, сына Петра Алексѣева“, „умершаго дьячка Автонома Парменова, сына Григорія Автономова“ и т. д. Дѣломъ ректора или смотрителя училищъ было придумывать и собственноручно обозначать фамиліи новымъ ученикамъ.

Фамиліи назначались: а) больше всего по округамъ, церквямъ, селамъ, напр. Мамадышскій, Корсунскій, Цивильновъ, Чебоксарскій,

Казанскій, Воскресенскій, Богоявленскій, Пеньковскій, Танкѣвскій, Янцибуловскій, Нурминскій, Байвуловъ, Тогаевскій и друг.; б) затѣмъ фамиліи давались по именамъ родителей или родственниковъ, по наружности и особенностямъ учениковъ, а иногда и родителей или родственниковъ, которые приводили дѣтей къ ректору, по фамиліямъ знатныхъ лицъ и по событіямъ и лицамъ историческимъ, по предметамъ естественной исторіи и по нѣкоторымъ греческимъ и латинскимъ словамъ, напр. Аонасѣевъ, Софійскій (сынъ пономарицы Софьи), Мавринъ (сынъ Мавры), Екатерининскій, Красавцевъ, Однооковъ, Животоносъ, Голосницкій, Нѣмковъ, Бѣлорусановъ, Глуховъ, Тихонравовъ, Несмѣловъ, Смѣловскій, Марасовъ, Великановъ, Птенцовъ, Маліевъ, Юніевъ, Тиховидовъ, Мелодіевъ, Овидіевъ, Сатрапинскій, Милордовъ, Софоловъ, Сперанскій, Румянцевъ, Аароновъ, Китайцевъ, Спартанскій, Салманассаровъ, Хрусталева, Комаровъ, Кипарисовъ, Алмазовъ, Каменскій, Журавлевъ, Карасевъ, Цвѣтковъ, Волковъ, Птицынъ, Кагаровъ, Элидинъ, Пактовскій, Аргентовъ, Филантроповъ, Ранидовъ, Астеріевъ и др. Въ большомъ ходу были слѣдующія фамиліи: Боголюбовъ, Благодарумовъ, Богодаровъ, Славлюбовъ, Благолѣповъ, Побѣдоносъ и т. п. За то почти не было ни одной фамиліи съ окончаніемъ на *ичъ*.

Случалось, что фамиліи учениковъ, за нѣсколько дней ранѣе вписанныя въ пріемную книгу, назначались товарищамъ для поощренія и соревнованія ихъ. Родные братья, записываемые въ разное время или одновременно въ одинъ классъ, иногда получали разныя фамиліи: Петръ Померанцевъ и Иванъ Сокольскій — дѣти села Пермганъ священника Симеона Козьмодемьянскаго. Нѣкоторые родители на прошеніяхъ означали свои фамиліи, но ихъ дѣти, случалось, все-таки вводились въ академію съ другими фамиліями, напр. отецъ Вишевскій, а сынъ Рождественскій. Нѣкоторые ученики были записываемы въ академію при особыхъ обстоятельствахъ, которыя и давали ректору поводъ къ нарѣканію фамилій. Примѣры: въ 1816 году Казанскаго кафедральнаго собора псаломщикъ Димитрій Ивановъ просилъ преосвящ. Амвросія Протасова о записаніи въ академію своего роднаго брата, священническаго сына Егора. Просьба псаломщика удалась: брата его Егора, по резолюціи архіерея, консисторія при указѣ послала въ академію и предписала пра-

влєнію ввести его въ отдѣленіе. Егора ввели куда слѣдуетъ и нарѣкли ему фамилію „Псаломщиковъ“. Консисторія въ томъ же году, по резолюціи преосвященнаго Амвросія Протасова, указомъ предписала академическому правленію принять одного ученика „яко сироту“ на казенный коштъ. Сирота съ фамиліей „Сироткинъ“ введенъ въ русскій классъ. Подобнымъ образомъ назначены фамиліи ученикамъ: Бѣднякову, сыну бѣднаго сторожа Т. Иванова, Вдовцеву, сыну бѣднаго вдоваго дьячка, Сибирскому, сыну сосланнаго въ Сибирь дьячка и др. Урослымъ священно-церковнослужительскимъ дѣтямъ, записываемымъ прямо, для наученія только причетнической должности, нерѣдко назначали такія фамиліи: Дьячковъ, Пономаревъ, Тимшановъ, Алтаревъ, Псалтыревъ и др.

До 1817 года не стѣснялись давать фамиліи отъ названій мѣтологическихъ, таковы на примѣръ фамиліи: Янусовъ, Марсовъ, Адонисовъ, Ураніевъ, Афродитинъ, Кипридовъ, Терсихоровъ, Минервинъ и друг. Подобными фамиліями любилъ особенно нарѣкать своихъ учениковъ смотритель Симбирскаго русскаго училища А. Милоновъ. Преосвящ. Амвросій Протасовъ въ августѣ 1817 года на одномъ журналѣ консисторіи о болѣзни ученика Симбирскаго училища Аѳанасія Адонисова, между прочимъ, положилъ такую резолюцію: „академическому правленію и веѣмъ училищамъ консисторія имѣетъ предписать перемѣнить неприличныя и соблазнительныя прозванія, данныя учащимся къ стыду тѣхъ, кои имъ назначили оныя“. Консисторія немедленно исполнила это. Академическое правленіе тогда же съ своей стороны послало по уѣзднымъ училищамъ предписанія о перемѣнѣ соблазнительныхъ фамилій.

Въ семинарское правленіе поступали иногда запросы изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ о томъ, почему тѣ или другія духовныя дѣти, обучавшіяся въ семинаріи или въ училищахъ, имѣютъ фамиліи различныя отъ отцовъ ихъ. По справкамъ этимъ оказывалось, что фамиліи въ такомъ случаѣ давались тѣмъ дѣтямъ, при поступленіи въ училища, произвольно. Симбирской губерніи, Ставропольскаго уѣзда, села Авралей, діакона Гавріила Витевскаго сынъ Аристотель въ 1822 году поступилъ въ Казанское училище съ именемъ *Аристотеля* и прозваніемъ *Витевскаго*. Но при переводѣ его въ 1828 году изъ высшаго

отдѣленія училища въ низшее отдѣленіе семинаріи, на публичномъ испытаніи, преосвящ. Филарету Амфитеатрову угодно было переимѣнить ему какъ имя, такъ и фамилію, т. е. вмѣсто *Аристотеля* назвать его *Андреемъ*, а вмѣсто *Витевскаго Аристотелевымъ*. Почему во всѣхъ спискахъ, начиная со времени перевода его въ семинарію, и значился онъ *Андреемъ Аристотелевымъ*. Въ 1832 г. *А. Аристотелевъ* уволенъ былъ изъ философскаго класса, а съ этимъ вмѣстѣ и изъ духовнаго званія и поступилъ на службу въ число канцелярскихъ служителей Симбирскаго приказа общественного призванія. Для зачисленія въ штатъ этого приказа, ему нужно было въ 1833 г. представить мѣстному начальству свидѣтельство о своемъ происхожденіи. Рожденъ же онъ былъ Казанской епархіи, Чистопольскаго уѣзда, въ селѣ Мамышевѣ отъ діакона Гавріила Иванова Витевскаго 1811 года декабря 20, крещенъ 25 съ воспріимникомъ поручикомъ Андреемъ Прохоровымъ Бекреневымъ. Аристотелевъ просилъ Казанскую консисторію выдать ему на законномъ основаніи требующееся свидѣтельство. Консисторія выдала это свидѣтельство, съ прописаніемъ времени и случая переименованія имени и фамиліи ученика Аристотеля Витевскаго.

Ректоръ Казанскаго училища протоіерей Іаковъ Семеновъ, принимая въ 1841 году въ училище Троицкой церкви, что въ Казанскомъ тюремномъ замкѣ, умершаго свящ. Аванасія *Столбищенскаго* десятилѣтняго сына Филарета, собственноручно назначилъ ему фамилію отца. Въ слѣдующихъ же училищныхъ документахъ этотъ мальчикъ является съ фамиліями: *Роевъ*, *Раевъ*, *Ройевъ*. Въ семинарію онъ перешелъ съ фамиліей Ройева. Съ этой же фамиліей онъ въ 1849 году исключенъ былъ изъ семинаріи и поступилъ канцелярскимъ служителемъ въ канцелярію попечителя Казанскаго учебнаго округа. Представляя Роева къ чину въ 1854 году, попечитель Казанскаго учебнаго округа запросилъ консисторію, почему онъ имѣетъ фамилію Ройевъ, а не Столбищенскій, какую носилъ отецъ его. Началось разслѣдованіе: консисторія дѣлала справки въ клировыхъ вѣдомостяхъ; семинарское и училищное правленія розыскивали въ своихъ архивахъ, и, отыскавши еще двѣ фамиліи: за 1842—1844 *Раевъ*, а за 1845 *Роевъ*, не дали надлежащаго отвѣта на запросъ попечителя.

Въ указѣ св. Синода отъ 18 ноября 1846 года было предписано: „въ нѣкоторыхъ епархіяхъ существуетъ обычай перемѣнять воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній фамиліи ихъ отцовъ и усвоить произвольныя и нерѣдко весьма странныя и несвойственныя для лицъ духовнаго званія. Таковой обычай, которому нигдѣ нѣтъ примѣра, противенъ разуму постановленій о союзѣ семейственномъ, устраняетъ достоюдолжное уваженіе къ поколѣніямъ, поставяетъ каждаго виѣ общественной связи съ предками и потомками, а по дѣламъ производитъ запутанность и даже совершенную невозможность разрѣшать вопросы о различіи правъ по происхожденію, ибо встрѣчались случаи, что члены одного семейства и нѣсколько родныхъ братьевъ именуется каждый особыми фамиліями. По симъ уваженіямъ св. Синодъ опредѣлилъ предписать по всему духовному вѣдомству, чтобы впредь никому въ семъ вѣдомствѣ не усвоились фамиліи произвольныя, но чтобы, по общему порядку, дѣти сохраняли фамиліи своихъ отцовъ“.

Семинарское правленіе въ 1847 году объявило ученикамъ семинаріи, чтобы они представили въ семинарское правленіе, кто изъ нихъ носитъ произвольныя, а не отеческія фамиліи. Въ 1847 году преосвящ. Григорій Постниковъ предписалъ: „чтобы не вышло путаницы, настоящихъ фамилій не перемѣнять и указъ св. Синода отъ 18 ноября 1846 года относить только на будущихъ учениковъ“.

Въ 1847 году ученики семинаріи все-таки сами просили семинарское правленіе о перемѣнѣ произвольныхъ фамилій. Семинарское правленіе перемѣняло фамиліи, но такъ, чтобы ученики эти до окончанія учебнаго курса, для избѣжанія всякой сбивчивости и запутанности, писались съ прибавленіемъ прежней фамиліи. Отчего мы въ ученическихъ спискахъ въ 1847—1858 гг. и встрѣчаемъ иногда двойныя фамиліи: Василій Грезновъ (прежде бывший Никольскій), Петръ Ронгинскій - Мироносицкій, Христофоръ Орловъ - Любимовъ, Иванъ Владиміровъ - Адриановъ, Анисимъ Копьевъ - Аристовскій, Иванъ Алексѣевскій - Добросмысловъ, Павелъ Соколовъ - Грузинскій, Егоръ Бѣлокуровъ - Рождественскій, Иванъ Сосунцовъ - Петропавловскій, Семень Воиновъ - Хрисогоновъ, Яковъ Вороновъ - Флоренсовъ, Иванъ Софійскій - Крыловъ, Димитрій Бомбицкій - Разумовскій, Василій Стати-

ровъ - Арнольдъ и т. д. А чтобы семинаристы не сбивались и не смѣли пользоваться только новой фамиліей, съ нихъ въ семинарскомъ правленіи брались такія подписки: „опредѣленіе семинарскаго правленія читаль, и резолюцію его высокопреосвященства слышалъ и исполнить обязуюсь, ученикъ низшаго отдѣленія втораго класса Флегонтъ Веселовъ, Петропавловскій тожъ“.

Смотрители училищъ послѣ 1847 года однакоже продолжали придумывать и произвольно давать мальчикамъ фамиліи, несогласныя съ отцовскими, напр. смотритель Казанскихъ училищъ Леноринскій на пріемныхъ экзаменахъ въ сентябрѣ 1856 года вовсе опустилъ изъ виду указъ св. Синода отъ 18 ноября 1846 года, и нарѣкалъ фамиліи отъ своего ума.

Указомъ св. Синода 7 іюля 1857 года, вслѣдствіе возникшаго вопроса о томъ, какія фамиліи давать дѣтямъ духовнаго званія, поступающимъ въ училища, отцы коихъ не имѣютъ родовыхъ фамилій, было предписано по всему духовно-училищному вѣдомству, чтобы дѣтямъ симъ даваемы были фамиліи, производимыя отъ именъ ихъ отцовъ. Семинарское правленіе поэтому 27 іюня 1858 года опредѣлило: „ученикамъ, имѣющимъ фамиліи различныя отъ фамилій отцовъ ихъ, въ сообразность съ указомъ св. Синода отъ 18 ноября 1846 года, нынѣ же перемѣнить на фамиліи ихъ отцовъ; а ученикамъ, которыхъ отцы родовыхъ фамилій не имѣютъ, дать фамиліи, произведенныя отъ отцевъ ихъ, примѣнительно къ опредѣленію св. Синода отъ 7 іюля 1857 года“. Смотрителямъ духовныхъ училищъ оно съ своей стороны предписало, чтобы таковымъ мальчикамъ даваемы были фамиліи, производныя отъ имени отцовъ ихъ такъ, чтобы ежели у какого мальчика безфамильный отецъ Иванъ Васильевъ (по отчеству), то и сынъ его имѣлъ бы фамилію „Васильевъ“.

А. Благовѣщенскій,
слушатель Института.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ОТЪЯВЛЕНІЕ

Объяснительная записка къ картѣ Полоцкаго повѣта во 2-й половинѣ XVI-го вѣка.

Представляя карту Полоцкаго повѣта 2-ой половины XVI вѣка въ числѣ первыхъ опытовъ подобнаго рода работъ, предпринятыхъ слушателями Археологическаго Института, считаю необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться какъ на матеріалѣ, послужившемъ основою моего труда, такъ и на самомъ приѣмѣ составленія карты.

I.

Главнымъ матеріаломъ для моей работы служили Полоцкія *писцовыя книги*, хранящіяся въ состоящемъ при 1-мъ отдѣленіи 3-го департамента Правительствующаго Сената архивѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Литовской Метрики, и напечатанныя, подъ редакціей Н. В. Калачова, въ изданіи Географическаго Общества: „Писцовыя книги Московскаго государства“, ч. 1, отд. II (Спб., 1877). Здѣсь помѣщены слѣдующія полоцкія книги: книга № 1: „Книга границамъ города Полоцка и Полоцкаго повѣта съ сосѣдними повѣтами, 1563—1571 гг.“ (стр. печатнаго изданія 421—455, — листы рукописи № 304: 1—91, 119—128 и 133—280). Книга № 2: „Писцовая книга волости *Нещерды*, за скрѣпою дьяковъ П. Пестова и Г. Дмитріева и справою подьячаго М. Никитина“. Годъ ея не показанъ, но, такъ какъ слѣдующая книга, скрѣпленная тѣми же дьяками, относится къ 1570 г., то можно заключить, что къ этому же году относится и книга № 2 (стр. 455—461, л. рукописи № 300: 1—17). № 3: „Книга Полоцкаго повѣта 7078 (1570) г., за скрѣпою дьяковъ

Г. Дмитріева и П. Пестова“ (стр. 462—540, той же рукописи л. 143—372). № 4: „Писцовыя книги землямъ Полоцкаго повѣта, розданнымъ 7080 (1571) г. 7 октября боярскимъ дѣтямъ Новгородскихъ пятинъ Вѣжецкой и Обонежской, письма и мѣры И. Т. Малыгина ⁽¹⁾ и подьячаго И. И. Стоянова“ (стр. 540—549, — л. 23—55). № 5: „Отдѣльная книга 7080 (1571—1572) г. землямъ, даннымъ казакамъ гор. Нещерды, письма И. Т. Мясоѣдова и подьячаго И. И. Стоянова“ (стр. 549—550, л. 62—64). № 6: „Писцовая книга землямъ, розданнымъ въ *Озерищахъ* и *Усвяты*, 7080 (1571) г. 7 октября, дѣтямъ боярскимъ Новгородскихъ пятинъ Вѣжецкой и Обонежской, письма и мѣры И. Т. Малыгина и подьячаго И. И. Стоянова“ (стр. 550—566, — л. 66—134). — Кромѣ этихъ напечатанныхъ книгъ, я пользовался — при посредствѣ г. директора Археологическаго Института — ненапечатанными писцовыми книгами, находящимися въ той же рукописи Литовской Метрики № 300. Не напечатаны слѣд. книги: № 7 ⁽²⁾: „Даточныя книги *Покровской* волости, 1571 г.“, составленныя по „отписнымъ книгамъ“ И. Башмакова и подьячаго П. Бохарова (л. 18—22); № 8: выписъ изъ книги вол. Нещерды, 1573 г. (л. 57—61); № 9: выписъ изъ книги Озерицкой и Усвятельской волостей, 1573 г., письма И. И. Мясоѣдова и И. И. Стоянова (л. 92—94); № 10: выписъ изъ книги Усвятельской волости, 1573 г. (л. 135—141); № 11: выписи изъ „отдѣльныхъ книгъ“: а) Покровской волости, 1570 г., письма И. Башмакова и подьячаго П. Бохарова, б) Усвятельской волости, 1570 г., письма И. Маркова и подьячаго П. Бохарова, в) той же волости, 1567 г., письма А. М. Старого и г) той же волости, неизвѣстнаго года, письма Усвятекихъ воеводъ П. Колычова и И. Рябинина (л. 373—394).

И такъ, полоцкія писцовыя книги относятся ко времени съ 1563 г. по 1573 г., т. е. къ годамъ того періода, когда Полоцкій повѣтъ, послѣ долгаго пребыванія въ рукахъ Литовскаго правительства, очу-

⁽¹⁾ Но въ началѣ текста книги и въ «итогахъ» ея *Малыгинъ* вездѣ называется *Мясоѣдовымъ*. Тоже разнорѣчіе замѣчается и въ книгѣ № 6, а въ книгѣ № 5—какъ въ заголовкѣ, такъ и въ текстѣ стоитъ одно и то же имя—*Мясоѣдова*.

⁽²⁾ Продолжаю нумерацію напечатанныхъ книгъ.

тился на короткое время подъ властію Москвы. Въ XVI в. Москва владѣла Полоцкимъ повѣтомъ всего 16^{1/2} лѣтъ: Полоцкъ былъ взятъ Иваномъ IV 15 февраля 1563 г., а въ концѣ августа 1579 г. обратно взятъ Стефаномъ Баторіемъ (3). Въ теченіи почти всего этого періода Полоцкій повѣтъ служилъ театромъ военныхъ дѣйствій между Москвою и Литвою. Сравнительно бѣльшимъ спокойствіемъ пользовался онъ съ 1570 г. до 1577 г.: въ 1570 г. было заключено перемиріе на 3 года, а въ 1572 г. начались переговоры о мирѣ, прекратившіе военные дѣйствія. Но лѣтомъ 1577 г. они снова возобновились, а въ 1579 г. Москва потеряла Полоцкъ—опять на долгое время (4). Запольскимъ миромъ 1582 г. Полоцкій повѣтъ формально былъ утвержденъ за Литвою (5).

Не трудно понять, что этотъ 16-ти-лѣтній періодъ почти непрерывной войны тяжело отозвался на благосостояніи Полоцкаго повѣта: извѣстно, какъ разорительны были тогдашнія войны. Достаточно указать на такой фактъ: въ 1579 г., послѣ взятія Баторіемъ Полоцка, литовскія шайки выжгли въ сосѣдней Смоленской области 2,000 селеній (6). Такія шайки бродили и въ Полоцкомъ повѣтѣ. Правда, Баторій приказывалъ своимъ воеводамъ—щадить Полоцкое населеніе, но нѣтъ данныхъ, которыя говорили бы, что этотъ приказъ соблюдался литовскимъ войскомъ. Напротивъ, полоцкія писцовыя книги очень ясно говорятъ о разореніи повѣта именно отъ „литовскихъ людей“. Напр.: въ писцовой книгѣ вол. *Нещерды*, 1570 г., въ описаніи озера *Нещерды* говорится, что въ томъ году „на оброкъ то озеро не дано, потому что *люди разбѣжались* для войны Литовскихъ людей“ (стр. 460). При описаніи угодій *Нищенской* волости сказано, что въ 1569 г. крестьяне не пользовались рыбными угодьями, потому что „жили.... на

(3) *Карамз.*, IX, 41—42, 299—300.

(4) *Ibid.*, IX, 43—74, 112—124, 230—255 и слѣд.—Въ XVII в. Москва владѣла Полоцкимъ воеводствомъ съ 1654 г. до 1667 г., когда, по Андрусовскому договору, оно было возвращено Польшѣ. Полоцкое воеводство окончательно присоединено къ Россіи въ 1772 г. (Витебскъ и уѣзды города Витеб. губ.), *А. М. Семеновскаго* (СПб., 1864, стр. 112—114).

(5) *Карамз.*, IX, 347—348.

(6) *Ibid.*, стр. 302.

Себежѣ, за войною литовскихъ людей...“ и, что по той же причинѣ— на 1570 г. „съ нихъ оброку сложено рубль...“ (стр. 527). Въ томъ же году бортники Нищенской волости— „не наддали оброку, потому что ихъ воюютъ ежельтъ литовскіе люди“ (*ibid.*). Эти факты ⁽⁷⁾ относятся къ болѣе спокойнымъ годамъ: можно судить, что было раньше— во время разгара войны.

Московское правительство, овладѣвши повѣтомъ, не предполагало возможности обратнаго возврата его къ Литвѣ, а потому тотчасъ принялось за составленіе полоцкихъ писцовыхъ книгъ. Это было обычнымъ дѣломъ при всякомъ новомъ присоединеніи: такъ, въ томъ же XVI в., были описаны Казанская область и другія приобрѣтенія Ивана IV; въ половинѣ слѣдующаго столѣтія явились описанія завоеваній Алексѣя Михайловича ⁽⁸⁾. Полоцкія писцовыя книги начали составляться сейчасъ же послѣ завоеванія повѣта: начало книги № 1 относится къ июню 1563 г., т. е. черезъ 4 мѣсяца по взятіи Полоцка. При смутномъ состояніи повѣта, составленіе писцовыхъ книгъ было дѣломъ нелегкимъ, о чемъ свидѣлствуютъ самыя книги. Данныя для описанія земель добывались главнымъ образомъ чрезъ распросы у мѣстныхъ жителей. Такъ, помѣщенный въ „книгѣ рубежей“ (№ 1) — „сыскъ про Озеричскую и Усвяцкую волости“ (с. 433—434) сообщаетъ, что въ 1566 г. Озеричскій воевода кн. Ю. Токмаковъ допрашивалъ Озеричскаго войта, старость и „лутчихъ людей“ о томъ: „какіе волости бывали при королѣхъ, и къ которымъ городомъ тѣ волости тянули, и какую пошлину давали и у коихъ пановъ въ урядѣ были...“ Эти „лутчіе люди“ передали воеводѣ все „что память ихъ застижетъ, а иные слышали отъ отцовъ своихъ...“ Въ помѣщенной вельдѣ за „сыскомъ“ (с. 434—436) грамотѣ полоцкихъ воеводъ къ царю (1567 г.), они приводятъ свѣдѣнія, добытыя ими у свѣдущихъ людей (Софійскаго (въ Полоцкѣ) протопопа *Теофана*, попа *Томы* и др.) и въ заклю-

(7) Они еще встрѣтятся ниже. — Существовали и другія причины разоренія Полоцкаго повѣта, напр. лѣтомъ 1566 г. въ немъ свирѣпствовало сильное моровое повѣтріе, опустошившее многія селенія (*Карамз.*, IX, 112—113).

(8) См. предисловіе къ «Описанію писцов. книгъ» въ «Опис. докум. Моск. Арх. Мин. Юст.», ч. I, стр. IV—V.

ченіе прибавляютъ, что другихъ свѣдѣній не могли добыть, потому что — „*вспрашивати некого: люди, государь, веѣ розошлись....*“ Во 2-й грамотѣ ⁽⁹⁾ воеводы замѣчаютъ (с. 436—437), что они не только посылали писцовъ „*писати по селомъ*“, но и сами „*мужиговъ про рубежи спрашивали и сыскивали....*“ Эта же грамота даетъ понятіе о томъ — какого характера были эти свѣдѣнія, добытыя у „*лутчихъ людей*“: воеводы замѣчаютъ, что „*люди про рубежи сказываютъ не одни рѣчи....*“, что вообще трудно здѣсь добиться толку, не смотря на то, что мы — воеводы „*пытали и сыскивали сколько мочи было....*“ Еще больше было затрудненій при посылкѣ писцовъ и мѣрщиковъ „*по селомъ*“: 1-я грамота (а также и другія части „*книги рубежей*“, напр. см. стр. 421—423) сообщаетъ, что жители многихъ селъ „*не пу-скали*“ къ себѣ этихъ лицъ. Еще рѣзче говорить о затрудненіяхъ писцовъ 2-я грамота: здѣсь воеводы замѣчаютъ, что рубежь, о которомъ идетъ рѣчь (Озерицскій) — „*писанъ не подлинно*, для того: въ которые, государь, мѣста посылали посылки дѣтей боярскихъ челоувѣкъ по 10 и по 20 и Литовскіе, государь, люди *бѣгали* и сыскати не-кѣмъ, а въ которые мѣста посылали дѣтей боярскихъ челоувѣка по 3, по 4, и тѣхъ государь, дѣтей боярскихъ *имали и побивали....*“ А, между тѣмъ, московское правительство какъ будто не видѣло этихъ затрудненій мѣстныхъ властей и настоятельно требовало болѣе подробныхъ и точныхъ описей земель. Обѣ грамоты написаны въ Москву по тому поводу, что царь возвратилъ воеводамъ „*противни*“ съ посланныхъ ими въ Москву „*списковъ Полоцкому рубежю*“, съ строгимъ наказомъ — дополнить „*списки*“ новыми свѣдѣніями. Воеводы въ своихъ отвѣтахъ какъ будто выставляютъ на видъ назойливость требованій центрального правительства: передавая царю разныя свѣдѣнія, они не разъ повторяютъ: а объ этомъ-де „*къ тебѣ, государю, писано и не въ одной грамотѣ....*“, или: „*и о томъ къ тебѣ, государю, писано и не одинова....*“

Это были внутреннія, домашнія затрудненія, имѣвшія мѣсто при

⁽⁹⁾ Годъ ея не показанъ, но нужно думать, что она относится къ тому же — 1567 г., такъ какъ написана отъ имени того же полоцкаго воеводы кн. П. Шуйскаго.

описаніи почти всѣхъ волостей повѣта. Въ волостяхъ же порубежныхъ, кромѣ этихъ затрудненій, существовали еще и другія — политическія: это — споры съ литовскимъ правительствомъ о *рубежахъ* Полоцкаго повѣта съ сосѣдними литовскими повѣтами и о порубежныхъ волостяхъ. Споры шли во весь этотъ 16-тилѣтній періодъ. Понятно, что этотъ вопросъ живо интересовалъ московское правительство, которое главнымъ образомъ требовало у воеводъ свѣдѣній именно о рубежахъ и о порубежныхъ селахъ. Такимъ образомъ явилась „книга рубежей“, составляющая въ изданномъ томѣ писцовыхъ книгъ — принадлежность только полоцкихъ книгъ. Поэтому, останавлиюсь на ней нѣсколько подробнѣе.

Подлинное заглавіе этой книги слѣдующее: „Тетрадь, въ ней писаны рубежи городу Полотцку и Полотцкому повѣту съ Виленскимъ повѣтомъ и съ Витебскимъ и съ иными порубежными города, и рубежи городу Озеричу съ Витебскимъ и съ Сурожомъ и съ иными порубежными мѣсты“ (см. примѣчаніе на с. 421). Книга ⁽¹⁰⁾ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) „выписъ“ изъ „сыска“ о Полоцкомъ рубежѣ, составленнаго въ 1563 году В. Низовцовымъ и И. Кикинымъ (с. 421—422); 2) „выписи“ изъ „сысковъ“ тѣхъ же писцовъ о томъ же рубежѣ, 1566 г. (с. 422—423); 3) „выписъ“ 1564 г. изъ „сыска“ воеводы кн. П. И. Шуйскаго (с. 423—425); 4) дополненія къ ней, 1566 г. (с. 425—426); 5) дополненія къ предъидущимъ сыскамъ, неизвѣстнаго года (с. 426—428); 6) „Рубежъ гор. Озеричу съ Полотцкомъ и съ Витебскомъ и съ Сурожомъ и съ Невлемъ, по княжю Юрьеву писму Токмакова, лѣта 7074“ (1566) г. (с. 429—433); 7) копіи сыска того же года и двухъ грамотъ 1567 г. (с. 433—437). За 2-ю грамотою идетъ перечисленіе нѣкоторыхъ порубежныхъ волостей (с. 437—438). Далѣе слѣдуютъ выписи изъ писцовыхъ книгъ: 1) письма Н. Тургенева и О. Засѣтцаго, неизвѣстнаго года (с. 438), 2) письма С. А. Бортенева и Р. Т. Мошнина, 1563 г. (с. 438—440), 3) письма К. Пуляева (с. 440), 4) — И. Львова (с. 440—441), 5) — И. Кикина (с. 441—442) и 6) письма А. Хитрово и Ѳ. Бе-

⁽¹⁰⁾ Удерживаю здѣсь названіе книги (вмѣсто тетради), такъ какъ этотъ терминъ въ XVI в. былъ самымъ употребительнымъ въ примѣненіи ко всѣмъ подобнымъ документамъ.

вобразова (с. 442—443). Последнія 4 книги—неизвѣстныхъ годовъ. Въ заключеніе „книги рубежей“ помѣщенъ документъ, начинающійся такъ: „лѣта 7079 (1571), по наказу боярина и воеводы кн. А. И. Нохтева съ товарищи, за приписми дьяковъ..., Т. И. Кокоревъ, да П. И. Тотаровъ, да подьячей.... смѣчали и писали рубежъ Полотцкаго повѣту и Полотцкихъ пригородовъ...“ и пр. (с. 443—455).

Изъ этого перечня составныхъ частей „книги рубежей“ видно: а) что она не представляетъ что либо цѣльное, однородное, а составлена изъ сысковъ, грамотъ, выписей изъ писцовыхъ книгъ и др. документовъ; б) что эти документы принадлежатъ къ разнымъ годамъ— съ 1563 г. по 1571 г., и в) что книга составлена не въ одинъ приемъ, а наполнялась по мѣрѣ накопленія матеріала.

Обращаясь къ содержанію книги, должно сказать, что главный предметъ ея— „рубежи“ описаны въ томъ *сыромъ* видѣ, въ какомъ писцы добывали свѣдѣнія о нихъ отъ мѣстныхъ жителей. Эти свѣдѣнія изложены въ нѣкоторой системѣ: начавъ описаніе рубежа съ извѣстнаго пункта, книга продолжаетъ вести это описаніе по одному направленію, до извѣстнаго предѣла, затѣмъ переходитъ къ слѣдующему направленію и т. д. Система, однако, нерѣдко нарушается пропусками, повтореніями, вставками однихъ рубежей въ другіе (напр. на стр. 427) и пр. Отрывки изъ писцовыхъ книгъ и другія составныя части „книги рубежей“ заключаютъ въ себѣ, кромѣ розысканій о рубежахъ, описаніе населенныхъ и пустыхъ пунктовъ порубежныхъ волостей. Пункты, лично осматрѣнные писцами, описаны довольно обстоятельно, но все же далеко не такъ полно, какъ въ писцовыхъ книгахъ. Это и понятно: съ одной стороны, писцы не имѣли возможности подробно описывать порубежные пункты въ силу вышеупомянутыхъ затрудненій отъ мѣстныхъ жителей и литовскихъ людей: эти затрудненія имѣли мѣсто преимущественно въ порубежныхъ волостяхъ. Съ другой стороны, воеводы не считали и нужнымъ дѣлать обстоятельныя описанія такимъ пунктамъ, которые не сегодня-завтра могли перейти къ Литвѣ. Поэтому то, большинство пунктовъ и особенно спорныхъ, только поименовано въ „книгѣ рубежей“, или, даже, только перечислено, безъ приведенія ихъ названій.

Что касается писцовых книг Полоцкаго повѣта, то въ общемъ онѣ представляютъ сходство съ другими подобными книгами, но есть разница въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, зависѣвшая отъ исключительнаго положенія повѣта.—Цѣль писцовыхъ книгъ вообще—доставить правительству свѣдѣнія: а) о всѣхъ земляхъ и угодьяхъ известной области, б) о ея населеніи и в) о податяхъ и повинностяхъ его.

Земли и угодья описываются въ полоцкихъ книгахъ совершенно также, какъ и въ другихъ книгахъ. Особенность полоцкихъ книгъ составляетъ только отсутствіе *общихъ* итоговъ (земель и людей) по волостямъ: они находятся только въ 3 волостяхъ (частные итоги каждаго помѣстья и нѣсколькихъ помѣстій по статьямъ боярскихъ дѣтей встрѣчаются вездѣ).—Вотчинъ не было въ полоцкомъ повѣтѣ, а всѣ земли были помѣстныя, розданныя правительствомъ, послѣ завоеванія области, своимъ служилымъ людямъ. Раздача земель происходила такъ быстро, что „порозжія“ земли встрѣчаются только два раза—въ *Покровской* и *Непоротовской* волостяхъ ⁽¹¹⁾. Такъ какъ земли описывались вскорѣ послѣ ихъ раздачи, то въ книгахъ нѣтъ указаній (столь обычныхъ въ другихъ книгахъ) на крѣпостные акты владѣльцевъ.—Земли, описанныя въ „кн. рубежей“ не были еще розданы въ моментъ ихъ описи, какъ земли порубежныя и спорныя. Притомъ, нѣкоторыя изъ этихъ помѣстій остались за прежними литовскими владѣльцами, конечно за тѣми, которые перешли на московскую службу. Но такихъ помѣстій было очень немного, а о большинствѣ говорится, что они „были“ за такими-то литовскими „панами“. Между оставшимися владѣльцами упоминаются, между прочимъ, „земцы“ (с. 439—441) и „мѣщане“ (с. 440).—Въ числѣ владѣльцевъ встрѣчаются мѣстные монастыри (мужскіе и женскіе), церкви и полоцкая архіепископія. Что касается „дворцовыхъ“ земель, то указаній на нихъ нѣтъ,—только однажды упоминается въ Усвятской вол. (въ рукописной книгѣ № 11 *и*)—„царева и великого князя пустошь, что была деревня *Рындино*“

(11) Въ первой о «порозжихъ» пустошахъ сказано, что «въ помѣстья ихъ не взяли никто...» (с. 485—486). Въ Непоротовской вол. порозжія земли были отданы крестьянамъ «на льготу», на 5 лѣтъ, съ обязательствомъ—«дворы поставити и пашни распахати, поля *розводити*....» (с. 515—517).

(№ 1022 „списка“). Въ число дворцовыхъ земель вѣроятно были включены встрѣчающіяся въ „книгѣ рубежей“ „королевскія“ волости („были“ за королемъ — говорится о нихъ).

Въ данныхъ о населеніи полоцкія книги не отличаются отъ другихъ: въ нихъ встрѣчаются обычныя указанія какъ на число дворовъ, такъ и на число домохозяевъ. Исключеніе представляетъ только „кн. рубежей“, гдѣ дворы показаны въ очень немногихъ пунктахъ. Перечисляются и „дворы пусты“.

Свѣдѣній о податяхъ и повинностяхъ въ полоцкихъ книгахъ очень мало. О „сошномъ писмѣ“ говорится только въ 3 волостяхъ: Озерицахъ (с. 555), Усвятѣ (с. 565) и Нещердѣ (с. 549), и то не во всѣхъ помѣстьяхъ, а именно — только въ помѣстьяхъ, розданныхъ въ 1571 — 72 г.г. боярскимъ дѣтямъ Обонешской и Вѣжецкой пятинъ. Затѣмъ, въ волости *Неведерскій - Кубокъ*, въ описаніи „доходовъ“ помѣщика И. Калитина (с. 464), говорится о дѣленіи его земель на „выти“, т. е. на тѣ мелкія платежныя единицы, на которыя дѣлились сохи. Въ остальныхъ волостяхъ нѣтъ указаній на сошное письмо. Нельзя думать, однако, чтобы во время составленія писцовыхъ книгъ земли этихъ волостей еще не были положены въ сохи: извѣстно, что описаніе земель шло совмѣстно съ раскладкой ихъ въ сохи. Но почему свѣдѣнія этого рода не попали во всѣ книги, а если гдѣ и встрѣчаются, то такъ скудны (только въ общихъ итогахъ)? — объяснить не могу. Замѣчу только, что и въ другихъ напечатанныхъ писцовыхъ книгахъ — не вездѣ указывается сошное письмо. — Свѣдѣній о повинностяхъ населенія не встрѣчается въ полоцкихъ книгахъ, за исключеніемъ одного случая — въ „книгѣ руб.“, гдѣ говорится о „городовомъ дѣлѣ“ жителей Озерицкой волости, да и этотъ случай относится ко временамъ Польскаго владычества ⁽¹²⁾. Объ однихъ

(12) О немъ говорится въ «сметкѣ» 1566 г. (с. 433 — 434): во время войны съ Москвою Озерицкіе жители жаловались королю, «что ихъ Витебскіе воеводы *отступаютца* и не пускають въ городъ въ осаду» — потому-де что Озерици «не приписаны къ Витебску ничѣмъ.....» — Король «пожаловалъ» Озериццевъ — приказалъ, чтобы воеводы пускали ихъ въ Витебскъ «въ осаду», за что они должны были «пособляти *города дѣлати*, а давати съ дву волостей пососныхъ людей — съ волости по 14 человекъ да по пригону на всякой годъ, а ихъ пососнымъ дѣлати въ году 4 недѣли, а oprычъ того они къ Витебску не приписаны ничѣмъ..... и судъ у нихъ былъ свой» — судили «урядники» королевы *Бони* (эта волость

только оброкахъ правительству за угоды (за рыбныя ловли и „бортныя ужожи“) (13) говорится подробно при всякомъ перечисленіи ихъ (14). О помѣщичьемъ „доходѣ“ встрѣчается единственное указаніе въ волости Неводерекій-Кубокъ, въ помѣстьѣ И. Калитина (с. 464): крестьяне вносили ему денежный оброкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ существовала и издѣльная повинность („пашутъ всѣ на боярина день взгономъ, день сѣно косятъ...“). Здѣсь же говорится и о „доходѣ“ „пригащика“.

Главная особенность полоцкихъ книгъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ почти не встрѣчается свѣдѣній побочныхъ — историческаго и этнографическаго характера, какія не рѣдки въ другихъ писцовыхъ книгахъ. Напр. погосты обыкновенно описываются очень подробно: описывается наружный видъ и состояніе храма, церковная утварь и пр., говорится о содержаніи духовенства и т. п. Въ Полоцкихъ же книгахъ храмы только перечисляются и рѣдко когда указываются (въ самыхъ короткихъ словахъ) форма и состояніе церкви (нѣсколько подробнѣе описанъ одинъ погостъ *Нищенской* вол., с. 527 — 28). Затѣмъ, въ полоцк. книгахъ нѣтъ описаній городовъ. Отдѣльная книга гор. *Нещерды* (№ 5) говоритъ о городскихъ мѣстахъ и огородахъ, розданныхъ городовымъ казакамъ, но о самомъ городѣ рассказываетъ очень мало: упоминаются 2 улицы, 3 слободы и 1 ворота города. — Не встрѣчается, наконецъ, свѣдѣній о промыслахъ населенія и о разныхъ подробностяхъ его житія (напр. о хоромахъ и др. сельскихъ постройкахъ и т. п.).

Вообще, по всему видно, что полоцкія книги составлялись очень поспѣшно, такъ что писцы не считали возможнымъ пускаться въ разныя подробности. Поспѣшность работы доказываютъ и многія неисправ-

была дана ей «на перетень»), потомъ—урядники пана *Евст. Воловича* (который получилъ волость отъ Вонны). Урядникъ послѣдняго — *Тим. Гурко* вывелъ «посошныхъ людей» изъ Витебска.

(13) Упоминается еще одинъ случай (см. рукоп. книгу № 9) отдачи въ оброкъ мельницы на рч. *Сваридовъ* въ Озерницкой волости.

(14) См. стр. 460, 464, 468, 480 — 81, 484, 489 — 90, 492 — 93, 498, 500, 517 — 18, 527 — 28; также см. рукоп. книги №№ 8, 9 и 10. — Отсюда можно извлечь нѣкоторыя — конечно очень скудныя, данныя *зоологическія* о Полоцкомъ повѣтѣ, напр. о *рыбажѣ* полоцкихъ рѣкъ и озеръ. Изъ пушныхъ звѣрей упоминаются (преимущественно въ Озернц. и Уеват. волостяхъ, обильныхъ водами и лѣсами) — *бобры* (с. 444 — 46, 451 — 54), *куницы* (с. 480 — 81, 517, 527) и *выдры* (въ рукоп. книгахъ №№ 8, 9, 10).

ности *текста* книгъ. Напр., въ самомъ главномъ для моей работы матеріалѣ—въ *названіяхъ* населенныхъ и друг. пунктовъ, встрѣчаются—то невозможныя окончанія ⁽¹⁵⁾, то пропуски ⁽¹⁶⁾, то странныя соединенія 2—3 названій ⁽¹⁷⁾ и т. п. Не говорю уже о множествѣ вариантовъ одного и того же названія: почти нѣтъ примѣра, чтобы извѣстное названіе не потеряло измѣненія при вторичномъ и слѣдующихъ упоминаніяхъ его. Даже названія такихъ извѣстныхъ пунктовъ, какъ города (въ томъ числѣ и главнаго города повѣта) — и тѣ имѣютъ нѣсколько вариантовъ. Еще важнѣе другаго рода неисправности—въ „итогахъ“ помѣстій: нерѣдко случается, что въ итогѣ помѣстья бываетъ показано большее или меньшее количество населенныхъ или пустыхъ пунктовъ, чѣмъ какое находится въ самой описи. Тоже наблюдаемъ и съ числомъ дворовъ. Или, напр.: „живущіе“ пункты описи — въ итогѣ превращаются въ „пустые“, и наоборотъ. Иной разъ ясно видна здѣсь случайная описка писца, но въ другихъ случаяхъ такую ошибку невозможно бываетъ объяснить разнорѣчія итоговъ, слѣд.—невозможно и поправить ихъ.

Въ какомъ *составѣ* сохранились полоцкія писцовыя книги? Есть много данныхъ, доказывающихъ, что мы имѣемъ дѣло не съ полными книгами, а только съ *отрывками* изъ нихъ. Такъ книга № 2 уже самымъ своимъ началомъ показываетъ, что она есть только отрывокъ изъ другой книги. Она начинается такъ: „Полоцкаго повѣта вол. Нещерда за дѣтми боярскими въ помѣстьѣ.....“ (с. 455),—тогда какъ цѣлыя писцовыя книги начинаются—или по такой формѣ, какъ напр. книга № 3: „По государевымъ..... грамотамъ и по воеводцкому наказу..... и за приписми..... діяковъ..... писецъ и мѣрщикъ..... да подьячей... писали и мѣрили и въ помѣстьѣ отдѣляли, лѣта.....“ (с. 462), —или же по формѣ книги № 4: „Лѣта..... писцы..... да подьячей..... писали и мѣрили..... и въ роздачу..... роздали.....“ (с. 540). Кромѣ того: въ книгѣ № 2 описаны волости — *Нещерда* (с. 455—60)

⁽¹⁵⁾ Напр.: «деревня *Пру*» (с. 439) и др.

⁽¹⁶⁾ Напр.: «Сельцо *Вличахъ*» (с. 442) (т. е. «сельцо на Вяччахъ?»), «пустошь *Чешно на боло*» (с. 559) («Чешно на болотъ?») и т. п.

⁽¹⁷⁾ Напр.: «пустошь *Крои-Дивичи-Минино*» (с. 544).

и *Турунтовская* (с. 460—61), но это же самое описаніе *буквально* повторяется и въ книгѣ № 3 (вол. Нещерда—на с. 534—40, Турунтовская—на с. 474—76). Очевидно, что книга № 2 есть отрывокъ изъ книги № 3. Но и о послѣдней книгѣ нельзя сказать, что бы она сохранилась въ полномъ своемъ составѣ. Основываясь на слѣдующемъ. Въ книгѣ описано 8 волостей. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ—въ итогахъ помѣстій встрѣчаются ссылки на помѣстья тѣхъ же владѣльцевъ въ другихъ волостяхъ, описанныхъ въ той же книгѣ. А, между тѣмъ, въ этихъ послѣднихъ волостяхъ не только не находимъ новыхъ помѣстій извѣстнаго лица, но даже не встрѣчаемъ и фамиліи его между владѣльцами. Напр.: въ вол. *Межевской*, въ итогахъ помѣстій *Полбина*, *Жданова*, *Долово* (с. 529 и слѣд.) и др., есть ссылки на ихъ помѣстья въ *Непоротовской* волости, или: въ итогѣ помѣстья *Обашева*—ссылка на его помѣстья въ вол. *Нещердѣ* (с. 533). Обѣ эти волости—Непоротовская и Нещерда, описаны въ той же книгѣ, но между владѣльцами ихъ нѣтъ даже такихъ фамилій. Нельзя думать, что эти ссылки указываютъ на другія книги, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они оправдываются. Напр. въ той же *Межевской* вол., въ итогахъ помѣстій *Мормылева*, *Ватолина*, *Исакова* и др. (с. 532—33) есть ссылки на помѣстья ихъ въ вол. Нещердѣ: и, дѣйствительно, въ этой волости, описанной въ той же книгѣ, встрѣчаемъ новыя помѣстья указанныхъ лицъ. Тоже подтвержденіе ссылокъ находимъ и относительно вол. *Покровской* (с. 533 и слѣд.), описанной подробнѣе всѣхъ другихъ (вол. Нещерда занимаетъ въ этомъ отношеніи 2-е мѣсто). Очевидно послѣ этого, что отвѣтовъ на ссылки мы должны искать въ этой же книгѣ и, если не находимъ ихъ, то это доказываетъ, что книга № 3 дошла до насъ далеко не въ полномъ своемъ составѣ. Тоже подтверждаетъ и порядокъ расположенія нѣкоторыхъ волостей: такъ, вол. *Неведринская* описана не подрядъ, а въ двухъ мѣстахъ книги (с. 481—84 и с. 511—515), вол. *Непоротовская*—также въ двухъ мѣстахъ (с. 507—511 и с. 515—18). Неполнота этой книги доказывается, наконецъ, и тѣмъ, что волости ея не имѣютъ общихъ итоговъ. Они встрѣчаются только въ слѣдующихъ книгахъ—въ №№ 4, 5 и 6. Вообще, эти послѣднія сохранились въ цѣломъ своемъ

составѣ. Имѣ и легче было сохраниться въ такомъ составѣ, потому что онѣ невелики и представляютъ нѣкоторую, такъ сказать, специальную: № 4 и 6 исключительно описываютъ помѣстья, розданныя Новгородскимъ боярскимъ дѣтямъ двухъ пятинъ, а № 5—раздачу казакамъ мѣстъ и огородовъ въ гор. Нецердѣ. — Что касается рукописныхъ писцовыхъ книгъ (№№ 7—11), то ихъ отрывочность слишкомъ очевидна: всѣ онѣ представляютъ только „выписи“ изъ другихъ книгъ. Кромѣ этихъ 8 „выписей“ рукописныхъ книгъ, въ „книгѣ рубежей“ помещено 6 „выписей“—также изъ различныхъ писцовыхъ книгъ. Такимъ образомъ, существовало 14 книгъ, не дошедшихъ до насъ вполнѣ. Но ихъ было и еще больше, напр.: существовала, конечно, книга города Полоцка, которую московскіе писцы и мѣрщики должны были составить прежде всего. И такъ, всѣ эти данныя ясно доказываютъ, что до насъ дошли только отрывки книгъ и, что, слѣдовательно, рукопись Литовской метрики № 300 не заключаетъ въ себѣ полного собранія всѣхъ полоцкихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка.

Я считъ необходимымъ подробнѣе остановиться на разсмотрѣніи Полоцкихъ писцовыхъ книгъ, чтобы дать понятъ — съ какимъ матеріаломъ пришлось мнѣ имѣть дѣло. Все сказанное доселѣ убѣждаетъ, что этотъ матеріалъ очень не богатъ... Еще болѣе я убѣдился въ томъ, когда приступилъ къ обработкѣ его для нанесенія на карту.

II.

Первою подготовительною работою для составленія карты я считаю составленіе списка населенныхъ и другихъ пунктовъ, описанныхъ въ писцовыхъ книгахъ. Эта работа во многомъ облегчитъ дальнѣйшую задачу. Составленный мною списокъ ⁽¹⁸⁾ заключалъ въ себѣ слѣдующія рубрики: а) дѣленія повѣта на волости и дѣленія послѣднихъ на помѣстья, б) названія каждаго населеннаго и пустаго пункта и в) географическое положеніе пунктовъ: рѣки, озера, болота и пр. Всѣ эти свѣдѣнія записывались въ томъ порядкѣ, въ какомъ они встрѣчаются

⁽¹⁸⁾ Онъ приложенъ ниже, но съ поправками и дополненіями.

въ писцовыхъ книгахъ. Другаго порядка и незначѣмъ искать, такъ какъ почти всегда порядокъ описи соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если встрѣтятся исключенія, то, составивши списокъ, не трудно уже сдѣлать необходимыя поправки въ размѣщеніи волостей и проч.

Когда составленъ такой списокъ для цѣлой волости, тогда вся она будетъ такъ сказать передъ глазами: списокъ укажетъ на всѣ географическіе признаки — рѣки, озера и проч., при помощи которыхъ возможно опредѣлить территорію волости. Затѣмъ, въ каждой волости тѣже географическіе признаки покажутъ гдѣ нужно искать извѣстное селеніе, пустошь и пр. Если около извѣстнаго пункта нѣтъ географическаго признака (а такихъ пунктовъ — большинство), нѣтъ — слѣдовательно — прямыхъ данныхъ для опредѣленія его положенія, тамъ списокъ дастъ для этого косвенныя данныя: онъ укажетъ на принадлежность пункта къ извѣстному помѣстью, а въ этомъ помѣстьѣ около другихъ пунктовъ могутъ встрѣтиться географическіе признаки. Правда, все это можно узнать и безъ помощи списка, имѣя предъ собою самую писцовую книгу. Но здѣсь, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, т. е. при опредѣленіи каждаго пункта, приходится рыться по всему помѣстью, по всей волости, а нерѣдко и за предѣлами ея, т. е. каждый разъ пересматривать нѣсколько страницъ, листовъ книги. Времени на это уйдетъ больше, чѣмъ на предварительное составленіе разъ на всегда одного списка. Притомъ, при существованіи послѣдняго, *меньше* будетъ разныхъ пропусковъ и промаховъ (безусловнаго отсутствія ихъ нельзя ожидать въ подобныхъ кропотливыхъ работахъ)...

Такимъ образомъ, цѣль списка: а) собрать *матеріалъ*, который долженъ бѣть нанесенъ на карту и б) *помочь* этому нанесенію. Въ первомъ отношеніи необходимо рѣшить вопросъ: *что* наносить на карту?

Прежде всего желательно, конечно, имѣть на картѣ *границы* данной области. Понятіе о *предѣлахъ* ея даетъ самый матеріалъ, нанесенный на карту, т. е. чѣмъ больше нанесено на карту пунктовъ и чѣмъ большее пространство они захватываютъ, тѣмъ ближе опредѣляются предѣлы области. Но это будетъ только *приблизительное* опредѣленіе пространства ея. *Точное* опредѣленіе его могутъ дать только указанія на *границы*. Полоцкія писцовыя книги (собственно — „книга

рубежей“) даютъ эти указанія почти для всего повѣта (см. ниже— „объясненія къ картѣ“).

Затѣмъ желательно видѣть на картѣ обозначеніе предѣловъ волостей, становъ или другихъ дѣленій области. Описанія волостныхъ границъ рѣдко встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ. Въ Полоцкихъ книгахъ описаны частію границы только немногихъ порубежныхъ волостей. Для остальныхъ волостей возможно только приблизительное указаніе предѣловъ ихъ. Но и здѣсь часто встрѣчаются недоразумѣнія: путаница въ разграниченіи разныхъ мелкихъ областныхъ дѣленій составляла обычное въ то время явленіе (19), наблюдаемое и въ Полоцкомъ повѣтѣ. Напр.: нѣкоторыя волости (Турунтовская, Непоротовская, Нещерда,— см. „объясненія“) состоятъ изъ двухъ половинъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга территоріей другой волости, въ 10—20—25 верстъ. Или, напр., нѣкоторыя волости заключаютъ въ своихъ предѣлахъ помѣстья и отдѣльные пункты другихъ волостей (напр. въ Неведринской волости встрѣчаются помѣстья и пункты волостей: Турунтовской, Покровской, Непоротовской и проч.; см. „объясненія“).

Въ полоцкомъ повѣтѣ существовало только дѣленіе на волости (20). Но въ этомъ дѣленіи есть особенность, которой нельзя пройти безъ вниманія. Въ писцовыхъ книгахъ описано 11 волостей и — всѣ онѣ болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ (21), слѣдоват. можно допустить, что всѣ онѣ были административно-судебными единицами. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительно встрѣчаемъ указанія на выборныхъ людей („старость“, „вожей“, „войтовъ“ и пр.), напр. — въ Озерницкой, Усвятской, Покровской, Нищенской. Въ „книгѣ рубежей“ частію описаны, а частію только упомянуты 52 волости. Но изъ нихъ только 15 волостей — по своимъ размѣрамъ и по другимъ указаніямъ (22) — могутъ быть признаны за административно-судебныя

(19) «Истор. мѣстн. управл.», Градовскаго, с. 267.

(20) Встрѣчается только одно неясное указаніе на *станъ* (Петровский) въ Дрысеицкой волости (с. 468).

(21) Напр.: волости Озерница и Усвятъ были такъ велики, что составляли сначала особый «уѣздъ», имѣвшій своего воеводу (см. «объясненія»).

(22) Напр.: нѣкоторыя изъ нихъ называются иногда «уѣздами» (вол. Лукомльская), даже «повѣтами» (вол. Дрысеицкая), — въ другихъ встрѣчаются выборныя власти и пр.

единицы. Что же такое остальные 37 волостей? Всѣ онѣ вообще очень небольшихъ размѣровъ: состоятъ изъ 5 (рѣдко—больше)—3—2 сель, чаще же изъ 1 села, съ тянувшими къ нему деревнями. Въ послѣднемъ случаѣ почти всегда волость называется по имени своего единственнаго села. При нѣсколькихъ же селахъ иногда случается, что имя волости не повторяется между именами сель, входящихъ въ ея составъ. Число деревень въ такихъ малыхъ волостяхъ различно: отъ 2—3 до 10—15. Съ другой стороны, многія изъ этихъ волостей входили въ составъ большихъ. Слѣд., терминъ „волость“ примѣнялся къ нимъ не для указанія на ихъ административно-судебное значеніе, а въ другомъ смыслѣ: въ смыслѣ вообще *владѣнія*, собственности извѣстнаго лица, подобно тому, какъ тотъ же терминъ примѣнялся въ древней Руси къ княжескимъ земельнымъ владѣніямъ, каковы бы ни были ихъ размѣры („волость великаго князя“ и т. п.). На такое значеніе малыхъ волостей намекаетъ самая „книга рубежей“, напр.: одна изъ малыхъ волостей называется такъ: „волость *Иуменкина Шерошкова* монастыря“.—Карта съ указаніемъ предѣловъ такихъ волостей-помѣстій и вообще помѣстій, имѣла бы большое значеніе. Но, если существуютъ затрудненія при опредѣленіи пространства и болѣе крупныхъ дѣленій, то о мелкихъ нечего и говорить.

Самый главный матеріалъ, который долженъ быть нанесенъ на карту, это — *населенные пункты*. Зная, что полоцкій повѣтъ сильно пострадалъ во время московско-литовской войны, что составленные въ то время писцовыя книги не отличаются полнотою, что—притомъ—до насъ дошли далеко не всѣ книги, я напередъ ожидалъ, что списокъ полоцкихъ поселеній будетъ крайне скуденъ. И, дѣйствительно, вотъ какіе результаты получены мною: въ писцовыхъ книгахъ и въ „Книгѣ рубежей“ описано или только поименовано слѣдующее количество населенныхъ пунктовъ: 1) 9 городовъ, 2) 4 слободы, 3) 5 погостовъ ⁽²³⁾, 4) 134 села ⁽²⁴⁾, 5) 34 сельца, 6) 278 деревень и 7) 87 починковъ, всего = 551 *населенный пунктъ*. Цыфра крайне недостаточная для такого

⁽²³⁾ Т. е. погостовъ *оныхъ* селеній,—села же съ храмами вошли въ слѣдующую рубрику.

⁽²⁴⁾ Въ селахъ указанъ 41 храмъ.

большаго пространства, какое занималъ тогда Полоцкій повѣтъ: въ немъ несомнѣнно было больше поселеній, не смотря на все его разореніе отъ войны. Дѣйствительно, въ „Книгѣ рубежей“ — кромѣ населенныхъ пунктовъ, описанныхъ или переименованныхъ, и потому вошедшихъ въ предъидущее исчисленіе — встрѣчаются указанія на слѣдующее количество *безыменныхъ* поселеній (т. е. не описанныхъ, даже не поименованныхъ, а только перечисленныхъ): 1) 19 селъ, 2) 8 сельцовъ, 3) 983 деревни и 4) 1 починокъ, всего = 1011 *пунктовъ*.

И такъ, въ Полоцкомъ повѣтѣ было *болѣе 1500* населенныхъ пунктовъ. Но и эту цифру нельзя считать близкою къ дѣйствительности, имѣя въ виду, что въ дошедшихъ до насъ книгахъ описанъ далеко не весь повѣтъ. Во всякомъ случаѣ, изъ этой 1^{1/2} тысячи пунктовъ оказывается возможнымъ нанести на карту только *третью часть*, т. е. только тѣ пункты, которые или описаны, или поименованы въ книгахъ.

Число *дворовъ* въ 551 пунктѣ = 517. Эта цифра видимо не соответствуетъ числу поселеній: если полагать только по 1 двору на каждый пунктъ, и тогда ихъ должно быть больше. Между тѣмъ, во многихъ селеніяхъ было больше 1 двора. Такая несоразмѣрность объясняется тѣмъ, что (какъ уже замѣчено) „Книга рубежей“ не во всѣхъ селеніяхъ показываетъ число дворовъ. Большая часть селеній заключала по 1 двору, рѣже — по 2—3, а выше этой нормы — очень рѣдко ⁽²⁵⁾.

Кромѣ населенныхъ пунктовъ, въ книгахъ описываются *пустоши*, которыя слѣдуетъ наносить на карту уже потому одному, что онѣ наравнѣ съ поселеніями указываютъ на предѣлы волостей. Но есть и другія основанія для ихъ нанесенія. Происхожденіе пустошей извѣстно: это — *прежнія поселенія*, въ которыхъ съ теченіемъ времени не только исчезло населеніе, но даже и всякіе слѣды прежняго жилья, а сохранилось одно только старинное *названіе* мѣстности. Слѣд., пустоши

⁽²⁵⁾ Самыя высшія цифры дворовъ: въ 2 пунктахъ по 8 дворовъ, въ 1 п.—9 дворовъ, въ 1 п.—12 дворовъ. А въ 1 селѣ съ его 2 деревнями (№ 1219 списка) показано 35 дворовъ.

указываютъ на количество и предѣлы прежней *населенности* извѣстной области и въ этомъ отношеніи имѣютъ большое значеніе. Притомъ, относительно разсматриваемаго времени (2-й половины XVI в.) пустоши важны потому, что онѣ говорятъ о населенности сравнительно недавней, такъ какъ именно въ это время переселенія крестьянъ значительно усилились и пустоши стали появляться въ громадномъ количествѣ. Въ „Книгѣ рубежей“ нерѣдки примѣры того, какъ населенные пункты быстро превращались въ пустоши ⁽²⁶⁾. Пустоши важны, наконецъ, и въ томъ отношеніи, что онѣ указываютъ на мѣста послѣдующихъ поселеній. Это обратное превращеніе пустошей въ „живущіе“ пункты также наблюдается въ Полоцкомъ повѣтѣ ⁽²⁷⁾.

Пустоши въ полоцкомъ повѣтѣ (какъ и въ другихъ московскихъ областяхъ) носили 2 названія: собственно „пустоши“ и „селища“. Въ чемъ заключалась разница между ними—не видно ⁽²⁸⁾. Въ писцовыхъ книгахъ и въ „Книгѣ рубежей“ описаны 404 пустоши и 173 селища, всего = 577 *пунктовъ*.

Еще болѣе существуетъ основаній для нанесенія на карту „пу-

⁽²⁶⁾ Напр.: въ 1566 г., въ Озерической вол. упоминаются — село *Стагровица* (№ 969) и дер. *Мошны* (№ 960) (с. 425), а въ 1571 г. оба эти пункта названы уже «селищами» (с. 454). Тоже самое и въ тотъ же срокъ произошло съ селомъ *Оболежъ* (№ 971) (с. 430 и 451) и мн. др. Или, напр.: селище *Дозды* (№ 1117) имѣть (с. 444) приписанна къ нему «угодья»: очевидно отсюда, что не задолго до описи оно было еще населеннымъ пунктомъ. Встрѣчаются и др. подобныя примѣры.

⁽²⁷⁾ Напр.: въ 1566 г. крестьянамъ Непоротовской вол. было дано «на лготу» нѣсколько пустошей, съ обязательствомъ выставить на нихъ дворы (с. 516—517). Нѣсколько ниже—4 изъ этихъ пустошей названы уже *починками* и показано населеніе ихъ (см. №№ 767, 770, 771 и 772).—Изъ практики слѣдующаго столѣтія можно привести болѣе яркіе примѣры. Напр.: обѣ Усвятек. починки *Мартыновъ* (№ 1156) въ «Переписной книгѣ» (Моск. Арх. Мин. Юст. рукопись № 290, лис. 427 на обор.) 1658 г. сказано: «пустошь Мартыново, а на ней дворъ бобыльской». Или: обѣ Озерической пустоши *Галичъ* (№ 902) въ «переписной книгѣ» 1659 г. (ibid., л. 503) сказано: «пустошь Голцovo, а на ней дворъ помѣщиковъ». Въ *Сороцкой* вол. Усвятскаго уѣзда—въ той же переписной книгѣ (л. 511—512) упомянута *пустошь Часовня съ 3 дворами* (см. также л. 516 и др.). Очевидно, что во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ наблюдается самый моментъ превращенія пустошей въ «живущіе» пункты.

⁽²⁸⁾ Въ значеніи пустоши упоминается однажды «займище» (с. 458).—Въ одномъ современномъ южнорусскомъ актѣ («Археогр. Сборн. Вилен. комисс.» I, № 73) пустоши называются «пустовицизнами».

стѣхъ“ деревень и другихъ „пустыхъ“ пунктовъ. Это—тѣ же пустоши, но онѣ такъ еще сравнительно недавно были населенными пунктами, что въ нихъ сохранились: а) или *остатки жилья*, или б) въ ихъ названіяхъ—*указанія на* прежнюю ихъ *населенность*. Въ виду этихъ особенностей, „пустые“ пункты всегда — какъ въ описи, такъ и въ итогахъ—отдѣляются отъ пустошей. Случаи смѣшенія тѣхъ и другихъ попадались мнѣ очень рѣдко (см. напр. такой случай на стр. 461, гдѣ деревня безъ дворовъ (по описи) *Захарова*—названа въ итогѣ пустошью).

Виды пустыхъ пунктовъ (по Полоцкимъ книгамъ) очень разнообразны. Къ 1-му разряду (т. е. съ остатками жилья) относятся: 1) *селища и пустоши съ храмами*. Такихъ пунктовъ описано 4. Въ нихъ упоминаются одни только храмы, безъ церковныхъ дворовъ, слѣд. это были опустѣлые погосты. О состояніи храмовъ ничего не говорится, но во всѣхъ 4 случаяхъ (см. №№ 897, 980, 988 и 996) указано въ чье имя былъ освященъ храмъ. 2) *Деревни съ „пустыми дворами“*. Здѣсь указываются очень ясные слѣды недавняго жилья—пустые дворы, число которыхъ всегда опредѣляется какъ въ описи, такъ и въ итогахъ (случайные пропуски ихъ очень рѣдки, см. напр. с. 503). Сюда же относятся и *пустоши, „что были села,“ съ пустыми дворами* (2 пункта). 3) *пустоши съ печищами*. Напр.: „пустошь что было село *Галио*, а въ немъ 10 *печищъ*“ (№ 902); „пустошь что было село *Орліево*, а въ немъ 9 *печищъ*“ (№ 924) и т. п., или просто: „пустошь *Молитвеничи*, а въ ней 5 *печищъ*“ (№ 1084), „пустошь *Двято*, а въ ней 8 *печищъ*“ (№ 1087) и т. п. Что такое „печища“? Очевидно, что это были остатки, развалины избъ, среди которыхъ лучше всего сохранились остатки печей. Такое объясненіе представлялось мнѣ сначала невозможнымъ въ виду большого числа печищъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. И въ вышеприведенныхъ примѣрахъ число ихъ не соответствуетъ обычной нормѣ крестьянскихъ дворовъ въ тогдашнихъ Полоцкихъ селеніяхъ, но есть примѣры и еще бôльшаго количества печищъ: попадаются, напр., пункты съ 13 (№ 947), 16 (№ 950) печищами и пр. Но одно случайное указаніе разсѣяло это сомнѣніе: въ рукописной „переписной книгѣ“ Усвятекаго уѣзда XVII в. (Моск. Арх. Мин. Юст. рукопись № 290, л. 411 на обор.) — о „пустошахъ съ печищами“ замѣ-

чено: „а которые крестьяне на тѣхъ печищахъ прежь сево живали, и тѣ крестьяне сошли отъ разныхъ людей, а иные съ голоду померли.....“ и пр.—Замѣчательно, что эти пустоши съ печищами указаны только въ двухъ смежныхъ волостяхъ—*Озерницахъ* и *Усвятъ*.

2-й разрядъ пустыхъ пунктовъ составляютъ тѣ, въ которыхъ уже не осталось слѣдовъ жилья, но только въ самыхъ названіяхъ ихъ сохранились указанія на ихъ прежнюю населенность. Сюда относятся: 1) *деревни „пусты“*. Въ описаніи они всегда носятъ эпитетъ: „пусты“, указывающій на то, что прежде они были населенными пунктами. Въ итогахъ эти деревни большею частію составляютъ самостоятельную рубрику, а иногда сливаются въ одну рубрику съ „живущими“ деревнями. Сель „пустыхъ“ не встрѣчалось, изъ починковъ — только одинъ (с. 491). 2) *Деревни и починки безъ дворовъ*, т. е. пустоши, удержавшія еще названія „деревень“ и „починковъ“, но безъ прибавки эпитета „пусты“. Напр.: „деревня *Лобачова*; пашни...“ столько-то (с. 523); „дер. *Станки*; пашни...“ столько-то (с. 535) и т. п. Если въ помѣстьяхъ, къ которымъ принадлежатъ такія деревни, есть и населенные пункты, то въ итогахъ тѣ и другіе иногда смѣшиваются въ одну рубрику, а въ противномъ случаѣ деревни безъ дворовъ составляютъ самостоятельную рубрику „деревень“, но безъ эпитета „пусты“. Между этими пунктами сель также не встрѣчается. 3) *пустоши „что были села“, — „что были деревни“, — „что были починки“*. Выраженіе „что были“ — указываетъ на недавнее запустѣніе этихъ пунктовъ. Это выраженіе удерживается только въ самой описи, а въ итогахъ такіе пункты сводятся вмѣстѣ съ пустошами. Селищъ съ этими прибавками не встрѣчается. Этотъ видъ пустыхъ пунктовъ составляетъ переходную ступень къ пустошамъ.

Въ писцовыхъ книгахъ и въ „Книгѣ рубжей“ описано слѣд. количество „пустыхъ“ пунктовъ: 1) пустошей и селищъ съ храмами=4, 2) деревень съ пустыми дворами=45⁽²⁹⁾, 3) пустошей съ печищами=50⁽³⁰⁾ 4) деревень „пустыхъ“=39, 5) деревень безъ дворовъ=40, 6) почин-

⁽²⁹⁾ Число «пустыхъ дворовъ» (какъ въ пустыхъ, такъ и въ населенныхъ пунктахъ)=85.

⁽³⁰⁾ Въ нихъ перечислено 308 печищъ.

ковъ безъ дворовъ=19, 7) пустошей „что были села“=8, 8) пустошей „что были деревни“=18 и 9) пустошей „что были починки“=3, всего=226 *пунктовъ*. Затѣмъ въ „Кн. рубежей“ перечислено (безъ приведенія названій)=77 „пустыхъ“ деревень. Итого=303 „пустыхъ“ пункта.

И такъ, вотъ весь матеріаль, добытый изъ писцовыхъ книгъ и изъ „Книги рубежей“: а) поселеній=551, б) „пустыхъ“ пунктовъ=226 и в) пустошей=577, всего=1354 *пункта*. Кромъ того, безыменныхъ пунктовъ: а) поселеній=1011 и б) „пустыхъ“ пунктовъ=77, всего=1088 *пунктовъ*. А тѣхъ и другихъ вмѣстѣ=2442 *пункта* ⁽³¹⁾. Понятно, что матеріаломъ для нанесенія на карту могутъ служить только первые 1354 пункта. Что касается безыменныхъ, то ихъ нельзя считать окончательно потерянными, такъ какъ, кромъ изданныхъ и извѣстныхъ доселѣ, могутъ обнаружиться и другія Полоцкія писцовыя книги XVI в., могутъ—затѣмъ—появиться акты, уясняющіе эту сторону древней географіи Полоцк. области. Чтобы хотя отчасти обнаружить безыменные пункты и тѣмъ увеличить свой матеріаль, я пересмотрѣлъ почти всѣ изданные доселѣ акты, въ которыхъ ожидалъ встрѣтить данныя для Полоцкой географіи 2-й полов. XVI в. ⁽³²⁾. Эти поиски дали слѣд. скудные результаты: въ пяти современныхъ актахъ ⁽³³⁾, касающихся По-

⁽³¹⁾ Г. П. А. Соколовскій («Экон. бытъ землед. насел. Росс. и колонизація.... предъ крѣп. правомъ», с. 167), говоря объ обиліи пустошей въ концѣ XVI в., приводитъ между прочимъ въ примѣръ и Полоцкій повѣтъ: «въ Полоцкомъ *повѣтъ*—говоритъ онъ—въ 1569 г. (?) количество селищъ почти тоже что и селъ (Писцов. кн. *Калачова* отд. II. 443—55)». Очевидно, что авторъ разумѣетъ здѣсь *весь* Полоцкій повѣтъ. Но изъ цитируемыхъ имъ страницъ полоцкихъ книгъ видно, что онъ обратилъ вниманіе только на послѣднія страницы «Кн. рубежей», именно—на «смекъ» 1571 г. (а не 1569 г.), въ которомъ описано 54 селища (Овериц. волости), но ни одного селенія здѣсь нѣтъ. Если авторъ разумѣетъ здѣсь *весь* повѣтъ, то выводъ его ошибоченъ. Всѣхъ «пустыхъ» п-въ, пустошей и селищъ описано и перечислено (т. е., включая сюда и безыменные) 880, а поселеній (также—съ безыменными)—1532 *пункта* (разумѣю здѣсь только пункты напечатанныхъ книгъ), т. е. населенныхъ пунктовъ было почти вдвое больше пустыхъ. Но и этотъ послѣдній выводъ нужно относить только къ описаннымъ частямъ повѣта, а никакъ не ко *всему* повѣту...

⁽³²⁾ Пересмотрѣны слѣд. изданія: «Акты Ист.», «Ак. Арх. Эксп.», «Доп. къ ак. ист.», «Ак. Запад. Росс.», «Ак. Юж. и Зап. Рос.», «Ак. Вилен. Ком.», «Археогр. Сбор. Вилен. Комис.», «Бѣлорус. Архивъ» и др.

⁽³³⁾ «Ак. Зап. Рос.», III, №№ 137 и 143 (1583—84 г.г.), «Ак. Юж. и Зап. Рос.», I, №№ 196 и 215 (1589 и 1595 г.г.) и «Арх. Сб-къ Вил. ком.», I, № 59 (1588 г.). Къ гео-

лоцкого повѣта, я нашелъ всего 56 новыхъ пунктовъ: 34 села и 22 пустоши. Затѣмъ, въ лѣтописныхъ выпискахъ, помѣщенныхъ въ IX т. „примѣчаній“ къ исторіи Карамзина—встрѣтилъ 2 новыхъ города.—Кромѣ того, какъ вышеупомянутые, такъ и другіе акты дали нѣсколько новыхъ данныхъ для опредѣленія положенія пунктовъ, уже извѣстныхъ по писцовымъ книгамъ. Такія же дополнительныя свѣдѣнія дали (относительно 37 пунктовъ) и рукописныя писцовыя книги.

Когда весь этотъ матеріалъ былъ собранъ, оставалось приступить къ главной задачѣ—къ нанесенію его на карту.

III.

Данныя для опредѣленія географическаго положенія населенныхъ и другихъ пунктовъ, описанныхъ въ писцовыхъ книгахъ, заключаются въ самыхъ книгахъ. Эти данныя двухъ родовъ: а) *прямые* указанія на положеніе извѣстнаго пункта у извѣстной рѣчки, рѣчки, озера и т. п. и б) *косвенныя* указанія на положеніе пункта среди другихъ, т.-е. указанія на принадлежность его къ извѣстной волости и къ извѣстному помѣстью. Перваго рода данныя слишкомъ общи и неопредѣленны: говорится, напр., что „такой-то пунктъ лежитъ на такой-то рѣкѣ, — на такомъ-то озерѣ“ и т. п. Но какъ бы ни было коротко теченіе рѣчки, на берегахъ ея можетъ помѣститься нѣсколько пунктовъ. Притомъ: въ какомъ именно мѣстѣ теченія рѣчки поставить извѣстный пунктъ? на какомъ берегу? или—въ какомъ разстояніи отъ берега?—писцовыя книги не даютъ (за крайне рѣдкими исключеніями) отвѣта на эти и тому подобныя вопросы. Также неопредѣленность и съ озерами, особенно съ крупными. Но все же эти данныя имѣютъ большое значеніе: болѣе или менѣе приблизительно они даютъ нѣкоторое понятіе о положеніи пункта. Между тѣмъ, этихъ данныхъ сравнительно очень немного: для большинства пунктовъ существуютъ только вышеупомянутыя косвенныя указанія, а эти послѣднія — еще темнѣе первыхъ. Предѣлы волости такъ велики, что на пространствѣ ея помѣстится не одна сотня пунктовъ. Принадлежность къ помѣстью

графіи повѣта имѣетъ отношеніе еще «Акт. Юж. и Зап. Рос.» т. I, № 132: «Росписаніе бродовъ на р. Двина, 1557 г.» (поселеній здѣсь не встрѣчается).

указывает на меньшую территорию. Но не всегда сосредоточиваются въ одномъ мѣстѣ все пункты извѣстнаго помѣстья, чаще—они бываютъ разбросаны въ разныхъ частяхъ волости, иногда на значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

И такъ, все географическія данныя писцовыхъ книгъ—а полоцкія книги не представляютъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія,—настолько общи и неопредѣленны, что при указаніи только этихъ данныхъ немыслимо опредѣлять географическое положеніе пунктовъ. Чтобы достигнуть послѣдняго, необходимо прибѣгнуть къ слѣдующему *единственно-возможному* приему (указанному г. директоромъ Археологическаго Института).

Извѣстна народная привязанность къ стариннымъ мѣстамъ поселеній: многія современные селенія не только и доселѣ существуютъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже нѣсколько столѣтій тому назадъ были населенные пункты, но даже сохранили *названія* (иногда, конечно, нѣсколько измѣненные) этихъ послѣднихъ. Отсюда-то и вытекаетъ слѣд. приемъ для составленія картъ по даннымъ писцовыхъ книгъ:

Прежде всего необходимо отыскать на *современной картѣ* поселенія—*одноименныя* и *подходящія* по своему географическому положенію къ поселеніямъ и другимъ пунктамъ писцовыхъ книгъ. Понятно, что здѣсь необходимо соблюденіе обоихъ условій: т. е. недостаточно только найти одноименные пункты на современной картѣ, но необходимо еще убѣдиться въ томъ, что они по своему положенію дѣйствительно подходятъ къ искомымъ пунктамъ писцовыхъ книгъ. Если 2-е условіе будемъ игнорировать, то произойдутъ крупныя ошибки, такъ какъ одноименныхъ пунктовъ можетъ быть нѣсколько и притомъ въ разныхъ мѣстахъ данной области. Съ другой стороны, небольшая разница между названіями XVI в. и современными, не должна останавливать изслѣдователя, такъ какъ понятно, что нѣсколько вѣковъ не могли пройти безслѣдно для названій.

Затѣмъ, когда найдены такіе пункты, остается—*наносить* на нѣмую карту пункты XVI в., ставя ихъ именно *въ тѣхъ точкахъ*, гдѣ стоятъ *соотвѣтствующіе* имъ пункты современной карты. Нѣмая карта должна быть точнымъ снимкомъ съ современной. Очевидно, что такіе крупныя географическіе признаки, какъ рѣки и озера—не могли потер-

пѣтъ *большихъ* измѣненій въ періодъ — на прим. — отъ XVI в.: они могли уменьшиться въ своихъ размѣрахъ, могли потерпѣть измѣненія въ очертаніяхъ береговъ, но направленіе ихъ (за крайне рѣдкими исключениями) не измѣнилось. Слѣдовательно не будетъ крупныхъ ошибокъ, если современные рѣки и озера будутъ представлены на картѣ XVI в. въ своемъ теперешнемъ видѣ. Притомъ же, если бы мы и пожелали возстановить древнія рѣки и озера въ ихъ тогдашнемъ состояніи, то гдѣ нашли бы данныя и средства для такого возстановленія? — Что касается мелкихъ рѣчекъ, озерковъ, болотъ, то они несомнѣнно измѣнились: рѣчки превратились въ ручьи, ручьи и озера изсыкли, болота высохли. Возстановить направленіе какой-либо исчезнувшей рѣчки, опредѣлить положеніе исчезнушаго озера и т. п. — возможно очень рѣдко, большею же частію эти мелкіе географическіе признаки пропадаютъ для составляемой карты.

На основаніи вышеуказаннаго приѣма, я приступилъ къ изученію современной карты *Витебской* губерніи (Полоцкъ — теперь уѣздный городъ этой губерніи). Существуютъ слѣдующія самыя подробныя карты Витебской губ. (изданныя военно-топографическимъ отдѣломъ Главнаго Штаба): 1) „Военно-топографическая карта Россійской имперіи“ (исправлена въ 1865—69 гг.): Витебская губ. на 25 листахъ, масштабъ — 3 версты въ дюймѣ; 2) „Новая специальная карта Европейск. Россіи“ (исправлена въ 1871 г.), подъ редакціей полк. *Стрельбицкаго*: Витебская губ. на 4 (неполныхъ) листахъ, масштабъ — 10 верстъ въ дюймѣ, и 3) „специальная карта западной части Росс. имп.“ (исправлена въ 1865 г.), подъ редакціей г.-л. *Шуберта*, масштабъ — 10 верстъ въ дюймѣ.

Я пользовался первою изъ нихъ, какъ самую подробно: мѣстность Полоцкаго повѣта захватываетъ 14 (неполныхъ) листовъ этой карты. Она служитъ прекраснымъ *пособіемъ* для подобныхъ работъ: на ней обозначены все поселенія, даже такія мелкія, какъ господскіе и постоялыя дворы, корчмы и пр., — все рѣки и озера, до самыхъ мелкихъ ручьевъ и озерковъ, — болота, горы и пр. Притомъ, на этой картѣ приведены *названія* почти всехъ географическихъ признаковъ, за исключеніемъ самыхъ мелкихъ. — „Новую специальн. карту“ нельзя здѣсь руководиться,

потому что она 1) лишена многихъ подробностейъ предъидущей карты (мелкихъ селеній, рѣчекъ и пр.), а 2) на ней не только небольшія рѣчки и озера, но весьма часто и значительныя рѣки и озера представлены безыменными. — Карта г.-л. Шуберта представляетъ то же самое, что и предъидущая, — разница только въ годахъ изданія.

Помощью вышеуказаннаго приѣма мнѣ удалось опредѣлить положеніе слѣдующаго количества пунктовъ: а) населенныхъ = 190 (изъ 587 пунктовъ писцов. книгъ и актовъ), б) „пустыхъ“ = 40 (изъ 226 п.—въ) и в) пустошей = 121 (изъ 599 пустошей писц. книгъ и актовъ), всего = 351 пунктъ (изъ 1412 п.—въ).

Основанія, по которымъ я возстановлялъ положеніе извѣстныхъ пунктовъ, указаны для каждаго изъ нихъ отдѣльно въ приложенномъ ниже спискѣ пунктовъ. Здѣсь же сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній. Основанія нанесенія пунктовъ на карту двухъ родовъ: а) *болѣе или менѣе достовѣрныя* и б) *сомнительныя*. На основаніяхъ перваго рода нанесено 180 пунктовъ, 2-го рода — 171 пунктъ. Такъ какъ тѣ и другія основанія представляютъ не болѣе какъ *догадки* относительно дѣйствительнаго положенія пунктовъ въ XVI в., то отсюда вся карта получаетъ характеръ — карты *ипотетической*. Но инаго характера и не можетъ имѣть карта, основанная на данныхъ писцовыхъ книгъ и т. п. историко-географическихъ источниковъ. По этимъ даннымъ нельзя составить карты съ показаніями такого точнаго математическаго характера, какой имѣютъ современныя карты.

Впрочемъ, есть возможность дать болѣшую достовѣрность показаніямъ карты, составляемой по писцовымъ книгамъ. Чтобы получить несомнѣнную увѣренность въ томъ, что какое нибудь современное селеніе — положимъ *Берново* — стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, на какомъ стояло *Берново* XVI вѣка, для этого нужно найти *историческую связь* между тѣмъ и другимъ, нужно найти доказательства того, что современное Берново въ продолженіе всего своего существованія стояло на одномъ и томъ же мѣстѣ, или, по крайней мѣрѣ, доказательства того, что теперь оно стоитъ тамъ, гдѣ стояло въ XVI в. Достаточно даже будетъ, если исторія скажетъ только, что Берново XVI вѣка существовало приблизительно въ одномъ и томъ же мѣстѣ и въ XVII в., и въ

XVIII в.: тогда *основательные* будетъ признать современное Берново за Берново XVI в.

Такимъ образомъ, для составленія карты по писцовымъ книгамъ необходимо знать *исторію* cadaго села, каждой деревни и пр. Желаніе почти невыполнимое: наша историко-географическая литература на столько еще бѣдна, что мы не знаемъ исторіи даже большинства городовъ, а о болѣе мелкихъ пунктахъ нечего и говорить. Только немногимъ мѣстностямъ посчастливилось: нѣкоторыя губерніи имѣютъ или систематическую исторію населенныхъ пунктовъ⁽³⁴⁾, или отрывочныя свѣдѣнія по ихъ исторіи, разбросанныя въ различныхъ общихъ описаніяхъ губерній и въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ. Витебская губернія не принадлежитъ къ этимъ исключеніямъ: она не имѣетъ никакого общаго историко-географическаго описанія всей губерніи, — есть только трудъ г. А. М. Сементовскаго по исторіи *городовъ* губерніи: „Витебскъ и уѣздные города Витебской губерніи“ (Спб. 1864). Что касается современныхъ изданій этой губерніи („губернскихъ“ и „епархіальныхъ вѣдомостей“ и „памятныхъ книжекъ“), то съ ними я не успѣлъ познакомиться, слѣдов. не могу сказать: богаты-ли эти изданія матеріалами для исторіи поселеній губерніи, или же представляютъ въ этомъ отношеніи пустоту, обычную въ большинствѣ подобныхъ изданій....

Только относительно нѣкоторыхъ пунктовъ двухъ волостей Полоцкаго повѣта — Озерицкой и Усвятской, мнѣ удалось добыть дополнителныя свѣденія по ихъ исторіи. Благодаря посредству г. директора Археологическаго Института, я пересмотрѣлъ рукописныя „*переписныя книги*“ „Озерицкаго и Усвятскаго уѣздовъ XVII в.“⁽³⁵⁾, именно: Озе-

⁽³⁴⁾ Мнѣ извѣстенъ подобный трудъ для *Кіевской* губерніи: «Сказаніе о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевск. губ. или статистическія, историческія и церковныя замѣтки о всѣхъ деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ, въ предѣлахъ губерніи находящихся». Собралъ Н. Похилевичъ. Кіевъ, 1864, 4^о, стр. 463.

⁽³⁵⁾ Рукопись Моск. Арх. Мин. Юст. № 290: «Подлинная переписная книга Невельскаго, Озерицкаго, Усвятскаго, Велижскаго, Дорогобужскаго и Бѣльскаго уѣздовъ» (Три послѣдніе уѣзда не попали въ описъ писцов. книгъ, находящуюся въ I т. «Опис. докум. Моск. Ар. М. Юст.»).

рицскую книгу 1659 г. ⁽³⁶⁾ и Увятскія книги 1658 — 59 г.г. ⁽³⁷⁾. Матеріаль, извлеченный отсюда, не особенно богат: оказалось, что изъ 104 пунктовъ Озерицской волости XVI в. — въ Озерицскомъ уѣздѣ XVII в. сохранилось всего 7 пунктовъ, съ тѣми же названіями и приблизительно въ томъ же мѣстоположеніи, а изъ 176 пунктовъ Увятской волости XVI в. — въ Увятскомъ уѣздѣ XVII в. сохранилось 43 пункта. Изъ числа этихъ 50 пунктовъ, при помощи современной карты, опредѣлено положеніе 23 пунктовъ, именно: а) населенныхъ = 3, б) пустыхъ = 15 и в) пустошей = 5. Очевидно, что если эти 23 пункта существовали приблизительно на одномъ и томъ же мѣстѣ и въ XVI в., и въ XVII в., и на томъ же мѣстѣ существуютъ и теперь, то, слѣдовательно, положеніе ихъ опредѣлено *болѣе точно*, чѣмъ всѣхъ остальныхъ пунктовъ Полоцкаго повѣта, положеніе которыхъ извѣстно только въ 2 періода — въ XVI в. и въ XIX в. Что касается остальныхъ 27 пунктовъ, сохранившихся до XVII в., то, хотя относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ „перечислены книги“ и дали новыя, неизвѣстныя по книгамъ XVI в., данныя о ихъ положеніи, но опредѣлить это положеніе оказалось невозможнымъ, вслѣдствіе отсутствія подходящихъ пунктовъ на современной картѣ ⁽³⁸⁾.

Такъ какъ не всѣ современные поселенія сохранили свои старинныя названія, то спрашивается: какъ опредѣлять положеніе тѣхъ пунктовъ писцовыхъ книгъ, которые не имѣютъ соответствующихъ себѣ пунктовъ на современной картѣ? Нѣкоторые изъ такихъ пунктовъ можно приблизительно нанести на карту, основываясь на *опредѣленныхъ географическихъ данныхъ*, имѣющихся въ самыхъ писцовыхъ книгахъ. Напр.: можно нанести на карту такіе пункты, у которыхъ точно обозначено *сосѣдство* съ пунктами уже опредѣленными по первому приему. Затѣмъ, можно наносить пункты, положеніе которыхъ показано

⁽³⁶⁾ № 1915 вышеупомян. описи, — листы рукописи 351—360 и 390—93. Листы 361—379 относятся не къ Озерицкому (какъ указываетъ опись), а къ Невельскому уѣзду. Къ послѣднему же относятся и л. 380—389, которые пропущены въ описи (см. №№ 1693—98), равно какъ пропущены и л. 390—93, относящіеся къ Озериц. уѣзду.

⁽³⁷⁾ №№ 2748—50 описи, — лис. рукописи 394—526.

⁽³⁸⁾ Тѣ и другіе пункты обозначены въ списокѣ — каждый отдѣльно.

подлѣ *небольшаго* озера, — на рѣкѣ, въ опредѣленномъ *разстояніи* отъ пункта уже нанесеннаго, — на *устѣ* рѣчки, — на *мысь* озера и т. п.: во *всѣхъ* этихъ и т. п. случаяхъ (немногочисленныхъ вообще) положеніе пунктовъ будетъ опредѣлено довольно приблизительно, а иногда и совершенно точно. Крупныя ошибки произойдутъ здѣсь лишь тогда, когда станемъ широко пользоваться этимъ *пріемомъ*: когда, напр., станемъ по произволу наносить *всѣ* вообще пункты — *неопредѣленно* показанные на извѣстной рѣкѣ, озерѣ и т. п. Я старался не увлекаться этимъ *пріемомъ*, а потому при его помощи нанесъ на карту только слѣдующее количество пунктовъ: а) поселеній = 15, б) пустой пунктъ = 1 и в) пустошей = 10, всего = 26 *пунктовъ*.

Итакъ, изъ 1412 пунктовъ Полоцкаго повѣта, описанныхъ или *именованныхъ* въ писцовыхъ книгахъ 2-й половины XVI в. (печатныхъ и рукописныхъ) и дополненныхъ по актамъ того же времени, *нанесено* на карту помощью двухъ вышеуказанныхъ *пріемовъ* = 400 *пунктовъ*.

Вотъ путь, по которому шла моя работа. Какъ *первый* опытъ, она далеко не чужда *проблѣвъ* и *ошибокъ*, которые вообще *неизбѣжны* въ подобныхъ кропотливыхъ работахъ. Съ удовольствіемъ приму всякія указанія на неисправности моего труда. Всего болѣе я въ правѣ ожидать такихъ указаній и вообще всякихъ дополненій — со стороны знатоковъ *мѣстной* исторіи и географіи.

Объясненія къ картѣ.

Картографическая часть моей работы (исполненная въ картографическомъ заведеніи г. *М. Д. Рудометова*) шла такимъ путемъ: предварительно — съ 10-ти верстной „*Новой специальной карты*“ — была снята *нѣмая карта* въ увеличенномъ — *пятиверстномъ* масштабѣ. Это увеличеніе сдѣлано потому, что на 10-ти верстной *нѣмой картѣ* я не могъ бы помѣстить *всѣхъ* необходимыхъ знаковъ и названій. Когда тѣ и другія были нанесены мною на 5-тиверстную карту, послѣдняя была уменьшена (въ томъ же картогр. заведеніи) съ 5-тиверстнаго въ *9-тиверстный* масштабъ, въ которомъ и напечатана.

Объясненіе знаковъ. Всѣ встрѣчающіяся на картѣ *названія* уѣз-

довъ, волостей, населенныхъ и другихъ пунктовъ, рѣкъ, озеръ и пр.— представл: отъ названія XVI вѣка. Если по мѣстамъ приходилось упоминать *современныя* названія, то онѣ поставлены *въ скобкахъ*. При названіяхъ 11 волостей писцовыхъ книгъ стоятъ тѣ буквы (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, И, К, Л и М), подъ которыми эти волости значатся въ „Спискѣ“ (см. ниже). На картѣ эти буквы указываютъ: 1) на *части* волостей, лежащія отдѣльно отъ главныхъ и 2) на отдѣльные *пункты* известной волости, лежащіе въ предѣлахъ другихъ волостей. *Приблизительныя предѣлы* какъ волостей, такъ и отдѣльныхъ частей ихъ обозначены *красною линіею*. Если волость состоитъ изъ одного только пункта и носитъ его названіе, то на картѣ стоитъ только названіе этого пункта, съ прибавкою *Вол.*

„Рубежи“ повѣта обозначены *краснымъ пунктиромъ*, если они опредѣлены болѣе или менѣе *достоверно*. При *сомнительномъ* же опредѣленіи ихъ—идеть *красная линія крестиковъ* въ перемежку съ *чертами*. Рубежи обозначены буквами: *а, б, в, г, д и е*, соответственно ихъ дѣленію на 6 частей (указанному въ нижепомѣщенномъ описаніи ихъ).

Знаки пунктовъ:

|||| городъ, ⊕ *полюсть* и село съ храмомъ, ⊙ село, слобода, *сельцо*, ○ деревня и *починокъ*; △ все виды „пустыхъ“ *пунктовъ*, за исключеніемъ пустошей и селищъ съ *храмами*, которыя изображены такъ: ⊕; □ *пустоши* и *селища*.

Красною чертою *подчеркнуты* тѣ пункты, положеніе которыхъ опредѣлено болѣе или менѣе *достоверно*. Все остальные пункты (не подчеркнутые) сомнительнаго опредѣленія.

а) Волости Полоцкаго повѣта.

Въ составъ Полоцкаго повѣта во 2-й половинѣ XVI вѣка входили бѣльшая часть современной *Витебской губерніи* и нѣкоторыя части *сосѣднихъ* губерній, именно:

а) Витебской губерніи: 1) *Полоцкій уѣздъ* въ полномъ своемъ составѣ, 2) *Дриссенскій, Лепельскій и Городецкій уѣзды*—почти въ полномъ составѣ, 3) значительныя части уѣздовъ *Себежскаго* (восточная половина), *Невельскаго* (западная) и *Велижскаго* (сѣверо-западная) и

4) небольшія части уѣздовъ *Динабургскаго* и *Витебскаго*. Такимъ образомъ, только уѣзды *Рѣжичскій* и *Люцынскій* ни одною своею частию не входили въ составъ Полоцкаго повѣта.

б) Изъ *сосѣднихъ* губерній повѣтъ захватывалъ: 1) на сѣверѣ — небольшія части *Опочецкаго* уѣзда *Псковской* губерніи, 2) на западѣ — восточную половину *Дисненскаго* уѣзда *Виленской* губерніи, 3) на юго-западѣ — часть *Борисовскаго* уѣзда *Минской* губ. и 4) на юго-востока — часть *Сынновскаго* уѣзда *Могилевской* губерніи.

Изъ всего этого значительнаго пространства въ уцѣлѣвшихъ писцовыхъ книгахъ болѣе или менѣе подробно описаны только сѣверныя и сѣверо-восточныя волости, т. е. примыкавшія къ старымъ московскимъ землямъ. Затѣмъ, отчасти сохранились (въ „Книгѣ рубежей“) описанія юго-восточныхъ, южныхъ и юго-западныхъ волостей, за р. Двиною. Совершенно отсутствуютъ описанія сѣверо-западныхъ и центральныхъ (по р. Двигѣ) волостей.

На сѣверѣ Полоцкій повѣтъ *граничилъ* съ *Опочецкимъ* уѣздомъ, на востокѣ — съ *Великолукскимъ*, *Невельскимъ* и *Велижскимъ* уѣздами, на юго-востокѣ — съ *Сурожскимъ* и *Витебскимъ* уѣздами *Витебскаго* повѣта, на югѣ — съ *Виленскимъ* повѣтомъ, на западѣ — съ *Друйскимъ* уѣздомъ того же повѣта и на сѣверо-западѣ — съ *Рѣжичскимъ* и *Себежскимъ* уѣздами.

Самую сѣверную часть повѣта занимали волости *Непоротовская* (Ж) и *Покровская* (Е). Первая состоитъ изъ 2-хъ половинокъ — сѣверной и южной, отдѣленныхъ одна отъ другой вдающеюся между ними частию вол. *Покровской*.

Къ югу отъ южной половины вол. *Непоротовской* лежитъ вол. *Нищенская* (И). Къ востоку отъ нея и къ югу отъ вол. *Покровской* — вол. *Неведринская* (Г), а юго-восточнѣе послѣдней — сѣверная половина вол. *Турунтовой* (В).

Къ южнымъ предѣламъ вол. *Нищенской* примыкаетъ вол. *Межевская* (К). Къ юго-востоку отъ послѣдней и къ югу отъ сѣверной половины вол. *Турунтовой* лежитъ вол. *Нещерда* (А), а къ югу и къ юго-востоку отъ нея — вол. *Дрысецкая* (Д). (Послѣднюю волость, лежавшую на верховьяхъ р. *Дрыси*, нужно отличать отъ описанной въ „Книгѣ

рубежей“ — другой *Дрысецкой* волости, расположенной на низовьях той же рѣки, у города *Дрыси* (см. ниже).

Къ сѣверо-востоку отъ вол. *Дрысецкой* и къ востоку отъ сѣверной половины вол. *Турунтовой* лежала вол. *Неведерскій-Кубокъ* (В), а къ югу отъ нея — южная половина вол. *Турунтовой*. Къ югу и къ востоку отъ послѣдней — вол. *Озерищи* (Л), а восточнѣе ея — вол. *Усвятъ* (М). — (Въ „Книгѣ руб.“ *Озерицкая* и *Усвятская* волости представляются иногда самостоятельной частію — подъ именемъ *уѣзда* (стр. 425—429—431 и др.) и даже *повѣта* (с. 451 и др.) Въ качествѣ такой самостоятельной части *Озерицкій уѣздъ* отдѣляется отъ *Полоцкаго повѣта* и даже указывается рубежъ между ними. Эти показанія „Книги рубежей“ относятся къ 1566—1571 г. г. Но писцовая книга 1572 г. (№ 6) говоритъ объ *Озерищахъ* и *Усвятѣ* — какъ о *волостяхъ* *Полоцкаго повѣта*).

Къ югу отъ вол. *Нещерды* лежитъ небольшая ея часть, отдѣленная отъ волости пустымъ пространствомъ. Нѣкоторые пункты другихъ волостей также лежатъ внѣ предѣловъ своей волости, именно: нѣкоторые пункты вол. *Покровской* лежатъ въ южной половинѣ вол. *Непоротовской* (2 пункта), въ вол. *Неведринской* (6 п.), въ сѣверной половинѣ вол. *Турунтовой* (2 п.); одно помѣстье вол. *Покровской* лежитъ отдѣльно отъ волости — между волостью *Неведер.-Кубкомъ* и сѣверной половиной вол. *Турунтовой*; 3 пункта вол. *Непоротовской* лежатъ въ вол. *Неведринской*; въ послѣдней же волости лежитъ 1 пунктъ вол. *Турунтовой*; наконецъ, 1 пунктъ вол. *Нищенской* лежитъ въ вол. *Межевской*.

Волости „Книги рубежей“:

Къ западу отъ волостей *Нищенской* и *Межевской* лежитъ вол. *Освейская*, а къ юго-западу отъ нея — вол. *Дрысецкая* (эта волость, а также вол. *Лукомльская* (см. ниже) называются иногда „уѣздами“, даже „повѣтами“, но, кромѣ этихъ терминовъ, не встрѣчается другихъ данныхъ, которыя говорили бы о самостоятельности этихъ волостей).

Къ югу-востоку отъ вол. *Дрысецкой*, вверхъ по р. *Двинѣ* лежитъ

вол. *Десенская*. За р. Двиною, къ югу и къ юго-востоку отъ вол. Десенской лежатъ волости (въ порядкѣ—съ запада къ востоку): *Азаская, Витреная, Орѣховна, Воронетикая, Бобынитикая, Гомеикая, Мусырь* и *Тетчая*. Къ югу отъ вол. Орѣховны и къ западу отъ вол. Бобынитцкой—вол. *Прозоротикая*. Къ западу отъ послѣдней—волости: *Туя, Задорожье, Мюта* и *Глуботикая*. Къ югу отъ вол. Бобынитцкой—волости: *Кублвичи* и *Владычня*. Къ югу отъ волостей Бобынитцкой и Мусыри—вол. *Черствіе*. Къ югу отъ вол. Тетчой—волости: *Тураса* и *Усая*. Къ югу отъ вол. Черствіи и къ востоку отъ вол. Владычней лежатъ волости: *Пышня, Ворони, Лепельская, Ладосна, Суша, Ботыково* и *Селеикая*. Къ югу отъ послѣдней—вол. *Чашниччи*. Съ запада, юга и востока—вол. Чашниччи опоясывается самою южною волостью Полоцкаго повѣта—*Лукомльскою*. Къ сѣверо-восточнымъ предѣламъ послѣдней примыкаютъ волости: *Милковичи* и *Луиновичи*. Къ сѣверу отъ вол. Милковичей лежитъ вол. *Вязища*, къ юго-востоку—вол. *Сльщеничи*, а къ западу—вол. *Быстрия*.

Волости „Книги рубежей“ не вездѣ примыкаютъ другъ къ другу: между ними встрѣчаются *промежутки*, которые, очевидно, были заняты остальными 11 волостями, описанными въ „Книгѣ рубежей“. Положенія этихъ волостей нельзя было опредѣлить, такъ какъ ни одинъ изъ ихъ пунктовъ не нанесенъ на карту. Названія этихъ волостей приведены въ „спискѣ пунктовъ“.

Между р. Двиною и волостями: Дрысецкою, Освейскою, Межевскою, Нещердою, Турунтовою (южною половиною) и Озерищами — лежитъ значительное *пустое* пространство, на которомъ разбросано только нѣсколько пунктовъ, извлеченныхъ изъ актовъ. Но ни въ писцовыхъ книгахъ, ни въ „книгѣ рубежей“ нѣтъ описанія волостей, занимавшихъ это пространство. Въ послѣдней книгѣ *упоминается* (но не описывается) *8 волостей*, изъ которыхъ опредѣлена только вол. *Освейская* (см. выше). Нѣкоторыя изъ остальныхъ 7 волостей также—вѣроятно—занимали части этого пустого пространства. Вотъ ихъ названія: *Свила, Иуменьщина, Ивановщина, Луи, Зальсье, Елманы* (стр. 435) и *Завелицкая* (стр. 443).

б) Описание и объяснение „рубежей“ Полоцкого повѣта.

Въ „Книгѣ рубежей“ описаны рубежи почти всего Полоцкаго повѣта, за исключеніемъ сѣверо-восточной части его, т. е. за исключеніемъ рубежа, отдѣлявшаго волости: *Покровскую, Неведерскій-Кубокъ* и *Дрысенскую* (сѣверную)—отъ *Опочецкаго, Великолуцкаго* и *Невельскаго* уѣздовъ (въ этомъ мѣстѣ на картѣ показаны только приблизительные предѣлы указанныхъ волостей).

Большая часть рубежей описывается очень *подробно*: при описаніи ихъ упоминаются не только населенные и другіе пункты, рѣки, рѣчки, ручьи, озера, озерки, болота („мхи“ и „мшары“), горы, поля, лѣса („лѣса“ и „боры“), „пожни“ (луга), но и такіе мелкіе признаки, какъ— „суходоль“, поляна, дубъ, камень и т. п. (встрѣчаются два непонятныхъ термина: „рѣпище“ и „тяжница“). Понятно, что изъ всѣхъ этихъ признаковъ я могъ пользоваться только такими крупными, какъ рѣки, рѣчки, ручьи, озера, озерки и болота. Правда, на 3-хъ-верстной картѣ можно различать и поля, и лѣса, и горы, но всѣ они—безъ названій. Приведу такой случай: въ описаніи рубежа у *Лепельской* волости (см. „рубежь в“) сказано: рѣчка *Яса* „пошла по рубежю подлѣ *Точного* мху и подлѣ *Глинные* горы и позади *Офремова* поля и позади *Великого* бору...“ (с. 423). Дѣйствительно, на 3-хъ-верстной картѣ все это есть въ разсматриваемомъ мѣстѣ: мохъ, горы, боръ, поля, но все это—безъ названій, такъ что я не могъ воспользоваться этими подробностями, а потому провелъ рубежъ просто—по теченію рч. *Ясы*. Такіе случаи очень часты. Что касается опредѣленія болѣе крупныхъ географическихъ признаковъ—рѣчекъ, озерковъ и пр., то и здѣсь нерѣдки затрудненія вслѣдствіе отсутствія на современной картѣ названій этихъ признаковъ, или вслѣдствіе потери ими старинныхъ названій, или, наконецъ вслѣдствіе исчезновенія самыхъ признаковъ. Въ такихъ случаяхъ, равно какъ и въ случаяхъ слишкомъ подробнаго описанія рубежа—я проводилъ рубежъ *приблизительно*, гадательно. Но, конечно, и въ случаяхъ болѣе или менѣе достовѣрнаго опредѣленія рубежей—гадательность также играетъ не послѣднюю роль...

Для нѣкоторыхъ линій рубежа указаны иногда два направленія, т.

е. или 2-хъ разныхъ періодовъ времени, или 2-хъ разныхъ „сысковъ“, или—при московскомъ рубежѣ описывается и литовскій. Во всѣхъ этихъ случаяхъ я избиралъ для нанесенія на карту одно какое нибудь направленіе, казавшееся мнѣ болѣе основательнымъ. Причины такого предпочтенія одного рубежа другому указываются въ своемъ мѣстѣ.

Нижеслѣдующее описаніе рубежей изложено въ такомъ порядкѣ: въ кавычкахъ („ “) помѣщается *текстъ* описанія (нѣсколько исправленный), а вслѣдъ за текстомъ идутъ мои *объясненія* къ нему по современной картѣ, т. е.—указанія тѣхъ *основаній*, по которымъ рубежъ наносится на карту XVI вѣка.

Рубежи можно раздѣлить на 6 частей—соотвѣтственно порядку описанія ихъ въ „книгѣ рубежей“.

а) *Западный рубежъ: отъ устья рч. Индрицы до р. Великой* (неизвѣстнаго года, стр. 426—28):

„Отъ устья рч. *Индрицы*, которая пала въ р. *Двину* въ 5 в. отъ „гор. *Друи*, рубежъ идетъ вверхъ по этой рѣчкѣ 10 верстъ, затѣмъ поворачиваетъ къ оз. *Черному*—5 верстъ, а отъ него направляется *Чернымъ* ручьемъ къ оз. *Осуни*—угадомъ 20 верстъ“.

Современная рч. *Индрица* впадаетъ въ р. *Двину* съ правой стороны, въ 6 в. ниже гор. *Друи*. Веду рубежъ сначала по этой рѣчкѣ, затѣмъ—поворачиваю его на востокъ, къ оз. *Черному*, которое лежитъ въ 5 в. отъ того пункта рѣчки, гдѣ оканчивается 10-тиверстное разстояніе отъ ея устья. Отъ оз. *Чернаго* идетъ къ сѣверу сомнительный рубежъ—вслѣдствіе приблизительности показанія самого описанія („угадомъ 20 в...“) до оз. *Бол. Осуни* (на которомъ лежитъ мѣст. *Осунь*). Сомнительный рубежъ тянется на разстояніи 18 верстъ.

„А отъ оз. *Осуни* рубежъ писанъ прежь того...“

Дѣйствительно, раньше только что пройденнаго рубежа въ книгѣ помѣщено (с. 426—28) другое описаніе разсматриваемаго направленія. По этому описанію рубежъ начинается въ 33 в. восточнѣе устья рч. *Индрицы*, именно съ устья рч. *Уженца Болшого* (современная рч. *Ужница*, впадающая въ *Двину*, съ правой стороны, въ 4 в. ниже устья р. *Дриссы*) и идетъ на сѣверъ въ томъ же направленіи, какъ и предъиду-

щій рубежъ, но гораздо восточнѣе его. Я предпочелъ провести начало этого рубежа въ первомъ направленіи (которое называется въ „книгѣ руб.“ — „старымъ“), потому что иначе нѣкоторые пункты *Дрысецкой* волости очутятся за границами повѣта. Направленіе этого параллельнаго рубежа слѣдующее: сначала рубежъ идетъ вверхъ по рч. *Уженцу* (рч. *Ужица*), затѣмъ поворачиваетъ южнѣе оз. *Освей* (современное оз. *Освейское*) на западъ, къ р. *Сарь* (р. *Сарьянка*), до впаденія въ нее рч. *Осуницы* (рч. *Осуница* выходитъ изъ оз. *Б. Осунь*, направляется къ востоку и впадаетъ въ р. *Сарьянку*, съ правой стороны). Рч. *Осуницею* рубежъ долженъ идти вверхъ 12 в., до устья рч. *Маленицы*. Въ современную рч. *Осуницу* впадаетъ съ лѣвой стороны единственная рч. — *Актица*, въ 4 в. отъ устья первой. Предполагая, что рч. *Актица* есть рч. *Маленица* (въ чемъ убѣждаетъ дальнѣйшее описаніе рубежа), продолжаю наносить рубежъ съ ея устья. Образовавшійся такимъ образомъ пробѣлъ между оз. *Осунемъ* (до коего доведено предъидущее описаніе) и устьемъ рч. *Маленицы* — наполняю *сомнительной* линіей рубежа, которую веду по правому берегу рч. *Осуницы*. Затѣмъ, продолжаю описаніе:

„Отъ устья рч. *Маленицы* рубежъ идетъ рѣчкою вверхъ, до озк. „*Гоголенца*—5 в., а отъ него направляется къ рч. *Чавшю*—7 в., далѣе—рч. *Чавшею* 3 в., до ея впаденія въ р. *Сарью* и—этою послѣднею вверхъ 5 в. Отсюда рубежъ поворачиваетъ на востокъ, къ верховьямъ рч. *Любавки*—5 в. Далѣе—рч. *Любавкою* внизъ 15 в., до ея впаденія въ р. *Синюю* и—р. *Синею* внизъ 15 в., до *Невѣровскаго* ручья“.

Отъ устья рч. *Актицы* веду рубежъ вверхъ по рѣчкѣ до той точки, гдѣ оканчивается 5-тиверстное разстояніе отъ ея устья. Никакого озерка здѣсь нѣтъ ни на самой рѣчкѣ, ни въ близкомъ разстояніи отъ нея. Отъ предъидущей точки поворачиваю рубежъ на сѣверо-востокъ—къ рч. *Товшю* (въ верхнемъ теченіи — рч. *Чаушица*), впадающей въ р. *Сарьянку* въ 7 в. выше устья рч. *Осуницы* (въ этомъ же направленіи, но юго-восточнѣе, идетъ здѣсь *современная граница* между *Ръжизскимъ* и *Дрысецкимъ* уѣздами). Отъ р. *Сарьянки* поворачиваю рубежъ на востокъ—7 верстъ, до верховья безымянной рѣчки, которую считаю рч. *Любавкою*. Все теченіе послѣдней—отъ верховья до впаденія въ р. *Синюю*—

простирается на 11 в. Отъ устья предполагаемой рч. Любавки веду рубежъ внизъ по р. Синюхѣ—12 в., до устья безыменнаго ручья, впадающаго въ рѣку съ востока (1).

„Пройдя *Несъровскимъ* ручьемъ 3 в., рубежъ поворачиваетъ къ озк. *Выдрину* 10 в. Отъ озера—къ *Высокой* горѣ 5 в., а отъ нея къ рч. *Орменщицѣ*“ (версты не показаны).

Сомнительный рубежъ: проведя рубежъ 3 в. по предполагаемому *Несъровскому* ручью, поворачиваю его на юго-востокъ до оз. *Брони*—въ 12 в. отъ ручья (оз. *Выдрино?*). Отъ озера—на югъ, къ оз. *Ормие*, до устья безыменнаго рѣчки, впадающей въ озеро съ юга—8 версть.

„Рч. *Орменщицею* рубежъ направляется къ оз. *Лисну* и, не доходя его 2 версть, поворачиваетъ на лѣво—къ озк. *Липну*, а отъ него—къ оз. *Нечерицу*“.

Отъ устья предполагаемой рч. *Орменщицы* веду рубежъ вверхъ по рѣчкѣ 3 в. (все ея теченіе), потомъ—3 в. къ востоку, въ направленіи къ оз. *Лисну* и, не доходя его 2 в., поворачиваю къ сѣверу, до безыменнаго озерка (5 версть), у котораго лежитъ дер. *Липняги* (озк. *Липно?*). Отъ озерка—на востокъ, къ оз. *Нечероцу*, до устья рч. *Нечерицы*, 5¹/₂ в.

„Отъ оз. *Нечерца* рубежъ идетъ рч. *Нечерицею* внизъ 3 в., „потомъ—мимо 3-хъ озерковъ: *Глубокаго*, *Остеница* и *Дьяманца*, а отъ послѣдняго—къ устью рч. *Осыницы*. Далѣе: рч. *Осыницею* „вверхъ, къ оз. *Осыни*, а отъ него—рч. *Щолбаницею* вверхъ, къ озк. *Щолбиницу*“.

Пройдя 3 в. по рч. *Нечерицѣ*, поворачиваю рубежъ на юго-востокъ, къ озк. *Глубокому* (въ 1 в. отъ рѣчки), потомъ—на сѣверъ, къ ближайшему озерку—*Островиту* (озк. *Остеницѣ?*), далѣе—на востокъ къ озк. *Студененькому* (озк. *Дьяманцѣ?*). Отъ послѣдняго продолжаю рубежъ на востокъ—къ устью рч. *Щалбиницы*, вы-

(1) Отъ верховья рч. *Любавки* до предполагаемаго *Несъровскаго* ручья рубежъ идетъ—частію параллельно, а частію по самой современной границѣ между *Любынскимъ* и *Себжскимъ* уѣздами.

текающей изъ южной части оз. *Осыны* и впадающей въ р. *Нишу*. (Отъ оз. *Ормис* до устья предполагаемой рч. *Осыницы* — рубежъ XVI в. снова очень близко совпадаетъ съ *современной границей* между *Себежскимъ* и *Дриссецкимъ* уѣздами). Проведя рубежъ по всему теченію предполагаемой рч. *Осыницы* — отъ устья до истока ея изъ оз. *Осыны*, продолжая его по западному берегу послѣдняго озера — до устья рч. *Щалбинницы* другой, которая выходитъ изъ безыменнаго озера (озк. *Щолбинецъ?*) и впадетъ въ оз. *Осыну* на сѣверо-западномъ берегу его.

„Отъ озк. *Щолбинца* рубежъ идетъ рч. *Бобровицею* къ озк. *Бобровицу*, а отъ него — къ озк. *Островнѣ*. Отъ озера — рч. *Островницею* въ рч. *Черную* и — послѣднюю рѣчкою вверхъ, къ озеркамъ *Красныя-ни*. Отъ озерковъ — къ верховью рч. *Переходницы* и — рѣчкою внизъ 3 в., затѣмъ — ручьемъ *Богатымъ* до р. *Великой*“.

Отъ озк. *Щолбинца* идетъ — къ сѣверо-востоку — *сомнительный* рубежъ до предполагаемаго оз. *Островны*, потому что я не нашелъ на современной картѣ упоминаемыхъ между этими двумя пунктами — озк. *Бобровца* и рч. *Бобровицы*. Озк. *Островною* считаю современное озк. *Анисимово*. Въ 6 в. къ западу отъ него лежитъ оз. *Островно*, но оно не подходитъ къ искомому. Отъ предполагаемаго озк. *Островны* рубежъ идетъ по безыменной рѣчкѣ (рч. *Островница?*) до ея впаденія въ рч. *Черную*, далѣе — этою послѣднею вверхъ, до ея поворота къ востоку. Отъ рч. *Черной* направляю рубежъ къ сѣверу, чрезъ урочище *Красный-пенъ*, которое лежитъ къ сѣверу отъ оз. *Бѣлаго Максютина*. Къ сѣверу отъ урочища, подлѣ № 702, расположено до 10 безыменныхъ озерковъ (на мою карту попало только одно изъ нихъ — самое крупное), которыя считаю *Красными-пнями*. Отсюда начинается *сомнительный* рубежъ, который идетъ по западнымъ предѣламъ вол. *Покровской* и по сѣверо-западнымъ вол. *Непоротовской* — сначала по безыменной рѣчкѣ, впадающей въ оз. *Прихабы* (рч. *Переходница?*), а отъ него поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, къ р. *Великой*, гдѣ и оканчивается.

б) *Задвинскій рубежь: отъ слободы Глуботикой (№ 1183) до устья рч. Индрицы (1563 г.,—стр. 421—22):*

„Рубежь начинается у озк. *Глубокаго*, проходитъ чрезъ него и „идеть рч. *Глубокою* въ оз. *Великое*. Изъ озера—направляется *Великимъ* „потокомъ“ въ озк. *Березвечи*, а изъ него—р. *Березвечи* „внизъ, до ея впаденія въ р. *Дисну* у с. *Хвостова* (№ 1184), въ „30 в. „сухимъ путемъ“ отъ озк. *Глубокаго*“.

Отъ озк. *Глубокаго*, на которомъ стоитъ № 1183, веду рубежь по безыменной рѣчкѣ (рч. *Глубокая?*), соединяющей это озерко съ оз. *Великимъ*, а отъ послѣдняго—къ озк. *Березвечи* (никакого „потока“ здѣсь не видно), изъ котораго выходитъ р. *Березвечи* (въ нижнемъ теченіи—р. *Березбица*), впадающая въ р. *Дисенку* у № 1184, въ 26 в. по прямому направленію отъ озк. *Глубокаго*.

Далѣе—отъ с. *Хвостова*, рубежь ведется въ описаніи по р. *Диснѣ*, до ея впаденія въ р. *Дисну*. Но я прерываю здѣсь это описаніе (такъ какъ, руководясь имъ, придется выбросить изъ предѣловъ повѣта нѣсколько пунктовъ вол. *Десенской*) и слѣдую въ дальнѣйшемъ изложеніи позднѣйшимъ поправкамъ къ нему—1566 г. (стр. 422):

„Отъ устья рч. *Березвечи* рубежь идетъ внизъ по р. *Диснѣ*, „до устья рч. *Сницы*, которая пала въ рѣку съ *Друйскаго* стороны, „въ 20 в. отъ устья первой рѣчки. Дальше—рч. *Сницею* до озк. „*Сницы* 25 в., а отъ него—мхомъ и лѣсомъ къ озк. *Плавню* около „7 в. Отъ послѣдняго—къ озк. *Волту*, около 12 в. Изъ озерка—„р. *Волтою* внизъ, до ея впаденія въ р. *Дисну*, 35 в. Устье р. „*Волты*—въ 15 в. отъ городовъ *Дрыси* и *Друи*“.

Отъ устья р. *Березвечи* веду рубежь внизъ по р. *Дисенкѣ* 15 в., до устья безыменной рѣчки, впадающей въ рѣку съ лѣвой стороны, въ 2¹/₂ в. ниже устья р. *Мноты*. Эту безыменную рѣчку считаю рч. *Сницею*. Въ 23 в. ниже устья р. *Березвечи* впадаетъ въ р. *Дисенку*, съ лѣвой же стороны—безыменный ручей, на устьѣ которой стоитъ корчма *Сница*. Но этотъ ручей имѣетъ всего протяженія только 3 версты, тогда какъ рч. *Сница* должна имѣть, по

описанію, 25 в. теченія... Хотя и предполагаемая рч. *Сница* имѣетъ всего теченія не 25, а только 14 верстѣ, но все же послѣдняя цифра ближе къ 25, чѣмъ 3 в. По рч. *Сницѣ* веду рубежъ до ея истока изъ озк. *Бережи* (озк. *Сница?*). Отсюда начинается *сомнительный* рубежъ, который веду на озк. *Ближнее* (озк. *Плавень?*), 4 в., а отъ него — на оз. *Бол. Ближнее* (4 в.), изъ котораго выходитъ р. *Волта* (озк. *Волта?*). Здѣсь прекращается сомнительный рубежъ. Р. *Волта* имѣетъ 32—34 в. протяженія и впадаетъ въ р. *Двину*, съ лѣвой стороны, въ 16 в. выше мѣст. *Друи* и въ 15 в. ниже гор. *Дриссы*.

Здѣсь оканчивается описаніе этого рубежа. Пробѣлъ между устьемъ р. *Волты* и устьемъ рч. *Индрицы* („рубежъ а“) всего вѣроятнѣе провести по р. *Двинѣ*.

в) *Южный Задвинскій рубежъ: отъ слободы Глуботикой (№ 1183) до села Старого (№ 965):*

Начало описанія этого рубежа (стр. 422—23) — неизвѣстнаго года, а продолженіе его (с. 423—24) — съ *Лукомльской* волости, относится къ 1564 г. Рубежъ начинается у того же № 1183-го, что и „рубежъ б“, но идетъ къ юго-востоку отъ слободы, огибая южныя волости повѣта.

„Отъ озк. *Глубокаго* рубежъ идетъ рч. *Безымянною* къ озк. „*Ермолину*, а отъ него — рч. *Рожаницю* въ оз. *Ластовское*. Далѣе рч. *Ластовицею*, до ея впаденія въ рч. *Замошину* и этою рѣчкою вверхъ. Не доходя ея верховьевъ („пришла“ она изъ *Виленскаго* „мѣста“), рубежъ направляется къ рч. *Перелю*, также „оставляя въ сторонѣ ея верховья и идетъ этою рѣчкою внизъ, до ея впаденія въ р. *Березину*. Отъ озк. *Глубокаго* до устья рч. *Перелю* будетъ „угадомъ“ съ 20 верстѣ“.

Отъ озк. *Глубокаго* веду рубежъ по безыменной рѣчкѣ, соединяющей это озерко съ озк. *Кривымъ* (озк. *Ермолина?*), а отъ него — также по безыменной рѣчкѣ (рч. *Рожаница?*), соединяющей озк. *Кривое* съ безыменнымъ озеромъ, на которомъ стоитъ дер. *Ластовицы* (№ 1186) (оз. *Ластовское*). Потомъ — безыменною рѣчкою (рч. *Ластовица?*), выходящею изъ оз. *Ластовскаго* и впадающею въ другую

безыменную рѣчку, которую считаю рч. *Замошицею*. Не доходя верховьевъ послѣдней, направляю рубежь на юго-востокъ — къ безыменной рѣчкѣ (рч. *Перелой?*), сближающейя своими верховьями (которыя также оставляю въ сторонѣ) — на разстояніи 5 в. — съ верховьями предполагаемой рч. *Замошицы*. Предполагаемая рч. *Перелой* впадаетъ въ р. *Березину* съ лѣвой стороны, въ 23—24 в. отъ оз. *Глубокаго*.

„Дальше рубежь идетъ по р. *Березинѣ* до с. *Домжерицы* (№ 1189), „откуда поворачиваетъ къ оз. *Берецъ*, а отъ него — рч. *Берецшею* „внизъ, до ея впаденія въ р. *Ясу* и — р. *Ясою* внизъ до ея впаденія въ „р. *Улу*“.

По р. *Березинѣ* веду рубежь внизъ до параллели № 1189-го, а отъ рѣчки поворачиваю къ оз. *Берецъ*, лежащему въ 11 в. къ сѣверо-востоку отъ оз. *Домжеричкало*. Изъ оз. *Берецъ* выходитъ рч. *Берецша*, впадающая въ р. *Ессу*. Послѣдняя впадаетъ не въ р. *Улу* (какъ говорить описаніе), а въ оз. *Лепельское*.

„Потомъ — р. *Улою* внизъ, до с. *Межжицы* (№ 1200), а отъ „него — рч. *Лососницею* вверхъ до земли с. *Тяпина* (№ 1215). Отсю- „да — къ с. *Перешимамъ* (№ 1201), 4 в., дальше — къ с. *Смицамъ* „(№ 1202), 3 в., а отъ него — къ гор. *Лукомлю* (№ 1199), 5 в.“

Веду рубежь по р. *Ултѣ*, выходящей изъ оз. *Лепельскаго*, до устья рч. *Лососницы*, впадающей въ рѣку съ правой стороны. № 1200 лежитъ въ 3¹/₂ в. ниже устья рч. *Лососницы*. Поэтому, не довожу рубежа до села, а съ устья рч. *Лососницы* направляю его по этой рѣчкѣ и веду до параллели № 1215. Затѣмъ — поворачиваю къ послѣднему и, не доходя его 1¹/₂ версты, направляю къ югу, къ № 1202. Положеніе с. *Перешичей* не опредѣлено (см. № 1201). Отъ поворота рубежа къ югу до № 1202 — 8 в., а отъ него до № 1199 — 6 в.

„Отъ города *Лукомля* (№ 1199) рубежь идетъ къ с. *Черю* (№ „1203), 10 в. Отъ села — поворачиваетъ къ рч. *Бльницѣ* и идетъ рѣч- „кою внизъ, въ болото *Совице*, около котораго въ лѣвой рукѣ находитъ „ся полоцкое с. *Толтино* (№ 1209), а въ правой — виленское с. *Бльница*. „Отъ болота — рч. *Вечеряю* внизъ, въ оз. *Вячери*, имѣя влѣво полоцкое „с. *Вечери-Лукомскую* (№ 1210), а вправо — виленское с. *Ульяновичи*“.

Отъ № 1199 рубежь идетъ на юго-востокъ, къ № 1203, 14 в. Отъ № 1103 до предполагаемой рч. *Вечеряи* веду *сомнительный* рубежь, такъ какъ ни рч. *Бѣлицы*, ни бол. *Совица* не могъ найти на картѣ. Рубежь идетъ мимо № 1209, въ 10 в. къ востоку отъ котораго лежитъ с. *Ст. Бѣлица*, на верховьѣ рч. *Червинки* (около него — с. *Н. Бѣлица*). Отъ № 1209 веду рубежь на сѣверо-западъ — къ безыменной рѣчкѣ, въ 1 в. отъ впаденія которой въ безыменное озеро лежитъ дер. *Вятерье* (около нея — с. *Вятерье*). Полагаю, что эта безыменная рѣчка есть рч. *Вечеряя*, такъ какъ ея отношеніе къ дальнѣйшему описанію вполне соответствуетъ искомой рѣчкѣ. Озеро, въ которое впадаетъ эта рѣчка, считаю оз. *Вячеромъ*. Въ 11 в. къ сѣверо-востоку отъ него лежитъ дер. *Ульяновичи*.

„Изъ оз. *Вячера* рубежь идетъ рч. *Вечерию* внизъ — въ оз. *Хотино* (налѣво — полоцкое с. *Хотино* (№ 1211), направо — виленское с. „*Озеретичкое*). Изъ оз. *Хотина* — рч. *Хотицею* внизъ, въ озк. *Скупое*, „а изъ него — рч. *Свячюю* внизъ, въ озк. *Вятцо* (налѣво — полоцкая „дер. *Жерина* (№ 1212), направо — витебское с. *Вятцо*). Изъ озк. „*Вятца* — рч. *Свячюю* внизъ, въ оз. *Стержинно* (влѣво — полоцкая дер. „*Застаринье* (№ 1213), вправо — витебское с. *Пожинки*)“.

1211 Отъ оз. *Вечера* веду рубежь по безыменной рѣчкѣ (рч. *Вечерица?*), соединяющей это озеро съ безыменнымъ озеркомъ (оз. *Хотино*), на которомъ стоитъ № 1211. Въ 1 в. къ сѣверо-востоку отъ послѣдняго — на восточномъ берегу слѣдующаго озерка стоитъ фольв. *Озеретичъ* (а въ 3 в. къ востоку отъ него — с. *Озеретичкое*). Къ сѣверу отъ оз. *Хотина* лежитъ безыменное озерко (озк. *Скупое?*), соединенное съ первымъ небольшимъ проливомъ (руч. *Хотица?*). Затѣмъ, на дальнѣйшемъ теченіи разсматриваемой безыменной рѣчки до оз. *Стержня* — встрѣчается еще одно озерко, въ 7 в. ниже предъидущаго. Судя по описанію — первое (ближайшее къ оз. *Хотину*) должно быть озк. *Скупымъ*, а второе — озк. *Вятцомъ*. Въ 2 в. къ востоку отъ перваго озерка и въ 5 в. къ юго-востоку отъ втораго лежитъ дер. *Вятны* (т. е. — витебское с. *Вятцо?*). Можно предположить, что прежде это село лежало ближе ко второму озерку... Отъ предполагаемаго озк. *Вятца* продолжаю рубежь внизъ по той же безыменной рѣчкѣ (рч. *Свячя?*), до ея впаденія въ оз. *Стержень*. Въ 8 в.

къ юго-востоку отъ озера лежитъ дер. *Пожинки* (въ $\frac{3}{4}$ в. отъ нея — ф. *Пожинки*).

„Изъ оз. *Стержсина* — рч. *Язеницею* вверхъ, имѣя влѣво — полоцкую дер. *Язеницу* (№ 1214), а вправо — витебскую волость *Каневу*“.

Оз. *Стержень* не принимаетъ въ себя никакой рѣчки на восточномъ берегу, гдѣ стоитъ № 1214. Впадающая въ озеро съ юго-запада безыменная рѣчка и выходящая изъ него къ сѣверу рч. *Свѣчанка* — не подходятъ къ искомой рѣчкѣ. Отъ озера веду рубежь южнѣе № 1214. Въ $3\frac{1}{2}$ в. къ юго-востоку отъ послѣдняго лежитъ с. *Канево* (около него — ф. *Канево*).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи этого рубежа выпускаю такія подробности, какъ, напр. „*Орловъ островокъ*“, „*Тышинской дубъ*“ и т. п., и веду описаніе по болѣе общимъ указаніямъ.

„Отъ предъидущаго пункта рубежь поворачиваетъ на *Великій мохъ* — между полоцкими селами *Осовицмъ* (№ 1217) и *Лугиновичами* (№ 1219), съ одной стороны, и витебскими волостями городка *Спна* — *Молчавичами* и *Запрудной*, съ другой“.

Отъ № 1214 направляю рубежь къ сѣверо-востоку и веду его чрезъ большое безыменное болото (*Великій мохъ?*), къ № 1217, а отъ него — на востокъ, къ № 1219. Въ 7 в. къ юго-востоку отъ № 1217 и въ 8 в. къ сѣверо-западу отъ Могилевскаго уѣзднаго города *Спнна* лежитъ на сѣв.-зап. берегу оз. *Спнна* — с. *Запрудье*. Поселенія съ именемъ *Молчавичи* — не найдено. — (Между оз. *Стерженьемъ* и № 1217 рубежь XVI в. идетъ параллельно (но восточнѣе) современной границѣ между *Лепельскимъ* уѣздомъ Витебской губерніи и *Спнновскимъ* у-мъ Могилевской губ.).

„Далѣе рубежь идетъ къ оз. *Черносту*, а отъ него — рч. *Жельзницею* вверхъ, въ оз. *Крулое*, потомъ — въ оз. *Домое*, откуда направляется къ рч. *Зонячьей*“.

Сомнительный рубежь: озеръ въ данной мѣстности довольно, но между ними нѣтъ озеръ съ вышеуказанными названіями, или, вообще — подходящихъ къ искомымъ. Поэтому, отъ № 1219 веду сомнительный рубежь на востокъ, къ № 1222 (с. *Латыново*), а отъ него поворачиваю на сѣверъ, къ оз. *Сойнъ*. Далѣе веду — чрезъ оз. *Бълое* (длинное и

узкое, — не *Долгое-ли?*) и мимо оз. *Острова* поворачиваю къ рч. *Черногости*, которую считаю рч. *Зеплячей*. Здѣсь прекращается сомнительный рубежъ.

„По рч. *Зеплячей* рубежъ спускается къ р. *Двинь*. Устье рѣчки — въ 30 в. отъ устья р. *Улы*. Влѣво отъ устья первой лежитъ с. *Вязица* (№ 1220) и д. *Гнздиловичи* (№ 1218), а на право — витебскія волости: *Осорица* и *Заволочье*“.

Рч. *Черногость* выходитъ изъ оз. *Острова* и впадаетъ въ р. *Двину* выше устья р. *Улы* — въ 47 в. по рѣкѣ и въ 32 в. по прямому направленію, сухопутьемъ. № 1220 лежитъ по р. *Двинѣ*, въ 1½ в. ниже устья рч. *Черногости*. № 1218 лежитъ въ 1½ в. выше устья той же рѣчки, слѣд. за рубежемъ, который долженъ идти по самой рѣчкѣ, до ея устья. Чтобы не выбрасывать этого пункта изъ предѣловъ повѣта, я не довожу рубежа до самаго устья, а поворачиваю къ востоку и, обогнувши № 1218, спускаюсь къ р. *Двинь*. Изъ витебскихъ пунктовъ найденъ только погость *Сорица* (т. е. с. *Осорица* XVI в.), лежащій на восточномъ берегу оз. *Острова*.

Здѣсь оканчивается описаніе „южнаго Задвинскаго рубежа“. Слѣдующій начинается у с. *Стараго* (№ 965), лежащаго на правомъ берегу р. *Двины*, въ 16½ в. выше устья рч. *Зеплячей*. Этотъ пробѣлъ наполняю рубежомъ по р. *Двинь*.

г) Рубежъ — отъ села *Стараго* (№ 965) на сѣверъ, до *Лопенскаго мгу* (1566 г., — стр. 425—26):

„Рубежъ начинается у р. *Двины* — отъ устья рч. *Дуновеси* или — какъ „говоритъ примѣчаніе на стр. 438 — рч. *Ужлятины*, у котораго (устья) „расположено с. *Старое* (№ 965). Рубежъ идетъ рч. *Дуновесью* вверхъ, „до озк. *Дуновеси*, а отъ него — рч. *Горяницоваю* въ озк. *Тростенецъ*, „имѣя влѣво с. *Ужлятино*“ (№ 966).

Отъ № 965, лежащаго на устьѣ безыменной рѣчки, веду рубежъ вверхъ по этой рѣчкѣ (рч. *Дуновесь?*), до ея истока изъ озк. *Мурожницы* (озк. *Дуновесь?*). Затѣмъ — вверхъ по безыменному ручью (рч. *Горяницова?*), впадающему въ озк. *Мурожницы* съ запада и выхо-

дящему изъ безыменнаго озера (озк. *Тростенецъ?*). № 966 лежитъ въ $3\frac{1}{2}$ в. къ ю.-в. отъ послѣдняго озера.

Отсюда идутъ въ описаніи такія подробности, которыя я вынужденъ выпустить и вести рубежъ по болѣе общимъ указаніямъ.

„Отъ озк. *Тростенецъ* рубежъ идетъ по рч. *Ясеницъ*, имѣя влѣво „полоцкое с. *Льсковичи* (№ 968), а вправо—витебскія села: *Жаробычи* „и *Зароново*. Потомъ—чрезъ *Ясенское* болото къ *Жаробыцкому* и „*Мосырскому* мхамъ, имѣя налѣво с. *Ясенское* (№ 985) и с. *Мосырю* „(№ 970). Отъ *Мосырскаго* мху рубежъ направляется къ *Лопенскому* „мху, который лежитъ въ 60 в. отъ *Полоцка*, въ 40 в. отъ *Витеб-* „*ска* и въ 70 в. отъ *Озерицъ*“ (№ 958).

Сомнительный рубежъ: отъ предполагаемаго озк. *Тростенецъ* направляю рубежъ къ сѣверо-западу, имѣя влѣво № 968, а вправо—витебское с. *Жаробычи*. Послѣднее ставлю на мѣстѣ слободы *Жеребьичи*, которая лежитъ въ 10 в. къ сѣверо-востоку отъ № 968 и въ 8 в. къ востоку отъ № 986. Въ 8 в. къ юго-востоку отъ слободы лежитъ на безыменномъ озерѣ пог. *Зароново* (с. *Зароново* XVI в.). За озк. *Тростенцомъ* рубежъ вступаетъ въ болото, которое тянется до слоб. *Жеребьичей* (*Жаробыцкой* мохъ?). Отъ параллели с. *Жаробычей* веду рубежъ въ томъ же направленіи—къ сѣверо-западу, до параллели № 970. Отсюда поворачиваю на западъ—въ направленіи къ № 980, до безыменнаго болота, лежащаго по рч. *Черницъ* и ея притокамъ въ $\frac{3}{4}$ в. къ западу отъ № 970 и въ $2\frac{1}{2}$ в. къ востоку отъ № 980. Считаю это болото—*Мосырскимъ* мхомъ. Отъ него поворачиваю рубежъ къ ближайшему безыменному болоту, лежащему въ 2 в. къ сѣверу отъ предъидущаго. Это болото (у западной оконечности его стоитъ дер. *Лосвицкая*) считаю *Лопенскимъ* мхомъ. Отъ него до Витебска—40—42 в., до Полоцка 48—50 в., до Озерицъ—54—56 в. — Здѣсь оканчивается „рубежъ“.

д) *Рубежъ—отъ Лопенскаго мху по южнымъ предѣламъ Озерицской и Усвятской волостей, до с. Оллова* (№ 1115):

Этотъ рубежъ описанъ въ 2 мѣстахъ „книги рубежей“: а) подъ 1566 г.—на стр. 431—32 и б) подъ 1571 г.—на с. 443—45 и стр.

450—55. Такъ какъ оба описанія говорятъ объ одномъ и томъ же направленіи, притомъ описанные въ нихъ рубежи въ значительной своей части (отъ № 1115 до оз. *Медвина*) почти тождественны другъ съ другомъ, то необходимо было избрать для нанесенія на карту одно какое нибудь направленіе. Я остановился на второмъ, такъ какъ оно относится къ болѣе позднему времени, когда московскіе воеводы лучше познакомились съ вопросомъ о рубежахъ.

Совмѣстно съ московскимъ рубежомъ описывается и *литовскій*, т. е. то направленіе, которое считали законнымъ рубежомъ литовскіе воеводы и которое не признавали таковымъ московскіе воеводы, выставляя свое—другое направленіе. Литовскій рубежь вездѣ идетъ *сверхне* московскаго, т. е. захватываетъ въ пользу Литвы большее пространство, чѣмъ какое уступали ей московскіе воеводы. Разстояніе между обоими рубежами—15—20 верстѣ, а въ иныхъ мѣстахъ доходитъ до 30—40 верстѣ. Понятно, что я держался *московскаго* рубежа: входитъ въ разбирательство споровъ московскихъ воеводъ съ литовскими и рѣшать—какая сторона была права,—положительно невозможно. Притомъ-же, изображая *московскую* область, нужно изображать и рубежи московскіе.

Чтобы не измѣнять текста описанія, приходится начинать этотъ рубежь съ конца его, противоположнаго *Лопенскому* мху.

„Отъ устья рч. *Кривки*, которая пала въ р. *Двину* въ 3 в. ниже „гор. *Велижа*, рубежь идетъ этою рѣчкою вверхъ 10 верстѣ. Въ 3 в. „отъ рѣчки лежитъ с. *Омгово* (№ 1115). Отъ верховья рч. *Кривки* рубежь идетъ къ бол. *Подховицамъ* (въ 15 в. отъ котораго лежитъ „Велижское селище *Иванково-Кочасво*)—5 верстѣ, а оттуда—до *Шумиловой* мшары, 10 в. Мшара лежитъ въ 20 в. отъ гор. *Усвята* и въ „15 в. отъ гор. *Сурожа*“.

Сомнительный рубежь: ни въ 3 в. ниже гор. *Велижа*, ни дальше—до рч. *Алешки* (устье ея—въ 27 в. ниже города), р. *Двина* не принимаетъ въ себя съ правой стороны никакой рѣчки... Начинаю рубежь съ праваго берега р. *Двины*, въ 3 в. ниже гор. *Велижа* и веду его на сѣверо-западъ, мимо № 1115-го, а отсюда поворачиваю на сѣверъ—къ юго-восточной окраинѣ болота *Липовый-мохъ* (бол. *Подховицы*?). Отъ начала рубежа до этого пункта—13 в. Въ 9 в. къ юго-

востоку отъ болота лежитъ ф. *Кочаіово* (с-ще *Иванково-Кочаіово* XVI в.?), (а въ окрестностяхъ его — еще 1 фольварокъ и 2 деревни — *Кочаіовы*). Отъ *Липоваго-мха* снова поворачиваю рубежъ къ югу и веду его на протяженіи 13 в., до безыменнаго болота, на сѣверной оконечности котораго лежитъ дер. *Шумилова* (отъ деревни до № 1115-го — 4¹/₂ в. (къ сѣверо-востоку), а отъ болота — 5 в.). Болото лежитъ въ 23—24 в. къ юго-востоку отъ мѣст. *Усвята* и въ 21 в. къ сѣверо-востоку отъ гор. *Сурожа*. Это болото считаю *Шумиловой мшарой*.

„Отъ *Шумиловой* мшары рубежъ идетъ черезъ *Лукляновъ* ручей „до *Мельнскаго* бору, 20 в. Далѣе—*Мельнскимъ* боромъ 10 в., до „устья рч. *Исадицы*“.

Отъ *Шумиловой* мшары поворачиваю рубежъ на западъ, пересѣкая рч. *Алеики* и рч. *Усполь*. Въ 13 в. къ сѣв.-западу отъ *Шумиловой* мшары, на лѣвомъ берегу р. *Усвячи*, въ 5¹/₂ в. ниже устья рч. *Овсяницы*—лежитъ дер. *Мямынь*, около которой и дальше—къ сѣв.-востоку, до *Липоваго* мха, тянется лѣсъ. Полагаю, что часть лѣса прилегающая къ дер. *Мямыни*—есть *Мельнскій* боръ. — (Дер. *Мямынь* существовала въ половинѣ XVII в. въ томъ же самомъ мѣстѣ: въ „переписной книгѣ“ *Усятскаго* уѣзда, 1658 г. (рукопись Моск. Ар. М. Юст. № 290, л. 422), она названа пустошью и показана надъ р. *Усвячею*,—„тянула“ къ с. *Куровичамъ* (№ 1083).—Отъ дер. *Мямыни* веду рубежъ къ устью рч. *Овсяницы*—5 верстъ. Такимъ образомъ, отъ *Шумиловой* мшары до устья рч. *Овсяницы*—нанесенный на карту рубежъ проходить только 18 верстъ, тогда какъ по описанію здѣсь должно быть 30 верстъ...

„Далѣе рубежъ идетъ рч. *Исадицею* вверхъ, до оз. *Исадицы* — „18 в., а отъ него—рч. *Ведрицею* вверхъ, до оз. *Ведрицы*—11 в. „Отъ оз. *Ведрицы*—рч. *Тесцою* вверхъ, въ оз. *Тесцо*—съ верету. Изъ „оз. *Тесца*—рч. *Мединою* вверхъ, въ оз. *Медино*—7 в. Далѣе—рч. „*Веречею* вверхъ, до с. *Вереш* (№ 1123)—30 в., и рч. *Вышедкою* „вверхъ, до озера и села *Вышедковъ* (№ 1124)—10 верстъ“.

Рѣчкою *Исадицею* и соединенными съ нею другими рѣчками (до оз. *Вышедковъ*)—должно считать р. *Овсяницу*, выходящую изъ оз. *Вышедковъ* и впадающую въ р. *Усвячу*, въ 5 в. ниже оз. *Усвята*.

Никакая другая рѣчка не подходитъ подъ искомую рч. *Исадицу*. Последняя, какъ говоритъ описаніе, выйдя изъ оз. *Вышедковъ*, должна пройти черезъ 4 озера. Рч. *Овсяница* проходитъ именно черезъ 4 озера, изъ которыхъ два—*Медесно* и *Тюсто*, носятъ тѣже (немного измѣненные) названія, что и въ XVI в. Выходитъ только разница въ верстахъ, но—небольшая: по описанію—рч. *Исадица* и другія, соединенныя съ нею рѣчки (отъ оз. *Вышедковъ* до устья первой)—имѣютъ 77 *верстъ* протяженія, а современная р. *Овсяница*—59 *верстъ*. Гораздо значительнѣе разница въ частныхъ разстояніяхъ—между озерами. Именно: 1) оз. *Исадицею* должно считать безыменное озеро, лежащее въ 13 в. отъ устья р. *Овсяницы*. А по описанію здѣсь должно быть 18 *верстъ*. 2) Оз. *Ведринею* считаю оз. *Тичанское*, лежащее въ 13 в. выше предъидущаго. По описанію—11 в. 3) Отъ предъидущаго озера до оз. *Тюста* (оз. *Тесно* XVI в.)— $\frac{1}{2}$ *версты*, вмѣсто указанной въ описаніи 1 *версты*. 4) Отъ оз. *Тюста* до оз. *Медесна* (оз. *Медина* XVI в.)— $3\frac{1}{2}$ в. По описанію—7 в. 5) Современное с. *Веретье* (см. № 1123) лежитъ въ 6 в. выше оз. *Медесны*, тогда какъ—по описанію—оно должно быть въ 30 в. выше озера. 6) Наконецъ, отъ с. *Веретья* до оз. *Вышедскаго* (оз. *Вышедки* XVI в.), на которомъ стоитъ № 1124-й—23 *версты*, вмѣсто 10 в. по описанію. Но всѣ эти разности въ частныхъ разстояніяхъ не много значатъ при незначительной общей разности. Съ другой стороны, нужно имѣть въ виду, что величина *верстъ* XVI—XVII вв. не всегда совпадала съ величиною современной *версты*: старинная *верста* заключала въ себѣ отъ 500 до 700 и 1,000 *саженей*...

„Отъ оз. *Вышедковъ* рубежъ идетъ рч. *Неврицею* вверхъ, до „с. *Загорянь* (№ 972)—7 *верстъ*“. Здѣсь въ первый разъ сходятся оба рубежа—Московскій и Литовскій, а за № 972-мъ снова раздѣляются.

Отъ оз. *Вышедскаго* веду рубежъ вверхъ по безыменной рѣчкѣ (соединяющей оз. *Невро* съ оз. *Вышедскимъ*)—4 в., до поворота рѣчки (рч. *Неврица*?) къ сѣверо-востоку. № 972 лежитъ въ 2 в. къ юго-западу отъ поворота рѣчки.

„Отъ с. *Загорянъ* рубежъ идетъ чрезъ *Хотышину* „пожню“ къ „оз. *Черному*—33 версты“.

Сомнительный рубежъ: отъ рч. *Негрицы* поворачиваю рубежъ на юго-западъ и веду его до дер. *Хотышиной*, лежащей въ 8 в. (по рубежу) отъ рч. *Негрицы*, а отъ деревни — на западъ, къ оз. *Чернову*, 8 в. Итого—16 версты, вмѣсто 33 в. описанія.

„Далѣе — рч. *Черновицею* внизъ, чрезъ другое озк. *Черное*, до „с. *Долгихъ-Полей* (№ 949) — рѣкою 15 версты“.

Отъ оз. *Чернова* веду рубежъ рч. *Чернавою* (въ 1 в. отъ озера она проходитъ чрезъ озк. *Мал. Черново*) до № 949, лежащаго на правомъ берегу этой рѣчки, въ 9 в. отъ ея истока изъ оз. *Чернова*.

„Отъ № 949-го рубежъ идетъ къ с-щу *Полышанамъ* (№ 951) — 7 в., а отъ него — къ другому с-щу того же имени (№ 952) — также 7 в. Далѣе — къ с-щу *Степановичи* (№ 953) — 6 в. Отъ „последняго (выпускаю подробности) — къ *Лопенскому* мху—20 в“.

Отъ № 949-го веду рубежъ къ № 951, лежащему въ 6 в. къ югу отъ перваго. Потомъ—къ № 952, 8 в. Отсюда начинается *сомнительный* рубежъ, который идетъ къ западу—до № 953-го, 11 в. (вмѣсто—6 в. описанія), а отъ него—на югъ, къ *Лопенскому* мху, до соединенія съ „рубежемъ г“—4 версты (вмѣсто 20 версты описанія).

Выпускаю окончаніе этого рубежа: отъ *Лопенскаго* мху до устья рч. *Осыны*, впадающей въ р. *Двину*, съ правой стороны, у и-ши *Рашиовой* (№ 995),—такъ какъ въ этомъ направленіи (но восточнѣе) уже нанесенъ „рубежъ г“.

Отъ р. *Двины* у с. *Оллова* (см. начало „рубежа д“) идетъ на сѣверъ, до оз. *Студенаго*, простая линія, указывающая на *приблизительные предѣлы* въ данномъ мѣстѣ *Усвятской* волости. Хотя рубежъ этого пространства и описанъ въ „книгѣ рубежей“ (подъ 1566 г.,— на стр. 432), но опредѣлить его даже приблизительно нѣтъ никакой возможности: онъ очень великъ — имѣетъ 212 версты протяженія, а между тѣмъ, описанъ очень кратко—указано только 5—6 географическихъ признаковъ. Изъ нихъ — ни одинъ не найденъ на современ-

ной картѣ... — Эта часть рубежа оканчивается, по описанію, у „*Студеной воды*“ (т. е. — озера), у которой начинается слѣдующій рубежъ.

в) *Рубежъ — отъ оз. Студенаго до оз. Ордовца (1566 г., — стр. 432—433).*

„Отъ оз. *Студенаго* рубежъ идетъ на *Горьлой боръ* — 15 в. „*Горьлой боръ* лежитъ въ 35 в. отъ гор. *Дукъ* и въ томъ же „разстояніи отъ гор. *Озерницъ*“.

За оз. *Студеное* всего вѣроятнѣе признать оз. *Гордосно*, лежащее на верховьѣ р. *Усвячи*. Отъ озера веду рубежъ на западъ — къ дер. *Погарьлю*, въ 14 в. отъ озера. Въ 1½ в. къ востоку отъ деревни лежитъ на болотѣ густой лѣсъ (*Горьлой боръ?*), отстоящій отъ указанныхъ въ описаніи городовъ — въ 40—42 верстахъ.

„Отъ *Горьлаго бора* — къ рч. *Острицъ*, 5 в., а отъ нея — „къ р. *Ловати*, 3 в.“.

Отъ дер. *Погарьля* продолжаю рубежъ на западъ — до безыменной рѣчки (выходитъ изъ озк. *Несты* и впадаетъ въ оз. *Серуты*), протекающей въ 8 в. отъ деревни. Отъ рѣчки (рч. *Острица?*) поворачиваю рубежъ на юго-западъ, къ р. *Ловати* — 3 в.

„Далѣе — р. *Ловатию* внизъ 10 в., а отъ рѣчки — налѣво, къ „*Сискому* мху, 20 в. Отъ Сискаго мху рубежъ поворачиваетъ къ оз. „*Близнецамъ-Сынницамъ* — 15 в.“.

Проведя рубежъ по р. *Ловати* 10 в., поворачиваю на сѣв.-западъ (отсюда — *сомнительный* рубежъ) — къ безыменному болоту, лежащему около озк. *Нестеницы*, въ 5 в. къ сѣв.-западу отъ оз. *Дника*, въ 1 в. къ востоку отъ дер. *Сисоровой*. Отъ р. *Ловати* до предполагаемаго *Сискаго* мху — 13 в. Отъ Сискаго мху веду рубежъ на югъ — до оз. *Сенницы*, 13 в.

Продолженіемъ этого рубежа служитъ слѣдующее описаніе (того же 1566 г.), помѣщенное на стр. 429:

„Отъ оз. *Сынницъ-Близнецовъ* рубежъ идетъ по ручью *Воло-товкъ* къ озк. *Корьсовиу* — 1 в., а отъ него — въ *Мануиловъ* мохъ, „3 в., да рч. *Мануиловкою* внизъ — въ оз. *Шесто*, 6 в.“.

Въ разстояніи 1 в. отъ оз. *Сенницы* — нѣтъ ни одного озера.

Въ 3 в. къ сѣверу лежитъ озк. *Каресовецъ*. Если признать это озерко за *Корьсовецъ* XVI в., то этимъ уничтожится весь предъидущій—нанесенный „рубежь д“ (опредѣленный довольно точно), такъ какъ по этому рубежу озерко лежитъ въ предѣлахъ *Усвятской* волости. Всего ближе подходитъ сюда озк. *Ловатецъ*, лежащее въ 4³/₄ в. къ западу отъ оз. *Сенницы*. На пространствѣ между этими озерами идетъ (сначала—по безыменному ручью, — рчч. *Волотовка?*) *сомнительный* рубежь. Отъ озк. *Ловатецъ* (т. е.—отъ предполагаемаго озк. *Каресовца*) начинается болѣе или менѣе точный рубежь: онъ идетъ на сѣверъ—до верховья безыменной рѣчки (рчч. *Мануиловка?*), выходящей изъ безыменнаго болота (*Мануиловъ* мохъ?), затѣмъ—рѣчкою внизъ, 5 в., до ея впаденія въ оз. *Субачево*. Въ 1 в. къ западу отъ послѣдняго лежитъ оз. *Шесто*. Не считаю возможнымъ признать послѣднее за искомое оз. *Шесто*, такъ какъ съ юга оно не принимаетъ въ себя никакой рѣчки, кромѣ безыменнаго ручья, который очень малъ и, вообще, не подходитъ къ искомой рчч. *Мануиловки*. Всего вѣроятнѣе допустить, что съ теченіемъ времени озера *Шесто* и *Субачево*—перемѣнились своими названіями, т. е., что *Субачево* прежде называлось *Шестомъ* и—наоборотъ...

„Отъ оз. *Шеста*—къ озк. *Линовицу*, 4 в., а отъ него—къ рчч. *Охбородницъ*, 6 в., да рѣчкою внизъ—въ озк. *Коресно*: отъ рѣчки до озерка—2 в.“

Отъ предполагаемаго оз. *Шеста* веду рубежь на западъ—до озк. *Бълаго* (озк. *Линовецъ?*), 4 в. Затѣмъ, поворачиваю къ югу, до безыменнаго рѣчки (выходитъ изъ предполагаемаго *Мануилова* мху и впадаетъ въ оз. *Ужо*)—4 в. Веду рубежь по этой рѣчкѣ (рчч. *Охбородница?*) 2 в., затѣмъ поворачиваю его къ озк. *Жезулицу* (озк. *Коресно?*), лежащему въ 1¹/₄ в. къ юго-востоку отъ рѣчки.

„Отъ озк. *Коресна* рубежь идетъ (выпускаю подробности) къ „рчч. *Бълевницъ*—12 в., да рѣчкою вверхъ въ озк. *Малое Бъло*: отъ „рѣчки до озерка ¹/₂ версты. Отъ озерка—къ оз. *Ордовцу*, 1 в., да „вдоль озера...“

Отъ предполагаемаго озк. *Коресна* направляю рубежь къ сѣв.-западу и веду его сѣверо-восточнѣе оз. *Езерица*, на протяженіи 15 в.,

до безыменной рѣчки (впадаетъ съ юга въ оз. *Заверезье*), на берегу которой стоятъ — дер. и п-шь *Бльины* (рч. *Бльевича?*). Далѣе, поворачиваю рубежъ къ югу — вверху по рѣчкѣ, въ направленіи къ озк. *Касенкову* (озк. *Мало Бьлос?*). Отъ озерка до вершины рѣчки 2 версты, но долина рѣчки подходит къ озерку на разстояніе $\frac{1}{2}$ версты. Озерко лежитъ въ $\frac{1}{2}$ в. къ востоку отъ оз. *Ордова* (оз. *Ордовецъ* XVI в.), къ которому и поворачиваю рубежъ и веду его вдоль юго-восточнаго берега озера. — Здѣсь оканчивается „рубежъ е“.

Дальнѣйшаго продолженія рубежа *на сѣверъ* (около волостей — *Дрисеицкой, Неведерскій-Кубокъ* и *Покровской*), до соединенія съ „рубежемъ а“, — нѣтъ въ „Книгѣ рубежей“. Въ этомъ направленіи намѣчены на картѣ только приблизительные предѣлы указанныхъ волостей.

Н. Оглоблинъ,
слушатель Института.

(Окончаніе и карта въ слѣдующей книгѣ).

Православныя церкви въ Западной Россіи въ XVI вѣкѣ.

Въ русской ученой литературѣ можно найти не мало свѣдѣній о русскихъ православныхъ церквахъ, въ древнее время существовавшихъ въ нашемъ западномъ краѣ. Но наврядъ-ли многимъ извѣстенъ наружный видъ этихъ церквей, въ настоящее время, конечно, уже давно разрушенныхъ. И поэтому я считаю, что будутъ не лишены интереса прилагаемые мною къ настоящей книгѣ „Сборника Археологическаго Института“ виды нѣсколькихъ церквей подобнаго рода, существовавшихъ въ XVI вѣкѣ въ Гродно, Вильнѣ, Люблинѣ, Замостьѣ и, наконецъ, также и въ столицѣ Галицкой, Львовѣ.

I. Гродно.

Представленныя ниже на четырехъ рисункахъ четыре гродненскія православныя церкви чрезвычайно точно срисованы съ необыкновенно-рѣдкой гравюры, представляющей видъ Гродно, экземпляръ которой находится въ Императорской публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ (1). Гравюра эта, состоящая изъ трехъ листовъ, склеенныхъ въ ширину (103 сантиметра шир., 35 цент. 5 миллиметровъ выш.), носитъ слѣдующее заглавіе, награвированное вверху посерединѣ:

VERA. DESIGNATIO. URBIS. IN LITTAVIA. GRODNAE.

Подъ этою подписью гродненскій гербъ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ двумя летящими ангелами. Надъ, вверху же, въ фигурной рамкѣ, помѣщено слѣдующее посвященіе гравюры королю Сигизмунду Августу: „Dem durchleuchtigisten Groszmechtigen Fürsten vnd herrn Herren Sigmunden Augusto König zu Polen. Grossfürsten zu Lyttaw

(1) Приобрѣтена въ 1879 году, отъ книгопродавца Кона въ Берлинѣ, за 200 марокъ.

Herren vnd erblingen zu Reussen vnd Preussen meinem gnedigsten Herren“, а на право вверху-же, подъ цензурнымъ пропускомъ: „Cum gratia et privilegio Sacrae Caesareae Majestatis“, награвированъ, въ рамкѣ-же, слѣдующій объяснительный текстъ гравюры: „Ware abconterfectung der Stadt Grodnae in der Littaw Daselbs hat die Kön: Maie: zu Polen einen Landtag gehalten vnd sind die nachuermelten Erstlich des groszfürsten in der Moszkaw so 1200 gewesen gantz herrlich becleydet darzu die Türckische auch Tartarische Wallachische potschaften zugleich alda ankommen von höchstermelter Kön: Mai: jhre darzu verordente herren ein jede besonder im feldt empfahen ein jede an ein besonder Ort Beuor aber die Moscowitisch potschaft in ein groszen garten Furiren vnd verwachen lassen. Darnach sind sie für der Kön. Mai. in jhrer Werbung anghört worden. Wie es dann alhie abgezeychnet geschehen im Julio anno 1567. Erstlich durch Hansen Adelbauser abconterfect hernach durch Mattheum Zünten bürgern zu Nürnberg in disz werck gebracht worden Anno 1568“ (1).

Упомянутые въ настоящей надписи авторы гравюры извѣстны: рисовальщикъ Гансъ Адельгаузеръ былъ родомъ нѣмецъ, пожилъ въ Польшѣ, и, какъ предполагаютъ весьма основательно, нарисовалъ свой видъ Гродно съ натуры (2). Впрочемъ, надо замѣтить, другихъ произведеній этого художника на лицо пока еще нѣтъ. Что же касается до Матвѣя Цюндта, то это былъ одинъ изъ отличныхъ нюрнбергскихъ художниковъ своего времени, золотыхъ дѣлъ мастеръ и граверъ, оста-

(1) Истинное изображеніе города Гродно въ Литвѣ. Тамъ Его Польское Королевское Величество держалъ сеймъ, и туда же пріѣхали нижеупомянутыя посольства, въ первый посольство Великаго Князя Московскаго, въ числѣ 1200 человекъ, очень великолѣпно одѣтыхъ, потомъ посольства Турецкое, Татарское и Валахское, и были приняты въ полѣ особыми на то назначенными отъ вышеупомянутаго Королевскаго Величества лицами, каждое посольство въ особомъ мѣстѣ. Но Московское посольство было напередъ довольствовано пищею и жило подъ охраною стражи въ большомъ саду. Впослѣдствіи они были выслушаны Его Величествомъ на счетъ цѣли ихъ присылки. И что тутъ нарисовано, то произошло въ іюль 1567 года. Нарисовано вначалѣ Гансомъ Адельгаузеромъ, а потомъ награвировано въ настоящемъ видѣ Матвѣемъ Цюндтомъ, гражданиномъ Нюрнбергскимъ, въ 1568 году.

(2) *Rastawiecki*, Słownik malarzów polskich, Warszawa, 1850, I, pp. 2—3.

вившій значительное количество гравюръ, необыкновенно тонко и съ большимъ вкусомъ исполненныхъ крѣпкой водкой, и по большей части изображающихъ портреты тогдашнихъ знаменитостей, или виды городовъ, со сценами значительнѣйшихъ современныхъ политическихъ событий (1). „Видъ Гродно“ принадлежитъ къ числу превосходнѣйшихъ и рѣдчайшихъ его произведеній.

На этомъ листѣ представлена, на переднемъ планѣ, очень любопытная сцена—первая встрѣча, въ Гродно, русскаго посольства 1567 года, имѣвшаго цѣлью исходатайствовать у Сигизмунда три вещи: заключеніе перемирія, выдачу знаменитаго князя Курбскаго, и пропускъ, черезъ Польшу въ Царьградъ, русскихъ купцовъ Глядова и Боткова. Изъ всего этого удалось только первое. Въ выдачѣ Курбскаго и пропускѣ купцовъ было отказано начисто, а перемиріе продолжено отъ іюля только до октября. Первоначальный пріемъ русскаго посольства польскими сановниками произошелъ внѣ города Гродно, какъ это и изображено на нашей гравюрѣ. Подпись въ этомъ мѣстѣ: „Poloni excipiunt Legatos Moscos. Die Poln empfangen die moscouitis Botschaft (2)“. На гравюрѣ представлены два важныхъ сановника, польскій и русскій,—со стороны русской, думный бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Колычевъ,—въ богатѣйшихъ полу-восточныхъ одеждахъ, быстрымъ движеніемъ подходятъ другъ къ другу и жмутъ одинъ другому руку. Позади cadaго, прислужникъ держитъ богато убраннаго коня; далѣе слѣдуетъ многочисленная свита. Съ одной стороны подпись: „Polnis Reuterey“ (3), съ другой: „Moscoviter Reutherey und ihre Coloske oder Wagen“ (4). Русскіе представлены въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ и длинныхъ кафтанахъ, съ саблями, щитами, булавами, луками и стрѣлами, знаменами и значками; у cadaго въ рукахъ по плети; ружей ни у кого не видать (въ противоположность полякамъ); въ числѣ конныхъ видны и два барабанщика съ продолговатыми барабанами.

(1) *Bartsch*, Peintre-graveur, IX, pp. 530—532; *Heller*, Zusätze zu Bartsch, pp. 126—131.

(2) Поляки принимаютъ московское посольство.

(3) Польская конница.

(4) Московитская конница и ихъ коляски или повозки.

Позади всей свиты появляется многочисленный обозъ, состоящій изъ двуколесныхъ и четырехколесныхъ крытыхъ телѣжекъ, въ родѣ кибитокъ; запряженныя въ нихъ лошади—съ очень длинными дугами, вѣтви которыхъ спускаются до самыхъ колѣвъ лошадей.

Позади польской свиты видѣнъ небольшой отрядъ изъ трехъ всадниковъ, особенно богато одѣтыхъ и держащихъ знамена съ польскимъ и литовскимъ гербомъ; подпись при нихъ: „Des königs Gleydt“ (1) заставляла-бы предположить, что самъ король Сигизмундъ Августъ представленъ здѣсь принимающимъ русское посольство. Но этому противорѣчитъ какъ самая надпись гравюры, именно говорящая, что всѣ четыре посольства (представленные въ разныхъ мѣстахъ гравюры) приняты были особо на то назначенными отъ короля личностями, — такъ и свидѣтельство русскаго статейнаго списка (копія съ него обязательно сообщена намъ, по нашей просьбѣ, барономъ Ф. А. Бюлеромъ, директоромъ Московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

Здѣсь встрѣча описана такъ: „А въ Городень (Гродно) послы пришли послѣ Ильина дня въ первой четвергъ іюля 24 дня, а встрѣча была у Городня отъ посаду съ версту: маршалокъ королевской Иванъ Воловичъ, да дворяне королевскіе Иванъ, Каршъ, да Иванъ Трызна Григорьевъ сынъ коштелянта Подлятцкого“ (2).

Уже довольно любопытно и то обстоятельство, что встрѣча и первый пріемъ посольства произошли за городомъ; но еще любопытнѣе то, что русское посольство было помѣщено на жительство не въ городѣ, а за городомъ. Тотъ-же статейный списокъ посольства говоритъ: „И поставили пословъ у Городня на Зарѣцкомъ посадѣ, всего десять дворовъ въ тынѣ, а у воротъ приставили сторожей, чтобъ съ двора посольскихъ людей не ходилъ никто; а около двора въ день и ночь стерегли драби (драбанты), и конная застава была по всякой день“. Этотъ фактъ разказанъ, на основаніи польскихъ источниковъ, и у нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей (3).

(1) Королевская свита.

(2) Статейный списокъ Польскаго Двора, № 7, 1560—1569 г. «Посольство въ Польшу боярина Федора Количева для договору объ унятіи между Польшею и Россією войны», л. 990.

(3) Въ своемъ знаменитомъ изданіи «Civitates orbis terrarum», изданномъ въ Кельнѣ въ 1572 году, при содѣйствіи гравѣра Гогенберга; кельнскій каноникъ Георгъ Браунъ вос-

Наша же гравюра самым отчетливым образом иллюстрирует его. В лѣвой сторонѣ гравюры представленъ тотъ самый „зарѣченскій посадь“, гдѣ отведено было мѣсто для жительства русскому посольству. Посадь обнесенъ тыномъ, съ нѣсколькими входными воротами, и внутри его расположены дома, палатки, навѣсы для лошадей, водоемъ, и всюду много деревьевъ; сверху надпись: „Castra Moscoviticae legationis. Der Moscoviter Lager“ (1). Мы видѣли выше, изъ словъ Георга Брауна, что русское посольство привезло посольскому королю „безцѣнные подарки“ (2). На нашей гравюрѣ изображено, на дальнемъ планѣ, шествіе русскаго посольства, изъ его загороднаго посада, черезъ мостъ на Нѣманѣ, въ королевскій дворецъ. Какъ ни миниатюрны представленныя тутъ фигурки, но очень ясно можно различить болѣе 12-ти группъ людей посольскихъ, состоящихъ каждая изъ трехъ личностей, идущихъ цѣшкомъ, имѣя впереди и позади конный конвой изъ русскихъ же, и несущихъ огромные вороха мѣховъ, турьихъ роговъ и ковчезцовъ. Всѣ эти подробности, вмѣстѣ съ приведенными выше (пріѣздъ посольства къ Гродно) дѣлаютъ настоящую гравюру въ высшей степени интересною и важною для русской исторической науки.

Въ XVI вѣкѣ въ Гродно было семь православныхъ церквей (3). Объ одной изъ нихъ, Троицкой, извѣстно только, что по привилегіи Сигизмунда I, записанной въ литовской метрической книгѣ 1511 года, пожалована была для нея земля въ урочищѣ Сусловцизна, но гдѣ было это урочище и гдѣ находилась Троицкая церковь — не открыто. Точно также ничего не извѣстно про Симеоновскую церковь: ни того, когда она су-

произвелъ въ уменьшенномъ видѣ видѣ Гродно, Адельгаузера и Цюндта, и въ своемъ латинскомъ текстѣ говорить: «Въ 1567 году происходилъ въ Гродно сеймъ, на который пріѣхало посольство великаго князя московскаго, состоящее изъ 1200 особъ, великолѣпно одѣтыхъ и съ безцѣнными подарками. Имъ отвели въ семи верстахъ отъ города, въ открытомъ полѣ, огороженное мѣсто: тутъ они разбили свои палатки и избы, и имъ запрещено было выходить оттуда въ городъ безъ провожатаго поляка».

(1) Станъ московскаго посольства.

(2) На основаніи польскихъ источниковъ, Нарбуттъ также упоминаетъ о нихъ (*Narbutt, Dzieje narodu Litewskiego*. Wilno, 1841, Т. IX, р. 421).

(3) Гродненскія Губернскія Вѣдомости, 1848, № 19, статья: «Краткое историческое извѣщеніе изъ дѣла о бывшихъ въ Гроднѣ православныхъ церквяхъ».

ществовала, ни на которомъ именно мѣстѣ. Упоминается она только въ одномъ инвентарѣ 1560 года. Прочія церкви были: Борисоглѣбская на Коложѣ и Пречистенская (обѣ каменные), Честнокрестовская, Воскресенская и Николаевская (деревянные). Въ приведенномъ выше изданіи „Civitates orbis terrarum“ Георгъ Браунъ говоритъ, въ своемъ латинскомъ текстѣ, сопровождающемъ видъ города Гродно: „Въ Гродно находится три каменныхъ церкви (такъ какъ прочія всѣ деревянные); одна изъ нихъ принадлежитъ полякамъ, а двѣ русскимъ, гдѣ эти послѣдніе и совершаютъ богослуженіе по своему особому обряду. Въ пригородѣ же у русскихъ двѣ церкви, одна деревянная, круглая, а другая кирпичная. Колоколни помѣщаются не въ самомъ храмѣ, а передъ входомъ въ церковь; это по большей части всегда деревянное зданіе, стоящее на сваяхъ и столбахъ, вбитыхъ бабами, и скрѣпленное поперечными бревнами: внутри (т. е. между стѣнками) пустота набита камнемъ, и такимъ образомъ поднимается вверхъ башня, несущая колокола, призывающіе къ божественной службѣ“.

Эти четыре церкви описаны, повидимому, Георгомъ Брауномъ, на основаніи гравюры Адельгаузера и Цюндта. Первою представляется намъ, въ лѣвомъ краю картины, каменная русская церковь на посадѣ (Рисун. № 1). Она стоитъ тотчасъ позади русскаго загороднаго лагеря, на небольшомъ холмѣ, обнесенномъ отовсюду тыномъ. Сверху надпись: „Templum Russorum latericium. Ein Rusches (sic) kirchen von Ziegel (1)“.

Далѣе, вправо, уже внутри самого города, мы видимъ еще двѣ русскія церкви. Одна, приходящаяся посрединѣ между королевскимъ дворцомъ и польскою церковью (Рис. № 2), обозначена сверху надписью: „Templum muro circumdatum Russorum. Ein gemauert Reyschnisz (sic) kirchen“ (2).

Почти рядомъ съ нею, и только отдѣленная отъ нея зданіемъ ратуши, стоитъ еще правѣ третья русская церковь (Рис. № 3), съ надписью сверху: „Russorum templum in urbe. Ein Reysnisch (sic) Kirchen in der Statt“ (3).

(1) Русская кирпичная церковь.

(2) Обнесенная стѣною русская церковь.

(3) Русская церковь въ городѣ.

Наконецъ, четвертая русская церковь стоитъ прямо къ югу отъ третьей, но опять уже за городомъ (Рис. № 4), и имѣетъ вверху надпись: «Templum Russorum ligneum-Suburbia. Ein Rusnisch kirche von Holtz in der Vorstatt (1).

Архитектура этихъ четырехъ русскихъ церквей представляетъ не мало любопытныхъ подробностей. Ни одна изъ нихъ не имѣетъ характерныхъ русскихъ главъ въ видѣ луковицъ и столько употребительной въ до-Петровской Руси четырехъ-скатной кровли. Не похоже даже, чтобъ планъ у трехъ изъ числа этихъ церквей представлялъ фигуру равносторонняго, или почти равносторонняго квадрата, съ выпусками для алтаря, — форму, всегда у насъ употребительную. Напротивъ, основной формой плана тутъ вездѣ является квадратъ, значительно удлинненный, какъ у церкви католическаго Занада. У обѣихъ каменныхъ церквей, загородной и городской, корпусъ продолговатый, крыша двускатная, надъ входомъ возвышается по небольшой башенкѣ съ маленькимъ куполомъ, (у загородной церкви, въ посадѣ, куполь этотъ имѣетъ видъ продолговатой дыни); центральная же часть церкви накрыта высокою пирамидальною главою. Окна, разной величины, продолговатыя, довольно широкія и вверху закругленныя. Въ городской каменной церкви видны, около алтарной части, также и совершенно круглыя окна. Что касается деревянныхъ церквей, то, изъ ихъ числа, городская — имѣетъ видъ простаго частнаго дома, продолговатой формы въ планѣ, съ двускатною крышею, на верху которой водружено, по краямъ, два креста: они составляютъ едва ли не единственный признакъ, по которому можно отличить эту церковь отъ простаго городскаго зданія. Другая деревянная русская церковь, на посадѣ близъ рѣки, имѣетъ какую то очень странную форму, ничуть не русскую. Во первыхъ, она совершенно круглая; во-вторыхъ, крыши, покрывающія три ея этажа, имѣютъ видъ опрокинутыхъ блюдечекъ, образующихъ навѣсъ надъ стѣной, и уже надъ подобнымъ блюдечкомъ третьяго этажа возвышается куполь въ видѣ сръзанной дыни; въ третьихъ, нижній край крыши перваго этажа украшенъ какимъ то орнаментомъ въ видѣ полукруговъ, которыхъ сходящіеся края образуютъ зубы, и увѣн-

(1) Русская деревянная церковь на посадѣ.

чаны шишечками, какъ на дворянской коронѣ. При этой церкви выстроена маленькая часовенка, также продолговатая въ планѣ, какъ все почти русскія церкви въ Гродно; но куполь у ней имѣетъ форму луковницы — единственное исключеніе во всемъ Гродно.

Въ заключеніе замѣтимъ еще, что при каждой русской церкви находится по одному или по два особыхъ дома — конечно для церковнаго причта.

II. Вильно.

«Городъ Вильна въ XVI вѣкѣ, особенно въ первой его половинѣ, не смотря на союзъ Литвы съ Польшей, жилъ еще чисто русскою жизнью. Большинство населенія было русское; оно занимало и большую, и лучшую часть города; горожане римско-католическаго исповѣданія составляли незначительное меньшинство. Западные путешественники, посѣщавшіе Вильну въ XVI вѣкѣ, говоря о богослуженіи и религіозныхъ обычаяхъ православныхъ жителей города, только вскользь упоминаютъ о латинскомъ исповѣданіи, какъ религіи меньшинства. Численное превосходство православно-русскаго населенія Вильны ясно открывается также изъ количества церквей и костеловъ, бывшихъ здѣсь въ XVI вѣкѣ. Костеловъ, не смотря на все покровительство латинству со стороны польскаго правительства, было не болѣе 10, но изъ нихъ большая часть были монастырскими костелами, безъ прихода. Между тѣмъ православныхъ церквей, въ то же самое время, было не менѣе 20, изъ коихъ 15 — были приходскими (1)».

Не смотря на документальную несомнѣнность приведенныхъ здѣсь цифръ, мы не находимъ такого количества русскихъ церквей на древнѣйшемъ намъ доступномъ изображеніи города Вильны. Изображеніе это мы встрѣчаемъ въ приведенномъ уже выше изданіи: „Civitates orbis terrarum“ въ III-й части, изданной въ Кёльнѣ, Георгомъ Брауномъ въ 1581 году (2). Здѣсь изображена всего одна церковь (рис. № 5), обо-

(1) «Памятники Русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи, изданные по Высочайшему повелѣнію П. И. Батюшковымъ». Выпускъ 5-й. Вильна, Спб., 1872, статья: «О древнихъ православныхъ церквахъ города Вильны», стр. 81.

(2) Въ упомянутомъ уже изданіи «Памятники старины въ западн. губерніяхъ» помѣщена статья: «Видъ (планъ) города Вильны до 1523 года», и этотъ годъ повторенъ въ текстѣ.

значенная въ оригиналѣ подписью: „Der Griechen Kirche“ (1). Она состоитъ изъ продолговатаго одноэтажнаго зданія, надъ серединою котораго возвышается башня съ высокимъ островерхимъ куполомъ, увѣнчанымъ крестомъ; входная часть церкви и алтарь равномерно осѣнены крестами, составляющими, вмѣстѣ съ тою башнею, единственный признакъ, что здѣсь у насъ передъ глазами церковь (2). Авторъ статьи, приложенной при видѣ (планѣ) Вильны, замѣчаетъ, что изображенная здѣсь православная церковь есть, вѣроятно, Воскресенская. Въ текстѣ „Civitates orbis terrarum“ ничего не говорится про русскую церковь, но про „русскій дворъ“ сказано: „Въ Вильнѣ большинство церквей каменныхъ, но есть также и деревянныя, такъ какъ здѣсь происходитъ церковная служба по обрядамъ разныхъ вѣрѣ. Есть великолѣпный монастырь Бернардиновъ, очень изящной постройки изъ тесанаго камня; таковъ же и „дворъ русскихъ“, гдѣ они продаютъ свои товары, привезенные изъ Московіи, какъ-то: мѣха волчи, лисы, особливо бѣлыхъ лисицъ, куньи, собольи, горностаевые, леопардовые и другіе благородныхъ звѣрей мѣха“. Видъ этого двора мы представляемъ здѣсь, въ точной копіи, на рисункѣ № 6. Подпись на оригиналѣ слѣдующая: „Das Moskowiten hoff“ (3).

III. Люблинъ.

Въ VI-й части „Civitates orbis terrarum“, изданной, въ 1618 году, въ Кельнѣ, послѣ смерти Георга Брауна, Антономъ Гевартомъ и Авраамомъ Гогенбергомъ, сказано: „Между самыми знаменитыми и прославленными польскими городами Люблинъ занимаетъ, кажется, второе мѣсто (т. е. считая Варшаву первымъ городомъ); онъ превосходитъ нѣкоторые изъ нихъ по величинѣ и достоинству, и превосходить всѣ

Но это совершенно невѣрно. I-я часть «Civitates orbis terrarum» вышла въ первый разъ въ 1572 году, а III-я ч. съ планомъ Вильны — лишь въ 1581 году.

(1) Греческая (т. е. Русская) церковь.

(2) Въ VI-мъ выпускѣ «Памятниковъ русской старины въ зап. губер. Имперіи», на листѣ 1-мъ представленъ «Планъ (видъ) города Вильны» изъ сочиненія Брауна (будто-бы до 1523 года), но этотъ планъ (видъ) настолько уменьшенъ противъ оригинала, что трудно различить на немъ, какъ тутъ названо, «греческую», т. е. русскую, церковь.

(3) Московитскій дворъ.

другіе по красотѣ мѣстоположенія, по постройкамъ и сильному укрѣпленію“. Описывая затѣмъ различныя превосходныя зданія города, церкви и дворцы, авторъ въ концѣ упоминаетъ, что недалеко отъ католической церкви св. Николая, „видна также старая деревянная церковь, гдѣ отправляютъ богослуженіе по обряду русскихъ или грековъ, и которая обыкновенно называется въ просторѣчи „Черліевъ“ (Czerliew).

Фактъ существованія православной церкви въ Люблинѣ нисколько не удивителенъ, когда вспомнить, что во времена Ягеллоновъ Люблинъ былъ центральнымъ пунктомъ торговли Подолія, Волыни и Червонной Руси. Вѣроятно по Червонной Руси и настоящая церковь называлась „Черліева“ или какимъ то на это похожимъ именемъ. Мы представляемъ на рис. № 7, въ точной копіи съ „Civitates“, эту церковь, у которой, на оригиналѣ, надпись *Templum Ruthenicum*“ (1). Она имѣетъ видъ небольшого дома, съ высокою двускатною кровлею, надъ которою возвышается довольно высокій, тонкій островерхій куполь. На боковой стѣнѣ главной, средней части зданія видно всего два окна; на боковой стѣнѣ выпускной алтарной части, гораздо меньшихъ размѣровъ, можно замѣтить еще одно окно.

IV. Замосцье.

Замосцье есть городъ (или точнѣе крѣпость) сравнительно поздняго происхожденія. Онъ основанъ знаменитымъ канцляромъ, Иваномъ Замойскимъ, во время командованія его польскими войсками въ войнѣ противъ царя Ивана Грознаго. На планѣ (видѣ) этого города, помѣщенномъ въ VI части „Civitates“, мы видимъ небольшую церковь, съ надписью: „*Templum Ruthenarum*“ (2). Церковь эта помѣщается на окраинѣ города, у одного изъ бастіоновъ, укрѣпленныхъ пушками, и не далеко отъ Львовскихъ воротъ, т. е. воротъ, стоящихъ при началѣ дороги по направленію къ городу Львову. Церковь очень небольшая, повидимому каменная, и совершенно имѣющая видъ простаго частнаго дома: ее отличаютъ только два небольшихъ креста, поставленныхъ на верху

(1) Русская церковь.

(2) Церковь Русскихъ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ
БИБЛИОТЕКЕ
ДЛЯ ГАЗЕТЪ
И КНИГЪ.
ИМПЕРАТОРСКОЙ
БИБЛИОТЕКЕ

GROJNO.

Templum mūro circūdatūm Ruſſorūm.

3.

GROJNO.

Ruſſorum Templum in Urbe

MP.

СРЕДНО

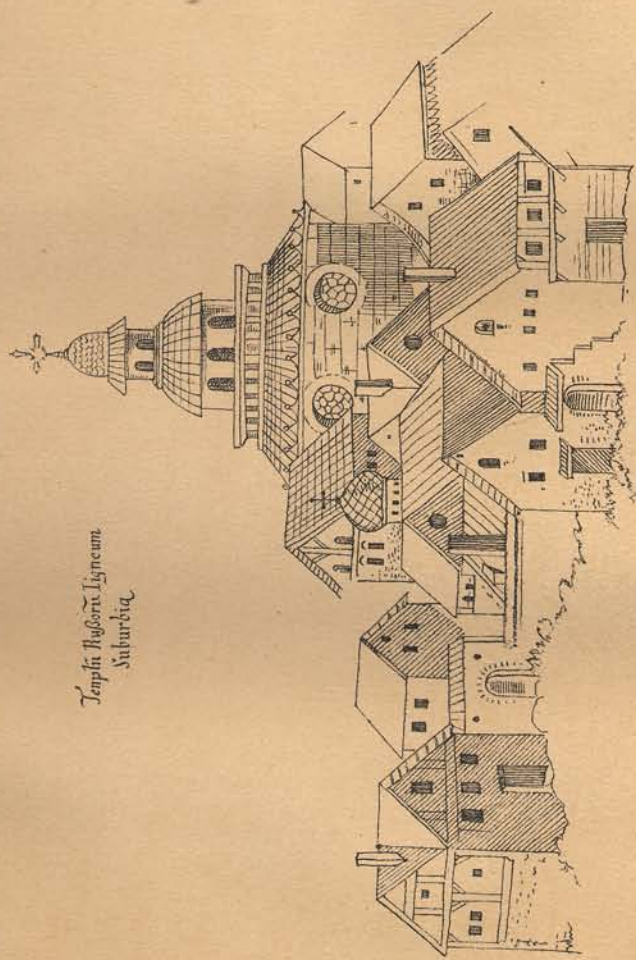
Templum Russonum Iudaeorum

14
ОДЕССКАЯ
ТАБЛЕТКА
ИЛИ
ОДЕССКАЯ
ТАБЛЕТКА
ИЛИ
ОДЕССКАЯ
ТАБЛЕТКА

ГРОДНО

Теплія Рагбортъ Цірквы.
Suburbia

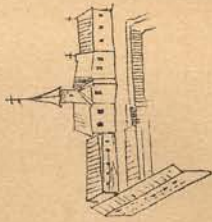
ЛР

Литограф. В. Елагина. Подольская № 6.

VILNA.

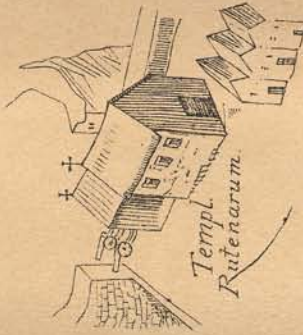
Der Griechische Kirche.

5.

Лобкомосце.

8.

Templ.
Ruthenarum.

LUBLIN.

Templum Ruthenicum.

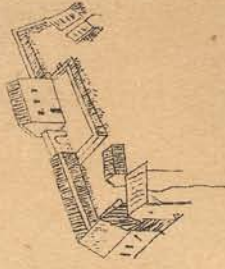
7.

VILNA.

Der Moskaiten hof.

6.

ЛѢВОВА.
(LEOPOLIZ.)

Ecclesia Russica S. Crucis.

9.

„Родословное Древо“ по памятникамъ христіанской иконографіи.

Всѣ народы и племена, на какой бы низкой степени культуры ни стояли, питають и обнаруживаютъ къ семейному союзу особенное почтеніе и благоговѣніе. Издревле у народовъ, хранящихъ въ чистотѣ патриархальный, семейный бытъ, отецъ семейства и мать, родоначальникъ, даже кормилица и воспитатели дѣтей почитаются высоко; первому отцу человѣчества, прародителю, въ различныхъ религіяхъ естественныхъ воздается особенный культъ, существуютъ изображенія его, которымъ воздаются божескія почести. Въ государствахъ съ сильнымъ развитіемъ и преобладаніемъ семейно-родовыхъ союзовъ, и на главу верховной власти переносятся функціи и власть, свойственныя отцу естественнаго семейства, родоначальнику, которыя еще болѣе расширяются признаніемъ въ немъ Божественнаго права и полномочія. Христіанская Церковь въ лицѣ Государя чтитъ помазанника Божія, непосредственное орудіе Провидѣнія о вѣренномъ народѣ. Вслѣдствіе такого кореннаго и общечеловѣческаго взгляда получаютъ важность и значеніе тѣ памятники искусства, въ которыхъ естественное и церковно-гражданское родство находятъ свое олицетвореніе. Въ Западной, Восточной и Русской церкви есть немало этого рода художественныхъ памятниковъ изъ которыхъ одни представляютъ родословное древо І. Христа, другіе подъ тою же формою „древа“ изображаютъ родословіе князей, царей и императоровъ. Къ первой категоріи относятся замѣчательныя памятники западной иконографіи, описанныя Дидрономъ,

именно: 1) „древо Иессей“ — живопись на стеклѣ въ Маинцкомъ соборѣ XIII вѣка ¹⁾).

2) Родословное древо святой Анны, матери Приснодѣвы Маріи ²⁾).

3) Родословное древо предковъ Иисуса Христа на фрескахъ Пармскаго баптистерія ³⁾).

¹⁾ Композиція изображенія, лица, предметы и надписи здѣсь слѣдующія (Didron, *Annal. archéol.*, t. 13, p. 355—357): въ нижней части росписаннаго въ окнѣ собора стекла, возлежитъ на праздничномъ ложѣ патриархъ Иессей; отъ него вырастаетъ таинственное древо, на которомъ разсажены въ симметрическомъ порядкѣ: царь и пророкъ *Давидъ*, мудрый царь *Соломонъ* и *Пресвятая Дѣва Марія*, предки по плоти *Иисуса Христа*. Слѣдующій стихъ, написанный надъ генеалогическимъ ложемъ Иессея, объясняетъ значеніе основной идеи изображенія: sic: Deus: ex: Jesse: cepit: carnaliter: esse. На верху стекла находится самъ Иисусъ Христосъ, надъ главою котораго парятъ семь Даровъ св. Духа въ формѣ семи голубей. На лѣвой и на правой сторонѣ родословнаго древа размѣщены *пророки* — *духовные предки Христа*, которые предсказали или предизобразили воплощеніе Спасителя. Сюда относятся: Осія, Авдій, Ааронъ, Моисей, Аммосъ, Наумъ, Захарія, Малахія.

²⁾ Живопись на стеклѣ въ капеллѣ св. Анны, въ храмѣ Пр. Дѣвы, что въ Шалонѣ на Маріи (Didron, *Annal. archéol.*, t. 15 p. 357—358). Капелла св. Анны, прекрасной церкви Шалонской Богоматери, имѣетъ три картины, писанныя на стеклѣ (*verrières*), въ стилѣ начала XIII столѣтія, изображающія жизнь матери Приснодѣвы и отчасти жизнь самой ея; здѣсь же помѣщается и родословное древо, въ слѣдующемъ видѣ: въ самой срединѣ сидитъ св. Анна, отъ нея идетъ это древо; слѣдуютъ затѣмъ праведный Іоакимъ, св. Іосифъ обрученикъ Пр. Дѣвы и — сама Она, держащая на рукахъ Иисуса и окруженная семью Духами подъ видомъ божественныхъ голубей, которые почіютъ на главѣ Спасителя, по пророчеству Исаи (XI гл. 1—5). По боковой линіи изображены: лѣва — Клеопа и Марія съ дочерью и зятемъ Алфеемъ; апостолы — св. Іаковъ младшій, св. Симонъ, св. Іуда и св. Іосифъ праведникъ (*justus*); справа — Саломія отъ дочери которой и зятя Зеведея родились апостолы: Іаковъ младшій и св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Въ самомъ же низу находятся: Исмерія, сестра св. Анны, св. Елизавета и Захарій, отецъ и мать Іоанна Крестителя. Наконецъ, какъ бы въ самой глубинѣ корня дерева, находятся цари и пророки Давидъ и Соломонъ.

³⁾ Didron, *Annal. archéol.* t. XV. Стѣны баптистерія гор. Пармы украшены (по времени 1196 г.) изображеніемъ Родословной Иисуса Христа, заключающей въ себѣ не только предковъ его по плоти, но и тѣхъ святыхъ церкви ветхозавѣтной, которые полны были чаяніемъ обѣтованнаго Мессіи, пророчествовали о немъ, прообразовали его; сюда относятся родословное древо патриарха и его двѣнадцати сыновей, древо царственнаго патриарха Иессея, древо Пророковъ и соотвѣтствующіе имъ, по числу и великой могущественной проповѣди новозавѣтной, — двѣнадцать апостоловъ. Для всей вообще родословной и изображенныхъ предметовъ, лицъ, на стѣнахъ баптистерія, связующимъ звѣномъ служитъ Богъ Отецъ, Промыслитель о мірѣ и человекѣ, представленный подъ видомъ ветхаго денница, мудраго, милосердаго и праведнаго отца семейства, Владыки имъ насажденнаго и воздѣлываемаго чрезъ святыхъ слугъ виноградника. Любопытныя подробности относительно этого предмета, равно какъ и о другихъ сходныхъ изображеніяхъ, авторъ надѣется сообщить особо.

4) На ряду съ „родословнымъ древомъ“ предковъ Иисуса Христа и Пресв. Дѣвы Маріи, расширяемымъ присоединеніемъ тѣхъ или другихъ подробностей съ поучительною цѣлью, въ Христіанской Русской иконографіи есть другой видъ этого древа, имѣющій священное значеніе; это—родословное древо князей и царей, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и храмахъ на фрескахъ, иконахъ или въ синодикахъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ этомъ иконографическомъ сюжетѣ, по разнымъ вариантамъ, а потому ограничиваемся для примѣра описаніемъ только двухъ; одинъ имѣемъ въ синодикѣ новоіерусалимскаго монастыря, хранящемся въ его библіотекѣ; другой—на фрескѣ Ильинской церкви въ гор. Ярославль.

Синодикъ принадлежалъ государынѣ великой княжнѣ царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ; рисунокъ слегка раскрашенный писанъ ея рукою ⁴⁾. Вотъ описаніе его:

Изображено дерево съ расходящимися въ двѣ стороны вѣтвями, въ листьяхъ котораго расположены великіе князья и цари въ слѣдующемъ порядкѣ:

В. Князь Ярославъ.	В. Князь Всеволодъ.
„ „ Владиміръ.	„ „ Георгій Долгорукій.
„ „ Всеволодъ Владимірскій.	„ „ Ярославъ Владимірскій.
„ „ Александръ Невскій (въ схимѣ).	„ „ Даниль Московскій (въ схимѣ).
„ „ Иоаннъ Калита.	„ „ Иоаннъ.
„ „ Дмитрій Донской.	„ „ Василій Димитріевичъ.
„ „ Василій (?).	Царь Василій (инокъ Варлаамъ).
„ „ Иоаннъ всея Руси.	„ „ Θεодоръ Иоанновичъ.
Царь и В. Князь Иоаннъ.	„ „ и В. Князь Алексѣй Михайловичъ.
„ „ и В. К. Михаилъ Θεодоровичъ.	
Θеодоръ Алексѣевичъ.	

⁴⁾ Отличная копія хранится въ Музеѣ Христ. древностей при Имп. Академіи Худ. въ С.-Петербургѣ.

Фреска, находящаяся надъ крыльцомъ паперти Ильинской церкви въ г. Ярославль, по времени написанія XVII стол., имѣетъ слѣдующія особенности:

I. Внизу картины, посреди ея, представленъ великій князь *Владиміръ* лежащимъ на землѣ; въ одной рукѣ у него держава, въ другой скипетръ, головою обращенъ влѣво отъ зрителя. За колѣнами князя произрастаетъ древо, средней стволъ котораго заканчивается въ верхушкѣ опрокинутой внизъ царской короной, а въ ней помѣщено нѣсколько едва оперившихся птенцовъ, съ троерогими гребешками на головкахъ. Посрединѣ ствола сидятъ два царя, одинъ надъ другимъ: вверху *Михаилъ Θεодоровичъ*, внизу — царь *Іоаннъ*, отъ которыхъ расходятся по обѣ стороны вѣтви съ цвѣтами. На каждомъ изъ цвѣтовъ изображены по поясъ остальные цари и князья. По обѣимъ сторонамъ древа представлены еще двѣ пальмы и за ними стоятъ князья: направо — *св. Борисъ*, влѣво — *св. Глѣбъ*. На верху зеленыхъ пальмъ видны опрокинутые княжескіе вѣнцы; вокругъ же деревьевъ обвиты тонкіе свитки, надписи въ нихъ етерлись. Отъ Царя Іоанна идутъ по сторонамъ двѣ вѣтви съ слѣдующими князьями и надписями:

а) Въ направленіи къ св. Борису — царь *Василій* и царевичъ *Петръ Петровичъ*.

б) Въ направленіи къ св. Глѣбу — царевичъ *Димитрій Іоанновичъ*, царевичъ *Александръ Петровичъ* и великій князь *Петръ Алексѣевичъ*. Отъ Михаила Θεодоровича идутъ вѣтви съ слѣдующими лицами:

а) Въ направленіи къ св. Борису — царь *Алексій Михайловичъ*, царевичъ *Симеонъ Алексѣевичъ* и царь *Іоаннъ Алексѣевичъ*.

б) Въ направленіи къ св. Глѣбу — царь *Θеодоръ Алексѣевичъ*, царевичъ *Алексій Алексѣевичъ* и царь *Петръ Алексѣевичъ*.

II. Посреди картины, надъ упомянутой выше короной съ птенцами, видимъ свитокъ; въ немъ надпись: „родъ правыхъ благослови“.

Надъ древомъ св. Бориса въ перспективной дали, на зеленой луговинѣ, изображено множество бѣлыхъ птицъ (голубей), надъ которыми паритъ одноглавый орелъ съ короною на головѣ; вверху надпись: „уповающіи на Господа окрыляются и потекутъ“.

Надъ древомъ св. Глѣба, на зеленомъ полѣ, представлена битва. *Св. Георгій Побѣдоносецъ*, на конѣ, поражаетъ чудовищнаго дракона; войска непріятелей разсѣваются, одни воины скачутъ на лошадяхъ, другіе попадали на землю мертвыми. Надпись надъ всѣмъ: „пожену враги моя...“ (остальныя буквы стерты отъ времени).

III. Надъ самымъ родословнымъ древомъ парить *двуглавый орелъ* съ большими крыльями, по обѣимъ его сторонамъ изображены *Иисусъ Христосъ* и *Божія Матерь*. На груди орла представленъ св. Георгій побѣдоносецъ, поражающій змія. Надъ орломъ три короны, въ когтяхъ у него дискъ луны съ продолговатымъ въ ней лицомъ чело-вѣка. Надпись подъ ногами орла: „и луна подъ ногами его“. Изъ клювовъ двуглаваго орла выходятъ узкіе свитки съ надписями. По направленію къ Иисусу Христу, обратными буквами написано: „очи мои выну ко Господу“; по направленію къ Богородицѣ обыкновенная надпись: „очи мои выну къ Госпожѣ...“ Иисусъ Христосъ, благословляющій обѣими руками, изображенъ по поясъ въ солнечномъ кругѣ, плавающимъ въ облакахъ. Надпись на верху: „въ солицѣ положи селеніе свое“. Надъ этими словами въ свиткѣ—облака, изъ которыхъ простерта десница, держащая вѣнецъ; по сторонамъ его еще два вѣнца. Божія Матерь изображена также по поясъ въ кругѣ, на облачѣхъ; надъ нею свитокъ, слова стерлись. Надъ свиткомъ, изъ облаковъ простерта шуйца, около нея—семь звѣздъ. Богоматерь представлена молящеюся къ возлюбленному Сыну, съ воздѣтыми руками. Набонецъ, въ самомъ верху разсматриваемой картины, въ облакахъ, изображенъ крестъ съ лучеобразнымъ сіяніемъ; по сторонамъ его слова: ІІС. ХС. Подъ крестомъ и надъ главами орла — свитокъ, раздѣленный на три части, въ немъ написано: „въ семь“ „знаменіи“ „повѣдается“.

Замѣтимъ также, что у всѣхъ царей и князей родословнаго древа кругомъ головы обведены нимбы, какъ у святыхъ на иконахъ. Какое историческое значеніе имѣютъ эти нимбы и откуда они появились въ нашей иконографіи при изображеніи даже такихъ лицъ, которыя не канонизованы Церковью какъ святые? Насколько можно считать достовѣрными портреты на двухъ описанныхъ родословныхъ древахъ и

какіе древніе памятники могли послужить образцами при составленіи этихъ и другихъ подобныхъ сложныхъ сюжетовъ?— вопросы, на которые отвѣтить считаемъ немаловажнымъ дѣломъ.

Обращаясь къ древне-византійскимъ и частію римскимъ памятникамъ, вліявшимъ въ общемъ и техниѣ на русскую иконографію (*) со времени принятія св. вѣры, находимъ съ нимбами кругомъ головы слѣдующихъ лицъ: на древне-греческой рѣзбѣ изъ слоновой кости 1068 г.: императоръ римскій Романъ и его супруга Евдокія; на Византійскомъ ковчезѣ XI в., хранящемся въ Московской патріаршей ризницѣ,— императоръ Константинъ Дука; тоже имѣютъ — императоръ Никифоръ Вотаниатъ и его супруга Марія; — императоръ Алексѣй Комнинъ, посвящающій свой трудъ Господу; на фрескѣ Софійскаго собора, нынѣ мечети, — императоръ Юстиніанъ колѣноспреклоняющійся предъ иконою Господа Исуса. Въ Успенскомъ Московскомъ соборѣ хранится барельефная икона съ изображеніемъ Константина Великаго на конѣ и убивающаго дракона, а вдали — освобождаемая имъ женщина — Церковь и Имперія; икона эта, какъ видно по римской надписи на ней, посвящена народомъ римскимъ и сенатомъ изображенному на ней съ нимбомъ царственному герою, за дарованіе имъ мира обширной монархіи и свободы Христіанской Церкви. На рельефѣ, изображающемъ охоту императора Траяна на вепря, видимъ также нимбъ кругомъ головы царственнаго охотника; голова статуи Юлія Цезаря въ Римѣ была украшена семью лучами, равносильными нимбу.

Что касается памятниковъ собственно древне-русскихъ, на которыхъ бы находились подобныя изображенія лицъ, то мы не имѣемъ ихъ въ значительномъ количествѣ. Только съ Московскаго періода, Великіе Князья и Цари сооружаютъ памятники, украшаемые изображеніями царственныхъ лицъ, по образцу Византіи. При Царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ въ первый разъ видимъ росписанныя стѣны грановитой палаты, на которыхъ были изображены лики російскихъ державныхъ особъ: Св. Вла-

(*) См. Христ. древн. и Археол. журн. В. А. Прохорова; Забѣлина: домашній бытъ Русск. Царей и Русскихъ Царицъ; Труды общ. истор. и древн. Росс. ч. V, кн. 1-ая; Памятники Москов. Древн., Снегирева; Атласъ «древностей и исторіи Росс. Государства» съ рис. Ѳ. Г. Солнцева.

димира, Ярослава Мудраго, Всеволода I-го, Владиміра Мономаха, Георгія Долгорукаго, Св. Александра Невскаго, Данила Московскаго, Іоанна Калиты, Дмитрія Донскаго и его преемниковъ до самаго Θεодора I-го, подлѣ котораго стоялъ у трона правитель Борисъ Годуновъ въ шапкѣ мурманкѣ и въ верхней златой одеждѣ на опашку. Въ золотой царицыной палатѣ, бывшей нѣкогда святительской, на сводахъ, стѣнахъ и откосахъ оконъ, по золотому фону, написаны дѣянія святыхъ Равноапостольныхъ царя Константина и царицы Елены; — царицы Динарїи, дочери Иверскаго царя Александра, воевавшей съ персами; — Великой Княгини Ольги; соборъ противъ царя Θεодора иконоборца; синаксаръ на недѣлю православїя; лики святыхъ царицъ: Ирины, Θεодоры, Софіи и благовѣрныя Ольги; мѣстами — гербы и цвѣты. Въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, служившемъ усыпальницею царей и великихъ князей, до сего времени надъ гробницею каждаго въ Возѣ почившаго изъ нихъ изображены во весь ростъ ихъ фигуры-портреты. На саккосѣ митрополита Фотїя 1411 года вышиты шелками изображенїя В. Князя Василїя Дмитріевича и В. Княгини Софіи. На рукописи Ново-іерусалимскаго монастыря, 1073 года, хранящейся нынѣ въ патріаршей бібліотекѣ, изображены князья: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ и жена Святослава; въ печатномъ Московскомъ апостолѣ 1564 г. помѣщена гравюра — портретъ царя Іоанна Васильевича. На одной изъ находокъ гор. Рязани — гривнѣ, изъ мусїи, находится изображеніе юнаго князя съ нимбомъ кругомъ головы и съ звѣздовиднымъ крестомъ въ лѣвой рукѣ, и т. д.

Нимбъ или сіяніе кругомъ головы на означенныхъ памятникахъ, встрѣчаемый не на всѣхъ, утрачивается со временемъ все болѣе и болѣе, такъ что въ концѣ XVIII ст., а тѣмъ болѣе въ XIX столѣтїи встрѣчается онъ уже рѣдко. Что касается сходства этихъ изображенїй древнихъ князей и царей, то во многихъ случаяхъ на нихъ полагаются нельзя, такъ какъ наряду съ неловкостію техническою здѣсь нерѣдко господствуютъ вымыслы фантазіи. Тѣмъ не менѣе, распространеніе сего рода изображенїй въ извѣстнаго рода хронологическомъ и генаалогическомъ порядкѣ и допущеніе ихъ въ число церковныхъ изображенїй съ усвоенїемъ имъ нимба содѣйствовало не мало къ укрѣпленїю въ народѣ уваженїя и любви къ нимъ. Такъ воспитывалось, съ религіознымъ чув-

ствомъ и сознаниёмъ, чувство уваженія и любви къ Государю. Связь народа Русскаго съ Верховною Властью еще болѣе утверждалась святою подвижническою жизнью Князей и Царей, которые живота своего не жалѣли для процвѣтанія и благоденствія государственнаго, мира и распространенія Христіанской вѣры и просвѣщенія. Таковы — равноапостольныя В. Кн. Ольга и В. Кн. Владиміръ, Мудрый Ярославъ, благочестивый Мономахъ, страстотерпцы князя Борисъ и Глѣбъ, Михаилъ Ярославичъ Тверской и Михаилъ Черниговскій, убитый въ Угличѣ младенецъ Царевичъ Димитрій, Князя Ярославскіе: Василій и Константинъ, схимонахъ Феодоръ съ чадами Давидомъ и Константиномъ, св. Александръ Невскій, въ схимѣ Алексій, и много другихъ лицъ, оставившихъ по себѣ въ лѣтописяхъ историческихъ и народной памяти неизгладимые образы и воспоминанія. Такая традиція и жизненность прошедшаго, помимо разнаго рода сказаній, житій, повѣствованій, стиховъ, духовнаго, историческаго или поэтическаго содержанія, поддерживались немало распространеніемъ родословныхъ, болѣе или менѣе систематическихъ сборниковъ, въ которыхъ говорилось о замѣчательныхъ лицахъ, ихъ жизни и дѣяніяхъ, о времени когда они жили, объяснялся такъ или иначе смыслъ государственной, церковной и семейной жизни, назначеніе человѣка съ точки зрѣнія закона нравственно-христіанскаго. Священная и церковная исторія и, въ связи съ ними — національная, русская, разсматриваются какъ неразрывное цѣлое. Художники иконописцы, какъ и образованные лѣтописцы и составители означеннаго рода письменныхъ памятниковъ, идутъ сомкнутымъ строемъ въ великомъ дѣлѣ воспитанія народнаго. Родословныя древа, лицевыя изображенія святыхъ, равно царственныхъ лицъ, наглядно воспроизводятъ и повторяютъ то, что даетъ письменный памятникъ или живое преданіе объ этихъ лицахъ.

А. Виноградовъ,

слушатель Института.

23 октября 1879 г.

КРОШТАДТСКАЯ
ДЛЯ ГАЗЕТЪ
И КНИГЪ.
ПРОСЬБА БИЕ ПОСРЕДНИ

КРОШТАДТСКАЯ
ДЛЯ ГАЗЕТЪ
И КНИГЪ.
ПРОСЬБА БИЕ ПОСРЕДНИ

OLD FRENCH TYPE

Дополнительныя свѣдѣнія къ дѣлу Могилевскаго архіепископа Варлаама во время нашествія французовъ въ 1812 году. ⁽¹⁾

Въ средѣ іерарховъ Русской Церкви Могилевскій архіепископъ Варлаамъ Шишадкій является печальнымъ исключеніемъ. Не достойное имени русскаго преступленіе, которымъ онъ запятналъ себя (присяга императору французовъ Наполеону I-му)—событіе безпримѣрное, не бывалое въ лѣтописяхъ Россіи. Наша отечественная исторія представляетъ намъ не мало блистательныхъ примѣровъ того, что предстоятели и служители Русской Церкви въ самыя тяжкія времена народныхъ бѣдствій являлись *по преимуществу* печальниками родной земли и вдохновителями сыновъ ея на защиту отечества. Что же побудило злополучнаго архіепископа, забывъ доблести предковъ, предаться врагу? Какіе мотивы его преступленія? Весьма любопытные отвѣты на эти вопросы даетъ современникъ Варлаама и ближайшій соучастникъ его преступленія — игуменъ Орестъ въ запискахъ о гор. Могилевѣ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ второму тому *Археологическаго сборника документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси* (Вильна, 1867 г.). Орестъ былъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ лицъ Варлаама и ближайшимъ его совѣтникомъ. Занимая, въ званіи іеромонаха, должности казначея, ризничаго и эконома Могилевскаго архіерейскаго дома и присутствующаго мѣстной ду-

(1) Архіепископъ Варлаамъ, „природою изъ малороссійскихъ поселанъ“ (Сборн. Археол. Инст. кн. II, отд. II, стр. 99), родился въ селѣ Красиловкѣ, Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, гдѣ и доселѣ хранится Евангеліе, подаренное имъ и подписанное его собственною рукою. Истор. стат. опис. Черн. епарх., кн. III, стр. 109. Свѣдѣнія о Варлаамѣ. См. также въ Исторіи отечеств. войны Богдановича, т. I, стр. 211; въ Волын. Епарх. Вѣд. 1879 г. №№ 8 и 10 и въ Церк. Общ. Вѣст. 1879 г. № 61.

ховной консисторіи, онъ былъ не только простымъ свидѣтелемъ событій того времени, но и принималъ въ нихъ прямое, непосредственное участіе, почему и передаетъ эти событія съ большою обстоятельностью, дополняя ихъ такими свѣдѣніями, которыя могъ почерпнуть только изъ личныхъ бесѣдъ съ архіепископомъ, въ качествѣ его приближеннаго, — каковы напр. свѣдѣнія о мотивахъ преступленія. Мало этого, содержаніе записокъ касательно измѣны архіепископа Варлаама убѣждаетъ насъ, что Орестъ, кромѣ непосредственныхъ наблюденій, имѣлъ въ своихъ рукахъ всю официальную слѣдственную переписку по дѣлу, а напечатанное нами во II-й книгѣ Сборника Археологическаго Института (стр. 93—108) опредѣленіе Святѣйшаго Синода—взялъ цѣликомъ изъ архива Святѣйшаго Синода, что подтверждается простымъ сличеніемъ текста опредѣленія съ LXXXIX—XCVI страницами текста записокъ. Въ виду этого, записки Ореста, для уясненія нравственнаго облика Варлаама, имѣютъ сугубый интересъ. Онѣ полны и достовѣрны ⁽¹⁾. Къ числу недостатковъ записокъ можно отнести развѣ то, что Орестъ совершенно умалчиваетъ о той роли, какую самъ онъ игралъ въ событіяхъ того времени. Такъ онъ не упоминаетъ о томъ, что, по порученію архіепископа, онъ наблюдалъ за дѣйствіями духовной консисторіи по приведенію въ исполненіе распоряженій Варлаама относительно привода къ присягѣ на вѣрность Наполеону духовенства и народа и что, въ силу этого порученія, заставилъ настоятеля Могилево-братскаго и Буйницкаго монастырей, архимандрита Іоасафа, уклонявшагося отъ присяги, подписать присяжный листъ; изъ скромности обходитъ также молчаніемъ и то, что Варлаамъ обѣщаль ему Минскую архіерейскую кафедру, въ случаѣ благополучнаго исхода дѣла, т. е. въ случаѣ возстановленія Наполеономъ польскаго королевства. Въ томъ же случаѣ, когда становилось необходимымъ упоминать свое имя, Орестъ даетъ разсказу такую форму, что читатель и не подозреваетъ того, что рѣчь идетъ объ авторѣ. За исключеніемъ сихъ особенностей, все остальное содержаніе записокъ Ореста представляетъ, по нашему мнѣнію, драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи

(1) Не смотря на участіе въ преступленіи, Орестъ, какъ и другіе, присягнувшіе Наполеону, не подвергся строгому взысканію. Онъ оставался въ должности эконома архіерейскаго дома до 1818 г., а затѣмъ былъ игуменомъ монастырей: Шкловскаго, Воскресенскаго и Пустынскаго; съ 1820 по 1824 г. занималъ должность законоучителя въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ г. Полоцка; въ 1827 г. помѣщенъ въ Могилево-братскій монастырь; умеръ въ 1850 г. въ Оршанскомъ Богоявленскомъ монастырѣ на іеромонашеской вакансіи. См. предисл. къ 2 т. Археогр. сборн., стр. XI.

архієпископа Варлаама. Вотъ что Орестъ сообщаетъ о немъ: 1806 года, въ мѣсяцѣ августѣ, на мѣсто Могилевскаго архієпископа Анастасія Братановскаго (1), прибылъ въ Могилевъ епископъ Вѣльскій и Житомирскій Варлаамъ Шишацкій. 29 іюня 1812 года пронеслась по Могилеву вѣсть, что французская армія, перешедши границу, приближается къ Вѣлоруссіи. Утромъ 8 іюля авангардъ арміи маршала Даву внезапно занялъ Могилевъ, такъ что Могилевскій губернаторъ графъ Дмитрій Александровичъ Толстой едва успѣлъ спастись. Архієпископъ же (2) Варлаамъ хотя слышалъ, что за Виленскими воротами пальба производится и хотя многіе увѣрили его, что та пальба происходитъ отъ авангарда французской арміи — не вѣрилъ сему, а думалъ, что то обыкновенное воинское ученіе Могилевскаго баталіона, — до тѣхъ поръ не вѣрилъ, пока толпа вооруженныхъ французевъ не набѣгла въ архієрейскій домъ, съ требованіемъ разныхъ свѣтскихъ вещей.

По занятіи Могилева, маршалъ Даву былъ назначенъ губернаторомъ города; вмѣсто губернскаго правленія — учреждена тѣмчасовая (временная) коммиссія; должность втораго начальника города занялъ польскій генералъ Паконъ, помѣтившійся со всѣмъ своимъ экипажемъ, офиціалистами, дворовыми чиновниками и служителями въ архієрейскомъ домѣ. 13 іюля временная коммиссія потребовала отъ архієпископа Варлаама присяги на вѣрность французскому императору Наполеону и воспоминанія имени его, а также супруги его императрицы и королевы Маріи Луизы при богослуженіи. Секретарь консисторіи, коллежскій ассесоръ Осипъ Демьяновичъ уговаривалъ архієпископа не соглашаться до времени на учиненіе присяги, поелику французы несовершенно еще завладѣли Вѣлоруссією, что требованіе временной коммиссіи послѣдовало по недоброжелательству польскихъ помѣщиковъ, а особливо помѣщика Кроера, что еще опасно присягать французамъ, такъ какъ Вѣлоруссія можетъ остаться подъ державою Россійскою; но Варлаамъ отвѣтилъ: *ты думаешь, что Россія будетъ благополучна; ну, пусть будетъ благополучна; а я въ то время буду одинъ несчастенъ, — я вѣло присягать.* Почему на другой день, 14 іюля, побывавъ напередъ съ консисторскими членами у маршала Даву, который словесно повелѣлъ непременно учинить присягу, Варлаамъ отправился въ кафедральный Іосифовскій соборъ и тамъ со всѣми консисторскими членами, секретаремъ, канцеляр-

(1) Перемѣщеннаго въ Астрахань.

(2) Возведенъ въ званіе архієпископа въ 1808 г. Сб. Археол. Ист., кн. II, отд. II, стр. 99.

скими служителями и со всѣмъ народомъ учинилъ, по формѣ (1), на вѣрность и послушаніе Наполеону присягу (2), послѣ чего отслужилъ литургію и молебенъ, съ воспоминаніемъ имени Наполеона и супруги его по слѣдующей формѣ: *великодержавнаго государя, французскаго императора и италійскаго короля, великаго Наполеона и супругу его императрицу и королеву Марію Луизу*, что во все время пребыванія французовъ въ Бѣлоруссіи наблюдаемо было при богослуженіяхъ, какъ архіерейскихъ, такъ и во всѣхъ приходскихъ градскихъ церквахъ и тѣхъ изъ сельскихъ, гдѣ, по предписаніямъ консисторіи, учинена присяга.

3-го августа, въ день тезоименитства Наполеона, и 13-го—въ день рожденія Маріи Луизы, Варлаамъ служилъ въ кафедральномъ соборѣ, и говорены были соборнымъ священникомъ Максимомъ Пучевскимъ проповѣди, сочиненныя самимъ архіереемъ. Городъ былъ иллюминированъ. Ставленниковъ предъ рукоположеніемъ во священники и діаконы архіепископъ повелѣлъ приводить къ присягѣ на вѣрность Наполеону, а Могилевскихъ священниковъ, предъ нашествіемъ непріятели убѣжавшихъ изъ города и потомъ возвратившихся, приказалъ, при сообщеніи изъ консисторіи, отправить во временную комиссію для приведенія ихъ къ присягѣ на вѣрность Наполеону. Священника Могилевской Воскресенской церкви Андрея Добровольскаго, по требованію временной комиссіи, вслѣдствіе доноса въ оную ксендза кармелитскаго костела, каноника, офиціала Маевского, предалъ суду консисторіи за то, что онъ при богослуженіи воспоминалъ не французскаго императора, а російскаго и его Высочайшую фамилію; за то же весьма былъ недоволенъ духовникомъ своего дома, соборнымъ іеромонахомъ Никодимомъ. Всѣ эти дѣйствія Варлаама игумень Орестъ объясняетъ тѣмъ, что онъ, одновременно съ присягою, и подъ конфедерацію французскую подписался, что будетъ жертвовать французамъ противъ Россіи всѣмъ, чѣмъ только можетъ; а

(1) Я, нижеименованный, клянусь Всемогущимъ Богомъ въ томъ, что установленному правительству отъ его императорскаго величества, французскаго императора и италійскаго короля Наполеона имѣю быть вѣрнымъ и всѣ повелѣнія его исполнять и дабы исполняемы были стараться буду.

(2) Въ числѣ присягавшихъ значатся: члены консисторіи: Могилевскаго кафедральнаго Іосифовскаго собора протоіерей Михаилъ Богуславскій; Могилевской Николаевской церкви протоіерей Іоаннъ Вонеевичъ; Могилевскаго архіерейскаго дома казначей, крестовый іеромонахъ Орестъ (авторъ записокъ); Могилевской Успенской церкви Герасимъ Пржигоровскій; Могилевскаго кафедральнаго Іосифовскаго собора ключарь, протоіерей Іоаннъ Стратоновичъ; секретарь, коллежскій ассесоръ Осинъ Демьяновичъ, помощникъ его Иванъ Космачевскій, четыре канцеляриста и три подканцеляриста,

потому и всѣ требованія французовъ старался выполнять съ поспѣшностью, во всемъ угождая имъ, что даже тѣхъ, кои предъ нашествіемъ французовъ убѣжали изъ города, а потомъ явились, отсылалъ въ комиссію для приведенія къ присягѣ. Онъ болѣе наблюдалъ свой собственный интересъ, опасаясь, дабы не лишиться своего имущества, коимъ былъ очень достаточенъ, такъ что и по смерти наличной суммы осталось до 40 т. Находясь до принятія присяги подъ стражею, онъ нѣсколько тысячъ собственной своей суммы тайно вручилъ казначею своему іеромонаху Оресту (автору записокъ) для спрятанія въ разныхъ приходскихъ могилевскихъ церквахъ.

Что же касается учиненной присяги, то Варлаамъ думалъ, что Бѣлорусская страна достанется Польшѣ. Прежде посвященія своего во епископа Волынско-Житомирскаго, Варлаамъ находился долгое время въ Польшѣ и былъ настоятелемъ Виленскаго монастыря. Живя въ Польшѣ, свѣдомъ былъ о всѣхъ узаконеніяхъ и конституціяхъ польскаго королевства, — зналъ (какъ самъ неоднократно говорилъ), что послѣдній король польскій Станиславъ Понятовскій, а также сенатъ и вся рречъ посполитая учинили конституцію, дабы духовенство греческаго православнаго исповѣданія, жительствующее въ Польшѣ, въ польскомъ же королевствѣ имѣло своего верховнаго патріарха, независимаго отъ Россійскаго Синода, и не относилось бы въ другое государство по своимъ духовнымъ дѣламъ отнюдь, и тѣмъ прекращены бы были переписки ихъ и по политическимъ государственнымъ дѣламъ, въ коихъ правительствомъ польскимъ подозрѣваемо было духовенство греческое православное. Зная о такомъ постановленіи польскаго правительства, архіепископъ Варлаамъ полагалъ, что когда польское королевство Наполеономъ возстановлено будетъ, то, по прежде предполагаемой и узаконенной кородемъ Понятовскимъ конституціи, учрежденъ будетъ въ Польшѣ православный патріархъ, въ чемъ, можетъ быть, и самъ намѣреніе имѣлъ содѣйствовать; а какъ изъ всѣхъ бывшихъ въ польскихъ областяхъ православныхъ архіереевъ остался на своемъ мѣстѣ въ Могилевѣ одинъ только онъ, Варлаамъ, прочіе же всѣ предъ нашествіемъ французовъ выѣхали въ Россію, — а при томъ слыша отъ французскихъ генераловъ, квартировавшихъ въ Могилевѣ, что императоръ французскій очень доволенъ имъ, Варлаамомъ, за учиненную ему присягу, льстили себя надеждою, какъ и самъ онъ отзывался иногда, что онъ будетъ православнымъ патріархомъ въ Польшѣ надъ всѣмъ духовенствомъ греческой религіи и всѣми жителями православными, независимымъ отъ Всероссійскаго Синода, и уже о кандидатахъ думалъ и говорилъ: кого въ

Минскъ и другіе польскіе города посвятить во епископы. И такимъ образомъ Варлаамъ обманулся. Лстя себя надеждою получить высшее достоинство, лишился и того достоинства, которое имѣлъ, т. е. архіепископства и священства; вмѣсто патріарха сталъ простымъ монахомъ. Тогда исполнилось его предсказаніе: «пусть Россія будетъ благополучна, а я одинъ въ то время буду несчастливъ». Россія, по изгнаніи французовъ, подлинно стала благополучна, а онъ, Варлаамъ, остался одинъ несчастливъ.

По изгнаніи французовъ, Варлаамъ отрѣшенъ отъ управленія епархіею и преданъ суду. Слѣдствіе поручено Рязанскому архіепископу Оеофилакту Русанову. Во все время производства слѣдствія, съ первыхъ чиселъ января до рѣшенія дѣла — въ іюнь 1813 г., Варлаамъ находился въ архіерейскомъ домѣ подъ стражею. При дверяхъ его кельи и въ самой кельѣ стояли вооруженные солдаты. Доступъ къ нему, даже его домашнихъ, безъ особаго разрѣшенія губернатора, былъ воспрещенъ. 1-го апрѣля Императоръ Александръ утвердилъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода о лишеніи Варлаама архіерейскаго сана, и вслѣдъ за симъ послѣдовалъ изъ Синода въ Могилевскую духовную консисторію указъ, въ силу коего Могилевскій гражданскій губернаторъ графъ Толстой отправилъ Варлаама изъ Могилева въ Черниговъ, подъ надзоромъ гражданскаго чиновника; съ нимъ командированъ духовникъ изъ неприсягавшихъ Наполеону, Могилевскаго кафедральнаго Іосифовскаго собора протоіерей Артемонъ Наславскій. По прибытіи Варлаама въ Черниговъ къ тамошнему архіепископу Михаилу Десницкому, назначенъ былъ день для собранія въ кафедральный Черниговскій соборъ монастырскихъ настоятелей и градскаго духовенства, и въ тотъ день, введя въ соборъ архіепископа Варлаама въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, посреди церкви объявленъ прочтеніемъ чрезъ консисторскаго секретаря Высочайше конфирмованный докладъ Синода и, по объявленіи, снявъ съ Варлаама чрезъ ключаря съ протодіакономъ все архіерейское облаченіе съ знаками ордена св. Анны и возложъ приличное монаху одѣяніе, обязали подпискою, чтобы онъ отъ того времени впредь не токмо архіереемъ, но ниже іеромонахомъ отнюдь ни подъ какимъ видомъ, ни нисьменно, ни словесно, не именовался, и благословенія рукою никому не преподавалъ, подъ опасеніемъ, если что тому противное послѣдуетъ, строжайшаго наказанія. Послѣ сего отправленъ на пребываніе въ Новгородско-сѣверскій первоклассный Спасскій монастырь, коего настоятелю подтверждено строжайшее имѣть за нимъ наблюденіе, чтобы онъ, Варлаамъ, какъ себѣ не могъ причинить какого вреда, такъ и ни съ

къмъ изъ стороннихъ не имѣлъ никакого сношенія и переписки, а содержаніе ему монаху, Варлааму, производить велѣно противъ прочихъ того монастыря монашествующихъ.

Не можемъ при этомъ не привести разсказа очевидца объ обрядѣ объявленія Варлааму Высочайше утвержденнаго доклада Синода. Лѣтомъ 1813 г., говорить въ своихъ воспоминаніяхъ *старинный Черниговскій семинаристъ* ⁽¹⁾, мы узнали, что въ Черниговскій Елецкій монастырь былъ привезенъ подъ стражею какой то архіерей, и будетъ разстриженъ за измѣну царю. Это былъ несчастный Варлаамъ Шишадкій, архіерей Могилевскій, который, во время занятія бѣлорусскихъ губерній Наполеономъ, самъ поминалъ и предписалъ—говорили—по своей епархіи помянуть на служеніи имя Наполеона, вмѣсто Александра Павловича... Святѣйшій Синодъ осудилъ его за это къ изверженію изъ сана, или какъ говорилось тогда: къ разстриженію. И исполненіе этого приговора было возложено на тогдашняго Черниговскаго архіепископа Михаила Десницкаго, бывшаго въ послѣдствіи времени митрополитомъ С.-Петербургскимъ. Не знаю, правда ли, но тогда говорили, что этотъ Варлаамъ былъ когда то учителемъ Михаила въ Троицко-Сергіевской семинаріи ⁽²⁾. Ежели это справедливо, то... для обоихъ ихъ тогда предстояло страшное назначеніе.

Во время нашихъ прогулокъ на монастырскомъ дворѣ иногда и Варлаамъ выходилъ изъ своей кельи на дворъ, сближался съ нами, дѣтскими и заговаривалъ съ нами, но мы боялись его и дичились. Наконецъ оповѣщено было, что 29 іюня (1813 г.), въ праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла, будетъ разстриженіе... Это плачевное дѣйствіе было совершено въ кафедральномъ Спасопреображенскомъ храмѣ, предъ литургіей. Приѣхали вмѣстѣ оба архіерея, Михаилъ и Варлаамъ; оба были встрѣчены *со славою*, и облачены были оба на амвонѣ среди церкви также *со славою*. Вдругъ секретарь консисторіи Павловскій восходитъ на кафедру и громкогласно читаетъ указъ Св. Синода, исчисляющій преступленія Варлаама и осуждающій его на снятіе съ него священнаго сана, съ оставленіемъ при немъ только монашества, и съ опредѣленіемъ его на вакансію простаго монаха въ Новгород-сѣверскій Преображенскій монастырь. Вмѣстѣ съ тѣмъ протоіакопъ Іустинъ снялъ съ Варлаама митру, панагію, омофоръ, саккосъ и прочія облаченія... подали ему рясу и кло-

⁽¹⁾ Черниг. Епарх. Вѣд. 1877 г. № 8, стр. 212—214.

⁽²⁾ Варлаамъ не состоялъ на службѣ въ Троицко-Сергіевской семинаріи. См. сборн. Археол. Инст. кн. II, отд. II, стр. 99.

букъ, и онъ быстро сбѣжалъ съ амвона въ алтарь чрезъ боковую дверь, —потребовалъ въ алтарѣ воды,—напился,—потомъ чрезъ пономарню выбѣжалъ изъ церкви, побѣжалъ къ каретѣ и уѣхалъ въ Елецкій монастырь.

Архіепископъ Михаилъ, во все время снятія сана съ Варлаама, плакалъ горькими слезами, и потомъ, по удаленіи Варлаама, совершая литургію, постоянно плакалъ... Многие, стоявшіе во храмѣ, также не могли удержаться отъ слезъ.

Варлаамъ послѣ того прожилъ въ Новгородѣверскомъ монастырѣ лѣтъ шесть, или семь, и тамъ скончался. Оставшаяся послѣ него бібліотека, въ огромныхъ ящикахъ, числомъ болѣе десяти, была въ двадцатыхъ годахъ доставлена въ Черниговъ и приобщена къ семинарской бібліотекѣ.

А. Гавриловъ,

слушатель Института.

30 ноября 1879 года.

Поправка. На 99 стр. Сборн. Археолог. Инст. (Отд. II), въ 15 строкѣ сверху напечатано: (Варлаамъ) начальствовалъ въ Макошинскомъ монастырѣ: слѣдуетъ читать: начальствовалъ въ Макошинскомъ монастырѣ.

БАВАРСКІЕ АРХИВЫ.

(Записка, составленная директоромъ королевско-баварскихъ архивовъ,
докторомъ фонъ-Легеромъ).

(Продолженіе) (1)

V. Работы по составленію описей.

1. Положеніе, въ какомъ находятся описи.

Хорошій архивъ долженъ быть устроенъ какъ аптека, гдѣ всякая банка имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и свою сигнатурку, чтобы все легко и безошибочно отыскивать.

Хотя еще далеко не повсемѣстно можно было ввести въ Баварскихъ архивахъ основательный, ясный и научный архивный порядокъ, тѣмъ не менѣе почти во всѣхъ девяти архивахъ, т. е. въ государственномъ и въ восьми областныхъ архивахъ почти нѣтъ ни одной группы, которая хотя отчасти не была бы приведена въ порядокъ и описана. Все вообще распределено въ топографической или хронологической системѣ, по крайней мѣрѣ на столько, что можно удовлетворить всякому требованію.

Въ каждомъ архивѣ находится множество указателей, инвентарей и реестровъ хранящихся въ немъ матеріаламъ; впрочемъ эти описи составлены отчасти въ прежнее время и кромѣ того весьма различнаго достоинства.

Въ архивахъ имѣются еще общіе отчеты обо всѣхъ хранящихся въ нихъ бумагахъ. Въ государственномъ архивѣ, кромѣ собранія реестровъ, наполняющихъ цѣлую залу, и краткаго общаго конспекта, есть еще инвентарь всѣхъ актовъ, книгъ и вязокъ, впрочемъ только отчасти входящій въ подробности, составленный на случай перемѣщенія государственнаго архива въ занимаемое имъ нынѣ зданіе.

(1) Первая половина этой статьи напечатана въ Сборникѣ Археологич. Инстит. кн. 2, отд. 3, стр. 33—48.

2. Составленіе новыхъ описей.

Такъ какъ однако многіе изъ упомянутыхъ описей и реестровъ или сами по себѣ были недостаточно полны или признаны неудовлетворяющими современнымъ научнымъ требованіямъ, то въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ, вскорѣ послѣ вступленія въ должность нынѣшняго директора государственнаго архива, приступлено было къ составленію новыхъ описей, не жалѣя времени и силъ и придерживаясь строго обдуманнаго плана. Не смотря на чрезвычайную сложность и трудность предпринятой работы, она была ведена успѣшно въ томъ по крайней мѣрѣ отношеніи, что наличныя силы были направлены къ обдуманной сосредоточенной дѣятельности и кромѣ того были привлечены молодыя силы, получившія при этихъ занятіяхъ нѣкоторую опытность.

Какъ въ государственномъ архивѣ, такъ и въ двухъ изъ областныхъ: Ландегутскомъ и Амбергскомъ приходилось описывать вновь всѣ хранящіяся въ нихъ отдѣлы бумагъ. Въ другихъ трехъ большихъ архивахъ, именно въ Бамбергскомъ, Вюрцбургскомъ и Шейерскомъ, въ настоящее время также ревностно занимаются пополненіемъ значительныхъ пробѣловъ въ описяхъ. Въ областныхъ архивахъ Мюнхенскомъ и Нейбургскомъ требуются постоянныя пополненія. Наибольшую законченностью описей отличается Нюрнбергскій областной архивъ.

3. Приведеніе въ ясность архивнаго матеріала.

Прежде чѣмъ было приступлено къ обширной задачѣ составленія новыхъ описей, старались основательно привести въ ясность дѣйствительный состав архивнаго матеріала. Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть присутственныхъ мѣстъ имѣетъ дурную привычку не тотчасъ возвращать взятія изъ архивовъ бумаги. Онѣ оставляются при актахъ, записываются въ регистратуры, забываются, даже затериваются. Такимъ образомъ въ теченіе 60 лѣтъ изъ девяти архивовъ безчисленное множество актовъ и документовъ было разсыяно по правительственнымъ и присутственнымъ мѣстамъ, число коихъ переходитъ за сто; эти документы надлежало получить обратно въ архивы или удостовѣриться въ ихъ безвозвратной потерѣ. Поэтому прежде всего во всѣхъ архивахъ со всевозможнымъ тщаніемъ были составлены долговыя книги, содержащія списоки разосланнымъ, но не возвращеннымъ дѣламъ и пока были еще заняты этой работой, началось всеобщее востребованіе такихъ дѣлъ, которое и было проведено до конца, не взирая на заперательства, неудовольствія и проволочки иныхъ должностныхъ лицъ.

Когда такимъ образомъ было дознано то, что принадлежитъ каж-

дому архиву, можно было приняться за составленіе подлежащихъ реестровъ тому архивному матеріалу, который еще вовсе не былъ описанъ или же описанъ не вполне.

4. *Общія правила.*

При составленіи новыхъ описей руководствовались слѣдующими правилами:

1) Сначала принимались за тѣ группы, на которыя указывала практическая надобность, потомъ за тѣ, которыя оказывались наиболее запущенными.

2) При распределеніи занятій между чиновниками и обладающими знаніями сотрудниками, на каждаго возлагался трудъ наиболее соответствующій его специальнымъ занятіямъ и научной подготовкѣ.

3) Последовательность работъ каждаго была разсчитана такъ, чтобы описи отдѣловъ составляли въ своей совокупности реестры главнымъ группамъ, одной за другой.

4) Если оказывались мало-мальски удовлетворительныя описи прежняго времени, то содержаніе ихъ свѣрялось съ наличнымъ матеріаломъ, исправлялось и дополнялось; но вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльные документы размѣщались въ новомъ порядкѣ и имъ дѣлалась новая нумерація.

5) Если, напротивъ, требовались совершенно новыя описи, ихъ составляли сколь возможно полныя и со всеми необходимыми указаніями.

6) Самый методъ составленія новыхъ описей не всегда одинаковый; напротивъ, принимаются въ соображеніе особенности различныхъ группъ, преимущественно же практическія потребности. Вообще выборъ метода рѣшается послѣ многихъ опытовъ, обсужденій и совѣщаній.

Обыкновенно каждый архивскій чиновникъ, съ однимъ сотрудникомъ или съ нѣсколькими, принимаетъ на себя составленіе описей одной какой либо группы. Какъ занятія, такъ и совѣщанія съ директоромъ государственнаго архива происходятъ въ залахъ архива и когда установится надлежащій способъ описанія, каждый изъ такихъ чиновниковъ долженъ за тѣмъ постоянно доносить директору о ходѣ работы, словесно или письменно, а въ случаѣ надобности обращаться къ нему за совѣтомъ.

Такимъ образомъ обрабатывается систематически весь архивный матеріалъ. Всеми документами, актами и прочимъ бумагамъ составляются постепенно описи, и наконецъ

7) Всеми такимъ описямъ составляются алфавитные указатели: географическій, именъ личныхъ и предметный, которыми уясняется каждая часть архива до мельчайшихъ подробностей.

5. Составленіе описей документамъ.

Опись каждому документу дѣлается на отдѣльномъ листѣ въ чет-
вертку; за тѣмъ всѣ такія описи, безъ различія рубрики, въ чисто хро-
нологическомъ порядкѣ, кладутся въ картонны такого же размѣра. Для
образца этой работы можетъ служить слѣдующій примѣръ:

VII	1	(шкапъ)	вязка 1	(документовъ)	Маинцъ
(зала)	1	(полка)			архіепископство.
	1155				20 іюня.

Arnoldus archiepiscopus Mog. institutionem et dotationem coenobii
in Northun per praedecessorem suum Lupoldum factam confirmat. Dat.
1155. ind. III.

Mogunt. XII. Kal. Jul.

(2 копіи 16 и 18 стол., въ коимъ приложена грамота архіепископа
Лупольда 1055 г.)

Императорскіе отборные документы 490.

Рѣдкости ^{46/1} 12.

1156 13 іюня.

Fridericus I imp. coenobium Berthersgadmen in tuitionem suscipiens
omnes possessiones, specialiter autem forestum circa cellam, a comite Be-
ringario traditum confirmat. Dat. Id. Iun. ind. III. 1156 reg. V imp. II.
cum aurea bulla.

Составленное такимъ образомъ собраніе реестровъ обнимаетъ всѣ
находящіеся въ государственномъ архивѣ документы до 1500 года и
наполняетъ уже до 800 большихъ картоновъ.

Это громадное собраніе описей было приведено въ порядокъ въ
началѣ управленія архивомъ нынѣшнимъ директоромъ. За тѣмъ описано
бывшее въ полномъ беспорядкѣ собраніе документовъ — въ числѣ ихъ
8500 изъ среднихъ вѣковъ—накопившихся въ теченіе пятидесяти лѣтъ.
Далѣе приступлено къ составленію описей отборнымъ документамъ, какъ-
то: императорскимъ, императора Лудовика, рѣдкостей и т. д. (1) Нако-
нецъ описи всѣхъ документовъ до 1200 года были сличены съ налич-
нымъ матеріаломъ, исправлены и пополнены.

6. Описаніе кодексовъ.

Изъ кодексовъ хотятъ оставить въ государственномъ архивѣ лишь
тѣ, которые имѣютъ документальное значеніе, всѣ же прочіе, въ осо-

(1) Число такихъ документовъ, весьма разнообразныхъ, огромное, и по-
тому описаніе ихъ еще продолжается.

бенности хроники, должны быть обмѣнены на хранящіеся въ дворцовой и государственной бібліотекахъ кодексы съ документами. И за тѣмъ однако останется въ государственномъ архивѣ такое множество старинныхъ цѣнныхъ кодексовъ, что въ сравненіи съ ними богатство другихъ архивовъ, какъ бы значительно оно ни было, кажется ничтожнымъ. Всѣ эти кодексы помѣщены между архивными томами и актами, такъ какъ по болѣе древнему времени, къ которому они относятся, ими обыкновенно начинаются серіи этихъ томовъ и актовъ и они описываются вмѣстѣ. Важнѣйшимъ же кодексамъ, рядомъ съ краткими составляемыми ими реестрами, изготовляются болѣе подробныя описи, заключающія въ себѣ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для характеристики ихъ содержанія. На первомъ и послѣднемъ листахъ каждаго кодекса оттиснуто чернымъ печатнымъ штемпелемъ:

Kön. allg. Reichs archiv.

Такимъ оттискомъ, означающимъ принадлежность архиву, предполагено снабдить постепенно все его рукописное и другое имущество.

7. Составленіе описей актовъ.

Новыя описи томамъ и актамъ составляются по группамъ: до сихъ поръ въ этомъ отношеніи обработаны вполнѣ лишь нѣкоторыя главныя группы, другія же только отчасти.

Сначала все сюда относящееся помѣщено на особыхъ листахъ и содержаніе всѣхъ связанныхъ вмѣстѣ томовъ описано раздѣльно такъ, что каждый документъ и каждый актъ можетъ быть легко отысканъ. Каждая связка документовъ завернута въ листъ бумаги, на которомъ отмѣчены вкратцѣ ихъ содержаніе и годъ. Всѣ же томы и акты означены ярлыкомъ, указывающимъ мѣсто нахождения, названіе и номеръ суда, а также номеръ самаго тома и акта. Составленныя на отдѣльныхъ листахъ описи должны быть впоследствии собраны и переписаны въ книги. Но въ то же самое время составляются алфавитныя указатели мѣстъ, лицъ и предметовъ, служащіе для лучшаго ознакомленія съ содержаніемъ каждаго тома и вязки.

Въ доказательство продолжительности и трудности этихъ работъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и основательности ихъ, приведемъ одинъ примѣръ. Болѣе чѣмъ половина стѣны одной залы занята группою старобаварскихъ земскихъ и опекунскихъ судовъ, особенно важныхъ для практическихъ надобностей. Надъ ней работали шесть молодыхъ людей, по большей части особенно способныхъ, съ 1865 по 1867 годъ, т. е. не менѣе трехъ лѣтъ, притомъ подъ постояннымъ руководствомъ и при участіи совѣтника государственнаго архива, специалиста по этой части, и самого ди-

ректора. Когда этотъ отдѣлъ былъ оконченъ, то составленный къ нему алфавитный указатель именъ географическихъ, личный и предметный оказался написаннымъ на 12000 листахъ, а самая опись занимающею два огромныхъ фоліанта.

Точно такимъ же образомъ обрабатывается въ настоящее время въ три раза бѣльшая масса монастырскихъ дѣлъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и этотъ трудъ будетъ оконченъ. Къ столь же скорому окончанію близятся работы и по многимъ другимъ важнѣйшимъ отдѣламъ, которые успѣли осилить въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ.

8. *Общіе каталоги и обзорнія.*

Наконецъ новый рядъ работъ по составленію описей возникаетъ изъ потребности въ общихъ обзорніяхъ для облегченія служащихъ въ архивѣ при розысканіи необходимыхъ справокъ. Такъ былъ въ послѣднее время составленъ общій указатель ко всѣмъ находящимся въ государственномъ архивѣ реестрамъ; онъ писанъ на листахъ въ четвертку, и наполняетъ 24 картона.

Для того, чтобы легче было ориентироваться въ залахъ, составлена особая книжка, въ которой на каждую залу полагается двѣ страницы; на одной изъ нихъ цвѣтными линіями обозначено направленіе шкаповъ съ документами и указаны вкратцѣ ихъ содержаніе, а на другой болѣе подробно объяснены находящіеся въ каждой залѣ матеріалы.

9. *Зала для плановъ.*

Въ ней хранятся чертежи, карты и планы городовъ, селеній, замковъ, дворцовыхъ и церковныхъ зданій, угодій, лѣсовъ, дорогъ и рѣкъ. Эти матеріалы нельзя отнести къ документамъ и актамъ и кромѣ того они нерѣдко служатъ приложеніемъ въ одно и тоже время къ нѣсколькимъ документамъ. Поэтому въ государственномъ архивѣ ихъ и прежде собирали и приводили въ порядокъ отдѣльно отъ документовъ.

Въ означенной залѣ каждый планъ вложенъ въ картонную трубку, на верхнемъ концѣ которой выставленъ относящійся къ нему номеръ описи. Все собраніе расположено по мѣстностямъ, съ соблюденіемъ однако послѣдовательности въ нумерахъ. При этомъ планы и карты, свернутые въ трубки, положены въ глубокіе ящики, которые лежатъ одинъ на другомъ съ особымъ означеніемъ каждого для соблюденія системы въ подраздѣленіи и изъ опасенія, чтобы самыя трубки не перемѣшались.

10. *Книга описей.*

Для того, чтобы правильно, по принятому однажды плану, продолжать столь много времени требующее составленіе описей, дѣлается

имъ сводъ, въ которомъ каждая группа и отдѣлъ архива обозначаются кратко начальнымъ словомъ и годомъ и при этомъ указывается какіе для каждой группы есть старыя или новыя, плохія или хорошія описи, реестры и проч. Тутъ же помѣчаются какъ время ихъ составленія, такъ и самый составитель; а также пригодность работы, чтобы судить о томъ слѣдуетъ ли ее исправить или вовсе уничтожить.

Такимъ образомъ эта книга выясняетъ, что для каждой группы или для каждаго отдѣла въ архивѣ сдѣлано и что остается сдѣлать.

11. Составленіе реестровъ и описей въ восьми областныхъ архивахъ.

На основаніи тѣхъ же правилъ, какъ и въ государственномъ архивѣ, работаютъ усердно и въ областныхъ архивахъ, такъ что въ послѣдніе годы значительно приблизились къ окончанію задачи ихъ описанія. Впрочемъ, само собою разумѣется, что во всѣхъ архивахъ описи имѣютъ свои особенности, которыя объясняются частію прежнимъ способомъ ихъ составленія, частію же зависятъ отъ своеобразности группъ и отъ того, какъ ими пользовались и какъ ихъ хранили въ прежнее время.

На сколько нынѣшнее управленіе архивами мало заботится объ однообразіи въ ихъ описяхъ, на столько оно настойчиво стремится къ тому, что бы во всѣхъ архивахъ имѣлись описи, которыя бы прежде всего удовлетворяли практическимъ потребностямъ по дѣламъ государственной службы, а затѣмъ и научнымъ интересамъ.

Такъ, наприм., въ Ландсгутскомъ архивномъ хранилищѣ для безчисленнаго множества документовъ существовалъ одинъ только указатель — передаточная опись. Понятны тѣ неизчислимыя затрудненія, которыя встрѣчались при пользованіи такимъ архивомъ; а потому представилось крайнею, существенною необходимою ограничиться составленіемъ, по крайней мѣрѣ на первое время, общаго каталога ко всѣмъ актамъ, т. е. алфавитнаго указателя встрѣчающихся въ нихъ именъ географическихъ, личныхъ и предметнаго. Во всѣхъ, далѣе, архивахъ отдѣленіе актовъ отъ документовъ приведено къ концу, за исключеніемъ Шпейерскаго архива, гдѣ эта важная задача рѣшена только отчасти. Также повсюду устроено особое помѣщеніе для плановъ и картъ.

Наконецъ въ каждомъ изъ областныхъ архивовъ уже составлены общіе конспекты всѣхъ хранящихся въ нихъ матеріаловъ, а въ нѣкоторыхъ архивахъ заведены и общіе алфавитные каталоги и книги описей, болѣе или менѣе удовлетворительныя.

VI. Пополненіе архивовъ.

1. Розысканіе находящихся въ разныхъ мѣстахъ государства архивныхъ матеріаловъ.

Архивному вѣдомству постоянно приходится бороться съ невѣжествомъ и предразсудками: старые документы и акты не цѣнятся и предоставляются разрушительному дѣйствію времени и сырости въ подвалахъ и на чердакахъ. Такъ какъ и въ Баваріи были сдѣланы многія опущенія при первоначальномъ устройствѣ архивовъ, то нынѣшнее управленіе, какъ только замѣтило значительныя пробѣлы въ матеріалахъ, поставило себѣ задачей пополнить ихъ на сколько будетъ возможно. Пополненіе это производится посредствомъ покупки, обмѣна, розысканій въ правительственныхъ мѣстахъ и заведеніемъ правильной присылки списковъ макулатуры.

2. Покупка.

Всѣмъ чинамъ архивовъ было предписано слѣдить внимательно за могущими найтись въ частныхъ рукахъ матеріалами. Для этой цѣли назначены и не состоящіе въ архивахъ довѣренныя лица. Посѣщаются постоянно не только лавки антикваріевъ, но и мастерскія золотыхъ дѣлъ, употребляющія такъ много стариннаго пергамина. Какъ скоро попадутъ подъ руку цѣнные акты и документы, употребляютъ всѣ старанія приобрести ихъ посредствомъ добровольной отдачи архиву въ видѣ пожертвованія или посредствомъ покупки. Такъ еще недавно Гогеншауерскій архивъ, купленный за 3000 гульденовъ, былъ доставленъ въ государственный архивъ въ 50 ящикахъ, при чемъ въ однихъ только грамотахъ оказалось полтора центнера ⁽¹⁾ пергамина. Неоднократно также удавалось за ничтожныя суммы дѣлать отъ частныхъ лицъ весьма важныя приобрѣтенія.

3. Обмѣнъ съ другими государствами.

Нападая, при разборѣ наличныхъ актовъ, на слѣды архивныхъ дѣлъ, нѣкогда исчезнувшихъ или взятыхъ съ собою прежними владѣтельными особами, и стараясь заручиться содѣйствіемъ потребныхъ къ возвращенію ихъ лицъ, находили въ иностранныхъ архивахъ обильный матеріалъ, имѣющій важное значеніе для исторіи и для государственныхъ интересовъ отечества и приобрѣтали его, отдавая за то документы, не относящіеся къ Баваріи.

(1) 4 пуда 27 фунтовъ.

Такой обмѣнъ архивнаго матеріала уже отчасти произведенъ съ Ельзасъ-Лотарингіей, съ Пруссіей, Баденомъ, Гессенномъ, Австріей, отчасти же продолжается. Именно въ 1867 году директоръ государственнаго архива былъ приглашенъ французскимъ правительствомъ лично посѣтить архивы въ Страсбургѣ, Кольмарѣ, Метцѣ и Нанси и условиться съ тамошними начальниками архивовъ относительно взаимнаго обмѣна подлежащихъ бумагъ. Результатъ оказался для обѣихъ сторонъ въ высшей степени удовлетворительнымъ.

4. Розысканіе забытыхъ матеріаловъ.

Равнымъ образомъ розыскиваютъ и стараются возвратить тѣ матеріалы, которые затерялись при секуляризациі монастырей и медиатизациі имперскихъ городовъ или же остались на чердакахъ и въ мансардахъ или наконецъ попали въ руки частныхъ лицъ. Еще два года тому назадъ директоръ государственнаго архива нашелъ въ Вейсенбургѣ большой имперскій городской архивъ, который считался пропавшимъ безслѣдно.

Архивы и регистратуры городовъ, ярморочныхъ мѣстъ и селеній признаны предписаніемъ отъ 4 августа 1809 годъ неприкосновенною собственностію общинъ, но надѣются установить по немногу органическую связь между ними и королевскими архивами тѣмъ, что общины будутъ имъ доставлять описи своимъ матеріаламъ. Не возбраняется также общинамъ, въ случаѣ если онѣ пожелаютъ освободиться отъ трудовъ и расходовъ, сопряженныхъ съ содержаніемъ архивовъ, ходатайствовать о передачѣ ихъ въ королевскіе архивы. Такъ въ прошедшемъ году директоръ государственнаго архива сдѣлалъ вмѣстѣ съ чинами по управленію Шпейерскимъ архивомъ поѣздку по городамъ и мѣстечкамъ Рейнпфальца, и эта поѣздка имѣла въ своемъ результатѣ обильные послѣдствія, хотя продолжалась лишь четыре дня.

5. Присылка изъ правительственныхъ мѣстъ и учреждений.

Наибольшее же приращеніе получается королевскими архивами постоянною и въ послѣднее время чрезвычайно богатою передачею имъ устарѣлыхъ актовъ изъ регистратуръ королевскихъ мѣстъ и учреждений.

Для того, чтобы сохранить все что представляетъ нѣкоторый интересъ въ отношеніяхъ историческомъ, статистическомъ и административномъ, были недавно постановлены, по соглашенію между министерствами юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, опредѣленные правила, которыя должны служить руководствомъ при разборѣ и уничтоженіи

старинныхъ актовъ. Когда въ судебномъ или административномъ учрежденіи окажется необходимость въ очищеніи старыхъ регистратуръ, какъ именно случилось при введеніи новаго судебного порядка, ибо оно имѣло нѣкоторымъ образомъ своимъ послѣдствіемъ отмѣну прежнихъ регистратурныхъ правилъ, положено выдѣлять сперва всѣ акты, еще необходимые для служебнаго употребленія и потому еще удерживающіе свое значеніе для даннаго учрежденія, и оставлять ихъ въ регистратурѣ какъ акты бывшаго дѣлопроизводства. Всѣмъ же остальнымъ актамъ и документамъ, планамъ, программамъ работъ и тому под. матеріаламъ присутственныя мѣста обязаны составлять описи, объясняющія главное содержаніе каждаго документа и годъ, къ которому относится его начало. Эти описи посылаются въ государственный архивъ, которому исключительно предоставлено рѣшать какіе акты подлежатъ уничтоженію и какіе по своему историческому или статистическому значенію заслуживаютъ дальнѣйшаго храненія въ королевскихъ архивахъ. Прежде чѣмъ произвести рѣшительный выборъ, центральное архивное управленіе обыкновенно требуетъ заключенія по этому вопросу областного архива, котораго наиболѣе касается дѣло. За тѣмъ всѣ матеріалы, отмѣченные годными, доставляются означенному архиву на свой счетъ тѣми мѣстами и учреждениями, которыя ихъ передаютъ изъ своего вѣдомства. Если однако по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ окажется необходимымъ осмотръ актовъ подлежащихъ выбору, на мѣстѣ, то для этой цѣли командировается архивскій чиновникъ.

Кромѣ того сдѣлано распоряженіе, чтобы при всѣхъ ревизіяхъ и передачахъ дѣлъ обрацаемо было особое вниманіе на то, не встрѣчается ли между ними матеріала, подлежащаго сдачѣ въ архивы. Именно въ регистратурахъ рентъ нерѣдко находили богатую добычу для архивовъ, такъ какъ въ нихъ скрывались цѣлыя монастырскіе архивы.

Сообразные начертаннымъ правиламъ разборъ, описаніе и распределеніе вновь приобрѣтеннаго матеріала составляетъ одну изъ главныхъ работъ лицъ, служащихъ въ архивѣ.

VII. Государственная архивная служба.

1. *Значеніе баварскихъ архивовъ для государства.*

Баварскіе архивы, сообразно съ ихъ возникновеніемъ и исторіей и сообразно съ ихъ новѣйшимъ устройствомъ, коимъ развиты и улучшены прежнія правила, занимаютъ относительно государства положеніе, во многомъ несходное съ ихъ значеніемъ въ другихъ странахъ. Не исто-

рические и не научные интересы стоятъ здѣсь на первомъ планѣ, а интересы юридическіе и административныя.

Основная мысль слѣдующая:

1) Всѣ акты и документы, не относящіеся къ текущей службѣ министерствъ, управленій, апелляціонныхъ судовъ и низшихъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ, въ устроенныхъ для сего архивахъ собирать, приводить въ порядокъ и ими завѣдывать.

2) По всѣмъ вопросамъ, къ разрѣшенію коихъ служатъ эти акты и документы, требовать заключенія не случайныхъ и неопытныхъ въ этомъ дѣлѣ чиновниковъ по части судебной или административной, а архивариусовъ, имѣющихъ подъ руками матеріалъ хорошо имъ извѣстный и способныхъ къ надлежащему рѣшенію означенныхъ вопросовъ вслѣдствіе какъ долговременной ихъ практики, такъ и обладаемыхъ ими свѣдѣній по части исторіи, въ особенности же исторіи права, а также дипломатическихъ, филологическихъ, юридическихъ и административныхъ. Возникаетъ ли въ какомъ либо правительственномъ мѣстѣ вопросъ касательно прежнихъ правовыхъ отношеній, прежнихъ законовъ, правъ и обязанностей, наприм. касательно замѣщенія священническихъ мѣстъ, содержанія церквей и школъ, границъ лѣсовъ и общинъ, всякаго рода вещныхъ правъ,—тогда же посылается запросъ въ архивы. Послѣдніе обязаны собрать относящіеся къ данному вопросу акты и документы и препроводя ихъ, присовокупить свое заключеніе. сообразно ихъ содержанію, надлежащимъ образомъ истолкованному и объясненному. Однимъ словомъ, чиновники баварскихъ архивовъ должны не только имѣть въ своемъ завѣдываніи всѣ историческіе акты и документы королевства, но вмѣстѣ съ тѣмъ служить государству экспертами по части ихъ содержанія и тѣхъ правовыхъ и дѣловыхъ вопросовъ, которые возникаютъ изъ этого содержанія.

2. Задача архивариусовъ.

По этому предмету инструкціей директора государственнаго архива отъ 1868 года даны чиновникамъ архивовъ слѣдующія указанія:

Только тогда, когда требуется представленіе точно означеннаго документа и ничего болѣе, можно довольствоваться однимъ донесеніемъ объ отсылкѣ требуемой бумаги, во всѣхъ же другихъ случаяхъ надлежитъ обращаться къ самому дѣлу.

Касается ли подлежащее дѣло — что легко увидѣть изъ самаго запроса, по поводу котораго производятся розысканія — правового отношенія или факта, къ разъясненію коихъ должны служить архивныя

матеріалы, то отправляемое въ слѣдствіе этого запроса донесеніе должно отчетливо изложить на сколько онъ дѣйствительно выясняется актами, документами или книгами архива. Посему въ донесеніи должно быть по возможности опредѣлительно выражено слѣдуетъ ли на предложенный вопросъ отвѣчать утвердительно или отрицательно или же разрѣшеніе его надлежитъ оставить подъ сомнѣніемъ, — при чемъ въ немъ должны быть указаны и тѣ документы, въ коихъ можно найти полезныя намеки на подлежащее дѣло. Во многихъ случаяхъ учрежденію, отъ котораго идетъ запросъ, бываетъ желательно получить свѣдѣнія обо всемъ архивномъ матеріалѣ, имѣющемъ связь съ предметомъ вопроса, часто даже тогда, когда чиновникъ архива считаетъ излишнимъ и упоминать о такомъ матеріалѣ.

Чтобы удовлетворять этимъ требованіямъ, необходимо исполненіе слѣдующихъ правилъ:

1. Чиновникъ архива, прежде чѣмъ приступитъ къ розысканію документовъ, долженъ выяснитъ себѣ вполнѣ предложенный вопросъ и въ случаѣ надобности почерпнуть недостающія ему свѣдѣнія даже изъ книгъ по части ли гражданскаго или государственнаго права или же историческаго и административнаго содержанія.

2. Нельзя всегда довольствоваться просмотромъ лишь однихъ соотвѣствующихъ вопросу описей и извлеченіемъ изъ нихъ того, что въ нихъ значится; напротивъ, иногда бываетъ необходимо не только просматривать однородные отдѣлы другихъ описей, но также, что часто приноситъ наиболѣе пользы, обращаться къ самымъ дѣламъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ должно поставить себѣ слѣдующіе два вопроса: гдѣ могли быть когда либо составлены акты или документы, относящіеся къ данному запросу и представляется ли вѣроятнымъ или возможнымъ чтобы они дѣйствительно попали въ архивъ.

3. Отысканные же документы чиновникъ обязанъ изучитъ самъ. Лишь въ томъ случаѣ, когда онъ одолѣетъ ихъ своимъ умомъ и трудомъ, будетъ онъ въ состояніи составить объ нихъ основательный докладъ, который можетъ дать запрашивающему учрежденію все потребныя ему указанія, поясненія и истолкованія.

4. Наконецъ слѣдуетъ также помнить, что указатели документовъ, книгъ и актовъ, все равно посылаются ли они при этихъ послѣднихъ или отдѣльно, должны быть составляемы тщательно, а не списываемы съ старинныхъ, обыкновенно неисправныхъ, реестровъ.

3. Сношенія съ правительственными мѣстами и лицами.

Какъ общій государственный архивъ, такъ и всѣ восемь областныхъ архивовъ открыты для всѣхъ баварскихъ министерствъ, имѣющихъ съ ними сношенія по дѣламъ службы.

Равнымъ образомъ окружныя правленія уполномочены простыми письменными запросами требовать необходимые имъ по служебнымъ дѣламъ документы и акты. Должностныя же власти имѣютъ право требовать высылки имъ только нѣкоторыхъ опредѣленныхъ актовъ и документовъ, которые бывають имъ необходимы по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ. Но дальнѣйшаго полномочія въ отношеніи архивовъ не имѣетъ ни одно изъ названныхъ учреждений, за исключеніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Не имѣютъ они также права позволять частнымъ лицамъ пользоваться архивнымъ матеріаломъ.

Всѣ одинаково правительственныя мѣста и власти обязаны удостоверяють архивы въ полученіи посланныхъ имъ документовъ и возвращать ихъ тотчасъ по минованіи въ нихъ надобности, отвѣчая притомъ за ихъ цѣлость. Для лучшаго контроля, въ настоящее время при каждомъ окружномъ правленіи заведена книга, въ которую записываются всѣ присылаемые изъ архивовъ документы, а по мѣрѣ ихъ возвращенія такая отмѣтка уничтожается.

Кромѣ окружныхъ правленій, никакія другія мѣста и власти не имѣютъ права сношенія прямо съ архивами, а должны заявлять свои требованія чрезъ посредство государственнаго архива. Это правило относится также къ мѣстамъ и властямъ духовнаго вѣдомства, къ магистратамъ, общинамъ и другимъ корпораціямъ: всякое требованіе отъ областныхъ архивовъ должно дѣлаться ими равномѣрно чрезъ посредство центрального архива.

VIII. Занятія въ архивахъ частныхъ лицъ.

1. Общія правила.

Для цѣлей научныхъ и генеалогическихъ, а также по дѣламъ имущественнымъ баварскіе архивы представляютъ богатый матеріалъ, привлекающій изо всей Европы ежегодно возрастающее число ученыхъ, изслѣдователей по части исторіи и генеалогіи, представителей церквей и общинъ, адвокатовъ, уполномоченныхъ корпораціями и частными лицами.

Представители городскихъ и сельскихъ общинъ, а также церквей

и иных корпорацій заявляют свои просьбы о занятіяхъ въ королевскихъ архивахъ чрезъ свои правительственныя власти или же непосредственно. Въ послѣднемъ случаѣ они подлежатъ тѣмъ же правиламъ какъ и частныя лица. Историческимъ обществамъ и изслѣдователямъ, посвящающимъ себя чисто-научнымъ цѣлямъ, оказывается въ ихъ работахъ особое содѣйствіе. Впрочемъ вообще пользующимся архивами служащіе въ нихъ очень предупредительно помогаютъ дѣломъ и словомъ, сообщаютъ длинныя списки пригодныхъ имъ актовъ, документовъ и книгъ, даютъ полезныя совѣты и указанія и притомъ не щадятъ ни труда, ни времени. Наблюдаютъ только, чтобы занимающіеся въ архивахъ частныя лица не пользовались учеными трудами и знаніями архивскихъ чиновниковъ для своихъ собственныхъ изслѣдованій. Также въ случаѣ розысканій бумагъ, необходимыхъ для процессуальныхъ цѣлей, держатся правила, чтобы какъ суть дѣла, такъ и требуемые документы означаемы были опредѣлительно; занимающимся же учеными изслѣдованіями отнюдь не возбраняется пользоваться богатыми группами подлежащихъ матеріаловъ. Полная, по возможности, выборка нужныхъ документовъ изъ архивной массы и составляетъ задачу чиновниковъ, привычныхъ къ такой работѣ.

Самимъ лицамъ, занимающимся въ архивахъ, собственно не дозволено просматривать архивныя описи. Только въ видѣ исключенія разрѣшено это ученымъ обществамъ, наприм. членамъ исторической комиссіи Мюнхенской а также чиновникамъ архивовъ, занимающимся съ успѣхомъ учеными розысканіями.

Въ прошедшемъ году государственный архивъ вошелъ въ сношенія съ наиболѣе значительными архивами Германіи и Средней Европы, чтобы ознакомиться съ заведеннымъ въ нихъ порядкомъ для частныхъ занятій въ архивахъ. Вслѣдствіе этого въ самое послѣднее время начертаны для баварскихъ архивовъ правила относительно допущенія стороннихъ лицъ въ самомъ либеральномъ духѣ.

2. Допущеніе къ ученымъ занятіямъ въ архивахъ.

Желающіе заниматься въ архивахъ съ научною цѣлью должны обращаться къ директору государственнаго архива. Для иностранныхъ ученыхъ не требуется никакой дальнѣйшей дипломатической рекомендаціи. Равнымъ образомъ общины и учрежденія сосѣднихъ съ Баваріей государствъ не нуждаются въ дипломатическихъ объ нихъ сношеніяхъ.

Допущеніе въ архивы для изслѣдованій по части исторіи государства, общей или мѣстной, а также исторіи фамиліной зависитъ непосредственно отъ директора государственнаго архива.

При оцѣнкѣ прошеній о допущеніи къ занятіямъ и при выборѣ необходимыхъ для этой цѣли матеріаловъ строго соблюдаются интересы казны, религіи, нравственности и государственнаго порядка, а также частныхъ лицъ и семействъ еще существующихъ.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ затрогиваются интересы государства, требуется, предварительно разрѣшенія заниматься въ архивахъ, согласія на то подлежащаго министерства.

Особенно строгой оцѣнки требуютъ прошенія о допущеніи къ занятіямъ по части послѣднихъ двухъ столѣтій или же если затрогиваются юридическія отношенія государства. Въ такомъ случаѣ государственный архивъ, прежде разрѣшенія подлежащей просьбы, сносится съ тѣми окружными или центральными учрежденіями, которыя служатъ представителями извѣстныхъ интересовъ казны и сообразуется съ ихъ мнѣніемъ.

Пространство, въ какомъ можетъ быть дано разрѣшеніе заниматься въ архивѣ, зависитъ отъ цѣлей и личности изслѣдователя. Тѣ же просители, коихъ репутація, по извѣстнымъ даннымъ, не представляетъ достаточнаго обезпеченія въ цѣлости потребныхъ имъ документовъ, лишаются права заниматься въ архивѣ или по крайней мѣрѣ подчиняются строжайшему за ними надзору, а при малѣйшихъ признакахъ, возбуждающихъ противъ нихъ сомнѣніе, должны быть устраняемы. Каждый чиновникъ архива обязанъ тотчасъ же сообщить своему начальнику обо всемъ, что въ этомъ отношеніи могло дойти до его свѣдѣнія.

Каждый чиновникъ государственнаго архива, имѣющій право доклада, а также начальники областныхъ архивовъ, которыми обсуждается вопросъ о выдачѣ посѣтителемъ матеріаловъ для научной цѣли, должны составлять на каждый такой случай краткое донесеніе съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ требуемыхъ документовъ и въ особенности тѣхъ, коихъ они не рѣшаются выдать, за подписью, гдѣ знакъ ихъ ответственности, своей фамиліи. На основаніи такихъ докладовъ или же личнаго просмотра требуемыхъ документовъ директоръ государственнаго архива и рѣшаетъ дозволить ли извѣстному лицу заниматься въ архивѣ или же слѣдуетъ ходатайство его отклонить, или не надлежитъ ли о дѣлаемомъ требованіи донести министерству внутреннихъ дѣлъ или заручиться согласіемъ другаго подлежащаго правительственнаго мѣста.

Областнымъ архивамъ предоставлено право допускать къ занятіямъ стороннихъ лицъ по своему усмотрѣнію, безъ доклада государственному архиву, въ слѣдующихъ случаяхъ:

- 1) когда дѣло идетъ о просмотрѣ документовъ уже напечатанныхъ, вполнѣ или же въ вѣрномъ извлеченіи;
- 2) когда просители желаютъ лишь видѣть печати, медали, штем-

пеля для сургуча, мѣдныя и деревянныя клише гравюръ, миниатюры, гербы, или

3) старыя и новыя печатныя изданія или же рукописныя сочиненія по части исторіи, генеалогіи, геральдики, юридическія или топографическія.

Если же имѣется въ виду механическое воспроизведеніе рукописи или другаго предмета, то надлежитъ обращаться предварительно за разрѣшеніемъ въ центральный архивъ.

3. Допущеніе къ занятіямъ въ архивахъ для цѣлей ненаучныхъ.

Во всѣхъ процессахъ вообще и преимущественно въ искахъ о правахъ собственности и владѣнія или же гдѣ — судя по личности просителя или по содержанию требуемыхъ имъ для разсмотрѣнія документовъ — возбуждается подозрѣніе, что дѣло идетъ не объ интересахъ научныхъ и въ особенности когда самыя эти документы могутъ послужить поводомъ къ притязаніямъ во вредъ государству или къ нарушенію государственнаго порядка или же къ дѣйствіямъ противъ нравственности или религіи — во всѣхъ такихъ случаяхъ не государственному архиву, а лишь министерству внутреннихъ дѣлъ предоставлено право допускать къ занятіямъ въ архивахъ. При такихъ обстоятельствахъ государственный архивъ доноситъ — съ присовокупленіемъ, въ случаѣ надобности, и доклада окружныхъ судовъ — министерству, которое, въ свою очередь, если того требуетъ дѣло, испрашиваетъ заключенія другихъ министерствъ. Впрочемъ государственный архивъ можетъ также входить въ предварительныя сношенія съ правительственными и центральными учрежденіями, чтобы представить ихъ заключеніе, вмѣстѣ съ своимъ докладомъ, на усмотрѣніе министерства. Ко всему этому нужно однако присовокупить, что, какъ видно изъ опыта, допущеніе въ архивы возбраняется лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, напротивъ того и здѣсь придерживаются самыхъ либеральныхъ началъ.

4. Научная разработка архивныхъ матеріаловъ чиновниками архивовъ.

Научныя изданія и разработка архивнаго матеріала самими служащими въ баварскихъ архивахъ признается дѣломъ полезнымъ и заслуживающимъ поощренія. Но какъ служащіе и безъ того слишкомъ заняты своими чисто-служебными дѣлами, то такіе труды не входятъ въ кругъ ихъ служебныхъ обязанностей и притомъ дозволяются лишь

съ разрѣшенія высшаго архивнаго начальства и лишь въ часы свободныя отъ служебныхъ занятій.

5. Способъ пользованія архивными матеріалами.

Пользоваться архивными матеріалами можно только *in loco archivi* (въ самомъ помѣщеніи архива) и *cum archivario* (въ присутствіи архиваріуса).

Матеріалы выдаются посѣтителю по частямъ для того, чтобы все выдаваемое могъ предварительно просмотрѣть архивскій чиновникъ и при этомъ выдачу тѣхъ матеріаловъ, которые онъ признаетъ сомнительнымъ выпускать изъ своихъ рукъ, онъ могъ бы пріостановить впредь до полученія на то разрѣшенія изъ министерства или отъ архивнаго начальства.

Для посѣтителей отведено въ архивѣ особое помѣщеніе, гдѣ постоянно присутствуетъ назначенный для того чиновникъ архива, который, кромѣ надзора, обязанъ по мѣрѣ силъ давать надлежащія разъясненія документовъ и потребныя указанія. Всякая цензура или даже просмотръ снятыхъ копій считаются излишними.

6. Разсылка архивныхъ матеріаловъ.

Пересылка архивныхъ матеріаловъ иностраннымъ ученымъ имѣетъ мѣсто лишь доставленіемъ ихъ въ архивы и библіотеки, которые и принимаютъ на себя полную отвѣтственность въ ихъ сохранности. Имъ же препровождается точная опись матеріала и они обязаны въ извѣщеніи объ его полученіи подтверждать письменно, что будутъ допускать пользоваться имъ исключительно въ своихъ помѣщеніяхъ и возвратятъ его въ опредѣленный срокъ въ совершенной цѣлости. Но и подобная отсылка для частныхъ цѣлей допускается лишь въ такомъ объемѣ, чтобы матеріалъ не могъ попортиться отъ упаковки и пересылки.

Матеріалы этого рода и притомъ не иначе какъ по одному заразъ начальство государственнаго архива можетъ разрѣшить брать на домъ и архивнымъ чиновникамъ.

Передъ отсылкой документовъ они тщательно просматриваются отправляющими ихъ секретарями и перенумеровываются каждый отдѣльно, съ описью печатей, помѣткою листовъ и означеніемъ всѣхъ недостатковъ.

7. Пошлины.

Прошенія, подаваемые обществами и частными лицами о выдачѣ имъ изъ архивовъ справокъ, пишутся на гербовой бумагѣ цѣною въ три

крейцера. Министерскія распоряженія оплачиваются пошлиною, всѣ же прочія бумаги освобождены отъ всякаго взысканія. Даже за продолжающіяся иногда цѣлыя недѣли и мѣсяцы розысканія, переписку и выборку требующагося матеріала не платится ничего. Вообще же всѣ расходы по справкамъ изъ архива становятся за каждую отъ 36 до 42 крейцеровъ.

Занимающіеся въ архивахъ съ научною цѣлью не платятъ вообще никакихъ пошлинъ.

Частныя лица, которымъ дано дозволеніе пользоваться архивными матеріалами, могутъ поручать снятіе съ нихъ для себя копій служащимъ въ архивахъ. Въ такомъ случаѣ вознагражденіе за трудъ предоставляется взаимному соглашенію заинтересованнымъ въ немъ лицамъ, или же само начальство назначаетъ за подлежащій трудъ опредѣленную умѣренную плату. Если же отъ начальства архива требуются копія или извлеченіе архивнаго матеріала для казенной цѣли, то за произведенныя въ архивѣ выписки полагается нормальная плата, именно за переписку обыкновенной бумаги 12 крейц. съ листа, а дипломатическаго акта 36 крейц. съ листа. Если же копія должны быть засвидѣтельствованы, то взимается еще незначительная пошлина за приложеніе печати. Собранныя пошлины отправляются въ государственное казначейство и имъ ведется особый счетъ.

IX. Управление архивами.

1. Порядокъ занятій вообще.

Все дѣлопроизводство девяти областныхъ архивовъ сосредоточено въ рукахъ директора государственнаго архива, который съ своей стороны подчиненъ только министерству внутреннихъ дѣлъ, и притомъ непосредственно, доноситъ ему обо всѣхъ дѣлахъ по вѣдомству архивовъ и отъ своего имени дѣлаетъ всѣ доклады и представленія. Равнымъ образомъ отъ его же имени идутъ всѣ бумаги и инструкціи, даваемыя архивамъ, низшимъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, и производится переписка съ равными мѣстами.

Въ государственномъ архивѣ всѣ входящія бумаги прежде всего подаются директору, который ихъ вскрываетъ, назначаетъ по нимъ докладчика и затѣмъ передаетъ секретарю экспедиціи для внесенія въ дѣловую журналъ. Такъ же одинъ директоръ — за скрѣпкою секретаря — подписываетъ всѣ исходящія бумаги и онъ же одинъ подлежитъ за все отвѣтственности.

Если дѣло идетъ о болѣе важныхъ вопросахъ, которые требуютъ

многосторонняго основательнаго обсужденія, начальнигь государственнаго архива можетъ созвать все архивскіе чины на совѣщаніе, въ которомъ каждый изъ нихъ и предлагаетъ свое мнѣніе; но строго коллегіальнаго характера и такимъ совѣщаніямъ не предоставлено.

2. Сношенія государственнаго архива съ областными.

По дѣламъ, относящимся до государственной службы въ архивахъ и до занятій въ сихъ послѣднихъ — если начальство извѣстнаго округа не вступаетъ въ непосредственное сношеніе съ какимъ либо мѣстнымъ архивомъ, — министерства, центральныя и другія учрежденія, суды, а также частныя лица по своимъ занятіямъ въ архивахъ обращаются въ государственный архивъ. Здѣсь прежде всего дѣлается справка на основаніи наличныхъ матеріаловъ этого учрежденія, а затѣмъ и матеріаловъ, хранящихся въ областныхъ архивахъ. Въ отношеніи послѣднихъ такая справка производится тѣмъ удобнѣе, что въ государственномъ архивѣ находятся копии съ описей, имѣющихся во всехъ областныхъ архивахъ и при составленіи въ нихъ всякой новой описи списокъ съ нея немедленно доставляется въ государственный архивъ. По наведеніи такихъ справокъ, изъ государственнаго архива дѣлаются надлежащія указанія подчиненнымъ архивамъ, которые съ своей стороны сообщаютъ ему о результатахъ своихъ розысканій вмѣстѣ съ отсылкою истребованныхъ матеріаловъ. Въ государственномъ же архивѣ составляется окончательное заключеніе по возникшему вопросу.

Кромѣ того въ дѣлахъ, касающихся личнаго состава служащихъ, разрѣшенія имъ отпусковъ, назначенія помѣщеній, устройства архивовъ, ихъ бюджета, библиотекъ, движимаго имущества и т. д. все областныя архивы зависятъ отъ центральнаго, который, въ случаѣ надобности, входитъ по всемъ означеннымъ предметамъ съ докладомъ въ министерства и другія высшія учрежденія.

3. Распредѣленіе занятій.

Директоръ государственнаго архива опредѣляетъ порядокъ и ходъ занятій какъ въ центральномъ, такъ и въ восьми областныхъ архивахъ. Его особому вѣдѣнію подлежатъ личныя дѣла до 50 чиновъ и служащихъ, общіе доклады, прошенія и жалобы, подаваемые въ министерства, сношенія съ предсѣдателями, вопросы, касающіеся помѣщенія, имущества и бюджета всехъ девяти архивовъ, словомъ все вообще дѣла по внутреннему состоянію архивовъ.

Между прочими чинами государственнаго архива распредѣляются работы и занятія по текущимъ дѣламъ службы, доклады о розысканіяхъ

въ областныхъ архивахъ, управленіе кассой и пожарной частью, канцелярія, веденіе дѣловыхъ книгъ, выдача и установка на мѣста документовъ, завѣдываніе библиотеккой, наблюденіе за собраніемъ описей и проч.

Рядомъ съ такими текущими дѣлами исполняется — насколько дозволяетъ время — другая, внутренняя служба: составленіе описей и реестровъ — въ теплое время года въ самихъ архивныхъ залахъ, а въ холодное — въ комнатахъ, назначенныхъ для работъ.

Такимъ же образомъ распредѣлены занятія и въ областныхъ архивахъ; дѣловыя книги ведутся въ нихъ большею частію секретаремъ.

4. Часы занятій.

Въ государственномъ архивѣ — въ виду его сношеній съ высшими правительственными мѣстами и сторонними лицами — занятія происходятъ отъ 9 часовъ утра до 2 пополудни. Во все это время каждый чиновникъ и служитель архива должны находиться или въ своей рабочей комнатѣ или въ архивной залѣ. Это общее правило, но по мѣрѣ надобности время занятій иногда удлиняется. Архивные же служители заняты по большей части въ самомъ архивѣ и послѣ обѣда, такъ какъ они ежедневно убираютъ рабочія комнаты, а лѣтомъ сверхъ того должны поочередно очищать отъ пыли всѣ матеріалы архива.

Въ областныхъ архивахъ занятія происходятъ утромъ, отъ 8 до 12 часовъ, и сверхъ того послѣ обѣда: зимой отъ 2 до 4, а лѣтомъ отъ 3 до 6 и даже до 7 часовъ.

Каждый чиновникъ архива пользуется ежегодно шестинедѣльнымъ отпускомъ. Что касается служителей, то они увольняются на болѣе или менѣе продолжительный срокъ по мѣрѣ надобности.

5. Ревизія областныхъ архивовъ.

Каждый областной архивъ ревизуется если не ежегодно, то хотя черезъ годъ директоромъ или однимъ изъ совѣтниковъ государственнаго архива. Ревизія должна касаться какъ порядка и расположенія архивныхъ матеріаловъ, такъ и всего управленія и работъ по текущей и внутренней службѣ. Главное же вниманіе обращается при этомъ на полноту и сохранность архивныхъ принадлежностей. О каждой ревизіи составляется особый протоколъ, сообщаемый, вмѣстѣ съ заключеніемъ ревизующаго лица, министерству. Самъ же обревизованный областной архивъ получаетъ изъ государственнаго архива подробный, по пунктамъ составленный, докладъ о бывшей ревизіи, въ которомъ должно быть изложено все при ней замѣченное и указаны подлежащія мѣропріятія и

работы, съ исполненіемъ коихъ связываются послѣдующія переписка и распоряженія.

Расходы по ревизіи производятся изъ штатныхъ суммъ государственнаго архива.

Равнымъ образомъ основательная ревизія дѣлается архиву и въ томъ случаѣ, когда онъ сдается вновь назначенному для управленія его лицу.

6. Полугодовые и годовые отчеты.

Каждые полгода посылаются изъ областныхъ архивовъ директору государственнаго архива подробные отчеты о перемѣнахъ въ помѣщеніяхъ, о приращеніяхъ архива, объ отосланныхъ изъ него въ другія мѣста матеріалахъ, о работахъ по составленію описей, о текущихъ служебныхъ занятіяхъ, объ особыхъ работахъ, нуждахъ и потребностяхъ архивнаго персонала съ приложеніемъ ежедневнаго журнала и кассовыхъ книгъ о сдѣланныхъ выдачахъ и долгахъ, такъ что онъ имѣетъ всегда подъ рукою точныя свѣдѣнія обо всѣхъ архивахъ и въ своихъ годовыхъ отчетахъ можетъ вполне объяснить положеніе ихъ высшему начальству.

Эти годовые отчеты, которые представляются директоромъ государственнаго архива въ первые два мѣсяца каждаго года, обнимаютъ положеніе всѣхъ архивовъ, ходъ архивныхъ работъ и всѣ важнѣйшія въ нихъ событія. Здѣсь изчисляются:

I. Наличный составъ служащихъ, помѣщенія и матеріалы, именно:

1. Служебный персоналъ,
2. Занимаемые архивами помѣщенія,
3. Приращенія и убыли архивныхъ матеріаловъ.

II. Занятія вообще, и въ частности:

1. Распредѣленіе ихъ,
2. Ревизіи,
3. Подготовленіе молодыхъ людей къ практической дѣятельности,
4. Силы и средства по управленію.

III. Текущая служба:

1. Обзорѣніе относящихся къ ней дѣлъ вообще,
2. Розысканія и доклады,
3. Занятія въ архивахъ стороннихъ лицъ,
4. Требования наиболѣе важныхъ матеріаловъ,
5. Кошіи съ документовъ.

- IV. Работы по составленію описей:
 - А. Въ государственномъ архивѣ,
 - В. Въ областныхъ архивахъ.
- V. Другія выдающіяся работы.
- VI. Ближайшія задачи.
- VII. Пожеланія и надобности.

На такой годовой отчетъ министерство внутреннихъ дѣлъ, а на полугодовой отчетъ каждаго областного архива государственный архивъ посылають опредѣленія, касающіяся всѣхъ важнѣйшихъ въ этихъ отчетахъ пунктовъ.

7. Дѣловыя книги.

Въ послѣднія восемь лѣтъ заведены въ архивахъ слѣдующія книги:

1. Ежедневный журналъ, въ который заносятся всѣ входящія бумаги съ означеніемъ числа ихъ поступления, краткаго содержанія и исполненія по нимъ.

2. Выемочный реестръ, въ который заносятся всѣ документы, книги, вязки и томы, взятые изъ архивныхъ залъ какъ для отсылки въ другія мѣста, такъ равно для справокъ и научныхъ занятій.

3. *Пересылочная книга*, въ которую вписываются всѣ отсылаемые изъ архива документы съ означеніемъ мѣста отсылки, подписи каждаго отпуска, времени отправления, фамиліи принявшихъ лицъ и т. д.

4. *Доловая книга* съ заносимыми въ нее матеріалами, отосланными изъ архива болѣе чѣмъ за два года, съ тою цѣлью, чтобы имѣть ихъ всегда передъ глазами и напоминать получившимъ ихъ о скорѣйшемъ возвращеніи.

5. *Книга для отмытки пошлинъ*, поступающихъ въ архивъ за выдаваемые имъ справки и копии съ матеріаловъ и за ихъ засвидѣтельствованіе.

6. *Памятная книга* для статей, которыя слѣдуетъ исполнить къ извѣстному сроку. Это не мало способствуетъ аккуратному веденію дѣлъ, особенно же уясненію служебныхъ занятій областныхъ архивовъ и истребованію матеріаловъ отъ такихъ учреждений, которыя не заботятся о возвращеніи высланныхъ имъ актовъ и документовъ.

8. Расходы.

Каждый архивъ получаетъ на канцелярскіе расходы (отопленіе, письменныя принадлежности, упаковку), на содержаніе въ порядкѣ архивныхъ помѣщеній, на переплетъ, печатаніе и пріобрѣтеніе книгъ, на покупку движимости и архивныхъ матеріаловъ, на путевые расходы по дѣламъ службы, на наемную плату служителямъ, ежегодно опредѣ-

ленную сумму. Каждый два года ландтаг назначает не превышающія налоги суммы, потребныя для содержанія всѣхъ правительственныхъ учреждений, въ томъ числѣ и архивовъ. Поэтому областные архивы обязаны каждые два года представлять смѣты расходовъ въ свое центральное учрежденіе, которое, вмѣстѣ съ своими смѣтами, представляетъ ихъ министерству, а послѣднее вноситъ ихъ, съ своимъ заключеніемъ, на подлежащее разрѣшеніе въ установленномъ порядкѣ.

Государственный архивъ расходуетъ ежегодно на канцелярскую службу, бібліотеку, мебель, покупку архивныхъ матеріаловъ и т. д. до 2,600 флориновъ въ годъ, на путевыя издержки по службѣ отъ 500 до 600 флор., на содержаніе архивной школы 300 флор., на вознагражденіе ученыхъ помощниковъ (практикантовъ) и на плату переписчикамъ и служителямъ около 5,000 флор., на все же вмѣстѣ отъ 8,000 до 9,000 флорин.

Областные архивы получаютъ, смотря по занимаемымъ ими помѣщеніямъ и по числу необходимыхъ для нихъ канцелярскихъ служителей, отъ 800 до 2,500 флор. въ годъ.

Въ расходованіи означенныхъ суммъ заведенъ всюду строго-отчетливый порядокъ. Перенесеніе расходовъ изъ одной статьи въ другую не допускается. На каждое приобрѣтеніе областные архивы испрашиваютъ разрѣшеніе главнаго архива. Въ концѣ года отчеты по каждому архиву проверяются контрольными учреждениями.

9. *Научная подготовка молодыхъ архивныхъ чиновниковъ.*

Для поступленія въ архивъ, подготовки и поощренія юныхъ силъ, требующихся въ архивную службу, приняты въ настоящее время слѣдующія мѣры:

1. Допускаются къ архивной практикѣ только юристы, выдержавшіе государственный экзаменъ съ полными или по крайней мѣрѣ съ хорошими отмѣтками, или же лица съ основательными свѣдѣніями въ исторіи и древностяхъ.

2. Кромѣ того, приѣмъ этихъ лицъ зависитъ отъ особаго устнаго испытанія въ присутствіи директора государственнаго архива.

3. Вмѣстѣ съ послѣдовательными практическими упражненіями въ государственномъ архивѣ и нѣкоторое время въ Мюнхенскомъ областномъ, практиканты слушаютъ лекціи, читаемыя директоромъ государственнаго архива по палеографіи, по наукѣ объ архивахъ, по исторіи права, по источникамъ исторіи и т. д., и даже сами читаютъ лекціи въ

этой архивной школѣ, а время отъ времени изготовляютъ и письменныя упражненія.

4. Подъ руководствомъ директора и другихъ чиновниковъ и съ ихъ помощью молодые люди, готовящіеся къ архивной службѣ, занимаются самостоятельными работами по составленію описей и реестровъ.

5. Желающіе получить мѣсто должны выдержать экзамень и въ доказательство своихъ свѣдѣній представить опытъ ученой работы.

Дабы привлечь молодыя силы къ архивному дѣлу выдается архивнымъ практикантамъ во все время ихъ приготовительныхъ занятій отъ 500 до 600 флор. ежегодно. Въ университетѣ читаются также лекціи палеографіи и подъ руководствомъ профессора исторіи изготовляются упражненія въ изслѣдованіяхъ историческаго содержанія на основаніи источниковъ. Архивное начальство относится поощрительно къ тѣмъ молодымъ практикантамъ, которые посѣщаютъ эти лекціи и участвуютъ въ этихъ занятіяхъ. Молодымъ же людямъ, приготовляющимся въ государственномъ архивѣ къ поступленію на архивную службу, но нуждающимся въ дальнѣйшемъ юридическомъ или филологическомъ образованіи, дается возможность посѣщать университетскія лекціи по соответствующимъ предметамъ. Дѣйствительно, архивная служба болѣе чѣмъ всякая другая требуетъ рѣдкаго соединенія въ одномъ лицѣ историческихъ, юридическихъ и административныхъ свѣдѣній. Здѣсь практика и теорія должны идти рука объ руку, чтобы выработать изъ молодыхъ людей дѣльныхъ архивныхъ чиновниковъ.

Мюнхень,
января 1874 г.

Архивная выставка въ Марбургѣ (*).

Среди приготовлений, вызванныхъ торжествомъ освященія новаго университетскаго зданія въ Марбургѣ, не послѣднее мѣсто занимала выставка, устроенная управленіемъ мѣстнаго архива съ цѣлью познакомить, какъ туземныхъ жителей, такъ и иностранцевъ съ сокровищами, хранящимися въ Марбургскомъ архивѣ. Подобное предпріятіе получило возможность осуществиться лишь очень недавно. При той боязливой скрытности, съ которою въ прошедшія времена смотрѣли на архивы лишь какъ на арсеналы для защиты собственныхъ интересовъ и для борьбы съ чужими и, ревниво охраняя содержаніе архивовъ, старались съ этою цѣлью во чтобы то ни стало удалить отъ нихъ непосвященную толпу — такая выставка была немислима. Весьма отрадно, что въ наше время, вмѣстѣ съ всеобщимъ измѣненіемъ умственнаго направленія, и въ этой сферѣ явились или по крайней мѣрѣ появляются болѣе свободныя и широкія воззрѣнія; что, рядомъ съ практическимъ значеніемъ архивовъ для государственнаго управленія, начинаютъ оцѣнивать и научную ихъ важность.

Многіе питаютъ надежду — и, конечно, не безъ основанія, — что познаніе и живое изображеніе отечественной исторіи, проникая въ плоть и кровь народа, благотворно повліяетъ на нашу національную жизнь. Но это невозможно, если архивы, которые по преимуществу могутъ быть названы живымъ источникомъ историческаго познанія, не будутъ открыты и приспособлены для изслѣдованій. Для этого необходимо дать архивамъ заботливую обстановку, при которой они только и могутъ исполнять свои высокія задачи. Желательно притомъ, чтобы знакомство съ размѣрами этихъ задачъ по возможности распространялось. Мы еще встрѣ-

(*) Извлечено изъ Прибавленія къ № 173 «Аугсбургской газеты» 1879 года.

чаемъ самыя странныя взгляды на архивы и ихъ значеніе. Лишь очень немногія изъ лицъ, исторіей не занимающихся, имѣютъ ясное представленіе о важности архивныхъ матеріаловъ. Большая половина вины въ этомъ падаетъ на существовавшую до послѣдняго времени строгую замкнутость архивовъ. Но какъ бы то ни было, это одинаково печально, какъ для архивовъ, такъ и для всего народа.

Тѣмъ болѣе заслуживаетъ сочувствія такое предпріятіе, какъ выставка Марбургскаго архива. Лучше всякихъ объясненій оно въ состояніи разсѣять предрасудки и поставить на видъ значеніе архивовъ. Здѣсь каждый могъ видѣть своими глазами и получить надлежащія разъясненія. Многочисленность посѣтителей выставки доказала, какъ своевременно было это предпріятіе и какъ оно соответствовало желаніямъ публики. Не было-ли бы даже полезно устроить постоянную выставку, еслибъ нашлось для этого помѣщеніе? Какое богатое учебное пособіе пріобрѣлъ бы чрезъ это Марбургскій университетъ, которому и теперь архивъ доставляетъ по многимъ отраслямъ неоцѣненные выгоды.

Уже самое расположеніе выставки, которое приноситъ столько чести предусмотрительности управленію архива, свидѣтельствуетъ, что здѣсь рѣчь шла не объ удовлетвореніи празднаго любопытства толпы, а о томъ, чтобы дать ясное понятіе о содержаніи и значеніи архивовъ, что одинаково поучительно и для специалиста и для дилеттанта.

Каждый архивъ отражаетъ своимъ содержаніемъ исторію той страны, которой документы и акты онъ сохраняетъ. Поэтому и на здѣшней выставкѣ выступали впередъ моменты, особенно важные въ исторіи Гессенскихъ земель. Изъ болѣе отдаленныхъ временъ наше вниманіе привлекали могущественные монастыри Фульда и Герсфельдъ. Представителемъ ихъ является такой длинный рядъ папскихъ и императорскихъ буллъ, какой едва-ли удастся выставить другому архиву. Здѣсь находятся грамоты всѣхъ почти германскихъ владѣтелей, начиная съ Пипина (766 г.) и Карла Великаго (810 г.) и кончая Францемъ II. Какъ грамоты, такъ и печати большею частью прекрасно сохранились. Нѣкоторыя печати, особенно печати Габсбурговъ, представляютъ художественные образцы гравировальнаго искусства въ благороднѣйшихъ формахъ стила возрожденія. На выставкѣ ихъ была полная возможность прослѣдить все развитіе императорской канцеляріи. Можно было основательно рассмотреть и изучить постепенное измѣненіе письма, переходъ отъ латинскаго языка къ нѣмецкому. Папскія буллы представляли не менѣе интересный предметъ для изученія. Здѣсь были грамоты и бреве

чуть-ли не 60 папъ (1029—1789 г.г.)—богатство матеріала, какое едва-ли можно собрать въ другомъ мѣстѣ.

Точно также и Гессенскіе ландграфы напоминали о себѣ цѣлымъ рядомъ документовъ. Много доставилъ и архивъ нѣмецкаго ордена. Сюда относятся напр.: грамота, которою папа Григорій IX причисляетъ ландграфиню Елизавету къ лику святыхъ (1235 г.), другая съ именемъ Конрада Марбургскаго (1232 г.) и проч. Цѣльное и законченное понятіе о средневѣковой письменности доставила масса рукописныхъ сборниковъ разныхъ столѣтій. Такъ былъ здѣсь выложенъ относящійся къ IX вѣку *codex traditionum* изъ монастыря Фульда, писанный мелкимъ почеркомъ временъ Каролинговъ, затѣмъ *codex Eberhardi*, съ изящными миниатюрами, и много другихъ, не столь древнихъ рукописей. Выставлено было также не мало имущественныхъ описей и податныхъ списковъ. Реестры десятиннаго сбора нѣмецкаго ордена не помѣстились въ залѣ длиною по крайней мѣрѣ въ 20 шаговъ.

Такъ какъ Гессенскій домъ никогда не имѣлъ большаго значенія, какъ при дѣятельномъ и осторожномъ правленіи Филиппа Великодушнаго, который среди волненій своего времени сумѣлъ держать въ своихъ рукахъ всѣ политическія нити протестантской партіи, то нельзя было не замѣтить, что ни одна эпоха не оставила послѣ себя такого богатаго и многосторонняго представительства, какъ эпоха реформациі. Здѣсь выставлены были документы величайшей исторической важности, напр. оригиналъ протеста евангелическихъ князей въ Шпейерѣ отъ 20-го апрѣля 1529 г., заключительный протоколъ Марбургскаго собора съ подлинными подписями, проектъ Шмалькальденскаго договора съ собственноручными поправками Филиппа, духовное завѣщаніе (1562 г.) Филиппа Великодушнаго, имѣвшее столь роковыя послѣдствія для Гессена; далѣе подлинныя письма реформаторовъ самыхъ различныхъ направленій, а также письма государственныхъ дѣятелей того времени. Здѣсь были почерки Лютера, Меланхтона, Ионаса, Камерарія, Цвингли, Эколампадія, Буллингера, Буцера, Иакова и Иоанна Штурмовъ, Слейдана и др.; рядомъ съ подвижниками краснорѣчія и пера встрѣтили мы и героевъ браннаго поля — Франца - фонъ - Сикингена, Саксонскихъ курфирстовъ: Фридриха Мудраго, Иоанна и Иоанна Фридриха и Морица Саксонскаго. Отъ эпохи тридцатилѣтней войны были здѣсь имена всѣхъ почти замѣчательныхъ князей и полководцевъ.

Для Гессена имѣютъ, конечно, особенный интересъ письма и документы, касающіеся знаменитѣйшихъ изъ его дѣятелей. Наибольшаго вниманія заслуживали на выставкѣ тѣ, которые относятся къ Марбургскому

университету. Здѣсь встрѣтили мы имена Эобана Гессуса, Гуніуса, Гипертуса, Лонисеруса, Папина, Вуплуса и др. Для дальнѣйшей исторіи Гессена важны подлинныя письма и бумаги курфирстовъ, оригиналы конституціонныхъ актовъ 1831, 1859 и 1860 г. г. и многіе другіе, напр. трактатъ о субсидіяхъ за предоставленіе Англій пользованія Гессенскими войсками для войны въ Сѣверной Америкѣ въ 1776 году.

Письма государей, государственныхъ мужей и полководцевъ самыхъ различныхъ странъ доказывали, какъ разнообразны были отношенія Гессена къ другимъ государствамъ. Между сношеніями съ нѣмецкими землями особенно выступаютъ отношенія къ Бранденбургу — Пруссіи (собственноручныя письма великаго курфирста Фридриха Великаго, королевы Луизы) и къ Саксоніи, Брауншвейгу и др. Изъ иностранныхъ именъ я назову только Колинъи, Генриха IV, Ришелье, Мазарини, Людовика XIV, Вольтера, Наполеона I, Наполеона III — во Франціи, Елизавету — въ Англій, Густава Вазу, Густава Адольфа и Карла XV — въ Швеціи, Петра Великаго и Екатерину — въ Россіи. Оригинальный видъ имѣли среди всего этого трактаты Германскаго таможеннаго союза съ Китаемъ, Сіамомъ, Турціей, написанные на языкѣ этихъ странъ.

Всего означеннаго конечно достаточно, чтобы дать понятіе о громадныхъ богатствахъ и разнообразіи содержанія Марбургскаго архива. Описаніе всѣхъ подробностей завело бы насъ слишкомъ далеко: мы могли сообщить о содержаніи выставки лишь въ краткихъ чертахъ.

Для выставки воспользовались двумя большими залами, въ которыхъ все было по возможности занято. Даже стѣны были замѣщены: ихъ украшали — и часто съ большимъ вкусомъ — родословныя таблицы, которыми искатели званія канониковъ въ нѣмецкомъ ордени или въ Фульдскомъ монастырѣ старались доказать существованіе необходимыхъ для того 16 поколѣній. Тутъ же висѣли планъ Касселя 1560 г., карта Гессенской земли 1592 г., писанная Іоанномъ Меркаторомъ, и др. Изъ коллекціи портретовъ Гессенскихъ дѣятелей, съ большимъ пониманіемъ собранной и съ готовностью представленной для выставки г. секретаремъ Гофмейстеромъ, выставлено не мало интересныхъ экземпляровъ. Это очень удачная мысль: образъ дѣятели, составленный нами при чтеніи документовъ и бумагъ, становится полнѣе, если мы видимъ передъ собою его живыя черты.

Для специалистовъ имѣеть особенный интересъ изготовленный на пробу шкаль для грамотъ, по которому можно составить себѣ понятіе о системѣ храненія документовъ въ Марбургскомъ архивѣ. Остается желать, чтобы сокровища архива, помѣщенныя въ подобныхъ шкапахъ, въ

возможно скоромъ времени выставлены были въ большой рыцарской залѣ. Такой прекрасной, безопасной и цѣлесообразно устроенной залы для храненія актовъ не найти бы тогда во всей Германіи. Очень жаль, что по недостатку рабочихъ нельзя было приступить къ передѣлкѣ этой части архива. Крайне желательно, чтобы поскорѣе нашлись для этого средства.

О богатствѣ и высокомъ значеніи Марбургскаго архива можно конечно составить себѣ понятіе по предметамъ, бывшимъ на выставкѣ. Но по этимъ даннымъ невозможно представить себѣ тѣхъ трудностей, съ какими приходится бороться при приведеніи богатаго архивнаго матерьяла въ порядокъ, который могъ бы удовлетворить требованіямъ новейшей науки отъ архивовъ. Это не бездѣлица, если принять въ соображеніе, что 90,000 подлинниковъ, писанныхъ на пергаминахъ, и десять большихъ, наполненныхъ актами, залъ, дожидаются разбора. Полудюжина добросовѣстныхъ труженниковъ найдетъ здѣсь работы навѣрное не на одинъ десятокъ лѣтъ.

Нѣсколько годовъ тому назадъ архивные матерьялы, собранные въ Марбургѣ изъ разныхъ мѣстъ прежняго курфиршества, были большею частью приняты не приведенные въ порядокъ и даже безъ описей. А тамъ, гдѣ былъ введенъ порядокъ, было еще хуже. Ради искусственной системы, часто разъединяли то, что составляло одно цѣлое, и много труда нужно будетъ положить, чтобы опять соединить разрозненное. Необходимо быть хорошо знакомымъ съ этою работою, чтобы понять и оцѣнить ея размѣры. Если присоединить къ этому затрудненія, принимаемыя временнымъ перемѣщеніемъ хранящихся предметовъ изъ одной залы въ другія по случаю перестройки зданій и затѣмъ работу присканія для многочисленныхъ занимающихся здѣсь посѣтителей нужныхъ имъ матерьяловъ въ плохо разобранный архивъ, можно составить себѣ понятіе о трудностяхъ, съ которыми должно бороться управленіе Марбургскаго архива.

Но весело смотрѣть, какія прекрасныя, просторныя и хорошо приспособленныя помѣщенія приготовлены для архива. На это нельзя не обратить вниманія, такъ какъ при настоящихъ финансовыхъ затрудненіяхъ государства не видно, откуда бы можно было взять средства для новыхъ построекъ, тогда какъ въ прежнее время тратились, къ сожалѣнію, не малыя суммы на перестройку отдѣльныхъ частей. Залы архива, вездѣ покрытыя сводомъ и защищенныя желѣзомъ, могутъ служить образцомъ для всѣхъ архивовъ. Центральное управленіе Прусскихъ архивовъ, доставившее потребныя для этого суммы заслуживаетъ со стороны

любителей исторіи не меньше благодарности, чѣмъ и представительство страны, съ готовностью высказавшееся за погашеніе этой суммы. Справедливость возлагаетъ на насъ обязанность вспомнить при этомъ также о самопожертвованіи и заслуженной дѣятельности, оказанныхъ нынѣшнимъ государственнымъ архивариусомъ, докторомъ Кёппекомъ, при устройствѣ помѣщенія, а также при переноскѣ и систематическомъ расположеніи матерьяловъ.

Въ послѣднее время часто раздавались жалобы на управленіе Прусскими архивами. Такъ напр. нападали на изданія, предпринимаемая подъ редакціей центральной дирекціи Прусскихъ архивовъ, во главѣ которой стоитъ Зибель. Мысль, что архивариусы существуютъ для архивовъ, а не наоборотъ, несомнѣнно справедлива. Архивариусъ, не собирающій разбросанныхъ матерьяловъ, если таковые еще находятся въ его округѣ, или не полагающій всѣхъ силъ на приведеніе въ порядокъ архива, если онъ еще не устроенъ, а занимающійся вмѣсто этого научными изслѣдованіями—конечно не исполняетъ своихъ обязанностей. Мы не знаемъ, справедливъ-ли вообще упрекъ, что научныя занятія оставляютъ архивариусамъ слишкомъ мало времени для занятій архивомъ. Но авторъ, служащій не въ Прусскомъ архивѣ и часто не безъ нѣкоторой зависти смотрѣвшій, какъ много жизни почти повсюду кипитъ на этомъ полѣ въ Пруссіи, можетъ по опыту сказать, что упрекъ этотъ въ отношеніи къ Марбургскому архиву рѣшительно неумѣстенъ. Правда, и здѣсь готовится къ изданію собраніе Гессенскихъ документовъ, но изъ назначенныхъ для архивской службы пяти часовъ на это не тратится ни минуты. Если же архивариусъ остающееся у него свободное время отъ опредѣленныхъ занятій въ архивѣ посвящаетъ на изданіе историческихъ документовъ, то это, конечно, заслуживаетъ всякаго сочувствія.

Очень долго старались держать богатства архивовъ втайнѣ. Отрадно думать, что теперь отрѣшились отъ этого принципа и поощряютъ возможно широкій доступъ къ архивнымъ матеріаламъ. Это всего удобнѣе достигается изданіемъ источниковъ, на что архивариусы, конечно, имѣютъ не только право, но — я смѣлъ бы сказать — даже къ тому обязаны. Историческая наука будетъ благодарна Зибелю за то, что онъ поддерживаетъ это стремленіе.

Пусть существуютъ различныя мнѣнія объ отдѣльныхъ вопросахъ по устройству и дѣятельности архивовъ. Иначе и быть не можетъ. Но пріятно видѣть, что по этимъ вопросамъ начался въ послѣднее время дѣятельный обмѣнъ мыслей. Мирная замѣнутость, которая выпадала на долю архивовъ въ прежнее время, породила въ стѣнахъ ихъ запахъ

плесени. Струя свѣжаго воздуха, врываясь въ душные стѣны, имѣетъ цѣлебную силу. Она вноситъ движеніе и жизнь. Итакъ мы можемъ кончить пожеланіемъ, чтобы кипучая дѣятельность, повсюду, какъ кажется, оживившая теперь архивы, поощряемая участіемъ другихъ сферъ, благотворно распространялась все далѣе и далѣе. Историческому развитію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей жизни народа это, безъ сомнѣнія, можетъ принести только пользу.

Перев. Андрей Ладыженскій.

Предпринятое изслѣдованіе по поводу „Хожденія чернеца Игнатія Смолянина въ Царьградъ и Іерусалимъ“.

Въ числѣ источниковъ для изученія Византійскаго вліянія на древнюю Русь едва-ли не первое мѣсто по полнотѣ и точности сообщаемыхъ свѣдѣній занимаютъ дошедшія до насъ описанія путешествій русскихъ людей въ Византію.

Между этими описаніями обращаетъ на себя вниманіе по разнообразію содержанія и массѣ бытовыхъ подробностей хожденіе чернеца Игнатія Смолянина въ Царьградъ и Іерусалимъ. Игнатій Смолянинъ путешествовалъ до Царьграда въ свитѣ митрополита Пимена, отправившагося въ 1389 году въ третій разъ въ Царьградъ по поводу соперничества своего для занятія московской кафедры съ митрополитомъ Киприаномъ. Обиліе подробностей, сообщаемыхъ Игнатіемъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ теченіи пути онъ велъ дневникъ, по желанію митрополита Пимена: «и повелѣ митрополить... писати сего путешествванія все, како поидоша и гдѣ что случися... мы же сія вся писахомъ». Описаніе путешествія Игнатія распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) путешествіе отъ Москвы по Рязанской области и Дономъ до моря; 2) плаваніе по Азовскому и Черному морю; 3) описаніе Царьграда; 4) описаніе коронованія императора Мануила и 5) описаніе Іерусалима. Въ нѣкоторыхъ спискахъ кромѣ того встрѣчается описаніе Солуны и описаніе «брани Андроникова сына Калоала съ Мануиломъ царемъ».

Предпринятое мною изслѣдованіе хожденія Игнатія Смолянина распадается на двѣ главныя части. 1-я часть труда — наиболѣе кропотливая, — приведеніе въ извѣстность по возможности всѣхъ существующихъ списковъ этого хожденія и точное сличеніе ихъ между собою. Въ настоящее время мнѣ извѣстны 16 списковъ, распадающихся на три ре-

дакціи. Въ первой редакціи, наиболѣе краткой, опущены многія подробности, находящіяся въ спискахъ второй редакціи. Особенность этихъ добавочныхъ подробностей — что это очевидно вставки, такъ какъ весь порядокъ изложенія совершенно тотъ же, что и въ спискахъ первой редакціи. Это даетъ поводъ предполагать, что недостающія въ спискахъ первой редакціи подробности добавлены тѣмъ же авторомъ впоследствии. Это предположеніе усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что добавочныя подробности преимущественно касаются политическихъ отношеній той эпохи, напр. ссоры В. Кн. Дмитрія Донскаго съ митрополитомъ Пименомъ и радушнаго пріема оказаннаго этому послѣднему врагомъ Дмитрія Донскаго Олегомъ Рязанскимъ, то есть такихъ предметовъ, которыхъ могло бытъ неудобно касаться при жизни В. Кн. Дмитрія Донскаго. Наконецъ третья редакція списковъ хожденія Игнатія Смолянина заключаетъ въ себѣ текстъ второй (подробной) редакціи съ добавочными статьями изъ хронографовъ. Такою добавочною статью является повѣсть объ Амуратѣ царѣ, замѣнившая въ этихъ спискахъ краткое упоминаніе Игнатіемъ Коссовской битвы. По замѣчанію г. Андрея Попова (Обзоръ Хронографовъ Русской редакціи вып. II. М., 1869, стр. 50) повѣсть эта въ Хронографы вошла изъ житія Деспота Стефана Лазаревича, сочиненнаго Константиномъ Философомъ. Трудъ сличенія всѣхъ извѣстныхъ мнѣ списковъ Хожденія Игнатія Смолянина мною еще не доведенъ до конца, такъ какъ я до сихъ поръ не имѣлъ возможности воспользоваться списками, хранящимися въ Казани и въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ.

Вторая часть моего труда — собственно изслѣдованіе той эпохи въ связи съ хожденіемъ Игнатія Смолянина. Кромѣ изложенія смуть въ церковной іерархіи, вызвавшихъ путешествіе Пимена, и отношеній Дмитрія Донскаго къ Олегу Рязанскому, въ этомъ изслѣдованіи обращено мною особенное вниманіе на географическія свѣдѣнія, сообщаемыя Игнатіемъ, о юго-восточной окраинѣ Россіи. Для уясненія границъ Рязанской области и для пріуроченія упоминаемыхъ Игнатіемъ мѣстностей къ нынѣшнимъ названіямъ мнѣ послужили лѣтописи, книга большаго чертежа, списки населенныхъ мѣстъ, географическіе словари Щекатова и Барсова, труды г. Замысловскаго и другія пособія. Остановившись затѣмъ нѣсколько на исторіи Генуэзскаго владычества на берегахъ Чернаго моря, — я перехожу къ описанію Коссовской битвы, — такъ какъ этихъ предметовъ касается Игнатій въ своемъ путешествіи, — и затѣмъ перехожу къ описанію памятниковъ Царяграда, останавливаясь на этомъ особенно подробно и поставивъ себѣ задачею сличить это описаніе со всѣми дошедшими до насъ описаніями Константинополя, какъ западны-

ми, такъ и восточными, начиная съ 1204 года, т. е. со времени взятія Константинополя Крестоносцами. Обрядъ коронованія Византійскихъ императоровъ составляетъ въ моемъ трудѣ также предметъ особаго изслѣдованія, для котораго въ числѣ другихъ источниковъ я пользовался сочиненіемъ «D. Banduri, Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae. Parisiis, 1711». Въ заключеніе моего труда будутъ помѣщены біографическія свѣдѣнія о чернецѣ Игнатіи Смолянинѣ и замѣчанія о его вліяніи на послѣдующія описанія Царяграда.

С. Арсеньевъ,
слушатель Института.

Вечернія чтенія и бесѣды въ Археологическомъ Институтѣ (*).

1. Засѣданіе 15 декабря 1878 г.

Засѣданіе открылось въ 8 часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ директора Института Н. В. Калачова при многочисленной публикѣ, состоявшей изъ почетныхъ членовъ Института и стороннихъ лицъ, слѣдящихъ за успѣхами отечественной археологіи. Н. В. Калачовъ, поблагодаривъ присутствовавшихъ въ собраніи знатоковъ и любителей русскихъ древностей за видимое сочувствіе ихъ къ дѣятельности молодаго учрежденія, выразилъ надежду, что открывающіяся чтенія и бесѣды послужатъ еще къ болѣе тѣсному сближенію общества съ Институтомъ. Въ посѣщеніи этихъ чтеній и бесѣдъ сторонними знатоками и любителями старины Институтъ видитъ лучшей залогъ своего будущаго развитія и процвѣтанія. Само собою разумѣется, что, какъ всякое начало, и эти первые опыты не могутъ быть вполне удачны. Поэтому всякое дѣльное замѣчаніе, клонящееся къ исправленію или пополненію свѣдѣній, сообщаемыхъ лекторами или докладчиками, будетъ принято Институтомъ съ должною признательностью. Это обращеніе Н. В. Калачова встрѣтило въ присутствующихъ единодушное и громкое одобреніе.

Затѣмъ В. А. Прохоровъ, согласно утвержденной совѣтомъ Института программѣ, приступилъ къ предмету своихъ чтеній — «Археологическому обзорѣнію памятниковъ византійскаго и древнерусскаго искусства». Высказавъ предварительно свой взглядъ на значеніе археологіи, какъ науки по преимуществу описательной, онъ обратилъ особенное вни-

(*) Помѣщаемый здѣсь отчетъ о бывшихъ въ Институтѣ вечернихъ чтеній составленъ Д. М. Мейчикомъ, частію по его замѣткамъ, частію же на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему самими лицами, принимавшими участіе въ рефератахъ и бесѣдахъ.

маніе на то, что успѣшное развитіе науки о древностяхъ мыслимо только тогда, когда оно будетъ опираться на непосредственное изученіе старины въ подлинныхъ ея памятникахъ; книжное же знакомство съ предметами допустимо лишь какъ вспомогательное средство, къ которому должно прибѣгать только по недоступности подлинныхъ первоисточниковъ. Для удобства обзорѣяя памятники древняго искусства приводятся въ систему по ихъ внѣшнимъ и внутреннимъ свойствамъ, по составу и строенію, по народностямъ, по періодамъ, вѣкамъ или годамъ и т. д. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ необходимо имѣть въ виду твердые и несомнѣнные признаки и по нимъ опредѣлять происхожденіе, а также значеніе и достоинство различныхъ вновь открываемыхъ памятниковъ. Памятники болѣе или менѣе глубокой древности рѣдко доходятъ до насъ въ своемъ первичномъ неповрежденномъ видѣ, по большей же части они, если не совсѣмъ исчезаютъ или разрушаются, то претерпѣваютъ различныя измѣненія, перестраиваются и передѣлываются. Въ этихъ-то случаяхъ, признаки различныхъ періодовъ и эпохъ служатъ руководящею нитью для отдѣленія частей, возникшихъ въ разное время. Владѣя такими научными данными, археологъ свободнѣе читаетъ о прошедшемъ по этимъ безгласнымъ свидѣтелямъ, чѣмъ по словесному повѣствованію лѣтописца, который на ряду съ дѣйствительными событіями сообщаетъ и вымыслы народной фантазіи. Въ поясненіе своей мысли г. Прохоровъ привелъ извѣстное преданіе о происхожденіи царскихъ регалій на Руси.

Во второй половинѣ бесѣды слушатели Д. М. Мейчикъ и И. Г. Даниловъ прочитали: первый—отчетъ о поѣздкѣ въ Москву, а второй—замѣтку о курганахъ въ Царскосельскомъ уѣздѣ близъ станціи Сиверской (*). Оба эти чтенія вызвали оживленныя замѣчанія и пренія, наглядно убѣдившія всѣхъ въ плодотворности такого обмѣна мыслей.

2. Засѣданіе 26 февраля 1879 г.

Открывая засѣданіе, Н. В. Калачовъ заявилъ, что вниманію собранія предлагаются чтенія Т. В. Кибальчича — «Доисторическія древности Кіева» и П. Н. Петрова — «Значеніе генеалогіи для русской исторіи съ XI по XIX вѣкъ».

Т. В. Кибальчичъ, поставившій себѣ цѣлью личными розысканіями удостовѣриться на сколько сохранились какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и въ прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ слѣды доисторической жизни

(*) Доклады гг. Мейчика и Данилова напечатаны во второй книгѣ „Сборника Археологическаго Института“.

обитавшаго здѣсь населенія и первобытныхъ животныхъ — началъ свои изслѣдованія съ центра города, съ его улицъ и ближайшихъ окрестностей. Въ настоящемъ чтеніи онъ познакомилъ своихъ слушателей съ памятниками первобытнаго человѣка, находимыми близъ Кирилова монастыря, съ курганами языческихъ славянъ здѣшней мѣстности вообще, съ древнимъ кладбищемъ въ усадьбѣ помѣщика В. В. Тарновскаго, съ Варяжскими пещерами, съ мѣстностями Перунова храма и Волосова капища и съ случайными археологическими находками князя П. А. Трубецкаго. Эти крайне любопытныя данныя вызвали со стороны слушателей самое радушное сочувствіе.

П. Н. Петровъ, исходя изъ положенія о господствѣ на Руси родового начала, старался выяснить его многообразное значеніе въ государственномъ и гражданскомъ быту нашихъ предковъ. Родовое начало опредѣляло порядокъ престолонаслѣдованія и передвиженіе князей изъ одной области въ другую. Оно объясняетъ намъ различныя историческія событія и столкновенія, которыя безъ него кажутся безпричинными и загадочными. Право государственной службы и сопряженные съ нимъ мѣстническіе счеты, права имущественныя и наслѣдственныя также коренились въ большей или меньшей степени въ тѣхъ же родовыхъ отношеніяхъ. Отсюда понятно, какое жизненное значеніе имѣло для нашихъ предковъ знаніе родословія. Пока роды были малочисленны, можно было довольствоваться одною памятью и преданіемъ, но съ размноженіемъ родовъ явилась потребность въ письменныхъ родословныхъ. Въ наше время практическое значеніе родословія отодвигается на задній планъ, и вмѣсто него является интересъ научный, историческій. Генеалогія оказываетъ историку подчасъ незамѣнимую услугу въ распутываніи хронологическихъ и другихъ ошибокъ, которыхъ такъ много встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ.—Время возникновенія *родословцевъ* трудно опредѣлить съ точностью; но внимательный разборъ родословныхъ росписей, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ книгахъ, даетъ возможность къ приблизительному его вычисленію. Разсмотрѣніе родословныхъ актовъ различныхъ эпохъ обнаруживаетъ промежутокъ времени, когда составленіе родословныхъ прервалось.

Слѣдя за развитіемъ русской генеалогіи, г. Петровъ остановился особенно на оцѣнкѣ трудовъ митрополитовъ Кипріяна и Макарія, при чемъ онъ пытался опредѣлить степень самостоятельности того и другаго. Время отмѣны мѣстничества служитъ гранью, отдѣляющею древній періодъ отъ новаго. Разбирая значеніе этого событія, г. Петровъ склоняется на сторону тѣхъ нашихъ писателей, которые полагаютъ, что

съ отмѣною мѣстничества сожжены были не всѣ разрядныя книги по родословію, и что при обстоятельной разборкѣ нашихъ архивовъ нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, будутъ открыты. Далѣе онъ объяснилъ значеніе подачи сказокъ въ Разрядъ, предъявленія родословій, какъ удостовѣренія права на внесеніе въ VI часть родословной дворянской книги, и закончилъ краткимъ очеркомъ дальнѣйшаго хода генеалогіи до нашего времени.

3. Засѣданіе 3 марта 1879 г.

Въ этомъ засѣданіи читаны были двѣ лекціи: В. А. Прохоровъ продолжалъ «Археологическое обозрѣніе памятниковъ византійскаго и древнерусскаго искусства», а профессоръ П. И. Савваитовъ началъ изложеніе «древняго русскаго счета или счетной мудрости».

Въ историческомъ развитіи древняго искусства г. Прохоровъ различаетъ два главные центра, изъ которыхъ оно распространялось по разнымъ странамъ міра. Въ мірѣ языческомъ господствовало вліяніе *греческаго* (эллинскаго) *искусства*, продолжавшееся около четырехъ вѣковъ и въ христіанскомъ періодѣ. Съ этого же времени начинается вліяніе *искусства византійскаго*. Оно проявляется какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, и у насъ въ Россіи. При этомъ г. Прохоровъ указываетъ на то, какъ византійское искусство развивалось у каждаго народа въ отдѣльности и какой оно принимало характеръ и особенности, сообразно съ природнымъ вкусомъ и степенью его умственнаго развитія, условіями мѣстности и другими случайными вліяніями. Обращаясь затѣмъ къ архитектурѣ, г. Прохоровъ разсматриваетъ развитіе ея на востокѣ и западѣ и дѣлитъ его на два періода: 1) періодъ *базиличныхъ построекъ* до VI в.; 2) періодъ *купольной системы*. До VI в., какъ на востокѣ, такъ и на западѣ мы видимъ базилики въ Римѣ, Константинополѣ, въ Миланѣ, Равеннѣ, Солуни, въ Аѳинахъ, въ Малой Азіи, на Кавказѣ, въ Сиріи и другихъ мѣстахъ. Хотя нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ уцѣлѣли и до настоящаго времени, но ни одного изъ нихъ не сохранилось въ первоначальномъ его видѣ; въ послѣдствіи при возобновленіяхъ и перестройкахъ перенимали многое по своему и прибавляли къ древнему новое, современное, почему при изученіи этихъ памятниковъ требуется тщательной археологической повѣрки ихъ. Съ VI в. (вѣка Юстиніанова) *купольная* система сдѣлалась господствующею на востокѣ; на западѣ же базиличныя постройки остались до позднѣйшаго времени: купольный храмъ составлялъ тамъ исключеніе и большею частью купола были закрыты стѣною снаружи. Распространяясь изъ Византіи по разнымъ

странамъ, купольная система въ каждой мѣстности болѣе или менѣе видоизмѣнялась сообразно съ потребностями и эстетическими понятіями различныхъ народовъ. Послѣ вѣковаго застоя искусства въ эпоху иконоборства, при династіи македонской начинается опять цвѣтущее его развитіе, что подтверждается множествомъ сохранившихся превосходныхъ памятниковъ искусства отъ этого періода. Въ заключеніе г. Прохоровъ представилъ состояніе византійскаго искусства ко времени крещенія Руси.

Послѣ краткаго перерыва, проф. П. П. Савваитовъ, приступая къ чтенію, прежде всего обратился съ привѣтомъ къ слушателямъ Института. Онъ напомнилъ имъ, что вотъ уже тринадцать лѣтъ, какъ онъ оставилъ кафедру, а теперь снова вступаетъ на нее, уступая просьбѣ уважаемаго директора, и съ радостью видитъ, какъ молодежь посвящаетъ себя всестороннему изученію старины. При этомъ маститый археологъ какъ бы извинялся, что предметъ, которымъ онъ хочетъ занять слушателей, самъ по себѣ не только скученъ, но и утомителенъ, ибо, съ одной стороны, онъ переноситъ насъ въ годы дѣтскаго обученія, а съ другой требуетъ упорныхъ и терпѣливыхъ изысканій; а между тѣмъ безъ знанія древняго счета нельзя понять многихъ явленій въ древнемъ быту, особенно въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ. Но опасеніе Павла Ивановича не оправдалось: его простой, безыскусственный рассказъ о томъ, какъ постепенно измѣнялись способы изображенія чиселъ, начиная чертами и рѣзами черноризца Храбра, проходя чрезъ бирки и знамена и кончая буквами и цифрами, какъ производились ариѳметическія дѣйствія надъ простыми и именованными числами, — этотъ рассказъ представлялъ собою прекрасную страницу изъ исторіи цивилизаціи народа. Выикая во всѣ трудности, съ которыми сопряжено было въ старину изученіе счетнаго дѣла, легко было понять, почему это для насъ нехитрое дѣло считалось тогда *мудростью* *).

4. Засѣданіе 6 марта 1879 г.

Въ этотъ вечеръ читали П. Н. Петровъ и Д. М. Мейчикъ. Предметами чтенія были: перваго—Новгородская аристократія при князьяхъ Рюрикова дома, историческое ея значеніе, приемы открытія древнихъ родовъ по лѣтописямъ. Примѣръ—родъ Радши. Основная мысль чтенія состояла въ томъ, что съ первыхъ вѣковъ государственнаго существованія Россіи въ Новгородѣ господствовала сильная аристократія, которая занимала всегда высшія государственныя должности. Въ подтвержденіе

*) Чтеніе это должно войти въ одно изъ изданій общества любителей древней письменности. См. ниже стр. 54.

этой мысли г. Петровъ остановился на родѣ Радша и старался отыскать его потомство по лѣтописямъ, при чемъ высказано было предположеніе, что представители знаменитыхъ новгородскихъ фамилій, переходя на службу къ Московскому царю, скрывали свое происхожденіе, выдавая себя за выходцевъ то изъ Варягъ и Пруссъ, то изъ Чернигова.

Докладъ г. Мейчика: «Слѣды древнѣйшаго порядка судопроизводства въ Уложеніи царя Алексея Михайловича» имѣлъ своею цѣлью выяснить значеніе древнѣйшихъ способовъ правоохраненія посредствомъ сличенія однородныхъ постановленій Русской Правды и Уложенія 1649 г. Переходя постепенно отъ формъ простѣйшихъ къ болѣе сложнымъ, докладчикъ развилъ слѣдующія основныя положенія. Уже въ первыхъ памятникахъ русскаго законодательства мечь и самоуправство допускаются преимущественно какъ способъ непосредственнаго отраженія беззаконнаго насилія; а въ сознаніи народа, насколько оно отпечатлѣлось на древнѣйшихъ памятникахъ отечественной словесности, мечь и самоуправство ясно и отчетливо отдѣлялись отъ самовольства и беззаконія. Личная расправа потерпѣвшаго должна опираться на явные и несомнѣнные признаки причиненной ему *обиды*, т. е. вреда, соединеннаго съ *злымъ умысломъ*. Будучи правомѣрнымъ способомъ воздаянія за *злодѣяніе*, мечь не можетъ оставаться втайнѣ; она нуждается въ *гласности*, и на обязанности мстителя лежитъ немедленное *заявленіе* о совершенномъ имъ актѣ правосудія. При такихъ условіяхъ мечь является въ видѣ *законной самопомощи*, вызываемой столько же необходимостью, сколько и убѣжденіемъ, что носитель права въ тоже время есть ближайшій охранитель его. Но начало самопомощи само по себѣ недостаточно для обезпеченія мирнаго общежитія, настоятельно требующаго *взаимпомощи*. Въ силу послѣдняго начала, всякій членъ общественнаго союза обязанъ приходить на помощь по зову обиженнаго и участвовать въ преслѣдованіи и розысканіи преступника. Безучастіе къ судьбѣ страждущихъ влечетъ за собою гражданскія и уголовныя послѣдствія. Къ этой цѣли направлены постановленія Русской Правды о погонѣ за ворами и разбойниками, о хожденіи по *слѣдамъ*, о розысканіи вора по признакамъ (знаменамъ), оставленнымъ на мѣстѣ преступленія, по положенію *убитой головы (дикая вира)*. Во всѣхъ этихъ обычаяхъ и обрядахъ замѣтно разумное сочетаніе обоихъ элементовъ: личнаго и общественнаго. Если обиженный въ правѣ требовать отъ другихъ содѣйствія въ защитѣ и возстановленіи его нарушеннаго права, то, съ другой стороны, онъ обязанъ представить осязательныя и очевидныя доказательства совершеннаго преступленія. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей были необычайная быстрота и сила преслѣдованія, всякое же упущеніе со стороны потер-

пѣвшаго ухудшало его положеніе не только въ процессуальномъ, но и матерьяльномъ отношеніи. Если преступленіе такого свойства, что оно не оставляетъ по себѣ видимыхъ слѣдовъ, обиженный все таки обязанъ огласить его посредствомъ *заклича* или *заповѣди* на торгу. Несоблюденіе этого обряда опять сопровождается для пострадавшаго болѣе или менѣе чувствительными невыгодами. Значеніе заклича выясняется частью изъ постановленій Русской Правды о *сводѣ*, частью изъ ученія ея о вліяніи *вѣднїя* и *невѣднїя* на права и обязанности отвѣтчиковъ по искамъ объ утраченныхъ или украденныхъ вещахъ, приобретенныхъ ими куплею.

5. Засѣданіе 14 апрѣля 1879 г.

Въ этомъ засѣданіи сдѣланы были сообщенія: Т. В. Кибальчицемъ — о русалкахъ, и Д. И. Прозоровскимъ — о предметѣ метрологіи, какъ особой отрасли положительнаго знанія, отношеніи ея къ народному быту и международномъ ея значеніи.

Т. В. Кибальчиць, исходя изъ существующихъ въ наукѣ воззрѣній по вопросу о русалкахъ, дополнилъ ихъ новыми данными, почерпнутыми имъ изъ устъ народа во время его археологическихъ и этнографическихъ поѣздокъ по Малороссіи.

Чтеніе Д. И. Прозоровскаго имѣло характеръ введенія въ совершенно необработанное еще ученіе — о древне-русскихъ мѣрахъ и вѣсахъ. Сущность этого чтенія заключается въ слѣдующемъ. Ходячее понятіе о метрологіи, какъ о справочной книгѣ, въ которой показаны различныя единицы мѣръ и вѣсовъ, не соответствуетъ истинному ея значенію, какъ особой отрасли знанія, объясняющей причины возникновенія мѣръ, ихъ развитіе, отношеніе ихъ къ общественному быту и международное ихъ значеніе. Основанія ея кроются въ свойствахъ тѣлъ и потребностяхъ общезитія. Первичныя единицы измѣренія (тяжести, протяженія, объема) заимствованы были изъ міра естественнаго (*горсть*, *локоть*, *охабка*, и т. п.) и какъ таковыя не могли отличаться единообразіемъ, но съ усложненіемъ человѣческихъ потребностей и изощреніемъ ума первичныя единицы получили большую опредѣленность и точность. Со внесеніемъ въ нихъ математическаго элемента явилась возможность одновременнаго измѣренія различныхъ свойствъ и качествъ предметовъ, т. е. *оцѣнки* ихъ по степени годности, размѣру производства, условіямъ ихъ доставки и т. п. Средствомъ для оцѣнки послужило вещество, способное выражать всѣ означенныя условія въ совокупности (серебро или золото). Вещество это, первоначально представлявшее цѣнность предмета въ видѣ вѣсовыхъ частицъ, впоследствии приняло ту форму, въ которой мы называемъ эти

частицы монетами. Древнѣйшія единицы мѣры и вѣса находятся въ библии (еврейскія названія: *сета, невель, инъ, юморъ* и т. д., греческія: *драхма, дирдрама, мина, талантъ* и пр.). Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для опредѣленія древнихъ единицъ и особенно вѣсовыхъ служить Іосифъ Флавій. Далѣе разсмотрѣны были метрологическія системы грековъ и римлянъ и распространеніе ихъ по разнымъ странамъ. Воспринятая народами Запада, система греко-римская съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ различныхъ политическихъ и гражданскихъ условий, подверглась многообразнымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе чего одна и таже единица въ различныхъ странахъ имѣетъ теперь различный размѣръ. А какъ вліяніе римлянъ достигало и до племенъ славянскихъ, то многія единицы греко-римской метрической системы усвоены были и ими, а въ томъ числѣ и Русью.

6. Засѣданіе 23 апрѣля 1879 г.

На это засѣданіе назначены были къ слушанію чтенія: П. Н. Петрова—«Заботы Императрицы Екатерины II о распространеніи въ Россіи историческихъ знаній», и А. А. Тугана-Барановскаго—«древнее русское оружіе».

Поводомъ къ чтенію г. Петрова послужило исполнившееся 21 апрѣля столѣтіе рожденія великой государни. Въ этомъ очеркѣ обращено было вниманіе какъ на собственные труды императрицы по части отечественной исторіи, такъ и на плоды ея просвѣщенныхъ заботъ о насажденіи въ Россіи историческихъ знаній. «Записки» Екатерины II если и не удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ новѣйшей науки, то все таки важны по тѣмъ матерьяламъ, которые находились у нея въ рукахъ и которые для другихъ остались неизвѣстными. Еще важнѣе было пробужденіе народнаго самопознанія, вызванное съ ея стороны поощреніемъ историческихъ занятій. Въ ея царствованіе положено прочное начало блестящимъ успѣхамъ новѣйшей русской исторіографіи. При ней появилась въ печати «Исторія» Татищева, которая до того ходила по рукамъ лишь въ дорого стоящихъ спискахъ. Академія Наукъ издала нѣсколько списковъ лѣтописей. Частные издатели, во главѣ коихъ стоитъ Новиковъ, также усердно собирали и печатали историческіе матеріалы. Архивы перестали служить закрытыми кладовыми: подъ руководствомъ Миллера подготовлялось молодое поколѣніе русскихъ археографовъ, которые съ честью продолжали дѣло учителя. Учено-критическіе приемы Шлецера также не прошли безслѣдно: самъ онъ издалъ «Русскую Правду» по Татищевскому списку, а переводчикъ

Академіи Башиловъ приложилъ его правила къ изданію Судебника. Рядомъ съ обнародованіемъ сырыхъ матерьяловъ и источниковъ шла учено-литературная обработка древней исторіи (кн. Щербатовъ, Болгитинъ, Хилковъ, Эминъ и т. д.). Отсюда ведетъ начало то повѣйшее направленіе русской исторіографіи, которое ищетъ основанія государства въ славянорусскомъ элементѣ, въ противоположность нѣмецкой школы, утвердившей теорію норманизма. Въ это же время появились цѣнные, къ сожалѣнію, ненапечатанныя попытки въ области русской генеалогіи. Вѣнцомъ всѣхъ этихъ подготовительныхъ трудовъ должно считать твореніе Карамзина, хотя оно появилось только при Александрѣ I.

Чтеніе А. А. Тугана-Барановскаго посвящено было обзору одной только части древняго оружія, именно холоднаго. Это послѣднее, въ свою очередь, подраздѣлено на два рода: наступательное и оборонительное. Не заходя въ глубь доисторическихъ временъ, докладчикъ остановился только на тѣхъ видахъ оружія, о которыхъ сохранились свѣдѣнія въ памятникахъ историческихъ, въ народныхъ пѣсняхъ и былинахъ, повѣрьяхъ и заговорахъ. Значительное мѣсто отведено было описанію тѣхъ древнихъ образцовъ оружія, которыя находятся въ Петербургскихъ и Московскихъ музеяхъ, а также у частныхъ любителей. Въ описаніи каждаго вида оружія сообщались свѣдѣнія о его существенныхъ и придаточныхъ частяхъ (орнаментѣ), устройствѣ и употребленіи, а также о мѣстахъ его производства и различныхъ усовершенствованіяхъ, которыя были вводимы въ него постепенно.

7. Засѣданіе 7 мая 1879 г.

Въ этомъ засѣданіи Д. М. Мейчикъ прочиталъ рефератъ: «Матеріалы для исторіи бывшей Московской Новомѣщанской слободы», а профессоръ П. И. Савваитовъ представилъ «очеркъ древнихъ русскихъ цѣнностей, вѣсовъ и мѣръ и ихъ взаимнаго отношенія».

Сообщеніе г. Мейчика (см. ниже прилож. I) вызвало оживленную бесѣду, вслѣдствіе возбужденнаго докладчикомъ вопроса, какое значеніе должно приписать формулѣ: «*Государь указалъ*» въ большей части разсмотрѣнныхъ имъ памятней стрѣльцкому полуголовѣ И. Рыкачову. Затрудняясь самъ рѣшеніемъ вопроса, докладчикъ обратился къ присутствовавшимъ въ засѣданіи знатокамъ древняго права съ просьбою разъяснить ему истинный смыслъ выраженія и при этомъ поставилъ на видъ указъ 23 февраля 1677 г. (Полн. Собр. Зак. II, № 677), коимъ Разряду велѣно во всѣ приказы, гдѣ засѣдаютъ *думные люди*, писать *указами*, а не *памятьми*. Присутствовавшій въ засѣданіи профессоръ

университета Св. Владиміра А. О. Кистяковскій посовѣтоваль г. Мейчику заняться обстоятельнымъ изслѣдованіемъ вопроса о томъ, съ какого времени выраженіе: «по Государеву указу» перестало означать личное порученіе, данное верховною властью извѣстному лицу на опредѣленный только случай, и получило значеніе общаго полномочія на отправленіе извѣстныхъ государственныхъ функцій по дѣламъ извѣстнаго рода. П. Н. Петровъ, имѣя въ виду близкія отношенія боярина Матвѣева къ царю Алексѣю Михайловичу, высказалъ предположеніе, что всѣ хотя бы маловажныя дѣла могли дѣйствительно восходить чрезъ него на докладъ къ государю и получать разрѣшеніе въ формѣ именныхъ указовъ. Наконецъ, почетный членъ Института, сенаторъ Н. Н. Селифонтовъ замѣтилъ, что, насколько онъ можетъ припомнить изъ бывшихъ у него въ рукахъ старинныхъ актовъ, выраженіе: «государь указалъ» часто употреблялось вмѣсто нынѣшнихъ ссылокъ на опредѣленные статьи свода законовъ. Это послѣднее замѣчаніе г. Мейчикъ призналъ наиболѣе удовлетворительнымъ, ибо и ему попадались акты, въ которыхъ объясненіе достоуважаемаго почетнаго члена казалось ему наиболѣе подходящимъ.

Профессоръ П. И. Саввантовъ въ сжатомъ очеркѣ обозрѣлъ древнюю монетную систему (*кунную* и *денежную*), при чемъ коснулся спорныхъ вопросовъ о происхожденіи и значеніи отдѣльныхъ единицъ цѣнностей (*гривна кунъ, серебра, золота, рязана, бѣлка, ногата* и т. п.; *денга, алтынъ, рубль*), затѣмъ объяснилъ счеты вѣсчій и помѣрный, а также сошное письмо и сошную кладь, наконецъ способы переложенія единицъ вѣсчаго и помѣрнаго счета на денежную кладь, или на единицы цѣнностей, равно какъ переложенія мѣръ на вѣсъ и наоборотъ (*).

8. Засѣданіе 10 октября 1879 г.

По случаю пріѣзда въ Петербургъ сказителя былинъ, крестьянина Олонецкой губерніи В. П. Щеголенка (**), Н. В. Калачовъ призналъ полезнымъ назначить особое засѣданіе, въ которомъ слушатели Института,

(*) Это чтеніе профессора П. И. Саввантова, а также чтеніе его 3 марта, будутъ напечатаны во временномъ изданіи Общества любителей древней письменности. Въ прошломъ 1879 г. тоже Общество издало «счетную мудрость» съ введеніемъ нашего профессора.

(**) Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ изданіи „Онежскія Былины, записанныя А. О. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 г.“, вышедшемъ въ свѣтъ уже послѣ его смерти (Спб. 1873 г.), стр. 635—636.

равно какъ сторонніе любители старины, могли бы составить себѣ отчетливое понятіе объ особенностяхъ *сказительства*, этого своеобразнаго явленія сѣвернорусскаго народнаго быта. А для того, чтобы слушаніе былинъ было вполне сознательно, директоръ Института предложилъ профессору университета О. Э. Миллеру прочесть публичную лекцію о значеніи былинъ и ихъ *сказителей*. Для предварительнаго знакомства со сказителемъ, онъ былъ приглашенъ 10 октября, въ часъ по полудни, въ засѣданіе, на которомъ присутствовали одни слушатели Института подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачова, при участіи нашего извѣстнаго историка Н. И. Костомарова. В. П. Щеголенокъ сообщилъ здѣсь нѣкоторые свѣдѣнія какъ о собственной жизни, такъ и о житьѣ-бытьѣ родной деревни. Хотя рѣчь его была довольно монотонна и переходила въ скороговорку, тѣмъ не менѣе по всему видно было, что это опытный и искусный рассказчикъ, котораго можно заслушаться. Изъ былинъ имъ сказаны были: Илья Муромецъ, Садко — богатый гость и Василій Буслаевичъ. Нѣкоторые слушатели Института записывали за нимъ текстъ, а другіе старались уловить пѣсенный ладъ, чтобы переложить его на ноты. — Вечернее засѣданіе отличалось многолюдствомъ. Въ началѣ его директоръ Института, объявивъ о предметахъ занятій, сказалъ нѣсколько словъ объ отношеніи ихъ къ археологіи и затѣмъ предоставилъ слово профессору О. Э. Миллеру, который въ сжатомъ очеркѣ обозрѣлъ историко-географическое распространеніе былинъ и способы ихъ сохраненія въ памяти народа. Изложеніе даровитаго профессора было покрыто громкими рукоплесканіями. — В. П. Щеголенокъ сказалъ былинныя объ Ильѣ Муромцѣ и Василю Буслаевичѣ (см. приложеніе II) (*).

9. Засѣданіе 8 декабря 1879 г.

Открывая это засѣданіе, Н. В. Калачовъ заявилъ, что въ виду важнаго значенія, какое представляютъ для изученія первобытнаго человека въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи сдѣланныя въ самое послѣднее время находки предметовъ каменнаго періода съ одной стороны на берегахъ Ладожскаго озера и на новомъ Сясьскомъ каналѣ, откуда профессоръ А. А. Иностранцевъ съ своими слушателями привезли огромныя коллекціи въ С.-Петербургскій Университетъ, которыя въ настоящее

(*) Два, прилагаемая при семъ (см. прилож. III), напѣва В. П. Щеголенка, именно былинныя: «Грозный царь Иванъ Васильевичъ» и пѣсни «Птицы» записаны М. А. Балакиревымъ и Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ и доставлены Н. В. Калачову В. В. Стасовымъ.

время тщательно приводятся въ порядокъ и о которыхъ конечно даровитый профессоръ не преминетъ сообщить на предстоящемъ 6-мъ сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей, а съ другой стороны — Т. В. Кибальчицемъ на берегахъ Днѣпра, онъ призналъ полезнымъ посвятить настоящее засѣданіе сообщеніямъ Т. В. Кибальчица о предметахъ каменнаго періода, найденныхъ имъ въ Кіевѣ и въ ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ, и почетнаго члена В. А. Прохорова «о раскопкѣ кургановъ въ Валдайскомъ уѣздѣ, произведенной имъ вмѣстѣ съ княземъ П. А. Путятинымъ». Оба эти реферата были прослушаны съ живѣйшимъ интересомъ со стороны публики и возбудили разные вопросы относительно предметовъ, которые были выставлены при самой кафедрѣ. — Въ заключеніе П. Г. Даниловъ прочиталъ статью: «о раскопкахъ, произведенныхъ слушателями Института въ уѣздахъ Гдовскомъ и Валдайскомъ» (*).

10. Засѣданіе 20 декабря 1879 г.

Утромъ этого дня директоръ Института, окончивая свои чтенія по юридическимъ древностямъ для слушателей перваго выпуска, напутствовалъ ихъ задушевнымъ словомъ и выразилъ желаніе, чтобы, выходя изъ Института, питомцы его не прерывали съ нимъ тѣсныхъ научныхъ и нравственныхъ связей и ревностно служили русской наукѣ, а чрезъ нее и русскому народу, который, благодаря ихъ любви къ отечественнымъ древностямъ и изслѣдованіямъ ихъ въ предѣлахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ придется жить и работать выходящимъ изъ Института археологамъ, невольно и самъ проникнется сознательною любовью къ дѣйствительно дорогимъ завѣтамъ родной страны, составляющимъ крѣпкую основу здраваго общественнаго развитія. Этотъ патріотическій призывъ наставника нашелъ живой откликъ въ сердцахъ глубоко сочувствующихъ ему учениковъ, которые и выразили полную готовность слѣдовать указанному направленію въ предстоящихъ имъ работахъ.

Въ вечернемъ засѣданіи того же дня профессоръ Н. В. Покровскій прочиталъ заключительную лекцію: «Предметъ и задача науки о христіанскихъ древностяхъ»; почетный членъ П. Г. Черкасовъ сдѣлалъ сообщеніе: «О свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи», а Д. М. Мейчикъ доложилъ: «Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 г.»

Открывая засѣданіе, директоръ Института объяснилъ собранію значеніе предстоящихъ чтеній: лекція профессора Покровскаго — итогъ двухъ

(*) Все три чтенія напечатаны въ настоящей книгѣ. См. отдѣл. I, стр. 41.

лѣтнихъ его чтеній въ Институтѣ по церковнымъ древностямъ; вопросъ о свайныхъ постройкахъ и причинахъ, побуждавшихъ первобытнаго чело-вѣка къ подобнаго рода сооруженіямъ, прекрасно разработанный на Западѣ, у насъ еще почти не тронутъ, а между тѣмъ въ послѣднее время такія постройки стали находить и у насъ, наприм. на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ, вслѣдствіе чего предметъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія и со стороны русскихъ археологовъ; наконецъ опытъ г. Мейчика, основанный на архивныхъ матерьялахъ, заключаетъ въ себѣ новыя данныя и выводы, которые значительно разнятся съ взглядами, высказанными въ послѣднее время Казанскимъ профессоромъ Загоскинымъ въ его замѣчательной актовъ рѣчи: «Уложеніе великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и земскій соборъ 1648—1649 гг.».

Профессоръ Н. В. Покровский въ своей лекціи выставилъ слѣдующія основныя положенія:

1) Важность изученія христіанскихъ древностей доказывается несо-мнѣннымъ вліяніемъ христіанства на бытъ древнерусскаго чело-вѣка.

2) Понятіе «Христіанскихъ древностей» въ смыслѣ науки можно ограничить исторію религіознаго (церковнаго) искусства въ Россіи.

3) Въ составъ этой науки прежде всего входятъ: а) церковная архи-тектура, б) иконографія, в) исторія церковныхъ одеждъ, г) сосудовъ и д) церковной музыки.

4) Наиболѣе цѣлесообразная постановка изслѣдованія этихъ предме-товъ въ курсѣ публичныхъ чтеній выясняется примѣрно рядомъ вопро-совъ, заимствованныхъ изъ двухъ важнѣйшихъ областей: исторіи христі-анскаго храма и иконописи.

А. Церковная архитектура.

а) Первоначальное возникновеніе формы христіанскаго храма: *oikos* и *basilica*, какъ его прототипы. Греческое происхожденіе этой формы.

б) Базилика IV-го и слѣд. вѣковъ.

в) Византійская архитектура: ея происхожденіе, формы и значеніе въ общей исторіи архитектуры.

г) Вліяніе Византійской архитектуры на русскую.

д) Архитектура Кіевская.

е) Новгородская.

ж) Суздальская.

з) Московская.

и) Ихъ взаимоотношеніе и исторія.

В. Иконографія.

- а) Возникновение христіанской иконографіи и ея отношеніе къ античной живописи.
- б) Символическій періодъ христіанской иконографіи.
- в) Періодъ исторической иконографіи: характеристика ея со стороны технической и предметной.
- г) Византійская иконографія: ея блестящій періодъ и періодъ упадка.
- д) Обособленіе и характеръ западной религіозной живописи со времени Чимабуэ и Джотто.
- е) Перенесеніе византійской иконографіи въ Россію.
- ж) Русская иконографія отъ X до XVIII в.

5) Задача изслѣдованій въ этой области заключается въ опредѣленіи прототиповъ явленій христіанскаго искусства, группировкѣ отдѣльныхъ явленій на основаніи общихъ типическихъ признаковъ и въ ихъ указаніи.

Чтеніе Н. В. Покровскаго было встрѣчено живѣйшимъ одобреніемъ публики и возбудило рядъ замѣчаній со стороны В. А. Прохорова—относительно Византійскаго искусства и архитектора Н. В. Султанова—относительно своеобразности Московской церковной архитектуры въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Баронъ П. Г. Черкасовъ представилъ обзоръ главнѣйшихъ мѣстностей Швейцаріи, въ которыхъ доселѣ открыты свайныя постройки, описалъ способы ихъ сооруженія, исчислилъ важнѣйшіе изъ найденныхъ тамъ предметовъ и утварей, употреблявшихся въ обиходѣ первобытныхъ обитателей Швейцаріи, также остатковъ человѣка и животныхъ, которыми опредѣляется приблизительная древность различныхъ построекъ и остановился на недавно найденныхъ слѣдахъ бывшихъ свайныхъ построекъ въ другихъ государствахъ.

По поводу сообщенія барономъ Черкасовымъ о томъ, что въ одномъ изъ свайныхъ поселеній на Женевскомъ озерѣ открыли на довольно значительной глубинѣ лодку, лежавшую на днѣ озера, было замѣчено г. Башмаковымъ, что въ его бытность въ Швейцаріи въ прошедшемъ году подобная лодка, переломленная надвое, была поднята со дна означеннаго озера.

Д. М. Мейчикъ, предпославъ своему реферату краткое введеніе о прежнихъ трудахъ по Уложенію, въ заключеніе заявилъ, что онъ, по долгу совѣсти и по единодушному желанію своихъ товарищей, осмѣливается публично оцѣнить то нравственное и матеріальное содѣйствіе, которымъ слушатели Института пользовались въ своихъ работахъ какъ со стороны директора, такъ и всѣхъ профессоровъ. Вспоминая съ чувствомъ глубокой признательности о тѣхъ сердечныхъ, чисто дружескихъ отношеніяхъ, какія господствовали въ теченіе всего курса между стар-

шими и младшими членами новаго учрежденія, г. Мейчикъ отъ лица всѣхъ своихъ товарищей принесъ искреннюю благодарность Н. В. Калачову и его усерднымъ сотрудникамъ. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе, встрѣченное всеобщимъ одобреніемъ, Н. В. Калачовъ нашелъ долгомъ выразить съ своей стороны, что труды первыхъ слушателей Археологическаго Института превзошли его ожиданія и служатъ ему лучшею наградою за его заботы и старанія о первоначальномъ устройствѣ и дальнѣйшемъ процвѣтаніи этого учрежденія. Слѣдовавшее затѣмъ чтеніе г. Мейчика затянулось за полночь, такъ что его пришлось прервать въ срединѣ. Тѣмъ не менѣе по двумъ пунктамъ завязались оживленные пренія, именно по вопросу объ отношеніи смуты 1648 года къ изданію Уложенія и о состояніи законовѣдѣнія въ Россіи въ первую половину XVII в. Въ преніяхъ принимали участіе профессоръ И. Е. Андреевскій и П. Н. Петровъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

(Къ протоколу 7-го заеѣданія).

Матеріалы для исторіи бывшей Московской Новомѣщанской слободы.

Представляя отчетъ о рукописяхъ, доставленныхъ въ Институтъ княземъ П. А. Путятинимъ, считаю долгомъ остановиться прежде всего на его дѣятельности, какъ одного изъ самыхъ ревностныхъ собирателей отечественныхъ древностей. Притомъ памятники старины собираются имъ не для личнаго только удовольствія и изученія, но для всѣхъ, кого занимаютъ минувшія судьбы отечества, будь то ученый профессоръ или безграмотный крестьянинъ. Живя постоянно въ деревнѣ и видя насущную потребность народа въ историческихъ знаніяхъ, кн. Путятинъ устроилъ у себя въ селѣ Бологомъ историческій музей, заключающій въ себѣ преимущественно памятники Новгородской старины, съ безплатнымъ входомъ для всякаго желающаго. Лѣтомъ 1878 г., когда князь Павелъ Арсентьевичъ впервые узналъ о существованіи Института и о предпринятомъ слушателями его новомъ изданіи Уложенія царя Алексѣя Михайловича, онъ передалъ одному изъ нашихъ товарищей А. Н. Виноградову нѣсколько сводныхъ Уложеній и рукописныхъ новоуказныхъ статей, между которыми Н. В. Калачовъ нашелъ много новаго и любопытнаго. Прошло же зимою князь Путятинъ самъ прибылъ въ Петербургъ и привезъ съ собою еще значительное количество рукописей разнообразнаго содержанія. Между ними оказалось нѣсколько судебно-прави-

тельствующих распоряжений, а равно частных сдѣлокъ и писемъ, относящихся ко второй половинѣ XVII вѣка. Достаточно было самаго благо осмотра этихъ рукописей, чтобы убѣдиться въ немалой ихъ историко-юридической важности. Когда я сообщилъ объ этомъ владѣльцу ихъ, то онъ охотно предоставилъ мнѣ воспользоваться ими, какъ матерьяломъ для вечернихъ бесѣдъ.

Въ нынѣшнемъ засѣданіи я остановлюсь только на актахъ съ судебно-административнымъ содержаніемъ, хотя и между частными сдѣлками встрѣчается также не мало замѣчательнаго. По собственному заявленію кн. Путятина, тѣ и другія достались ему отъ недавно умершаго помѣщика Н. С. Рыкачова, у котораго они хранились какъ наслѣдіе отъ предковъ и свидѣтельство объ ихъ частной и общественной дѣятельности. Въ актахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, мы встрѣчаемся съ двумя представителями стариннаго служилаго рода Рыкачовыхъ. Иванъ Ѳедоровичъ Рыкачовъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, въ разрядныхъ книгахъ и спискахъ значится «дворяниномъ въ полуголовахъ стрѣлцкихъ» до 1680 г., когда онъ скончался. Сынъ его Матвѣй Рыкачовъ, какъ видно изъ наказа, даннаго ему изъ Сибирскаго Приказа (1696 г.), былъ воеводою въ Пелыми (*). О дѣятельности этого лица свидѣлствуетъ находящаяся въ упомянутомъ архивѣ боярская книга № 11. Въ ней на страницѣ 227 записано: «201 г. декабря 15 дня, по помѣтѣ на челобитной дьяка Перфилья Оловенникова, учиненъ ему окладъ вновь помѣстной 650 чети, денегъ 35 рублей; ему придачи за троицкій походъ 191 г. — 50 чети, денегъ пять рублей; для вѣчнаго мира съ польскимъ королемъ 194 г. — 200 чети, денегъ 20 руб., за службу крымскаго походу 195 г. — 100 чет., денегъ и за переходя за 50 чет. 17 руб. съ полтиною; за службу другаго крымскаго походу 197 г. — денегъ и за переходя за 180 чет. 29 рублей».

Обратимся теперь къ главному предмету нашего сообщенія — къ матерьяламъ для исторіи бывшей Новомѣщанской слободы. Они состоятъ

(*) По содержанію и по формѣ наказъ этотъ сходенъ съ другими современными ему наказами, разосланными по Сибирскимъ городамъ въ силу указа 1695 г. (Полн. Собр. Зак. III, № 1511). Онъ состоитъ изъ предисловія и 20-ти статей; надъ каждою статьею стоитъ славянскій числительный знакъ. Писанъ онъ столбцомъ на листкахъ и назадъ скрѣпленъ по склейкамъ рукою дьяка Аеоносія Парфенова. Предисловіе оторвано, за исключеніемъ послѣднихъ нѣсколькихъ словъ.

въ 21 памяти изъ разныхъ приказовъ Ивану Рыкачову. Всѣ онѣ писаны въ короткій промежутокъ времени отъ 19 марта 1674 до 25 ноября 1675 года, по обыкновенію, столбцами въ одинъ или нѣсколько листовъ. Въ началѣ каждой означается годъ, мѣсяцъ и число, за которыми слѣдуютъ обычные слова: «по государеву цареву и великаго князя Ал. Мих. указу память Ивану Рыкачову, а въ концѣ приписъ дьяка; на оборотѣ справа подьячаго. Впрочемъ на двухъ памятяхъ вмѣсто: *справилъ* стоитъ: *писалъ*, а на другихъ двухъ — нѣтъ никакой соотвѣтственной помѣты. Вышли онѣ всѣ изъ трехъ приказовъ, состоявшихъ въ управленіи боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, именно: Посольскаго (большая часть, такъ какъ Новая Слобода находилась подъ его вѣдомствомъ), Малороссійскаго и Аптекарскаго. Замѣчательно, что значительное число памятей, содержащихъ въ себѣ маловажныя судебныя рѣшенія, имѣютъ видъ не простыхъ приговоровъ, постановляемыхъ *по указу царя*, а прямыхъ царскихъ повелѣній, что выражается словами: *великій государь указалъ*. Чѣмъ это объяснить, не знаю.

Разсматриваемые акты вводятъ насъ въ частный и общественный бытъ новослободскихъ мѣщанъ, отчасти же и въ ихъ духовныя потребности. Правда, они не дозволяютъ намъ дѣлать обобщеній, но и тѣ частныя явленія, которыя въ нихъ отражаются, заслуживаютъ изученія. Вотъ почему при изложеніи ихъ содержанія мы не будемъ придерживаться какой-нибудь системы, а постараемся только передать суть дѣла; важныя же по чему либо мѣста мы будемъ приводить въ подлинныхъ выраженіяхъ памятей.

Первая по времени память (19 марта 1674 г.) содержитъ въ себѣ предписаніе Посольскаго приказа о допросѣ нѣсколькихъ свидѣтелей по дѣлу объ убійствѣ мѣщанина Гришки Андреева на крестинахъ у мѣщанина же Ильюшки Самойлова. Распоряженіе это вызвано памятью изъ Земскаго приказа, которому подвѣдомственны были татинныя и разбойныя дѣла, случающіяся въ городѣ Москвѣ. Допросъ свидѣтелей долженъ былъ выяснитъ: «они въ то число у того Ильюшки на крестинахъ были-ль и то убійство, какимъ обычаемъ учинилось, видѣли-ль?» Показанія свидѣтелей за ихъ подписью надлежало представить въ Посольскій приказъ. Въ этомъ дѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе какъ порядокъ допроса, такъ и способъ сношеній между правительственными учрежденіями. Не смотря на то, что преступленіе совершено въ самой Москвѣ, допросъ свидѣтелей производится не судьями Земскаго приказа, а стрѣлецкимъ полуголовою, который при томъ получаетъ предписаніе не прямо отъ Земскаго приказа, но чрезъ по-

средство Посольскаго, въ вѣдѣніи котораго вообще состояла Новомѣщанская слобода.

Отрывокъ изъ памяти 3 октября 1674 г. вводитъ насъ въ отношенія мірянъ къ духовенству. Изъ челобитной, поданной старостою и мѣщанами Новой слободы, видно, что «въ 1672 г. принятъ былъ у нихъ къ церкви Святыхъ мучениковъ Андріяна и Наталіи попу Иванъ Фокинъ и мѣсто ему, попу Ивану, дано было противъ мѣщанскихъ цѣльныхъ мѣсть, и онъ-де Иванъ, не излюбя того даннаго мѣста, взялъ себѣ по Большой улицѣ (слѣдуетъ испорченное мѣсто, въ которомъ опредѣлена мѣра участка по длинѣ и въ поперечникѣ), для многихъ прихотей и большаго строенія, а то-де церковное мѣсто ему, попу Ивану, дано не въ продажу, и въ церковь денегъ у него не взято, и книгъ, и никакой утвари и никакого строенья его, Иванова, къ той церкви нѣтъ, а строена та церковь великаго государя жалованьемъ и мірскимъ поданіемъ, а не его, Ивановымъ. И въ прошломъ де во 182 году волею Божіею его, Ивана, не стало, а послѣ его, Ивановы, смерти, съ тѣхъ мѣсть и по се число служатъ у той церкви наемные попы. И въ нынѣшнемъ де во 183-мъ году, сентября въ 23 день прислана изъ Посольскаго приказу къ тебѣ память, по ложному челобитью его, попа Ивановы, жены, вдовы Офимьи, а въ памяти написано, будто де мужъ ея»... Здѣсь дѣло прерывается. Оставляя въ сторонѣ нравственную подкладку дѣла, мы обратимъ лишь вниманіе на одну процессуальную подробность, которая рѣзко бросается въ глаза, не смотря на недоконченность дѣла. Послѣднія слова не оставляютъ сомнѣнія, что вдова священника неправильно жаловалась на общество и успѣла добиться благопріятнаго для себя рѣшенія безъ выслушанія отвѣтчика, который долженъ былъ доказывать свою правоту тогда лишь, когда противъ него постановленъ уже былъ судебный приговоръ. Фактъ тѣмъ болѣе поразительный, что отвѣтчикомъ явилась цѣлая Новомѣщанская слобода, расположенная близъ столицы.

27 ноября того же года, по просьбѣ Ивана Бараца объ отдачѣ ему въ оброкъ мѣста подъ торговыя бани, послана память о томъ: «въ Мѣщанской слободѣ порозжее мѣсто подлѣ плетня Троицкаго огорода, что къ убогому дому, позади мѣщанскихъ дворовъ и огородовъ, есть ли и сколько его въ длину и поперегъ мѣрою, и въ томъ мѣстѣ торговымъ банямъ быть мочно-ль».

По взаимному иску Ильи Чемисова на 2½ рубля, 16 декабря того же года велѣно: «отписать старостѣ съ мѣщанами у мѣщанина-жъ у Ганки Моисѣева животы, а отписать оцѣнить, а что тѣмъ животамъ его цѣна, и тому за старостиною рукою съ мѣщанами въ Посольскомъ при-

казѣ подать роспись». Въ этой памяти для насъ важно указаніе на то, кто производитъ опись и оцѣнку имущества, назначеннаго на удовлетвореніе кредитора. Къ этому же предмету относятся еще двѣ памяти, вызванныя однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Въ памяти отъ 31 января 1675 года написано: «въ прошломъ во 182 году обвиненъ по судному дѣлу Новомѣщанскіе слободы мѣщанинъ Аѳонка Ивановъ, боярина и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово человѣку его Ивану Бернову по заемной кабалѣ въ заемныхъ деньгахъ, а въ тѣхъ деньгахъ заложилъ онъ Аѳонка ему Ивану дворъ свой... и великій государь указалъ: «мѣщанина Аѳонки Иванова дворъ его въ Новомѣщанской слободѣ въ иску Ивану Бернова оцѣнить и по оцѣнкѣ тотъ дворъ продать Мѣщанскіе-жъ слободы жителямъ, а мимо мѣщанъ инымъ никому не продавать и хоромъ не свозить, чтобъ отъ того въ Мѣщанской слободѣ пустыхъ мѣсть не было (*). По памяти отъ 31 мая того же года можно видѣть, какой вредъ причиняло кредиторамъ изъ нетяглыхъ сословій запрещеніе приобрѣтать въ собственность заложенные имъ тяглые дворы. Кредиторъ жалуется: «онъ де Аѳонка (должникъ) тѣмъ закладнымъ дворомъ владѣеть напрасно многое время за указомъ великаго государя и, не проча себѣ, тотъ дворъ разоряетъ, гноитъ, поджигаетъ», и потому онъ проситъ, чтобъ великій государь велѣлъ «тотъ его Аѳонкинъ дворъ по закладной кабалѣ отдать ему Ивану безъ оцѣнки и продать повольною цѣною тое-жъ слободы тяглецомъ, кто будетъ купецъ». И великій государь указалъ — поступить по прежнему. Медленное взысканіе въ пользу греченина Юрья Ѳедорова присужденнаго ему долга съ одного изъ Новомѣщанскихъ слобожанъ вызвало двѣ памяти (отъ 13 сентября и 9 ноября), подтверждающія прежнее предписаніе Посольскаго приказа объ оцѣнкѣ и продажѣ тяглаго двора.

Въ числѣ разсматриваемыхъ памятней нѣкоторыя касаются кружечныхъ и таможенныхъ сборовъ; такъ въ памяти изъ Аптекарскаго приказа отъ 17 декабря 1674 г. прописанъ состоявшійся наканунѣ указъ такого содержанія: «въ Новомѣщанской слободѣ, что за Устрѣтенскими вороты, Землянымъ городомъ, водки, и вино, и пиво, и медъ продавать всякихъ чиновъ людямъ, а у той продажи быть вѣрнымъ цѣловалникомъ Новомѣщанскіе-жъ слободы тяглецомъ и построить кружечной дворъ, гдѣ пристойно, а по тѣхъ цѣловалникахъ, взявъ выборъ за ру-

(*) Настоящее рѣшеніе, не представляя по существу ничего замѣчательнаго, интересно лишь тѣмъ, что писано въ формѣ именнаго указа. Изъ послѣдующаго изложенія обнаружится, что случай этотъ не единственный.

ками, подать въ Аптекарскомъ приказѣ боярину Артемену Сергѣевичу Матвѣеву и дьякомъ»...

Памятью отъ 24 января 1675 г. объявляется указъ объ изыятіи Новомѣщанской слободы изъ вѣдомства Новой четверти по питейному дѣлу, причемъ головѣ кружечнаго двора предоставляется право на принятіе явокъ по винокурению.

31 марта 1675 г. послана память стрѣльцкому полуголовѣ съ предписаніемъ: «велѣти-бъ тебѣ выбрать... трехъ человекъ мѣщанъ добрыхъ, которые знали-бъ всякіе локотные и узорочные товары, и камене, алмазы, яхонты, изумруды и жемчуръ, быти имъ въ цѣловальникахъ у сбору великаго государя таможенныхъ пошлинъ въ таможи Пособьскаго приказу». 3 іюля послѣдовало распоряженіе: «выбрать ко 184 году Новомѣщанскіе слободы на новой кружечной дворъ изъ мѣщанъ голову ларешнаго и цѣловальниковъ»; 11-го же сентября велѣно произвести выборъ въ должности таможенныхъ цѣловальниковъ на смѣну прежнимъ.

Нѣсколько памятей касается проступковъ. Въ одвой изъ нихъ (отъ 27 января 1675 г.) сообщается, что «наканунѣ мѣщанинъ Василій Семеновъ ходилъ для покупки дровъ за Пречистинскія ворота, и въ Вѣломъ городѣ, не доходя Пречистинскихъ воротъ, нашли на него незнаемые люди и учали его бить, и онъ Васька, отбиваясь отъ нихъ, закричалъ *караулъ* и сказалъ за собою государево дѣло. И взяли стрѣльцы, привели его въ Стрѣлецкій приказъ и у роспросу государева дѣла онъ Васька никакого не сказалъ, и *великій государь указалъ*: «тому приводному мѣщанину Васькѣ Семенову, что онъ сказалъ его государево дѣло, а ничего не объявилъ, учинить наказанье — вмѣсто кнута бити батоги нещадно въ Новомѣщанской слободѣ при многихъ тое слободы его братьи мѣщанъ, чтобъ, на то смотря, впредь инымъ такъ неповадно было, и тотъ мѣщанинъ Васька Семеновъ изъ Пособьскаго приказу посланъ къ тебѣ съ приставомъ». Въ настоящемъ дѣлѣ представляется, очевидно, примѣръ смягченія наказанія, такъ какъ, по силѣ 14 ст. 2-й гл. Уложенія, тотъ, кто сказывалъ за собою государево дѣло или слово съ цѣлью избавленія отъ побоевъ или въ пьяномъ видѣ, подвергался наказанію кнута^{*)}.

*) Достоинно замѣчанія, что и низшія судебныя мѣста часто смягчали наказанія обвиненнымъ, хотя, сколько извѣстно, законами XVII вѣка такое право имъ прямо предоставлено не было. Въ видѣ примѣра приведу здѣсь выписку изъ приговора по обвиненію посадскихъ людей Андрея и Козьмы

Въ памяти отъ 6 октября 1675 г. прописывается царскій указъ о томъ, чтобы мѣщанина Данилу Иванова (задержаннаго въ пьяномъ видѣ въ четвертомъ часу ночи стрѣльцами Давыдова приказа Бранчѣева) изъ Посольскаго приказа отослать къ тебѣ въ Новомѣщанскую слободу и за пьянство учинить наказанье, бить батоги, чтобъ впредь онъ пьянствомъ никуда не приходилъ и не кричалъ».

Любопытиѣе, впрочемъ, память отъ 2 ноября, въ которой разсказывается, что «ноября въ 1-й день присланъ въ Посольскій приказъ изъ Стрѣлецкаго приказа мѣщанинъ Богдашка Яковлевъ для того, что онъ приходилъ на Козье Болото красть ночью сотника Московскихъ стрѣльцовъ Назара Зернова, а въ роспросѣ онъ, Богдашка, въ томъ заперся, и великій государь указалъ того мѣщанина Богдашку Яковлева отослать въ Мѣщанскую слободу, и учинить ему, Богдашкѣ, наказанье за то: для чего онъ ходилъ ночью на Козье Болото, и впредь ему по ночомъ на Козье Болото не ходить». Судя по приведеннымъ словамъ, можно думать, что собственно прямыхъ доказательствъ покушенія на воровство не было, а высказано было одно только подозрѣнiе, которое сочтено было достаточнымъ для того, чтобы задержаннаго подвергнуть наказанiю, а какому именно, въ памяти не сказано. Значить, дѣло было предоставлено усмотрѣнiю мѣстнаго начальства.

Въ смыслѣ правоописательномъ не лишена значенія и память отъ 25-го ноября того же года. Государь указалъ: «мѣщанина Ивашку Василева изъ Посольскаго приказа отослать въ Новомѣщанскую слободу,

Яценковыхъ съномъ боярскимъ Тобольскаго Софійскаго дома Козьмою Главиннымъ въ оскорбленіи святыни. Приговоръ этотъ заимствую изъ столбцовъ Сибирскаго приказа, находящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. „И по доѣзду, и по досмотру съскано, что ты (Козьма) на него Андрюшку и на брата его, Куску, затѣялъ ложно, и если-бъ по твоему воровскому (умыслу) и затѣялъ онъ Андрюшка и братъ его Куска были уличены, и они-бъ по указу великихъ государей и по соборному Уложенію были казнены смертію, а въ указѣ великихъ государей и въ соборномъ Уложеніи въ 22 гл. въ 13 ст. напечатано: которые воры чинятъ на многихъ людей своимъ воровскимъ умышленіемъ затѣяныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнити ихъ смертію. И стольникъ и воевода Илья Андреевичъ Змѣевъ, слушавъ, приговорилъ: за такое затѣяное дѣло вмѣсто смертнаго казни учинить тебѣ жестокое наказаніе, велѣлъ бить тебя кнутомъ на козлѣ нещадно, чтобъ тебѣ Козьмѣ впредь и инымъ такимъ такъ воровать и затѣяныя дѣла затѣвать воровски не повадно было, и велѣлъ тебѣ стольникъ Илья Андреевичъ Змѣевъ приговоръ сей сказать» (общій № 6903, частный № 858).

и за то, что онъ назывался ложно боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева человѣкомъ, учинить наказанье: бить батоги».

Память отъ 27 августа 1674 г. заключаетъ въ себѣ любопытное рѣшеніе по жалобѣ Новомѣщанской слободы на двухъ недавно записавшихся въ мѣщане человѣкъ, ударившихъ челомъ во дворъ стольнику Василью Яковлевицу Голохвастову. По этому дѣлу состоялся указъ такого содержания: «мѣщанину Малафѣйку Лукьянову жить по прежнему въ Мѣщанской слободѣ, а Максимку Вишеревскому жить во дворѣ стольника Василья Яковлева сына Голохвастова, потому что онъ женился во дворѣ у него на крѣпостной его дворовой дѣвкѣ, и далъ ему на себя служилую кабалу, — и поручную его записку, которая взята была по немъ въ житьѣ въ Мѣщанской слободѣ, ему Максимку выдать».

Для исторіи развитія книжной торговли въ Москвѣ не маловаженъ слѣдующій актъ:

«Въ нынѣшнемъ во 183 году апрѣля въ 19 день — говоритъ память отъ 21-го того же мѣсяца — по указу великаго государя приказалъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ роздать мѣщанамъ въ лавки сто двѣ книги кievскіе печати въ переплетѣ, которыя взяты въ Приказъ Малыя Россіи у нѣжинскаго протопопа Симеона Адамова Трубы, духовныя, цѣною тѣ книги по два съ половиною книга».

Память отъ 18 сентября 1675 г. касается откупнаго дѣла. Содержатели-откупщики аптекарской питейной палаты мѣщанинъ Илья Васильевъ съ товарищами — били челомъ государю на разныхъ мѣщанъ и торговыхъ людей, которые приходятъ къ той палатѣ и торгуютъ съѣстнымъ товаромъ, чѣмъ причиняютъ имъ убытки. Государь ихъ пожаловалъ: къ той палатѣ никому съ съѣстнымъ товаромъ приходить не велѣлъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ указъ 1 ноября того же года, коимъ повелѣно Ивану Рыкачову «переписать въ Новомѣщанской слободѣ, сколько святыхъ Божіихъ церквей и которыхъ святыхъ во имя построены, и кто имяны у тѣхъ церквей священники и церковные причетники, и по сколку сажень подъ тѣми церквами и церковныхъ причетниковъ подъ дворами земли, также мѣщанскихъ сколько дворовъ, и кто имяны во дворѣхъ живутъ, и сколько у кого дѣтей и съ котораго году въ той слободѣ кто живетъ, и отгуду кто взять, и поручныя жилия записки по нихъ есть ли, и подъ дворами у нихъ сколько у кого сажень земли длиннику и поперечнику, и сколько лавокъ и квасныхъ и сусленыхъ мѣсть и полковъ лавочныхъ, и яблочныхъ скамей, и учиня тому всему переписныя книги (между строю приписано «съ очисткою»), тебѣ Ивану за своею рукою подать въ Посольскомъ приказѣ».

II.

(Къ протоколу 8-го засѣданія)

Чтеніе профессора О. Э. Миллера.

Мм. гг. Не имѣя намѣренія распространяться подробно о русскомъ народномъ эпосѣ, свои взгляды на который я высказывалъ много разъ, какъ письменно, такъ и устно, я сдѣлаю теперь только нѣсколько руководящихъ замѣчаній о томъ, съ чѣмъ вамъ предстоитъ непосредственно ознакомиться, прослушавъ Олонецкаго сказителя В. П. Шеголенка.

Какъ народная поэзія вообще, такъ и важнѣйшій отдѣлъ въ ней — былины, представляются несомнѣнно предметомъ археологіи, сохраняя въ себѣ черты отдаленной древности. Народная память въ продолженіи долгихъ вѣковъ была, такъ сказать, единственнымъ архивомъ произведеній народного творчества, къ записыванію которыхъ приступлено было сравнительно недавно. Но не каждое изъ этихъ произведеній требуетъ особенно развитой памяти для своего сохраненія; такъ пѣсни бытовья, т. е. подблюдныя, хороводныя и т. д. уже по самому незначительному объему своему запоминаются весьма легко и потому доступны всей народной массѣ; но есть пѣсни, которыя въ народѣ являются не общимъ достояніемъ. Для нѣкоторыхъ произведеній народной словесности настаетъ пора, когда созданное первоначально общими же силами, хранится уже только извѣстнымъ разрядомъ людей въ народѣ, къ которымъ народъ и относится съ особымъ почтеніемъ, какъ къ преимущественнымъ хранителямъ завѣтной старины. Это примѣняется и къ произведеніямъ, называемымъ былинами; уже по самому объему своему онѣ не могутъ запоминаться всеми и въ цѣломъ своемъ составѣ: съ одной стороны онѣ сдѣлались достояніемъ извѣстнаго рода людей, людей по преимуществу одаренныхъ памятью — такъ называемыхъ сказителей; съ другой, и каждый изъ этихъ сказителей не удерживаетъ въ своей памяти всего круга былевыхъ сказаній, а только отдѣльные его эпизоды. Кругъ этотъ никогда, вѣроятно, не вмѣщался въ полномъ своемъ составѣ въ памяти отдѣльныхъ пѣвцовъ, но было, надобно думать, время, когда каждый поющій и слушающій былъ однако знакомъ съ существенными чертами цѣлаго и отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какое мѣсто занимали въ немъ каждая отдѣльная былина, каждый отдѣльный эпизодъ. Теперь эта полнота эпического сознанія уже утрачена. Самыя названія «былина», «старина», «дѣянье» указываютъ на то, что народъ видитъ въ этихъ пѣсняхъ былъ давно прошедшихъ

время, отпечатокъ дѣяній особаго могучаго поколѣнія людей, — богатырей, защитниковъ родины отъ враговъ.

Главнымъ мѣстомъ дѣйствія въ былинахъ является столичный Кіевъ-градъ, а лицомъ, около котораго группируются богатыри, «Солнышко Владиміръ столично-Кіевскій». Хотя былины въ настоящее время сохраняются на востокъ и сѣверъ, куда онѣ давно перешли и гдѣ значительно переработались, но и теперь въ нихъ еще ощутительна южно-русская основа. На это прежде всего указываютъ самыя имена и связь содержанія былинъ съ исторіей южной, Кіевской Руси. Даже самое слово «былина», какъ извѣстно, впервые встрѣчается въ южно-русскомъ «Словѣ о плѣку Игоревѣ». Но, съ другой стороны, мѣсто родины главнаго богатыря Ильи, — Муромъ отводитъ насъ съ юга на сѣверъ и востокъ, изъ Руси Кіевской въ Русь Суздальскую. Здѣсь сказались первыя попытки государственнаго объединенія, продолжавшіяся уже подъ властію татаръ, которая и была наконецъ сокрушена при помощи окончательнаго собранія Руси, совершившагося уже въ періодъ Московскій. Народный эпосъ постоянно свидѣтельствуетъ о единой, согласной и цѣльной «Матушкѣ Свято-Русь-землѣ» и, если мы теперь зовемъ большую часть нашихъ богатырей Кіевскими (для отличія отъ Новгородскихъ), то самъ эпосъ знаетъ лишь вообще «свято-русскихъ» могучихъ богатырей. Такимъ образомъ эпическія сказанія, зародившіяся въ Суздальской Руси, сливаются съ древнѣйшими сказаніями Руси Кіевской — съ сохраненіемъ древняго центра эпическаго въ лицѣ Владиміра Краснаго-солнышка. Замѣчательно, что всѣ усилія отыскать на югѣ, въ мѣстѣ родины Кіевскихъ былинъ, явственныя слѣды сказаній о Владимірѣ и его богатыряхъ, не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ; если тамъ знаютъ Илью Муромца, то уже какъ святаго, мощи котораго почиваютъ въ пещерахъ Кіевскихъ. Но немного болѣе сохранилось преданій и на мѣстѣ родины богатыря — въ Муромѣ, гдѣ должны были въ свое время процвѣтать эпическія сказанія объ немъ, слившіяся въ одно цѣлое со сказаньями Кіевскими. Вблизи Мурома въ селѣ Карачаровѣ существуютъ лишь прозаическіе рассказы о чудесномъ исцѣленіи Ильи, при чемъ указываютъ часовню, построенную на томъ мѣстѣ, гдѣ отъ скока его богатырскаго коня появился родникъ. Вотъ и все, что помнятъ здѣсь объ Ильѣ.

Южная, Кіевская Русь, позабывшая тѣ старорусскіе героическіе образы, которые первоначально сложились на ея почвѣ и очеловѣчились подъ вліяніемъ ея преданій, создала и развила взамѣнъ ихъ историческій эпосъ времени казачества, болѣе близкій къ дѣйствительной жизни. Сюда относятся «думы», произведенія позднѣйшаго творчества Украйны, воспѣвающія подвиги запорожцевъ въ борьбѣ съ Турками и Поляками.

Онъ-то и вытѣснили на югѣ былевой эпосъ (*). Перенесенный на востокъ, а потомъ на сѣверъ, онъ сдѣлался мало по малу исключительнымъ достояніемъ велико-русскаго народа. Оставаясь внѣ всякой непосредственной связи съ казачествомъ запорожскимъ, онъ, во время своихъ переселеній, получилъ до извѣстной степени отпечатокъ великорусской казацкой вольницы, постоянно обновлявшейся всестороннимъ приливомъ людей, недовольныхъ позднѣйшими государственными порядками. Недаромъ Илья Муромецъ величается «старымъ казакомъ». Занесенный наконецъ и на сѣверъ, эпосъ тутъ-то и удержался прочнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ великорусскій востокъ и сѣверъ, воспріявъ героическій эпосъ отъ руси южной (позднѣйшей Малороссіи), сумѣли провести его черезъ рядъ вѣковъ, наложивъ на него, конечно, не мало своихъ наслоеній, въ значительной степени осуровивъ, подъ множествомъ тяжкихъ впечатлѣній, его первенствующаго богатыря, но все-таки сохранивъ въ немъ существенныя черты челоуѣчности и любви къ свободѣ.

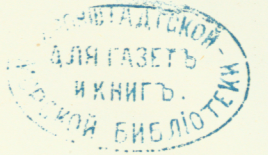
Большая часть извѣстныхъ до сихъ поръ былинъ записаны именно на сѣверѣ—въ той Олонецкой губерніи, откуда родомъ и В. П. Щеголевокъ. Она представила такую богатую жатву для изслѣдователей народной словесности благодаря случаю, который занесъ туда П. Н. Рыбникова, знакомаго съ Хомяковымъ и кружкомъ людей его возрѣвій. Это знакомство вѣроятно и заставило Рыбникова здраво взглянуть на народъ, какъ на живую, собирательную личность, одаренную глубокимъ смысломъ, глубокимъ нравственнымъ чутьемъ и высокимъ даромъ творчества. И вотъ плодомъ такихъ отношеній къ народу и явились 4 тома «Пѣсенъ, записанныхъ Рыбниковымъ». Это внезапно открывшіяся сокровища поразили всѣхъ на первыхъ же порахъ, иныхъ же привели въ недоумѣніе. Общая участь всѣхъ великихъ открытій, — что они рядомъ съ восторженными поклонниками вызываютъ и сомнѣвающихся, а потомъ уже наука, обезоруживъ послѣднихъ, приводитъ первыхъ — отъ первоначальнаго страстнаго взгляда на дѣло къ взгляду спокойно уста-

(*) Характерныя черты думъ указаны авторомъ въ его статьѣ: „Малорусскія думы и кобзарь Остапъ Вересай“ (Древняя и Новая Россія 1875 г. т. V). На Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ авторомъ прочитанъ былъ рефератъ о думахъ сравнительно съ былинами, напечатанный во II т. трудовъ съѣзда. Самое обстоятельное въ нашей литературѣ изслѣдованіе о характерѣ русскіхъ былинъ и богатырей, это сочиненіе того же автора: «Сравнительно-критическія наблюденія надъ словеснымъ составомъ народнаго русскаго эпоса». *Примѣч. редакціи.*

новившемуся и упрочившемуся. Рыбниковъ открылъ между прочимъ и совершенно до того неизвѣстныя былины, на что прежде существовали одни намеки, — старшіе богатыри явились у него въ видѣ цѣльныхъ эпическихъ образовъ. Но Рыбникову не всё повѣрили, его обвиняли (негласно, правда) въ присочинительствѣ. Академія Наукъ на первыхъ же порахъ озаботилась провѣркой его сборника, но это не положило предѣла скептицизму изъ-за угла. Честь окончательной провѣрки и доказательства подлинности записей Рыбникова, а равно и честь весьма значительнаго пополненія его эпическаго запаса новыми данными, принадлежитъ А. О. Гильфердингу. Онъ былъ, какъ извѣстно, изъ той учено-литературной среды, которая называется у насъ славянофилами. Въ Олонецкій край онъ поѣхалъ съ скромною цѣлью прослушать хоть кого-нибудь изъ тѣхъ сказителей, которыхъ открылъ Рыбниковъ. То, что нашолъ Гильфердингъ, превзошло его ожиданія, и вотъ въ два мѣсяца своего пребыванія въ краѣ онъ прослушалъ болѣе семидесяти пѣвцовъ и пѣвицъ и записалъ отъ нихъ болѣе трехсотъ былинъ. Къ сожалѣнію, въ слѣдующемъ 1872 году вторая предпринятая имъ поѣздка въ тотъ же край прервана была въ самомъ началѣ неожиданною катастрофою: онъ заразился тифомъ и 20 іюня его не стало. Дорогою цѣною достался нашей наукѣ изданный уже послѣ его смерти большой томъ «Онежскихъ былинъ» въ 1300 слишкомъ страницъ. Съ перваго взгляда былины представляются разрозненными, но, при внимательномъ чтеніи, между ними открывается внутренняя связь. Прежде всего выступаетъ дѣленіе на два совершенно отдѣльныхъ круга. Первый, кругъ былинъ Кіевскихъ, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ богатырей, происхожденія которыхъ отличаются внутреннею связью. Вторымъ, меньшимъ кругомъ — былины Новгородскія. Въ нихъ мѣсто дѣйствія сѣверъ Россіи — Новгородъ; богатырей всего два: Садко кузнецъ и Василій Буслаевъ; характеръ ихъ подвиговъ совершенно иной, чѣмъ у богатырей Кіевскихъ; къ тому же былины объ отдѣльныхъ Новгородскихъ богатыряхъ не представляютъ между собою связи, такъ что, собственно говоря, онѣ даже не образуютъ круга. Есть еще особыя былины — Московскія, но это уже эпосъ чисто историческій; таковы наприм. былины объ Иванѣ Грозномъ, Скопинѣ-Шуйскомъ, Самозванцѣ, Стенькѣ Разинѣ и т. д. — Теперешніе хранители народнаго творчества не всегда ясно сознаютъ связь каждаго эпизода съ цѣлымъ эпосомъ и то мѣсто, которое эпизодъ этотъ занимаетъ въ цѣломъ. Поэтому-то у нѣкоторыхъ пѣвцовъ личные эпизоды смѣшиваются, самыя черты отдѣльныхъ богатырскихъ характеровъ путаются. Народное творчество уже несомнѣнно вступило въ процессъ разложенія. Къ счастью все таки еще во-время успѣли записать и такимъ образомъ сохранить

былины. Разложеніе идетъ впередъ довольно быстро; это замѣтно по тѣмъ пѣвцамъ, которые пѣли передъ Гильфердингомъ уже значительно иначе, чѣмъ передъ Рыбниковымъ, а передъ нами, можетъ быть, пропоютъ опять значительно иначе, чѣмъ передъ Гильфердингомъ. Впрочемъ у хорошихъ пѣвцовъ и теперь варіаціи при разновременномъ пѣніи совсѣмъ незначительны (таковъ Рябининъ, бывшій въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ). Прежде всего должно оцѣнить пѣвца, обратить вниманіе на степень его умѣлости, о которой можно судить и по самому видимому состоянію его пѣсенъ — по тому, въ какой мѣрѣ выдерживается въ нихъ размѣръ, устойчивость котораго служитъ охраною для самаго содержанія. Богатырскій эпосъ начинаетъ уже вымирать. Пройдутъ два-три поколѣнія и слѣды его въ памяти народа окончательно поблѣднѣютъ.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Медленно. **Скорѣе.**

Гроз-ный Царь И-ванъ Ва-силье-вичъ Во-ца-рил-ся Гроз-ный Царь И-ванъ Ва-
силь-е-вичъ, Тог-да вов-сі-я-ло на не-бѣ сол-ныш-ко, Тог-да

ВАРИАНТЫ ПОСЛѢДУЮЩИХЪ СТИХОВЪ.

I.
II.
III.

I. Довольно скоро.

ПТИЦЫ. (*)

И ночь то при-детъ поиде по молоч-нымъ крын-камъ

II.
III.

*) Запѣвъ и первоначальные стихи не могли быть записаны по крайней неопредѣленности напѣва, а потому здѣсь записаны стихи изъ середины.

СОБРАНИЕ

ПРЕДМЕТОВЪ ДРЕВНОСТЕЙ

ВЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТЪ.

ОПИСЬ 1880 ГОДА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ОПИСЬ ПРЕДМЕТАМЪ КАМЕННАГО И БРОНЗОВАГО ВЪКА ВЪ МУЗЕИ ИНСТИТУТА,
СОСТАВЛЕННАЯ СЛУШАТЕЛЯМИ Е. М. ТИМАЕВЫМЪ И П. С. ЯКОВЛЕВЫМЪ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

1880.

СОБРАНИЕ

ПРЕДМЕТОВЪ ДРЕВНОСТЕЙ

ВЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ

ОГНЮ 1880 ГОДА

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

СОСТАВЛЕНА СЪБРАТЕМЪ К. М. ТЕРЪШИНЪМЪ И П. С. ИВАНОВИЧЪМЪ
ОГНЮ ПРЕСТАВЪ КАМЕННЫМЪ И ДРОБНЫМЪ ДѢЛАМЪ КИТАЙСКИМЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

1880

Опись предметамъ каменнаго и бронзоваго вѣка въ Музеѣ Археологическаго Института.

Въ отчетѣ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ за 1878 годъ академикомъ К. С. Веселовскимъ было высказано слѣдующее мнѣніе о значеніи остатковъ первобытной древности для русской науки (Зап. Акад. Наукъ Т. XXXIV, кн. 1, стр. 20): «Извѣстно что въ послѣднія десятилѣтія изъ всѣхъ наукъ наиболѣе расширились въ своемъ объемѣ антропология и въ связи съ нею этнологія и этнографія. Когда были найдены несомнѣнныя доказательства одновременнаго существованія человѣка со многими, нынѣ уже вымершими, животными; когда сохранившіеся въ пластахъ земли остатки дали возможность прослѣдить существованіе человѣка съ отдаленныхъ временъ,—кругозоръ антропологии необходимо расширился и повсюду было приступлено къ собиранію и изученію слѣдовъ и остатковъ доисторическаго человѣка. вмѣстѣ съ тѣмъ для объясненія этихъ остатковъ потребовалось болѣе подробное изученіе нынѣшнихъ племенъ и народовъ, какъ въ антропологическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніи. Словомъ, одновременно съ антропологіею оживились этнологія и этнографія. Во всѣхъ странахъ Европы, а равно и въ Америкѣ были основаны обширныя музеи, куда стекались отсюда драгоцѣнныя антропологическія и этнографическія матеріалы; вездѣ образовывались ученые общества, возникали изданія, специально посвященныя названнымъ наукамъ, и въ короткое время образовывалась по нимъ богатая литература. Даже въ такой странѣ, какъ Данія, нашлись средства для созданія особаго музея антропологии, ставшаго нынѣ однимъ изъ самыхъ важныхъ центровъ для ея разработки». «Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на Россію, на пространство ея занимаемое, на разнообразіе и многочисленность племенъ ее населяющихъ, то нельзя не признать, что она представляетъ обширное поле для антропологическихъ изслѣдованій. Судя по нѣсколькимъ случайнымъ

находкамъ и по результатамъ немногочисленныхъ раскопокъ, можно утверждать, что въ дилувіальныхъ пластахъ, въ особенности по берегамъ нашихъ многочисленныхъ рѣкъ и озеръ, кроется несмѣтное множество слѣдовъ и остатковъ доисторическаго человѣка и именно изъ древнѣйшаго, такъ называемаго каменнаго вѣка. О существованіи у насъ такихъ же памятниковъ бронзоваго вѣка, находимыхъ въ могилахъ и курганахъ, уже давно извѣстно изъ свидѣтельства какъ старинныхъ, такъ и новѣйшихъ путешественниковъ по Россіи. Что касается до этнографіи, то для нея Россія представляетъ не менѣе благодарную почву. Стоитъ только вспомнить о многочисленныхъ племенахъ Кавказа, Средней Азіи, Сибири и Амурскаго Края, изъ которыхъ каждое составляетъ еще задачу любопытную для этнографа. Отсюда видно, до какой степени велика у насъ потребность въ такомъ музеѣ, въ которомъ сосредоточивались бы всѣ матеріалы для ближайшаго изученія нашего отечества со стороны антропологіи и этнографіи....»

Приведенное мнѣніе непремѣннаго секретаря Академіи можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ необходимости и для Археологическаго Института имѣть въ своемъ музеѣ образцы орудій каменнаго и бронзоваго вѣка, преимущественно найденныхъ въ Россіи.

Нижеописанное собраніе представляетъ 239 предметовъ доисторической жизни; оно составилось главнымъ образомъ благодаря щедрому вкладу дѣйствительнаго члена С.-Петербур. и Москов. археологическихъ обществъ П. И. Лерха, удѣлившаго для Института свыше 200 оригиналовъ и копій, собранныхъ имъ въ теченіи его долговременной и плодотворной дѣятельности на поприщѣ доисторической археологіи. Затѣмъ въ собраніе вошли нѣкоторые дубликаты изъ коллекціи проф. Эйхвальда, находящейся нынѣ въ геологическомъ кабинетѣ С.-Петербургскаго Университета; далѣе собраніе наше пополнялось, и можно надѣяться будетъ пополняться, приношеніями г.г. почетныхъ членовъ, слушателей и всѣхъ сочувствующихъ дальнѣйшему развитію Археологическаго Института.

Главная цѣнность собранія заключается въ томъ обстоятельствѣ, что болѣе половины предметовъ составляютъ вещи, найденныя въ предѣлахъ Россіи: здѣсь имѣются каменные и бронзовые орудія (въ копіяхъ или оригиналахъ), полученныя изъ губерній: Олонецкой, Вологодской, Пермской, Вятской, Нижегородской, Казанской, Тверской, Владимірской, Ярославской, Вятской, Витебской, Лифляндской, Эстляндской, Курляндской, съ Кавказа, Урала, Сибири и изъ Камчатки.

Изъ иностранныхъ государствъ здѣсь оказались представители Швеціи, Даніи, Бельгіи, Германіи, Швейцаріи и С. Америки.

Большинство вещей составляют прекрасно сдѣланныя копія, но въ собраніи находятся и оригиналы (27 предметовъ изъ камня и металла); въ числѣ послѣднихъ особаго вниманія заслуживаютъ кремневья орудія самаго первобытнаго стиля изъ Бельгіи и Швеціи (№ 73—78 и 87—94), а также каменные орудія изъ Сибири и Камчатки (№ 44, 46 и 48).

При описаніи была принята система географическая, т. е. предметы располагались по мѣсту ихъ первоначальнаго мѣстонахожденія, причѣмъ съ начала перечислены русскіе, а затѣмъ чужеземные представители. Орудія каменнаго вѣка описаны отдѣльно отъ предметовъ изъ бронзы и желѣза, другими словами все собраніе раздѣлено на двѣ большія группы: орудія каменнаго и орудія бронзоваго вѣка. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что хотя нѣкоторые писатели (какъ напримѣръ Луи Фигье въ своемъ сочиненіи «о первобытномъ человѣкѣ») и дѣлятъ исторію первобытнаго человечества на два большіе періода: 1) каменнаго и 2) металлическаго вѣковъ, но составители нижеслѣдующаго описанія отнюдь не имѣли претензіи, раздѣленіемъ наличныхъ предметовъ собранія на двѣ вышеупомянутыя группы, опредѣлять эпоху происхожденія орудій, а приняли это дѣленіе единственно въ видѣ удобства описанія.

Описаніе сопровождалось измѣреніемъ, для чего была принята десятичная система и полученныя величины означались слѣдующимъ образомъ:

дециметръ"
сантиметръ"
миллиметръ"

Указаніе на матеріалъ или вещество, изъ котораго сдѣланы предметы, не представляло затрудненія въ отношеніи къ оригиналамъ; но въ отношеніи къ копіямъ, при неимѣніи свѣдѣній о подлинникахъ, пришлось ограничиваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ предположеніемъ. Впрочемъ минералогическій характеръ каменныхъ орудій не отличается разнообразіемъ: за исключеніемъ кремневыхъ предметовъ, остальные орудія каменной эпохи выдѣланы изъ различнаго рода сланцевъ: глинистаго, известковаго и т. д. Встрѣчается также незначительное количество вещей изъ гранита, діорита, нефрита (Нерчинск.). Вообще каменные орудія характеризуются не столько матеріаломъ, сколько своею наружною формою; касательно послѣдней или точнѣе типовъ каменныхъ орудій, въ нижеслѣдующемъ описаніи можно различить: *молоты* или тяжелыя, дробильныя орудія съ отверстіемъ для рукоятки; *топоры*—болѣе легкія орудія, часто съ широкимъ рѣзущимъ краемъ прямымъ и полу-

круглымъ и также отверстіемъ для топорича; *долота* — продолговатые бруски безъ отверстій, но съ заостреннымъ, иногда рѣзущимъ краемъ; наконечники *копій*, *стрѣлъ* и *ножи*, характеризующіеся широкою, плоскою формою, приспособленною для той или другой цѣли. Встрѣчаются еще точилки, грузилки, зернодавилки и предметы кухонныхъ остатковъ, но не въ многочисленныхъ экземплярахъ. Вотъ и всѣ приблизительно типы каменныхъ орудій нашего собранія.

Наиболѣе полными группами одной и той-же мѣстности представляются, кромѣ вышеназванныхъ орудій изъ Швеціи и Бельгіи, копіи съ каменныхъ орудій Олонецкой губерніи (20 предметовъ) и Прибалтійскаго края (19 предметовъ); затѣмъ имѣются представители губерній: Вологодской, Пермской, Вятской, Нижегородской, Казанской, Тверской, Владимірской, Ярославской, Урала, Сибири, Виленской, Витебской губ. и С. Америки, также Швеціи, Даніи, Бельгіи и Германіи (при-Рейнской); все собраніе каменныхъ орудій заключаетъ свыше ста предметовъ.

Изъ отдѣла бронзовыхъ орудій наибольшаго вниманія заслуживаютъ копіи съ предметовъ изъ *Ананьинскаго* могильника близъ города Елабуги Вятской губерніи; о могильникѣ этомъ, одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ доисторическомъ памятникѣ Россіи, помѣщены были свѣдѣнія г. Алабинымъ въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1860 г. (ч. XXIX, отд. II). Въ нашемъ собраніи имѣются до 20 копій (въ томъ числѣ нѣсколько группъ) съ замѣчательныхъ по разнообразію и по тщательности отдѣлки вещей изъ Ананьинскаго кургана.

Бронзовыя орудія не представляли затрудненія по отношенію къ матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, хотя нужно замѣтить, что въ собраніе это вошли оригиналы изъ бронзы, желѣза и вообще металла. Относительно формы и назначенія орудій здѣсь можно найти значительное разнообразіе; кромѣ предметовъ домашней утвари и украшеній (какъ-то ожерелій, серегъ, колець и т. п. см. Ананьинскій могильникъ № 95), въ числѣ бронзовыхъ орудій встрѣчаются *топоры*, *кельты* (широкіе и короткіе топоры, насаживаемые на наконечники топоричъ), *клевцы* (боевые топоры въ формѣ современныхъ кирокъ), *мечи*, *ножи*, *кинжалы*, *наконечники копій* и *стрѣлъ*. Особенно замѣчательны по тщательнымъ украшеніямъ или орнаменту кинжалы, найденные въ западной Сибири (№ 121, 122, 123, 123°).

По мѣстонахожденію, бронзовыя орудія имѣютъ представителей изъ губерній: Вятской и Казанской, Западной Сибири и Кавказа. Восемь предметовъ относятся къ Западной Европѣ. Все собраніе бронзовыхъ орудій состоитъ изъ 44 нумеровъ.

Въ издаваемомъ ниже описаніи означены мѣстонахожденія (т. е. уѣздъ, волость, село и т. д.) оригиналовъ или подлинниковъ, копіи съ которыхъ имѣются въ собраніи, при чемъ относительно нѣкоторыхъ копій указаны также настоящее нахождение оригиналовъ въ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ; неуказаніе же при предметахъ ихъ мѣстонахожденія объясняется неимѣніемъ на то достаточныхъ свѣдѣній.

Собраніе орудій каменнаго и бронзоваго вѣковъ (1).

А. Орудія каменнаго вѣка.

1. Олонеккая губернія.

1. Молоть, обтесанный, безъ отверстія, съ двумя цапфами; найденъ Петрановской волости, Межельскаго общества, въ деревнѣ Горкахъ; сланецъ. Копія. Длина 2' 2"; ширина съ цапфами 1'; вышина 5".
2. Молоть съ начатымъ отверстіемъ и началомъ шлифовки, съ цапфами; найденъ въ лѣсу, Кижской волости, близъ дер. Рѣпнаго посада; сланецъ. Копія. Длина 2' 2"; ширина съ цапфами 1' 25"; вышина 5".
3. Молоть съ полнымъ продолговатымъ отверстіемъ, съ цапфами, шлифованный; сланецъ. Копія. Длина 2' 5"; ширина 1' 43"; вышина 5".
4. Молоть шлифованный съ цапфами и круглымъ отверстіемъ; сланецъ. Копія. Длина 2' 25", ширина 95", вышина 60".
(№ 1—4 изъ собранія Бутенева).
5. Круглый молоть съ большимъ отверстіемъ; сланецъ. Копія. Длина 1' 15"; ширина 95"; вышина 45".
6. Извѣстковый молоть въ формѣ бараньей головы. Копія. Длина 1' 35", ширина 90", вышина 48".
7. Каменный топоръ съ обухомъ въ формѣ медвѣжьей головы; съ круглымъ отверстіемъ для топорнища; сланецъ. Копія. Длина 2' 25", шир. 60", выш. 40".
8. Каменный топоръ, съ плоскимъ обухомъ и круглымъ отверстіемъ; сланецъ. Копія. Длина 1' 25", шир. 25", выш. 37".

(1) Предметы не входившіе въ собраніе П. И. Лерха обозначены знакомъ *.

9. Кам. слегка искривленный топоръ съ обухомъ въ формѣ головы лося; сланецъ. Копія. Длина 3' 8'', шир. 45'', выш. 55''.
10. Шлифованное остріе копыя; найдено Петрозаводскаго уѣзда въ Шуйскомъ погостѣ, сланецъ. Копія. Длина 1' 25'', шир. 52'', выш. 37''.
11. Обтесанное остріе копыя, найдено тамъ-же, гдѣ и № 10; сланецъ. Копія. Длина 92'', шир. 35'', выш. 6''.
12. Кремневый, обтесанный оконечникъ копыя, найденъ въ Онежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Копія. Длина 1' 13'', ширина 55'', выш. 12''.
13. Сланцевое, шлифованное долото съ выемчатымъ краемъ. Копія. Длина 1' 36'', шир. 43'', выш. 22''.
14. Сланцевое, шлифованное долото съ цѣльнымъ краемъ; найдено Кижской волости въ деревнѣ Кузьминской. Копія. Длина 2' 35'', шир. 56'', выш. 33''.
15. Сланцевое, шлифованное долото съ цѣльнымъ полукруглымъ краемъ; найдено Петрозаводскаго уѣзда въ Шуйскомъ погостѣ. Копія. Длина 1' 60'', шир. 50'', выш. 25''.
16. Сланцевое, шлифованное долото съ закругленнымъ краемъ. Копія. Длина 2' 35'', шир. 50'', выш. 30''.
17. Шлифованное, сланцевое долото съ выемчатымъ краемъ. Копія. Длина 1' 14'', шир. 42'', выш. 32''.
18. Шлифованное, дѣритовое (?) долото съ глубоко-выемчатымъ краемъ. Копія. Длина 1' 73'', шир. 53'', выш. 30''.
19. Шлифованное, сланцевое долото (сѣчка). Копія. Длина 2' 68'', шир. 38'', выш. 39''.
(№ 12—19 изъ собранія Бутенева).
20. Шлифованная сланцевая сѣчка съ широкимъ краемъ. Копія. Длина 1' 22'', шир. 56'', выш. 35''.
20. Обломокъ обтесаннаго оленьяго рога. Копія. Длина 2' 55''.

II. Вологодская губернія.

21. Оригиналъ. Кремневый оконечникъ копыя. Длина 95'', шир. 37''.
22. Оригиналъ. Кремнев. необдѣл. оконечникъ копыя. Длина 78'', шир. 27''.
23. Кремневый оконечникъ копыя. Копія. Длина 1' 40'', шир. 43''.
24. Кремневый оконечникъ стрѣлы. Копія. Длина 73'', шир. 17''.
25. Кремневый оконечникъ стрѣлы. Копія. Длина 60'', шир. 19''.
26. Кремневый оконечникъ стрѣлы. Копія. Длина 44'', шир. 15''.

27. Шлифованное, сланцевое долотце съ цѣльнымъ краемъ. Копія. Длина 60''', шир. 32'''.
28. Серпентиновый шлифов. топоръ съ кривымъ отверстіемъ и остро-конечнымъ обухомъ. Копія. (См. Датскій топоръ № 87 Академическаго собранія). Длина 1' 30''', шир. 58''', выш. 30'''. Найденъ въ одной изъ сѣверныхъ губерній.

III. Пермская губернія.

29. Сланцевое долото съ полукруглымъ краемъ (сѣчка). Копія. Длина 2' 75'', шир. 59''', выш. 43'''.

IV. Вятская губернія.

30. Шлифованное сланцевое долото. Копія. Длина 1' 80''', шир. 58''', выш. 40'''.
31. Кремневый оконечникъ стрѣлы. Копія. Длина 33''', шир. 28'''.
31. Обломокъ сланцеваго топора съ начатымъ отверстіемъ. Копія. Длина 1' 38'', шир. 65''' и выш. 38'''.

V. Нижегородская губернія.

32. Обломокъ сланцеваго топора. Копія. Длина 78'', шир. 58'', выш. 40'''.

VI. Казанская губернія.

33. Кремневый оконечникъ копья, найденъ въ селѣ Полянахъ, Спаскаго уѣзда. Копія (оригин. въ собраніи А. Лихачева). Длина 1' 10''', шир. 38'''.
34. Кремневый закругленный оконечникъ копья. Копія. Длина 1' 12''', шир. 48'''.
35. Недоконченный кремневый оконечникъ копья. Копія. Длина 90'', шир. 45'''.
36. Кремневый плоскій ножъ. Копія. Длина 68''', шир. 58'''.

VII. Тверская губернія.

37. Шлифованное сланцевое долото съ выемчатымъ краемъ. Копія. Длина 2' 53''', шир. 40''', выш. 24'''.
38. Кремневый трехъ-сторонній ножъ, длин. 1' 25''', шир. 38'''.
39. Кремневый многогранный оконечникъ стрѣлы, длин. 50''', шир. 25'''.

- *39_a. Оригиналъ. Шлифованный топоръ изъ змѣвика съ круглымъ отверстиемъ. Длин. 1' 30"', шир. 55"', выш. 58"'. (1)

VIII. Владимірская губернія.

40. Кремневое остріе стрѣлы. Копія. Длина 60"', шир. 20"'.
41. Кремневое многогранное остріе стрѣлы. Коп. Длина 45"', шир. 17"'.
42. Сланцевый, полушлифованный топоръ съ отверстиемъ. Копія. Длина 1' 10"', шир. 55"', выш. 24"'.
43. Орудіе изъ оленьяго рога. Копія. Оригиналъ найденъ въ одной изъ Чудскихъ могилъ и доставленъ въ Казанскій музей проф. Вагнеромъ. Длина 1' 75"'.
44. Оригиналъ. Кремневый оконечникъ стрѣлы. Длина 70"', шир. 30"'.
*45. Круглый известняковый молотъ, въ діаметрѣ 95"'. Копія. (Оригиналъ въ коллекціи Эйхвальда, въ С.-Петербургскомъ Университетѣ) (2).
46. Оригиналъ. Кремневый двусторонній ножъ. Длина 1' 25"', ширина 28"'.
47. Широкий нефритовый ножъ изъ Нерчинска. Копія. Длина 1' 48"', ширина 85"'.
48. Оригиналъ. Кремневый оконечникъ стрѣлы. Длина 70"', шир. 30"'.
49. Известковый топоръ (древн. американ. оруд.). Копія. Длина 2', шир. 95"'.
50. Известковый молотъ для ломанья соли (современный). Копія. Длина 1' 40"', шир. 90"', выш. 60"'.

(1) Пожертвованъ С. В. Арсеньевымъ.
(2) Пожертв. А. А. Иностранцевымъ.

IX. Ярославская губернія.

X. Уралъ.

XI. Сибирь.

XII. Камчатка и С. Америка.

XIII. Кавказъ.

XIV. Виленская губернія (см. XVI).

- *51. Оригиналъ. Шлифованный топоръ изъ змѣвика съ отверстіемъ; найденъ на берегу р. Свенты на границѣ съ Ковенск. губ. Длина 90^{'''}, шир. 48^{'''}, выш. 55^{'''}. (1)

XV. Витебская губернія.

- *52. Оригиналъ. Шлифованный топоръ изъ змѣвика съ круглымъ отверстіемъ. Длина 75^{'''}, шир. 42^{'''}, выш. 55^{'''}. (2)
53. Шлифованный топоръ изъ змѣвика съ круглымъ отверстіемъ. Копія.

XVI. Виленская губернія.

54. Кремневая матрица (nucleus, оригиналъ въ Виленскомъ музеѣ). Копія. Къ ней оригинальный кремневый обломокъ (54 а). Длина матрицы 1' 35^{'''}, шир. 1' 65^{'''}, выш. 65^{'''}.

XVII. Прибалтійскія губерніи.

(Лифляндская, Эстляндская и Курляндская).

55. Сланцевый топоръ съ сквознымъ отверстіемъ и рѣзущимъ краемъ. Копія. Длина 1' 85^{'''}, шир. 60^{'''}, выш. 40^{'''}.
56. Сланцевый топоръ съ сквознымъ отверстіемъ и рѣзущимъ краемъ. Копія. Длина 1' 46^{'''}, шир. 70^{'''}, выш. 42^{'''}.
57. Сланцевой топоръ съ сквознымъ отверстіемъ и рѣзущимъ краемъ. Копія. Длина 1' 55^{'''}, шир. 53^{'''}, выш. 48^{'''}.
58. Сланцевый нешлифованный топоръ. Копія. Длина 93^{'''}, шир. 48^{'''}, выш. 38^{'''}.
59. Сланцевый шлифованный топоръ съ рѣзущимъ краемъ и тупымъ обухомъ. Копія. Длина 85^{'''}, шир. 50^{'''}, выш. 50^{'''}.
60. Сланцевый шлифованный топоръ съ рѣзущимъ краемъ и тупымъ обухомъ. Копія. Длина 1', шир. 42^{'''}, выш. 40^{'''}.
61. Сіэнитовый топоръ съ сквознымъ обдѣланнымъ отверстіемъ, рѣзущимъ краемъ и плоскимъ обухомъ. Копія. Дл. 1' 43^{'''}, ш. 65^{'''}, в. 45^{'''}.
62. Обломокъ сланцеваго топора съ отверстіемъ. Копія. Длина 50^{'''}, шир. 45^{'''}, выш. 42^{'''}.
63. Обломокъ сланцеваго топора съ неудачнымъ отверстіемъ. Копія. Длина 77^{'''}, шир. 50^{'''}, выш. 55^{'''}.

(1) Пожертвованъ П. Е. Ваденюкомъ.

(2) Пожертвованъ г. Комповскимъ.

64. Сланцевый топоръ съ рѣзущимъ краемъ, плоскимъ обухомъ и отверстиемъ. Копія. Длина 1' 18"', шир. 48"', выш. 58''.
65. Сланцевый топоръ съ рѣзущимъ краемъ, плоскимъ обухомъ и отверстиемъ. Копія. Длина 95"', шир. 52"', выш. 48''.
66. Сланцевое шлифованное долото. Копія. Длина 98"', шир. 48"', выш. 22''.
67. Сланцевое шлифованное долото. Копія. Длина 82"', шир. 38"', выш. 20''.
68. Сланцевое шлифованное долото. Копія. Длина 1' 73"', шир. 43"', выш. 45''.
69. Змѣвиковый ножъ съ тремя цапфами. Копія. Длина 1' 58"', ширина между цапфъ 90"', шир. лезвія 60"', выш. 28''.
70. Кремневый наконечникъ стрѣлы. Копія. Длин. 63"', шир. 22''.
71. Сланцевая точилка, съ надписью: «PANTEN AN. 1851». Копія. Длина 85"', шир. 55"', выш. 30''.
72. Сланцевая точилка (мож. быть грузилка), миндалевидной формы. Копія. Длина 78''.

XVIII. Швеція (провинція *Schonen* на Югъ Швеціи).

73. Оригиналъ. Обтесанный топоръ изъ сланцеваго извѣстняка съ свознымъ отверстиемъ, рѣзущимъ краемъ и закругленнымъ обухомъ. Длина 1' 50"', шир. 60"', выш. 38''.
74. Оригиналъ. Шлифованное долото изъ глинистаго сланца, съ отверстиемъ и закругленнымъ краемъ. Длина 1' 58"', шир. 52"', выш. 32''.
75. Оригиналъ. Шлифованное долото изъ глинистаго сланца съ острымъ закругленнымъ краемъ. Длина 1' 50"', шир. 63"', выш. 35''.
76. Оригиналъ. Кремневое четырехгранное долото. Длина 1' 80"', шир. 28"', выш. 20''.
77. Оригиналъ. Кремневая овальная пилка съ рукою. Длина 1' 65"', шир. 37''.
78. Оригиналъ. Кремневый ножъ, одинъ край прямой, другой кривой. Длина 1' 5"', шир. 35''.

XIX. Данія.

79. Топоръ изъ глинистаго сланца съ полуоконченнымъ отверстиемъ, рѣзущимъ краемъ и полукруглымъ обухомъ. Длина 1', шир. 48"', выш. 25''.
80. Сланцевый топоръ съ отверстиемъ, рѣзущимъ краемъ и узкимъ обухомъ. Копія. Длина 1' 40"', шир. 60"', выш. 38''.

81. Змѣвиковый топоръ съ круглымъ отверстіемъ. Копія. Длина 80^{'''}, шир. 42^{'''}, выш. 30^{'''}.
82. Сланцевое четырехгранное долото съ широкимъ рѣжущимъ краемъ. Длина 2' 73^{'''}, шир. 68^{'''}, выш. 38^{'''}.

XX. Германія.

83. Серпентиновый шлифованный топоръ съ сквознымъ отверстіемъ. Копія. Длина 3' 75^{'''}, шир. 80^{'''}, выш. 68^{'''}. (Прирейнская Пруссія).
84. Известковый топоръ съ начатымъ отверстіемъ. Копія. Длина 1' 8^{'''}, шир. 50^{'''}, выш. 38^{'''}.
85. Известковый топоръ съ рѣжущимъ широкимъ краемъ и начатымъ съ двухъ сторонъ отверстіемъ. Копія. Длина 1' 15^{'''}, шир. 45^{'''}, выш. 32^{'''}.
86. Обломокъ известковаго топора съ неоконченнымъ отверстіемъ. Копія. Длина 1' 20^{'''}, шир. 40^{'''}.

XXI. Бельгія.

87. Оригиналъ. Кремневый обтесанный ножъ. Длин. 1' 20^{'''}, шир. 80^{'''}.
88. Оригиналъ. Кремневый обтесанный ножъ. Длин. 78^{'''}, шир. 60^{'''}.
89. Оригиналъ. Кремневый обтесанный ножъ. Длин. 77^{'''}, шир. 25^{'''}.
(№ 87 — 89 Подъ именемъ ножей здѣсь описаны кремневыя орудія при ширинѣ, достигающей $\frac{1}{3}$ длины).
90. Оригиналъ. Кремневый обтесанный наконечникъ копья. Длин. 1' 25^{'''}, шир. 60^{'''}.
91. Оригиналъ. Кремневый обтесанный наконечникъ копья. Длин. 1' 25^{'''}, шир. 30^{'''}.
92. Оригиналъ. Кремневый обтесанный наконечникъ копья. Длина 1' 47', шир. 40^{'''}.
(№ 90 — 92. Подъ названіемъ оконечниковъ копій описаны орудія трехъ и четырехъ-гранной формы, ширина которыхъ не превышаетъ $\frac{1}{4}$ длины).
93. Оригиналъ. Кремневое обтесанное долото. Длина 1', шир. 55^{'''}, выш. 35^{'''}.
- 94^a. Оригиналъ. Кремневое обтесанное долото. Длина 1' 60^{'''}, шир. 38^{'''}, выш. 38^{'''}.

XXII. Каменные орудія, невошедшія въ предыдущіе отдѣлы.

- *94^b. Известковая цилиндрическая зернодавилка изъ Нерчинскаго округа. Копія. Высота 85^{'''}, ширина 62^{'''}. (1)

(1) Пожертв. А. А. Иностранцевымъ.

- 94°. Каменный топоръ изъ змѣвика, съ широкимъ рѣзущимъ краемъ и плоскимъ обухомъ, при сквозномъ отверстіи. Копія. Длина 1' 25"', шир. 55'''.
- 94^d. Оригиналъ. Кремневый ножъ. Длина 1' 20"', шир. 30'''.
- 94°. Оригиналъ. Раковина со слѣдами пепла (кухонные остатки), изъ Витебской губерніи.
- *94^f. Оригиналъ. Сланцевый наконечникъ копья, изъ Новгородской губ. (1)

В. Орудія бронзоваго вѣка.

№ I. Предметы изъ «Ананьинскаго» могильника близъ города Елабуи Вятской губерніи. Копія.

95. Группа женскихъ украшеній и предметовъ домашней утвари — 19 вещей.
- (a—b. шейныя ожерелья въ формѣ согнутыхъ и витыхъ прутьевъ; c. большая брошь въ формѣ согнутаго дракона, до 7' 5"; d—e, обломки украшеній съ ушками; f. прорѣзная пуговица съ ушкомъ діаметр. 4''; g. привѣска съ ушкомъ въ формѣ колокольчика; h. запонка; i. замковый наличникъ дл. 90''; k. предметъ неизвѣстнаго назначенія съ колечкомъ въ формѣ изогнутаго животнаго, съ отверстіемъ близъ головы; l. ключъ 65''; m. тоже съ полудушіемъ; * p. пуговица съ ушкомъ; r—r'. двойная пуговица съ ушкомъ, одна гладкая, другая съ спиральнымъ узоромъ; *n овальная ручка отъ двери или сундука; o, u, сплюснутыя кольца отъ ножеваго влагалища; s. гайка и t. обломокъ кольца).
96. Шаровидный горшечекъ, діаметромъ 1' 5''; выш. 85''; орнаментъ изъ точекъ и еловидныхъ черточекъ.
97. Горшечекъ, діаметр. 1'; выш. 53''; безъ орнамента.
98. Горшечекъ, діаметр. 80'', выш. 60''; орнаментъ изъ точекъ и зигзага.
99. Горшечекъ конусообразный, дно выпуклое, діаметр. 85'', в. 65''; орнаментъ ромбовидный.
100. Горшечекъ, діаметр. 60'', выш. 40''; орнаментъ изъ точекъ.
101. Горшечекъ, діаметр. 40'', выш. 35''; орнаментъ изъ точекъ.
102. Горшечекъ, діаметр. 40'', выш. 35''; орнаментъ изъ точекъ.

(1) Пожертвов. Н. Рыкачовымъ.

103. Орнаментная прорѣзная (точками) ручка кинжала, длина 1' 15''.
104. Обломокъ меча съ рукою, оканчивающеюся двумя завитками, длина 1' 85'', д. ручки 80''.
105. Желѣзный мечъ 3' 75'' длиною, ручка съ двумя завитками—80''.
- 105'. Тоже 3' 40''; длина ручки съ перекладною на концѣ—90''.
106. Бронзовый наконечникъ копья и два оконечника стрѣль. Наконеч. коп. — 1' 85'' дл., шир. 45'', съ отверстіемъ для прикрѣпленія; бронзовыя трехгран. оконечн. стрѣль — длин. 30'' и 27'', шир. 45''.
107. Оригиналъ. Бронзовый оконечникъ стрѣлы съ отверстіемъ для яду, длина 28''.
108. Желѣзный оконечникъ копья съ отверстіемъ и ушкомъ; длина 2' 55''; шир. 45''.
109. Желѣзный оконечникъ копья съ отверстіемъ и ушкомъ; длина 1' 12'', шир. 40''.
110. Бронзовый боевой топоръ (клевецъ), дл. 2' 20'', дл. насадки 62''.
111. Три бронзовыхъ топора (кельты) съ отверстіемъ для топорницъ: а—длин. 52'', выш. 55''; в—длин. 90'', выш. 50'', с—длин. 68'', выш. 50'', лезвіе круглое, овальное и прямое.
112. Бронзовый кельтъ съ рѣшетчатымъ орнаментомъ, длин. 70'', шир. 50'', лезвіе прямое.
113. Кельтъ неотдѣланный, длин. 78'', шир. 51'', лезвіе полукруглое.
114. Бронзовый топоръ съ ушкомъ и боковыми захватами; длин. 1' 40'', шир. 42'', лезвіе полукруглое.
115. Бронзовый топоръ съ ушкомъ, длин. 1' 25'', шир. 42'', лезвіе прямое.

II. Казанская губернія.

116. Оригиналъ. Желѣзный наконечникъ копья. Длин. 1' 70'', шир. 32''.
117. Оригиналъ. Желѣзный наконечникъ стрѣлы. Длин. 1', шир. 28''.

III. Вятская губернія.

118. Бронзовый кельтъ съ ушкомъ и легкимъ орнаментомъ въ видѣ городковъ. Копія. Дл. 90'', шир. 40'' (въ лезвіѣ).
119. Бронзовый кинжалъ съ прорѣзною рукою. Копія. Длин. 2' 18''; одна ручка д. 85'', лезвіе 38''.
120. Желѣзный оконечникъ копья съ отверстіемъ. Копія. Длин. 3' 85'', шир. 42''.

IV. Западная Сибирь.

121. Бронзовый кинжалъ, ручка съ поперечною перекладною на концѣ. Копія. Длина кинжала 2' 85''; дл. ручки 70''; шир. 30''.
122. Бронзовый кинжалъ съ орнаментомъ въ формѣ звѣриныхъ головъ (дюгоней) и прорѣзною перекладною на концѣ. Копія. Длин. 2' 75''; дл. ручк. 83''; шир. 30''.
- *123. Бронзовый кинжалъ съ орнаментомъ въ формѣ двухъ четвероногихъ животн. и двумя звѣриными головками на перекладинѣ. Копія. Длин. 2' 62'', д. ручк. 57'', шир. 30'' *).
- 123 б. Бронзовый кинжалъ съ орнаментомъ изъ завитковъ. Копія. Длин. 3'', дл. ручк. 80'', шир. 35''.
124. Бронзовый кельтъ съ отверстіемъ и двумя ушками; легкій рѣшетчатый орнаментъ. Копія. Длин. 1', шир. 50'', лезвіе полукруглое.
- *125. Бронзовый кельтъ плоскій съ двумя ушками и отверстіемъ, безъ орнамента. Копія. Длин. 1' 5'', шир. 45'', лезвіе полукруглое.
126. Бронзовый неотдѣланный кельтъ съ отверстіемъ. Копія. Дл. 75'', шир. 50'', лезвіе прямое.
- *127. Бронзовый клевецъ съ больш. отверстіемъ поперечнымъ. Копія. Длин. 1' 50''.
128. Бронзовый ножъ со штемпелемъ. Копія. Длин. 2', шир. 2''.
- *129. Бронзовая четырехгранная игла съ большимъ ушкомъ. Копія. Длин. 1' 55''. (Предметы 127—129 попорчены).

V. Кавказъ.

- *130. Бронзовый топоръ изогнутый съ круглымъ рѣзущимъ лезвіемъ. Копія. Длина 1' 35'', шир. 70''.

VI. Западная Европа.

131. Бронзовый топоръ съ двумя боковыми захватами. Копія. Длин. 2' 20'', шир. 50'', лезвіе полукруглое.
132. Бронзовый топоръ съ двумя боковыми захватами. Копія. Длин. 1' 65'', шир. 55'', лезвіе полукруглое.
133. Бронзовый топоръ съ двумя боковыми захватами и съ ушкомъ. Копія. Длин. 1' 70'', шир. 45'', лезвіе прямое.
134. Бронзовый топоръ съ двумя боковыми захватами и съ ушкомъ. Копія. Длин. 1' 75'', шир. 40'', лезвіе круглое широкое.
135. Бронзовый топоръ съ отверстіемъ для топорща. Копія. Длин. 1'', шир. 60'', лезвіе полукруглое.

*) №№ 123, 125, 127, 129 и 130 пожертв. А. А. Иностранцевымъ.

136. Бронзовый топоръ изогнутый съ отверстіемъ для топорича. Копія.
Длина 1' 80''' , шир. 70''' , лезвіе полукруглое.
137. Бронзовый топоръ изогнутый съ отверстіемъ для топорича. Копія.
Длина 2'' , шир. 40''' .
138. Бронзовая мотыга (земледѣльческое орудіе) съ отверстіемъ для палки. Копія. Длин. 1' 10''' , шир. 30''' , лезвіе круглое.
- 139—140. Копія. Наконечники стрѣлъ изъ Швейцаріи *).

*) Пожертв. Е. М. Тимаевымъ.

При Археологическомъ Институтѣ продаются (*):

Изданія Института:

Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство, <i>Н. В. Калачова</i> .	Цѣна.
	— р. 40 к.
Сборникъ Археологическаго Института:	
книга первая	2 > — >
книга вторая	2 > — >
книга третья	2 > 50 >
Рѣчи и отчеты, читанные въ Археологическомъ Институтѣ въ С.-Петербургѣ, въ торжественномъ его собраніи:	
22 января 1879 г.	— > 25 >
24 февраля 1880 г.	— > 25 >

Изданія Н. В. Калачова:

1. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Выпускъ первый, изданіе второе, 1880 г.	1 > 50 >
2. Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій, изданіе второе.	— > 20 >
3. О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права	1 > 20 >
4. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи:	
книга первая	3 > — >
книги второй половина 1-я	3 > — >
» » » 2-я	3 > — >
книга третья	3 > 50 >

(*) Васильевск. остр., 12 лин., дома № 19. Лицамъ, берущимъ не мене пяти экземпляровъ каждаго изданія, или на сумму не мене десяти рублей, дѣлается десять процентовъ уступки. За пересылку книгъ иногородные ничего не платятъ.

